4-13345
К

ГАБИТ МУСРЕПОВ

ЧЕРТЫ ЭПОХИ

ГАБИТ
МУСРЕПОВ

ЧЕРТЫ ЭПОХИ

ГАБИТ МУСРЕПОВ

ЧЕРТЫ ЭПОХИ

СТАТЬИ И РЕЧИ

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1986

83.3К237
М 91

Составитель
А. К. Нарымбетов, член СП СССР,
доктор филологических наук

Рецензенты:
М. М. Ауэзов, член СП СССР,
кандидат филологических наук;
М. К. Каратаев, член СП СССР,
доктор филологических наук;
П. П. Косенко, член СП СССР.

Мусрепов Габит
М 91 Черты эпохи: Статьи и речи /[Сост. А. Нарымбетов].— Алма-Ата: Жазушы, 1986.— 416 с., портр.

В книгу вошли статьи и речи Героя Социалистического Труда, писателя, академика Г. М. Мусрепова, написанные им в разные годы и по самым различным вопросам: литературе, искусству, науке и культуре, а также о трудовых подвигах казахстанцев в годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны, освоения целины.

М $\frac{4603010202-077}{402(05)-86}$ 22—86 83

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. Муканова
Отдел комплектования
413345

© «Жазушы», 1986

О КАЗАХСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В «Сов. степи» (№ 259) напечатана статья т. Тогжанова о казахской пролетарской литературе и пролетарских писателях. Т. Тогжанов доказывает неправильность мнения ряда товарищей о «наличии пролетарской литературы в Казахстане». Поскольку эта статья является и прямым возражением против моей статьи, напечатанной в «Энбекши казах», считаю своим долгом в защиту высказанных мною ранее взглядов осветить действительное положение наших разногласий с т. Тогжановым.

Во-первых, в виде справки нужно сказать, что т. Тогжанов, всегда ратующий за правильность постановки вопросов и критикующий других из-за этого, сам не замечает своего недостатка в этом же вопросе. Вместо всестороннего обсуждения каждого вопроса в отдельности, он задевает сразу много вопросов, запутывается в них сам, запутывает и других. Я, например, не понимаю, чем можно оправдать метод оценки нашей литературы на основе критики погрешностей отдельных писателей?

Во-вторых, я говорил и говорю о пролетарской литературе [1], но не об «оформившихся пролетарских писателях», а т. Тогжанов своими «неоформившимися писателями» «доказывает» отсутствие пролетарской литературы. Теперь к делу.

Начнем с фактов. Т. Тогжанов обвиняет меня в том, что я будто бы утверждал наличие гегемонии проле-

---

[1] Не смешиваю с крестьянской. Это совершенно отдельный вопрос. *(Г. М.).*

тарской литературы в Казахстане. Было бы, конечно, смешно, если бы это мной было сказано на самом деле. Не говоря о молодой казахской литературе, русская литература, имеющая большое сокровище произведений уже оформившихся пролетарских писателей — Гладкова, Фурманова, Бедного, Фадеева и многих других, до сего дня все еще говорит о «необходимости завоевания исторического права на гегемонию пролетарской литературы».

А что же я утверждал? Утверждал я не наличие гегемонии пролетарской литературы в Казахстане, и только наличие пролетарской литературы, и что историческое право на гегемонию в будущем в Казахстане принадлежит ей же. Так же нигде не утверждал наличие у нас оформившихся уже пролетарских писателей. На этой точке зрения стою и сейчас.

В чем заключались мои доводы, когда я утверждал наличие пролетарской литературы в Казахстане?

В том, что «я называю пролетарской такую литературу, которая служит орудием пролетариата, помогает ему в деле переустройства страны в социализм» (см. мою статью «Энб. к.»). Дальше? Дальше я ответил на вопрос — отвечает ли литература Казахстана этому требованию?— Утверждал, что есть новая литература, послеоктябрьского происхождения, которая отвечает. Привел восемь отрывков из произведений никому неизвестных авторов, напечатанных на страницах окружных газет. У меня не фигурировали ни имена авторов, ни фамилии их, фигурировала сумма произведений и утверждение, что это литература пролетарская.

Я исходил не из оценки отдельных писателей, как это делает т. Тогжанов, наоборот, я писал, что «ошибочной является установка т. Тогжанова, исходящая из оценки личности писателя и на основе погрешностей их доказывающая отсутствие пролетарской литературы в Казахстане».

Я взял сумму художественных произведений, которые я называю «послеоктябрьского происхождения» и, опять-таки выделив из нее часть, отвечающую по своему содержанию задачам пролетариата, назвал эту часть пролетарской. Беру всю сумму «детей Октября», которые творят новую литературу — творят, безусловно, не в одинаковой степени, растут не без болезней — как выходцы из мелкобуржуазной среды, многие из которых переходят на пролетарские рельсы. Сюда же я

отнес рабкоров и аулкоров, как резерв, из среды коих, безусловно, вырастает не один десяток писателей пролетарского направления. Т. Тогжанов передает, будто бы мое утверждение о наличии пролетарской литературы в Казахстане основано только на рабаулкорах. Это неверно.

Т. Тогжанов исказил мою мысль насчет союза пролетарско-крестьянских писателей. По Тогжанову выходит, что этот (наличие союза КазАППа) аргумент мной приведен как доказательство наличия пролетарской литературы, что совершенно неверно. А я говорил следующее: пролетарскую литературу нельзя создать аппаратным путем, нельзя создать также и приказом. Поэтому парторганизация, допустившая существование такого союза, ни в какой мере не рассчитывала на создание пролетлитературы только этим путем, а рассчитывала лишь на организацию и руководство над существующей и в дальнейшем развивающейся пропролетлитературой.

Я особо подчеркнул, что «не нужно обособлять Казахстан от СССР. Это будет похоже на садвокасовское самоопределение Казахстана. Казахстан является частью Советского Союза, и его экономическое, политическое и культурное развитие находятся в тесной связи с общим развитием Союза, под непосредственным руководством союзного пролетариата. Пролетарская диктатура, имеющая в своих руках все регуляторы общественной жизни, не может не оказать активного влияния и на нашу литературу, что уже чувствуется в нашей литературе в виде отдельных произведений на общепролетарские темы».

Эта моя установка исходит из резолюции первого съезда ВАППа (28 год), 19-й пункт которого гласит следующее:

«Приобщение к социалистическому строительству и культурной революции пролетариата, а главным образом крестьянства,— народов, угнетавшихся царизмом, настоятельно требует развития национальной культуры...

Культурная революция в СССР, ведущая к созданию пролетарской культуры, в частности — пролетарской литературы, оказывает непосредственное влияние на пути развития литературы народов, угнетавшихся царизмом. И в процессе этой культурной революции и под влиянием интернационального окружения проле-

тарской культуры неизбежен рост пролетарской литературы, также и у народов экономически отсталых».

Дальше я требовал от т. Тогжанова отрицания или признания вот этого единства. Но, к сожалению, он этот вопрос обошел молчанием.

Вот, кажется, все то, на что в основном я опирался, утверждая наличие пролетлитературы в Казахстане.

Дискуссия о пролетлитературе в Казахстане идет в течение нескольких лет, и пора бы теперь иметь определенную партийную установку в этом вопросе.

Алашордынцы неустанно твердили и твердят, что в Казахстане немыслима пролетарская литература. Тянули и тянут назад в «привольную степь» рыцарства, ханов и почетных аксакалов.

С другой стороны, отдельные коммунисты, например, т. Тогжанов, утверждали, что «при нынешних условиях казахского аула пролетарский писатель не выйдет. Ибо пролетариат у нас малочислен, он не может влиять на казахскую общественность» (25 г. «О Магжане и критике Аймаутова»).

А в книге, выпущенной в 29 г. под названием «Вопросы литературы и критики», Тогжанов пишет, что «не может присоединиться к мнениям тех, которые утверждают наличие пролетлитературы у нас, о чем можно было бы говорить». (Буквально: «Достаточно взять на язык»).

Мне кажется, что тут есть явное непонимание или недооценка единства пролетариата и пролетарского дела.

Вот на это-то я и возражал.

Из чего т. Тогжанов исходил? Исходил из того, что «пролетписатель может выйти только из пролетариев. Писатели, живущие аулом,— не пролетарские писатели». Он разделял писателей на аул и город. Например, т. Сейфуллина называет он «писателем, раньше всех ставшим городским». А я исходил и исхожу из того, что нет единого аула, нет единого города, а при оценке литературы нужно взять его содержание с классовой точки зрения. Важно то, с точки зрения кого написано. Кому в чем помогает. Помогает ли пролетариату в социалистическом строительстве?

Я лично не понимаю, почему Тогжанов не может назвать пролетарской литературу, воспевающую, например, активное участие бедноты в конфискации

байского имущества, воспевающую переделку аула в колхоз и т. д.

Опирался я также и на резолюцию первого съезда ВАППа, куда входит наш КазАПП. В этой резолюции говорится следующее: «Пролетарской мы считаем литературу, познавшую мир с точки зрения пролетариата и воздействующую на читателей в соответствии с задачами рабочего класса, как бойца против капитализма, и строителя социалистического общества».

Я спрашивал, есть ли у нас литература, борющаяся с баями, алаш-ордой и вообще капиталистическим элементом в ауле, с бюрократизмом, и воспевающая социалистическое строительство? Отвечал, что есть.

Т. Тогжанов не против определения пролетарской литературы, также не против того, что у нас имеется борющаяся с капиталистическими элементами в ауле и воспевающая наше строительство. Поэтому в свою очередь считаю несерьезным его недоказанное отрицание наличия пролетарской литературы.

На основе вышеприведенных доводов, я считал и считаю пролетарскую литературу имеющимся фактом. Однако я очень далек от мысли насчет наличия гегемонии ее. Больше того, считаю необходимым отметить ее (пролетлитературы) незначительность, но тут же надо учесть довольно быстрый темп ее развития, с охватом более широкой массы (писатели, газетные фельетонисты, рабкоры, аулкоры, стенгазетчики и т. д.) по сравнению с тем коротким периодом времени, в течение которого она создалась и развивается.

1929 г.

О НАСЛЕДИИ СТАРОЙ КУЛЬТУРЫ

Затронутый вами вопрос требует немедленного разрешения и проведения в жизнь. Ибо перевод на русский язык основных художественных произведений, отображающих социалистический Казахстан, имеет огромное политическое значение, особенно в смысле интернационального воспитания массы. Должны по-большевистски признаться, что до сих пор не только не занимались этим вопросом, но и не обращали соответствующего внимания, чем объясняется отсутствие революционно художественной литературы, переведенной на русский язык, как это правильно указал т. Коганович в беседе с вами.

Ваше письмо мы обсудили на активе пролетарских и колхозных писателей и наметили ряд мероприятий, обеспечивающих перевод основных произведений пролетарских писателей, изображающих социалистический Казахстан. В частности, мы наметили по плану Казиздата 75 печатных листов перевода, в этом числе имеются переводы таких, как пьеса «Майдан» («Фронт») — Майлина Бенмбета, «Кек» («Месть») — Джансугурова, рассказы — Мусрепова, Сейфуллина, Муканова, Токмагамбетова и т. д.

Эти наметки, конечно, недостаточны и нуждаются в серьезной марксистской критике. Все же думаем, что вышеуказанные произведения вызовут интерес широких слоев русских читателей к казахской художественной литературе, «национальной по форме, пролетарской по содержанию».

Вопросы, выдвинутые т. Исаевым о наследии старой литературы, также имеют большое значение. Мы должны по-большевистски признаться, что до сих пор и в этом направлении ничего не сделали. Казахское прошлое имеет хотя незначительную свою культуру и литературу, но оно богато литературой, представляющей из себя переходящую из уст в уста, устную, т. е. народную литературу.

Громадное количество народной литературы в данное время хранится у тех 70—80-летних стариков, которые из уст в уста передавали ее до настоящего периода. Литературное наследие прошлого мы должны принять от них и использовать нужное, отнесясь к нему критически.

Все различные образы истории переложились в литературу. Начиная с маленьких, кончая крупными, события не могли не иметь отпечатка в литературе, особенно в устной. Изучая их на основе марксистской критики и используя для создания новой культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию», мы должны четко и ясно определить наше отношение к старому литературному наследию, давая решительный отпор правооппортунистическим и «левацким» настроениям, на основе следующих указаний т. Ленина:

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей,

которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна являться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[1].

Предложение т. Исаева вытекает из этого ленинского положения об отношении к старому литературному наследству.

Учитывая это, КазАПП принял следующие меры:

КазАПП подготовляет к печатанию полное собрание сочинений классиков казахской литературы — Абая Кунанбаева, Султан-Махмута Торайгырова, Абубакира, Баукана Чулака, Майли Ходжа-Акина и т. д.

Ко всем сборникам будут предисловия КазАПП.

Для собирания материалов народной литературы (печатной, также и устной) организовываются отдельные фольклорные бригады.

КазАПП сейчас организовывает периодический диспут о творчестве классиков старой литературы и современных писателей.

Кроме этого все остальные предложения т. Исаева КазАПП принял и принимаются меры к реализации их.

1932 г.

ВЕТЕРАНУ КАЗАХСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ

Дорогой Сакен!

Мало кто из твоих сверстников по перу так геройски прошел тяжелые испытания на боевых позициях пролетарской революции и закалил свое перо в ее созидательном огне. И ты первый, кто из писателей Казахстана воспел и воспевал славу и величие класса, который разрушает дряхлый старый мир и создает новый, цветущий, счастливый, нового счастливого человека. Твои замечательные произведения «Марсельеза», «Братьям рабочим», «Молодежи», написанные штыком на боевых позициях, как молния пронеслись по всей обширной казахской степи, служа прекрасным толчком для объеди-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

нения казахских трудовых масс вокруг молодой Советской власти.

Эти произведения были тем более ценны, что они указывали путь трудящимся, когда последние находились в «паутине многодорожья», как тогда выражались в аулах. Эти стихи твои сейчас стали народными песнями. Их поют во всех уголках Казахстана. Пожалуй, не найдется ни одного грамотного казаха, который не прочел бы твой крупный, первый в казахской литературе роман «Тяжелый путь» и не восхищался бы геройством и находчивостью революционеров-большевиков.

Твоя величественная поэма «Советстан» остается прекрасным памятником для периода индустриализации, дающим образ нашей великой страны, с быстротой экспресса идущей к последней станции человеческого счастья — коммунизму.

Все мы счастливы, дорогой Сакен, что твоя заслуга как ветерана и «Кош-басшы» революционной казахской поэзии достойно оценена нашей партией и правительством, и ты награжден высокой наградой. Этим мы обязаны прежде всего т. Мирзояну, который не только поднял значение культурного фронта на небывалую ранее в Казахстане высоту, но и сумел поднять в течение наикратчайшего отрезка времени казахскую социалистическую культуру на уровень культур передовых республик Союза.

1936 г.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АБДИРОВ НУРКЕН

Народ носит месть в сердце, а силу мести проявляет в делах. И если Москва — сердце советского народа, то Караганда — его гневно насупленные брови, одна из каменных палиц, удар которой разит врага насмерть.

А молодого орла Нуркена Абдирова, громившего врага, не задумываясь над его численностью, не смущаясь его множественностью, хочется сравнить с яркой молнией, сверкнувшей из-под этих насупленных бровей, вылетевшей из этого гневного сердца. Если у молодого орла зорок взгляд, если его крылья не ведают устали, если он крепок, как закаленная сталь, знай — он вылетел из гнезда, подобного Караганде. Здесь рождаются герои — гордость страны. Если героев рождают ма-

тери, то Караганда — место, где эти герои растут и крепнут. Старый отец Абдир и заботливая мать Бакжан перебрались из Каркаралинска в Караганду в то время, когда дети их были еще малолетками.

— Это я прорубил «черную пасть» знаменитой паровой шахты,— говорит Абдиров.

Оправдать силу отца и молоко матери,— значит оправдать надежды страны — золотой колыбели детства. Первое, что запечатлелось в сознании Нуркена, когда он смотрел на работу отца и старших братьев, было убеждение, что его обязанности должны быть гораздо шире, гораздо глубже, чем у остальной молодежи. Еще в бытность свою скромным счетоводом в книжном магазине, Нуркен заглядывался на портреты знаменитых летчиков Советского Союза и мечтал стать таким же бесстрашным пилотом.

— Разве мои плечи уже, руки тоньше, пальцы слабее, чем у них,— не раз говорил он своему товарищу.

— Так, так, мой будущий акын!— поддерживал его товарищ и предсказывал молодому другу великую будущность.

В каждом поступке Нуркена сквозила его неутомимость, проявлялась деятельность его натуры. И учась, и работая, он еще находил время для занятий в Карагандинском областном аэроклубе и получил звание летчика запаса. Его привлекает небо, пламенные чувства влекут его ввысь. И когда в 1940 году двадцатилетнего Нуркена призвали в армию, он уже был заправским летчиком. Поэтому он вместо многих лет обучения, в неполные два года окончил военную школу летчиков и осенью 1942 года получил звание сержанта, стал летчиком-штурмовиком. В памятный день первого вылета на врага — 23 октября 1942 года — перед выполнением великой цели, о которой мечтал долгие годы, когда нужно было дать отчет стране, вырастившей и воспитавшей его, глубокие думы волновали Нуркена и нашли свое отражение в письме к матери:

«Мама! Наша длительная подготовка закончилась. Мы направляемся на фронт, где идут горячие бои. Если я в молодости нагрубил вам, проявил непослушание, то сейчас, склонив перед вами голову, прошу меня простить. Врагам не удастся с легкостью забрать мою жизнь. Если мне и суждено умереть, то множество их ляжет в моем изголовье. В моих руках быстроходный самолет, несущий немцам свинцовый гостинец... Если

мы не уничтожим фашистов, они уничтожат нас, и не вернется для вас радостная, свободная жизнь. Дорогие папа и мама, наступил рассвет, сейчас вылетаем». Теперь вся страна знает, как дорого отдал Нуркен свою молодость на фронте Великой Отечественной войны.

Сердце, не способное любить, не может наполниться и чувством мести. Нуркен любил своих родителей и близких как-то по-особому тепло и незабываемо. Старая Бакжан хранит 82 письма Нуркена. В них отчетливо проступает подлинная любовь большого сердца. Нуркену хочется изо дня в день знать о жизни своих стариков, оставшихся так далеко. Он пишет им слова, придающие бодрость, приносящие радость. Его письма, адресованные 2-летней Светлане, дочери старшего брата Сарсена, показывают, сколько ласки таит сердце, столь безжалостное к врагу. Большинство этих писем начинается обращением «Светжан». В одном из них он пишет:

«Светжан! Вчера я бродил по городу и зашел в книжный магазин, а там продают портреты маленьких ребятишек. Мне они очень понравились, и один из них я купил для тебя. Мама и Аскап, следите, чтобы Светжан всегда была такая же чистенькая и аккуратная. Пусть и волосы ее и вся внешность будут, как на этой карточке» (29/VII—42 г.).

Молодой джигит, так нежно любивший свой народ, свою землю, своих родных, имел возможность побывать дома, разок прижаться к материнской груди, но отказался от этой возможности, не захотел воспользоваться ею в то время, когда враг переступил порог советской страны, когда тяжелые страдания выпали на долю народов родной Украины и Белоруссии. Он поспешил на фронт. «Я тороплюсь забить рычащие глотки взбесившихся фашистских псов смертоносными пулями, поэтому не еду домой. Время, предназначенное для отдыха, использую для уничтожения врага. Без этого, мама, никому из нас отдыха не видать»,— пишет Нуркен в одном из писем.

А несколько раньше, сообщая о своем желании поскорее кончить учебу, он пишет: «У всех народов Советского Союза — ответ один: не допускать, чтобы даже тень фашиста омрачила лицо советской земли».

Положение престарелых родителей и больного брата неизменно волновало Нуркена, но все же он, не теряя ни минуты, взялся за великое дело защиты Родины. В постоянном напряжении фронтовой жизни он умел

урвать пару свободных минут, чтобы протянуть родителям руку, обнять их — написать письмо. Ибо знал, как дорого и долгожданно оно для близких.

Нуркен Абдиров, 22-летний советский орел, вылетевший из знаменитого гнезда, имя которому Караганда, за исключительную отвагу, проявленную на войне, получил звание Героя Советского Союза. Нуркен — седьмой Герой Советского Союза, которых дал Родине в дни Отечественной войны казахский народ. Жизнь его еще не изучена, подвиги полностью еще не раскрыты. Но две особенности, присущие Нуркену, ясно обрисовываются и теперь. Вот они.

Нуркен пламенный комсомолец. У него не было времени для безделья. Вернувшись с работы, он погружался в чтение. Если его окликали, он на секунду поднимал голову, но тут же снова уходил в книгу. Школа не дала ему всех знаний, и он всеми силами стремился восполнить этот пробел.

Дни Нуркена были заполнены службой и занятиями в аэроклубе, ночи — чтением. Холодная вода помогала раскрывать смыкающиеся веки, советские писатели раскрывали мир. Нуркен без устали добывал руду знаний. Но подобно тому, как в мощном пласте руды встречаются куски пустой породы, в знаниях, которые дает Карагандинский горно-металлургический техникум, есть немало пробелов. Пытливый ум спешит заполнить эти бреши.

Если к этой черте характера прибавить героизм, столь ярко проявленный на фронте, то перед вами с полной убедительностью встанет образ героя Нуркена, героя в полном смысле этого слова, человека, усвоившего высокие знания своего времени, овладевшего современной техникой, прекрасно изучившего все способы сокрушительной войны. Иными словами, вы увидите передового человека передового времени. Молодого советского человека, сердцу которого неведом страх, который стремится легко и свободно плыть в обширном море знаний. Это одно.

Другое — Герой Советского Союза Нуркен Абдиров усвоил летное мастерство не в дни войны: он — представитель той плеяды молодежи, которая, подобно горьковскому соколу, смолоду рвется ввысь, к небесам. Казалось, он хотел достичь их высот, где привольно его богатырским движениям, где они не ограничиваются пределами боя. Это — сын казахского народа, который,

мечтал о небесах, был полон дум о своей Родине и видел в небесах широкое поле для схватки за будущее, за человечество.

Мы уже упоминали о том, что героические подвиги Нуркена пока еще полностью не выявлены. Но если бы каждый советский юноша мог уничтожить, подобно Нуркену, 12 вражеских танков, 28 грузовиков, 18 машин с боеприпасами, 3 укрепления, 3 орудия и свыше пятидесяти солдат и офицеров,— его боевой счет был бы неплох.

В письме к родным, датированном канупом дня своей гибели, Нуркен пишет:

«Светжан! Мы налетаем на расположения немцев и поливаем их свинцовым дождем... Недавно, вылетев по заданию, мы обнаружили множество немецких танков. Надо полагать, немногие из сотни танков уцелели» (18 декабря 1942 года). Нет сомнения в том, что немалое количество уничтоженных танков приходится на долю Нуркена.

Советская земля взывает к отмщению. Призыв израненной земли — приказ разгневанной страны, должен быть выполнен без промедления. И если прежде на голову врага обрушивалось 10 снарядов, теперь их обрушиваются сотни. Если прежде обрушивалась сотня, теперь обрушивается тысяча. Ненависть клокочет в сердцах бойцов. Нужно отбросить пальцы жестырнака, подбирающегося к горлу, и по локоть отсечь его руки. С таким желанием и вылетел Нуркен на своем сизом ястребке «ЯК» в очередной полет.

Враг притаился за укреплениями, он продолжает слать пули, он все не хочет прекратить жатву смерти. Значит, надо его уничтожить.

Налетел карагандинский орел на вражеские укрепления, и пылью рассыпались два из них. Свыше 20 немецких офицеров и солдат в мертвом объятии приникли к земле, чтобы никогда больше от нее не оторваться. Немецкие орудия начали обстреливать Нуркена. Орел развернулся и снова налетел. На этот раз он подбил шесть вражеских танков. Но и орел получил рану — самолет начал пылать. Пули свистели вокруг него, а сам он был объят пламенем. Огонь быстро перебросился на крылья самолета. Герой принял решение, соответствующее героическим традициям советских людей:

— Последние силы — моему народу!

Перед его мысленным взором мелькнул образ капи-

тана Гастелло. Как поступил он, очутившись в таком же положении? Он пал смертью храбрых и своей смертью встал на защиту Родины. Он вспомнил 28 героев-гвардейцев из родного Казахстана. Как поступили они? 26 пали смертью храбрых, но защитили сердце страны — Москву.

И Нуркен не расстался со своим верным другом — самолетом, а повернул его в сторону скопления врага и обрушился на его танковую колонну. Дорого обошлась врагу молодая жизнь Нуркена. Они расплатились за нее множеством танков, гибелью множества солдат и офицеров.

Карагандинский орел совершил геройство, достойное орла, и принял смерть, достойную орла. Карагандинский орел получил звание Героя Советского Союза.

1943 г.

АЙТЫС ВОЗРОЖДЕН

В ходе войны, какой еще не знала многовековая история, в смертельной схватке с бронированным чудовищем, предательски напавшим на свободолюбивое человечество, единый и монолитный советский народ все шире развертывает могущество своей творческой мысли.

Нет и не должно быть у советского писателя или акына мысли, оторванной от забот о всемерной помощи фронту. Руководимые высоким сознанием своего долга перед страной, народные акыны Казахстана сумели подняться на уровень тех требований, которые предъявлены временем.

Боевые песни великана народной поэзии Джамбула и его соратников — Доскея, Нурпеиса, Шашубая вместе с красными воинами разят врага на передовых позициях Великой Отечественной войны.

К славе народных акынов Карагандинской области прибавилось еще одно большое, чрезвычайно важное начинание. Это — айтыс.

Айтыс — поэтическое соревнование двух или нескольких акынов, самый популярный в народе, самый действенный вид устного народного творчества, бытует с древних времен. Характерной особенностью айтыса в дореволюционное время было беспощадное бичевание

413345

поступков и действий ставленников царской власти и родовой знати. Именно поэтому со второй половины прошлого века, в результате гонения со стороны царской власти и байских верхушек, айтыс пришел в полный упадок. Таким образом, сейчас речь идет о возрождении этого традиционно народного и самого острого оружия казахской устной поэзии.

Отрадно, что айтыс акынов начал свое второе и настоящее возрождение в передовой области республики — в Карагандинской. Не менее важно и то, что айтыс возрожден на принципиально новой основе. Если предметом внимания прежних айтысов становились сами акыны, то любой айтыс карагандинских акынов направлен сейчас на возвеличение того, что так разумно создано на благо страны, на изжитие больших и малых недостатков, мешающих созидательному труду человека.

Айтыс сейчас широко развернулся в Карагандинской области. По примеру айтыса акынов, выступавших от имени шахт №№ 20 и 18, прошел айтыс в Нуринском районе между двумя колхозами и в Шетском районе.

Примеру Карагандинской области последовали и другие области. Готовится айтыс между Каркаралинским и Нуринским районами. Из Алма-Аты выехали писатели и поэты помочь организовать айтыс в Семипалатинской и Кзыл-Ординской областях. Таков размах, который за короткое время приняло начинание акынов Караганды.

Значение айтыса колоссально. Айтыс не только легко воспринимается, но надолго запоминается. Как восхваление, так и критика в метких и образных выражениях акынов оставляют глубокий след в памяти людей. Среди стариков казахов наверняка не найдется ни одного человека, который не помнил хотя бы несколько строчек из айтысов Биржана и Сары, Кулмамбета, Кемпрбая, Джамбула, Шашубая, прошедших много десятков лет тому назад. Акынам, народной памяти мы обязаны спасением колоссального героического и лирического казахского эпоса. Один Мурун-жырау помнит 400 тысяч стихотворных строчек эпоса о 40 казахских батырах.

Неслучайно лучшие люди прошлого опирались на акынов. Они прекрасно знали воздействие поэтического слова на свой народ. Первые объединители казахского народа XVI века Жанибек-мудрый и полководец

Касым-хан неотлучно держали при себе легендарного певца Асан-Кайгы.

Неоценимую услугу в создании казахской государственности в XVIII веке оказал Абылай-хану Бухар-жирау, помогая собрать в единое национальное целое казахский народ. Многим обязан казахский народ песням Махамбета в длительной национально-освободительной борьбе с царизмом в XIX веке. Многими акынами окружал себя и вождь национально-освободительного движения 1916 года Амангельды Иманов.

Законы, обычаи, права и решения народных судов в отдаленных веках принимались в стиле ритма устной народной поэзии, поэтому многие из них в казахском народе бытуют и по сей день.

Слова акынов и мысли, выраженные в поэтической форме, сопровождали каждый шаг казахского народа в его борьбе за свое будущее. Прошли века, прошли правители, остался народ, остались слова — песни акынов, и через века дошли до нас.

Целеустремленность айтыса направлена сейчас на выполнение гражданских задач, вытекающих из обстановки военного времени, на борьбу с отставанием и разгильдяйством на производстве, на всенародное бичевание нарушителей государственной и общественной дисциплины.

Блестящие доклады и резолюции часто не могут так сильно действовать на человека, как действует правда, высказанная устами народных акынов, этих непосредственных выразителей народной мысли. Чем больше айтысов будет проведено среди народных масс, тем глубже они оставят свои следы.

Исключительное значение имеет айтыс акынов двух гигантов Казахстана — третьей всесоюзной угольной кочегарки — Караганды и первого в Союзе медного гиганта — Балхаша. Он посвящен дальнейшему улучшению работы этих двух гигантов страны.

Прежде чем высказать ту или иную мысль, прежде чем дать оценку работе Караганды и Балхаша, акыны подробно познакомились с действительным положением вещей на самом производстве. Акын Караганды Кошен Елеуов 15 дней изучал Балхаш, акын Балхаша Шашубай Кошкарбаев столько же времени знакомился с Карагандой.

Акыны верят только своим глазам. Они предпочитают отметить то, что хорошо и что плохо выглядит с точ-

ки зрения простой народной мудрости и честности. И оба акына были полны чувств гордости за гигантский рост Караганды и Балхаша в течение последнего времени. Но каждый остался непримиримым к тому или иному недостатку, имеющемуся на производстве. Поэтому, воспевая труд и людей, двигающих страну вперед, акыны были откровенны и в отношении погрешностей на производстве.

Нет сомнения, что айтыс акынов серьезно поможет в воспитании людей, искоренении больших и малых неполадок на производстве, поможет поднять Караганду и Балхаш на уровень тех требований, которые предъявляет Великая Отечественная война.

1943 г.

КАРАГАНДА УГОЛЬНАЯ

Только два десятка лет отделяют нас от того утра, когда последняя кучка рабочих-казахов невольно прощалась с детищем своего восьмидесятилетнего труда — разрушенной и затопленной бывшими хозяевами Карагандой. Было холодно. Бледное солнце только раз показавшись, скрылось за свинцово-тяжелые тучи, низко нависшие над бескрайней пустыней. Голодная зима гнала рабочих в аулы, ветер, холодный и беспощадный, рвал на них лохмотья. Позади оставалась Караганда.

Внутри унылой землянки пожилой рабочий Бекбосын Сыхымбаев зарыл свое кайло. Уходя, он не раз оглядывался назад, где виднелся замок на скрипучей двери. Молодая республика была не в силах вернуть Бекбосына и его товарищей обратно на работу.

Только один десяток лет отделяет нас от солнечного утра, когда на зов партии, как один, поднялись по аулам и селам бывшие забойщики создавать третью угольную базу Союза — Караганду. Они увлекли за собой сотни новых людей, вернулись к заброшенным землянкам. Только семь хижин уцелело под ударами бешеных ветров и трескучих морозов. Но Бекбосын Сыхымбаев отыскал свое кайло, изъеденное ржавчиной. Началась борьба за хлеб промышленности, за усиление могущества Советского государства.

Только один десяток лет между трестом «Карагандауголь» с его четырьмя разведочно-эксплуатационными шахтами и комбинатом «Карагандауголь», объединяю-

щим пять трестов, около полусотни мощных и средних шахт. За десять лет на месте семи хижин вырос обширный промышленный город Караганда с почти полумиллионным населением.

Много труда и энергии вложил казахский народ, чтобы в такой короткий срок создать казахскую кочегарку — третью могучую угольную базу страны на Востоке. Мощным непрерывным потоком шла и идет помощь русского и украинского народов первому в Казахстане промышленному центру. Колыбель казахских рабочих постоянно ощущает дружескую руку своих собратьев. Еще на заре своего становления — в 1931 году — в Караганду прибыли из Донбасса 400 квалифицированных горняков, 117 казахов поехали в Донбасс на учебу. Вернулись они забойщиками, крепильщиками, врубмашинистами.

В период Отечественной войны, когда страна потребовала от Караганды занять место второй угольной кочегарки Союза, вокруг бассейна выросли новые оборонные заводы. С честью выполняет Караганда свой долг перед страной. Тысячи самолетов, танков, пушек, миллионы снарядов, мин, гранат, патронов произведены на карагандинском угле.

Неизмеримо вырос бассейн по сравнению с довоенным периодом. По главным решающим показателям — среднесуточной добыче угля, линии забоя, количеству рабочих лав, числу шахтеров и механизмов — увеличение произошло почти в два раза. В область предания ушла зарубка угля обушком или кайлом, доставка угля из забоя санками.

Через большие трудности шел этот рост. 17 союзных наркоматов были двинуты на помощь. И бассейн развернул свои могучие возможности. Из месяца в месяц растет добыча карагандинского угля, закладываются основы дальнейшего роста в новом году.

Карагандинские угольщики добились больших успехов в предоктябрьском соревновании. Получив повышенное задание в октябре, они перевыполнили его на 11 тысяч тонн, добыв угля на 50 тысяч тонн больше, чем в сентябре. Это — самый высокий уровень угледобычи за все время существования бассейна. За дни предоктябрьского соревнования внесено в фонд Главного командования 42350 тонн сверхпланового угля.

Первенство в бассейне по-прежнему занимают горняки треста «Кировуголь». Досрочно выполнив октябрь-

скую программу, они отгрузили 13704 тонны сверхпланового топлива. Упорно оспаривают первенство у кировских угольщиков шахтеры «Сталинугля». Сверх десятимесячной программы они выдали 8 тысяч тонн угля. Хорошо работали горняки треста «Молотовуголь».

Но есть еще в бассейне отстающие. Не справляются с заданиями трест «Ленинуголь», некоторые шахты других трестов.

Пример того, как надо добиваться достижения поставленной цели, показали в предоктябрьские дни молодые угольщики бассейна во главе с комсомольцами. В июле они дали слово добыть во внеурочное время в подарок 26-й годовщине Октября 40 эшелонов угля. Сегодня они рапортуют о перевыполнении своего обязательства — руками комсомольцев и молодежи Караганды добыто 130 эшелонов угля! Ко дню Конституции молодые патриоты готовят новый подарок — еще 15 эшелонов сверхпланового угля.

С каждым днем в бассейне все большую роль играют женщины. Вчерашние колхозницы, домохозяйки стали мастерами угля. В забоях уже работают 20 женских бригад навалоотбойщиков. Бригада Шуры Мордовченко с шахты № 31 выполнила сентябрьское задание на 122 процента, октябрьское — на 140 процентов.

Борьба за уголь вплотную захватывает все большие круги трудящихся. Зародилось движение среди интеллигенции — непосредственно участвовать в добыче угля. Инструктор облторготдела т. Бабишева перешла работать машинистом электровоза на шахту № 31.

Выросли кадры национальной технической интеллигенции: 40 участками руководят казахи, во главе 162 смен стоят горные мастера казахи. Из 28 секретарей шахтных парторганизаций — 16 казахов. Казахи Ибраев, Кузембаев, Сериков выросли в талантливых организаторов, руководителей сложных хозяйственных организмов.

Характерно, что первый промышленный город республики — Караганда — возглавляет в Казахстане и передовые традиции казахской культуры. Здесь подлинно массовым явлением стал айтыс — глубоко народное проявление культуры. В то же время здесь подготовлена благодатная почва для восприятия новой культуры. Большим успехом пользуется областной казахский театр.

Три поколения казахского народа участвуют в не-

прерывном расширении и укреплении Карагандинского бассейна. Первое поколение — старые рабочие с дореволюционным стажем, во главе которых стоит 77-летний Бекбосын Сыхымбаев, работающий в бассейне 62 года. Второе поколение — кадровые рабочие, характерными представителями которых являются Кузембаев, Ибраев и другие, ставшие ныне командирами производства. Третье поколение — молодые кадры, выросшие в период первых пятилеток, выдвинувшие из своей среды талантливых руководителей — Буламбаева, Кудайбергенова и других. Эти три поколения составляют единый боевой коллектив, настойчиво пролагающий пути к новым вершинам производительности труда.

Каждая шахта Караганды сегодня — это большой завод под землей, на котором работают тысячи людей. Сейчас Караганда за один день выдает столько угля, сколько ее дореволюционные хозяева не могли бы получить за целый год. А сколько еще нетронутых резервов — огромных запасов угля — таится в недрах третьей Союзной кочегарки!

Над тем, чтобы быстрее поставить богатства недр Караганды на службу фронту, на благо Родины работают, не покладая рук, карагандинские угольщики — пламенные патриоты социалистической Отчизны.

1943 г.

ПЕСНЯ — ОРУЖИЕ

В седую даль веков, в водоворот грандиозных исторических событий, разыгравшихся на широкой арене Азии, уносит нас борьба свободолюбивого казахского народа за свою свободу и счастье.

От Алтая до Волги, от Урала до Алатау, отражая многочисленные нападения полчищ врагов, кочевал казахский народ и никому не уступил ни пяди той богатой земли, на которой ныне расположена Казахская ССР. Казах, который кочевал, но не оставлял врагу свою землю. Казах кочевал «против ветра», против врага.

Знаменитый казахский певец Асан-Кайги воспел эту обетованную землю. Великие батыры — Кобланды, Сырым, Исатай, Амангельды охраняли ее от врагов. Смелые сердца — отважные сыны своего народа — вот кем они были. Батыры шли на врага, а жены их —

Кортка, Балым точили им копья, седлали коней. В строю русских войск, разгромивших тевтонских рыцарей, этих немецких псов, была конница казахских батыров.

Острием своего стального копья очертил границу казахской земли первый полководец и объединитель казахского народа Касым Жанибеков в XVI веке. И вот на этой земле уже четверть века растет и цветет Советский Казахстан. Он теперь не один, как прежде. Его мысли и надежды слиты в единое целое с мыслями и надеждами многонационального великого Советского Союза.

Первый казахский ученый и философ Чокан Валиханов (XIX век), этот «степной Лермонтов», как его прозвала русская передовая демократическая мысль, сделал резкий поворот в сторону России. Он посвятил всю свою жизнь сближению казахского народа с русским. Он, как и Лермонтов, резко осуждал военно-феодальную бюрократию монархии, продажное чиновничество, но приходил в восторг от жизнеутверждающей силы русской прогрессивной демократической мысли.

А как поступили Абай и Амангельды? Казахский классик, непревзойденный поэт Абай всю жизнь боролся с родовой знатью в степи, посылал своих сыновей на учебу в Петербург, переводил стихи Пушкина и Лермонтова; письмо Татьяны из «Евгения Онегина» распевалось по всей казахской степи задолго до революции.

Настоящее слияние мыслей, завершение вековых стремлений казахского народа к братству с русскими произошло в огне Октябрьской революции. Большевистский батыр Амангельды Иманов, проведя свой народ через непримиримую борьбу с царем России, объединился с ее народом. Русский пролетариат помог ему подняться на уровень героя гражданской войны и ее полководца.

За четверть века казахский народ прошел путь, невозможный при прежних условиях, в течение нескольких веков. Настоящий расцвет культуры, настоящее обладание богатством земли, рост материальных и духовных ценностей так быстро достигнуты благодаря братской помощи русского и других народов СССР.

Ныне настало время защитить великую Родину от вероломного и коварного врага, от фашистского нашествия. Рабовладелец и варвар Гитлер поработил

и ограбил множество народов Европы, пролил море человеческой крови. Вот уже два года советский народ ведет героическую борьбу с зарвавшимися захватчиками. Сейчас враг изрядно бит, но еще не добит. Начало его конца наступило, осужденному нет места на земле, куда бы он мог скрыться. Но борьба не окончена. Много сил и энергии еще понадобится, чтобы избавить человечество от шайки фашистских разбойников. Решающие дни близки.

Казахстан — арсенал Красной Армии. Беспрерывно на фронт идут эшелоны с сельскохозяйственными продуктами. В борьбе за развитие общественного животноводства республика завоевала Знамя Государственного Комитета Обороны и первую премию. Растет промышленность.

Выросла и наша Караганда. Героическую борьбу горняков Караганды за уголь и радость их трудовой победы хотим делить и мы, писатели Казахстана. Здесь побывали многие писатели и поэты из Алма-Аты. В Караганде имеются высокоодаренные акыны во главе с Доскеем — Шашубай, Ильяс, Каип и другие. Караганда — колыбель Героя Советского Союза Нуркена Абдирова, мастеров угля Сикимбаева, Буламбаева, Ибраева. Мы хотим помочь фронту и в тылу ковать нашу победу над Гитлером. Мы хотим показать нашу трудную и благородную борьбу, показать лучших людей советской эпохи.

Мы можем гордиться тем, что песни Джамбула, Доскея и Нурпеиса, труды многих советских писателей Казахстана воодушевляют фронтовиков. Но этого мало. Как бы ни был значителен успех советской казахской литературы, она все еще далеко отстает от героических дел наших дней.

Одной из форм участия литературы в общей борьбе является популярный среди казахских масс «айтыс» (состязание).

Два популярных акына, Каип Айнабеков и Ильяс Маикин, познакомившись с состоянием двух крупнейших шахт (№ 18 и № 20), решили в доходчивой поэтической форме обрисовать их перед вами. Они будут резки, но справедливы. Нападение и защита никем и ничем не регламентированы. Если один акын недостаточно знает, что творится у другого, он, естественно, будет беспомощен, так же, как, если он недостаточно владеет своим мастерством, то, безусловно, будет по-

бежден очень легко. Нехорошо также, когда акын не признает своего поражения, оспаривает ясные вещи.

За Карагандой сейчас большое слово, Караганду сейчас окружают советские гиганты. Число печей, требующих хорошего угля, растет день ото дня.

Большую дозу губительных для фашистов «пилюль» Гитлер получает ежедневно. Это в значительной мере зависит от Караганды. Придет время, и наша Красная Армия освободит родную Украину, Крым, Белоруссию. Пусть гнев горняков Караганды и песни ее акынов претворятся в непрерывный поток эшелонов, нагруженных углем!

1943 г.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Имя Амангельды Иманова, вождя национально-освободительного движения, влившегося в русло Великой Октябрьской социалистической революции, стало популярным и любимым именем советского народа. В этом есть заслуга литературы и искусства. В песнях акынов и поэтов, в произведениях писателей Казахстана, воспевающих героические подвиги Амангельды, создан его образ, который стал символом дружбы казахского народа с великим русским народом.

В дни Великой Отечественной войны советского народа с фашистской Германией закономерно обращение писателей и акынов Казахстана к героике Амангельды Иманова. В эти дни возникла серия поэм, сотни песен, несколько драматических произведений, показывающих образ легендарного батыра и большевика Амангельды Иманова с различных новых творческих позиций. Таковы поэмы народных акынов — Омара Шипина, Сата Есенбаева, Иманжана Жилкайдарова поэтов — К. Абдыкадырова, Г. Малдыбаева, пьеса Ш. Хусаинова и другие.

Необходимо особо отметить заслугу народного художника Казахской ССР А. Кастеева, создавшего первый документальный портрет Амангельды Иманова, который, несомненно, навсегда останется исходным в художественной разработке образа Амангельды в живописи.

Образ Амангельды Иманова в литературе и искусстве начал создаваться лет десять тому назад, когда далеко недостаточно было изучено движение, охватывающее небольшой, но чрезвычайно важный период истории возрожденного казахского народа (1916—1919 гг.). Не было и биографии самого героя, не говоря уж о научно разработанной истории этого периода.

Нелегко было писателям глубоко и правдиво отразить в своих произведениях движение, начавшееся борьбой за разобщение с царской Россией, завершенное объединением с русским народом, объединением навеки. Нелегкой задачей было понять, что Амангельды не есть простое повторение Кенесары или Исатая, так же, как движение 1916—1919 гг. не было повторением восстаний XIX века. Закономерность историческая заключалась в том, что национально-освободительное движение 1916 г., отражающее действительное стремление всего трудового казахского народа, могло оправдать себя только в том случае, если оно вольется в русло пролетарской революции. Историческая роль Амангельды Иманова в том и заключается, что он правильно понял задачу освободительного движения последнего его этапа.

Нелегкой задачей литературы было преодолеть господствовавшее в тот период мнение, что Амангельды — продолжение батыров из казахского героического эпоса. Как противовес этому взгляду, выдвигалось другое, не менее элементарное, мнение, по которому Амангельды Иманов, вождь восстания, военный комиссар целого округа, первый организатор Советской власти в казахской степи, не поднимался выше простого охотника, батрака, смелого джигита. Такое упрощенное представление об Амангельды Иманове не менее вредно отразилось на создании образа настоящего полководца и государственного деятеля нового типа.

Совершенно в ином аспекте вырисовывается фигура Амангельды Иманова в данное время. Изучение движения 1916—1919 гг. и биографии героя проливает новый свет на этот образ. Имеющиеся проверенные и установленные материалы совершенно опрокидывают извращенные взгляды, господствовавшие долгое время. Верную и неоспоримую характеристику личности героя дает дневник самого Амангельды, подлинность которого не подвергается сомнениям.

До сих пор все «научные» и литературные труды

базировались на простом, не вызывающем особых споров, утверждений, что «Амангельды был бедняком и батраком». Не оставался в тени вопрос, какие личные качества и политические убеждения сделали его вождем движения, каким образом простой степной батрак так верно понял политическую задачу национально-освободительного движения в период революции. На эти вопросы отвечает дневник самого Амангельды.

Дневник показывает, что Амангельды Иманов задолго до восстания 1916 г. глубоко задумывался над судьбой своего народа. В дневнике записано:

«В 1800 г. 14 марта последовал царский указ, чтобы государственные чиновники не обижали казахов, и чтобы жалобы, поданные на казахском языке, принимались во всех государственных учреждениях...»

«В 1834 г., по прошению Султана Конур-Кулджи, царь Николай I подписал указ, чтобы ни в настоящем, ни в будущем казахов не брали в солдаты, если даже казахи, оставив кочевой образ жизни, перейдут в оседлый и займутся хлебопашеством».

«В 1838 г. для оренбургских и сибирских казахов созданы волостные управители».

«Согласно 658 статье Туркестанского Уложения, если волостные и аульные старшины присвоят собранные налоги, тем самым создают «недоимки», то они обязаны восполнить их прежде всего из собственного кармана. Если не хватает своего имущества, только тогда дополнительно собрать с населения».

Такие записи мог сделать только тот, кто постоянно думал о жизни и судьбе своего народа. В Петербурге Амангельды Иманов написал большой раздел своего дневника, озаглавленный «История царствований и казахского народа». История начинается с царя Михаила Романова, «воссевшего на престол 21 февраля 1613 г.», и кончается царствованием Александра II. При этом у «простого пастуха» Амангельды Иманова нет сплошного охаивания русских царей. Амангельды подчеркивает выдающихся людей среди них. Например, о Петре I он пишет: «Четвертым царем был младший брат Федора от другой матери (от второй жены Алексея), Петр I. В 1703 г. он построил город Петербург. Создал восемь государственных департаментов управления, создал губернские деления. Построил 250 фабрик и заводов. Чины давал тем, кто имел высокое проис-

хождение. Русским брил бороды и заставлял носить удобные немешающие платья. Умер 53 лет 28 января 1725 г.»

О царе Алексее Романове в дневнике сказано следующее: «Указы, уложения и законы начинаются от этого царя. По его законам тот, кто сквернословил против бога, должен быть сожжен на костре; тому, кто делает из дешевых металлов фальшивые деньги, металл расплавить и влить в горло; тот, кто убил отца или мать, должен быть умерщвлен...»

Все эти записи в дневнике говорят о трезвой объективности умного, наблюдательного историка.

Дневник Амангельды Иманова дает ценнейший материал прежде всего для историков. Но очень много он дает писателям и художникам, работающим над его образом.

Без глубокого понимания личности, жизни и деятельности Амангельды Иманова нельзя быть уверенным в правдивости созданного в литературе и искусстве образа национального героя. Тем более это необходимо подчеркнуть, что настоящий глубокий образ Амангельды еще не создан. Все, что создано до сих пор, это — первые шаги. Образ Амангельды ждет своих авторов во всех жанрах литературы и искусства.

1941 г.

ПЕВЕЦ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Восемьдесят пять лет жизни, полной огня и страсти, гнева и ненависти, радости и счастья, уносит в могилу заслуженный деятель искусств Казахской ССР народный акын, неутомимый певец советской эпохи Нурпеис Байганин.

Ненависть к поработителям, беспредельная преданная любовь к своему народу наполняли творчество Нурпеиса Байганина с самых ранних лет. Окрыленный сбывшейся мечтой своего народа, Нурпеис Байганин воспевает то, чего не могло быть в горьком прошлом Казахстана и не может быть нигде, кроме Советского Союза,— ленинскую дружбу народов, настоящее братство, незыблемое и вечное. Мудрый акын посвятил немало вдохновенных слов великому русскому народу, с которым неразрывно связана судьба казахов.

...Проходили века, оставляя слабый след на степных просторах Казахстана. Много раз раздавался конский топот на этих просторах. Орды голубые, орды золотые и иные не раз опустошали большую землю. Следов созидательной истории оставалось мало, оскорбительно мало. Может быть, единственным памятником истинным человеческим чувствам оставалась поэма «Козы Корпеш и Баян-слу», а дальше шли мазары, мазары, мазары...

Иные времена наступили для казахстанской степи.

С первых лет советских пятилеток акын степи Нуреке, как его ласково называли в народе, слышит могучий гул гигантского строительства, видит выраставшие, как в сказке, заводы и фабрики рядом с аулом, там, где раньше паслись телята и играли его дети. В родных просторах неожиданно возникает то третья угольная база Союза, то мощный Чимкентский свинцовый завод, то крупнейший комбинат — медный Балхаш. К названию гор Алтай прибавляется созвучное казахское слово «алтын» (золото), и отныне в песнях казахских поэтов и акынов эти рудоносные горы называются только «Алтын Алтай»— Золотой Алтай. Им посвящено немало широко известных песен акына.

С экономическим и культурным расцветом Советского Казахстана совпадает и творческий расцвет Нуреке Байганина. Певец настойчиво ищет пути своего участия в созидательном труде. Продолжая выступать на собраниях колхозников и рабочих с привычными устными импровизациями на самые острые злободневные темы, он в то же время мучительно думает над тем, как ему полностью отдать молодому поколению все, что он в себе носит.

Нуреке задумал ряд крупных сюжетных героических поэм, однако ему пришлось столкнуться с одним серьезным препятствием — он не умел записывать своих произведений. Но в родном Советском Казахстане певец получил всю необходимую помощь.

За короткий промежуток времени Байганин создал ряд крупных, высокохудожественных произведений: «Кобланды-батыр», «Ер-Орак», «Наргыз» и другие.

Мастер лирической песни, творец бесчисленных импровизаций становится одним из самых крупных художников широких эпических полотен.

Кипучую энергию нашел в себе престарелый певец в дни великих испытаний — в дни Отечественной войны.

Он создал множество песен, посвященных героической обороне Ленинграда, разгрому немцев под Москвой и Сталинградом, героизму советских людей в тылу. Объезжая аулы и промышленные предприятия родной Актюбинской области, он каждый раз собирал в фонд обороны тысячи рублей, десятки голов крупного и мелкого скота. Замечательным творческим итогом деятельности певца за это время звучит его поэма «Двадцать восемь», посвященная, как это явствует из самого названия, обороне Москвы, героизму панфиловцев, крупнейшему разгрому немецких захватчиков под Москвой.

Одаренный певец, преданный Родине патриот, соратник великана народной поэзии Джамбула, акын-орденоносец, заслуженный деятель Казахской ССР Нурпеис Байганин был глубоко любим своим народом. Вместе с Джамбулом он продолжал лучшие традиции казахского народного творчества, составляя один из самых мощных его притоков.

Нурпеис Байганин был широко известен и русскому читателю, имел много друзей среди литераторов всего Советского Союза.

Смерть наглухо закрыла уста акына, воспевавшего славу и могущество своей великой Родины.

Прощай, акын советской эпохи, дорогой Нуреке!

1945 г.

ОТ ИМЕНИ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Пал Берлин, преступный очаг порочных идей и порочных начал. Пал оплот коварных предательств и кровавых преступлений, пал без права апеллировать к гуманным традициям человечества. Пал он от руки, выстрадавшей победу. Да будет уроком навеки, что зло побеждается неизбежно, что оно несовместимо с духом прогрессивного человечества, что единственный конец преступлениям, совершенным фашизмом,— суровое наказание и позор, несмываемый историей!

Пал Берлин! И сегодня над ним реет Красное знамя, возвещая миру о нашей великой, исторической победе. Это звучит гордо, это звучит грандиозно. Красное знамя реет над немецкой столицей, возвещая миру о падении фашистского государства, нанесшего человечеству неисчислимые бедствия и страдания, мечтавшего

воздвигнуть свое господство на рабстве, унижениях и оскорблениях народов.

Пал Берлин! Пал от советского оружия, закаленного на высочайшей температуре гнева и ненависти советского народа!

Советскому человеку особенно дороги свобода и независимость, честь и совесть. У него свежа память о вчерашнем дне, о героической своей борьбе за сегодняшний и завтрашний день. Он хозяин своей страны, он великий патриот своей Родины. Недоступно было понять эту нашу особенность надменному врагу. Советские люди, замученные и оскорбленные гитлеровцами, стены каждого разрушенного врагом города, каждый разрушенный и осквернённый им памятник культуры требуют сурового наказания преступников войны, уничтожения оплота мракобесия, агрессий.

Пал Берлин, откуда четыре года назад по всем дорогам и каналам, по земле, по воде и по небу, с запада на восток, непрерывным потоком двигались на нашу Родину вражеские полчища, неся смерть и порабощение.

По этим же путям, по земле, по воде и по небу — на гитлеровскую Германию,— но с востока на запад ринулась великая освободительница — Красная Армия, неся с собой освобождение порабощенным и справедливую кару врагу за смерть миллионов людей, за разрушенные советские города, фабрики, заводы, за оскверненную советскую землю.

Слава советскому оружию, поставившему Берлин на колени! Слава советским воинам, полководцам, маршалам!

Около двухсот лет назад русские войска взяли Берлин. Ключи Берлина были вручены русским немцами с немецкой аккуратностью и педантичностью. Немцы тогда имели право просить помилования.

Иначе пал Берлин на этот раз. Лишенный права просить, он пал, разбитый наголову. Он ждет наказания. Это логично. Пал центр немецкого империализма. Очаг немецкой агрессии. Неся миру смерть, с эмблемой смерти на лбу, виновнику преступлений нельзя рассчитывать на жизнь!

Пал Берлин, рушится фашистское государство. Но многое должен понять, сделать и пережить сам немецкий народ, чтобы навсегда освободиться от порочных идей, чтобы стать способным навеки проклинать то зло,

которое родилось и созрело у него дома, с которым он плохо боролся.

Может быть, сейчас более чем когда-либо уместно напомнить немецкому народу слова немецкого же поэта Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

Пал Берлин, колыбель преступлений перед всем человечеством. Советские войска полководцев Жукова и Конева водрузили над ним Красное знамя, знамя Победы. Это знамя реет над Берлином от имени всего прогрессивного человечества!

1945 г.

«ПЕСНИ АБАЯ»

Великий Абай искал и отбирал все то здоровое, что было способно к борьбе со старым и отжившим. Отрадой для него было стремление молодежи к свободе личности и духа. И Абай защищал молодость, защищал со всей силой своего дарования.

Как светоч засверкал Абай для родного народа. Одинокий в этой благородной борьбе за судьбу и будущность порабощенного народа, за все высокое, человеческое, он с мучительным трудом пробивал застывшую темноту и отсталость. И этот путь вел к великому русскому народу, к его культуре. Абаю озаряли путь виднейшие представители русской революционно-демократической мысли — Белинский, Чернышевский, Пушкин, Лермонтов. Личными друзьями Абая были лучшие ученики Чернышевского — Михаэлис, Долгополов, Гросс.

Глубоко человечными мотивами поэзии Пушкина и Лермонтова Абай рассказал своему народу о гуманном, честном и справедливом русском народе. В дружбе с ним Абай видел не только спасение казахского народа, но и пути его процветания.

Великому поэту и гражданину своего народа — Абаю посвящен новый художественный фильм Алма-Атинской киностудии «Песни Абая», по сценарию Мухтара Ауэзова и Григория Рошаля (постановка Г. Рошаля и Е. Арона).

Строго реалистический фильм «Песни Абая» выдержан в возвышенно-поэтическом тоне. За его скромным названием скрывается глубокое, гуманное содержание.

Без излишней этнографической экзотики повествует он правду о казахском народе и его певце-просветителе. Выдержанный в казахском национальном стиле, фильм интернационален своим идейным содержанием. Это не хроника жизни большого поэта и даже не эпизод из его жизни, это — скорее всего эпизод из жизни казахского народа, правдиво и цельно отражающий его трагедию в прошлом. В центре столкновений нового и старого, поданных в выразительной борьбе сильных и типичных характеров, возвышается поэт Абай. Мастерство создателей фильма заключается в том, что в коротком эпизоде многосторонне показан казахский народ, и не только в главных своих чертах, но и в характерных деталях. Создан рельефный и благородный образ поэта-гражданина, борца за права человека в обществе.

Фильм динамичен и выразителен. Ясно и четко очерчены образы основных героев. Благородством и моральной чистотой овеян образ Абая, созданный большим мастером сцены, народным артистом КазССР Калибеком Куанышпаевым. Чистотой и сердечностью своей дружбы к угнетенному народу покоряют слова и дела Долгополова, представителя передовой русской культуры, в игре заслуженного артиста РСФСР Олега Жакова. Яркий образ жестокого бия Ердена создал народный артист КазССР Елюбай Умурзаков. Обаятельно прост Баймагамбет, которого играет народный артист Серке Кожамкулов. Народный артист КазССР Шакен Айманов создал удачный образ честолюбивого Шарипа.

В фильме недостаточно четко вскрыты противоречия социального строя эпохи Абая. Теневые стороны в общественной жизни казахского народа показаны как противоречия в личных отношениях персонажей, идеи, исходящие от самого Абая, не составляют драматический стержень фильма. Это тем более важно, что сюжет, построенный на несчастной любви Айдара, не имеет своего дальнейшего развития. Параллельные лирические темы (Абиш — Магиш, Кокпай — Карлыгаш) разработаны еще бледнее. Не показаны мотивы двуличия поэта Шарипа; неудачен образ сына Абая — Абдрахмана, артист Огузбаев играет эту роль очень слабо.

Но, несмотря на недостатки, фильм «Песни Абая» является крупной победой молодой Алма-Атинской киностудии и бесспорно займет достойное место среди лучших кинокартин Советского Востока.

1946 г.

НЕКОТОРЫЕ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Проблема идейно художественного уровня советской драматургии сейчас стала одним из злободневных вопросов общего подъема советской литературы в целом.

Различная степень ощущения остроты этой проблемы в разных литературах народов Советского Союза не снимает, а, наоборот, настоятельно требует постановки и разрешения множества назревших вопросов советской драматургии.

Великие наши учителя — В. Г. Белинский, А. М. Горький — всегда подчеркивали, что драматургия является самым трудным жанром литературы. И эти трудности нами еще далеко не преодолены. Об этом говорил т. Фадеев на съезде писателей Украины.

К этому, мне кажется, следует добавить, что драматургия многонационального Советского Союза, достигнув различного уровня в своем развитии, нуждается в толковом обобщении и оценке опыта хотя бы отдельных братских литератур.

Только с этих точек зрения я понимаю задачу доклада т. Софронова на данном пленуме, вернее — на новом этапе развития советской драматургии.

Однако доклад т. Софронова, на мой взгляд, так обтекаемо построенный, очень не много добавил к тому, что было широко известно и до пленума, а также и до его доклада. Настоящий творческий критический разбор одного или двух лучших произведений последних лет дал бы нам очень много в смысле разработки и обсуждения основных проблем советской драматургии.

Первое, что я ожидал от специального доклада, это то, что т. Софронов, хотя бы в порядке постановки, должен был поднять вопрос об устаревших канонах драматургии, о нормативах и рамках этих устаревших законов, наконец, об устаревших определениях самого понятия драмы или трагедии, которых многие из нас придерживаются за неимением новых определений. Мне кажется, многие из этих устаревших канонов в ряде случаев стали неприемлемыми и стесняющими для дальнейшего развития советской драматургии. Создавая новую, советскую высокоидейную драматургию, с новыми людскими отношениями, нельзя оставаться в рамках старых буржуазных и добуржуазных законов драматургии.

Возьмем узловой вопрос драматургии — вопрос о конфликте. Речь идет о действенном, логически развивающемся конфликте, о природе конфликта.

Т. Софронов природу конфликта определил как борьбу старого с новым, и как столкновение идей. Все это верно, но как они применяются творчески, как они воплощаются в художественный образ, вот что нас волнует, товарищи, вот в чем нужно теоретически помочь писателям. Если примером борьбы старого с новым или нового со старым, взять Потапова и Северову из вашей же, т. Софронов, пьесы «Московский характер», которую я перевел на казахский язык, то и цельное старое, и цельное новое, трудно тут уловить. Ничего старого у Потапова нет, который весьма успешно выпускает машины для сельского хозяйства и отказывает Северовой в приеме заказа на станки для окраски ткани. Достаточно одной реплики Потапова, что завод сельскохозяйственного машиностроения не приспособлен для выпуска станков для окраски тканей, и на этом будет исчерпана вся претензия Северовой и на этом же будет положен конец конфликта. В чем тут старое у Потапова и новое у Северовой?

С другой стороны, если возьмем Потапова, со стороны его деятельности, то он стоит гораздо выше Северовой. Очевидно, тут имеет место искусственное охаивание человека, чтобы силой вогнать его в клетку старого понятия о конфликте. Мне кажется, мы делаем ошибку, когда схематически делим персонажей своих пьес на отрицательных и положительных. На мой взгляд, советский человек станет многогранней и естественней, если мы будем исходить из любимой Марксом поговорки «Ничто человеческое мне не чуждо!» Мне кажется, полнокровный образ советского человека может быть создан лишь тогда, когда мы раз и навсегда отойдем от приемов, сходных с приемами иконописи. Советскому человеку свойственна и отвага, и незыблемая идейность, и любовь, и радость, и печаль, и много других человеческих страстей. Следовательно, создавая образ советского человека, драматург должен иметь право выходить за рамки тех условностей, которые в действительности имеют место в жизни. Только тогда драматург сможет подняться до уровня советской романтики, следовательно, и героики.

Проблема образов и персонажей, которые были бы убедительными носителями антагонистических идей,

способных к жизненным и действенным конфликтам, это очень больной вопрос драматургии. И я ждал от доклада подробного анализа этой проблемы.

Далее, как известно, великий Белинский назвал трагедию венцом драматургии. Этот взгляд, насколько мне известно, еще никем не опровергнут. Отсюда возникает вопрос — есть ли у нас советская трагедия, да возможна ли она вообще? Я лично считаю, что сила «Любови Яровой» Тренева в ее высоком, трагедийном звучании, и советская трагедия вполне возможна. Но она возможна лишь в том случае, если мы отбросим старые понятия о трагедии с ее атрибутами о катастрофе, о мрачном и безвыходном, предопределенном роком или судьбой? Чем, например, не романтична и не трагична смерть Зои Космодемьянской, или Матросова и многих других героев Великой Отечественной войны, или героев войны гражданской?

Я лично представляю их в плане высокой оптимистической трагедии.

Далее, когда речь идет о создании высокоидейного драматического произведения, мне кажется, порой мы даем излишнюю нагрузку драматургам, зачастую забывая, что необъятного не объять. Вещи, которые могли бы быть органически вплетены в ткань драмы, мы требуем персонифицировать. Белинский требовал, чтобы тема пьесы была конкретная и ясная, он требовал, чтобы драматический конфликт пружинил вокруг одной какой-нибудь главной идеи. Требуя от пьесы того же, что законно было бы требовать от большого романа, мы тем самым способствуем росту пьесы вширь, в ущерб глубины ее. Отсюда главная мысль, ведущая идея вещи, прерываясь постоянно, не получает полного и всестороннего развития.

Знание жизни трудовых людей, изучение трудовой деятельности советского человека сейчас стоит во весь рост перед драматургами. Это исключительно правильное и сугубо партийное требование к писателям. Однотипные злодеи, однотипные оппортунисты, однотипные партийные руководители и т. д. входят в произведения именно потому, что писатель берет их не из жизни, а берет из собственной схемы.

Как я упомянул выше, драматургия целого ряда братских народов Советского Союза достигла известного уровня зрелости и нуждается в серьезном обоб-

щении и оценке их опыта, нуждается в критической помощи со стороны ведущей русской литературы.

На наш взгляд, драматургия казахского, киргизского, узбекского, туркменского и азербайджанского народов развивается по двум руслам: по освоению богатого фольклора, тем истории и по темам советской современности.

Причем характерным для литератур этих народов был и пока что остается факт в большей или меньшей степени любования прошлым. Правда, любование носит и различный характер у каждой из этих литератур и у каждого писателя в частности, но существует поныне.

Обращение к тематике прошлого было в свое время закономерным. Оно диктовалось исторической необходимостью. Например, казахи не ахти какой религиозный народ, но и не такой отчаянный атеист — суеверий, предрассудков и у него было слава богу. И вот, чтобы вырвать его из-под влияния мечети, ишанов, мулл и ходжей, чтобы затащить его в клуб и театр, нам пришлось обращаться к истории народа, к его народному творчеству. К тому же казахский эпос, продолжавший жить в устах народных акынов, был творчеством живым и действенным.

И это прошлое в определенный период культурного роста республики было верным союзником молодой советской казахской литературы и искусства.

И в этой связи, к нашим критикам и теоретикам, в частности т. Фадееву, у меня имеется один вопрос.

Как известно, А. М. Горький говорит, что «литература социалистического реализма вытекает из социалистического опыта». Это положение Горького я понимал и понимаю в том смысле, что главным и определяющим принадлежность того или иного произведения к тому или иному методу, является его идейное содержание. Иначе говоря, для того, чтобы назвать произведение написанным методом социалистического реализма, оно должно носить в себе социалистическую идею и только социалистическую.

Наша критика и научная литература из всей дореволюционной русской литературы, в том числе из всего дореволюционного творчества Горького, признает написанным методом социалистического реализма только одно произведение — «Мать» Горького. Если все это я понимаю не механически, то произведения, рисующие прогрессивные тенденции вообще, но не носящие непосред-

ственно социалистические идеи, можно назвать любым другим реализмом, но не социалистическим.

В противном случае не было бы и необходимости ограничивать тематику писателей одним лишь современным. С другой стороны, мне кажется, понятия «с позиции социалистического реализма» и «подлинного социалистического реализма»— не тождественны.

Это далеко не мой личный вопрос, это вопрос не только одного жанра, но это вопрос идейного направления и дальнейшего роста многих и многих народов Советского Союза, почему я и хочу внести ясность.

Разрешите вернуться еще к одному вопросу нашей драматургии. Казахские драматурги на тему советской современности написали, по далеко не полному подсчету, 82 пьесы. Две трети из этого количества вообще не увидели сцену театра, а одна треть, только увидев сцену, быстро сошла с нее и ныне так же забыта, как и первые две трети. На сцене не удержались также образы передовых людей — промышленности, сельского хозяйства и культуры, потому что большинство из них были искусственно склеены, в стороне от настоящей художественной правды.

Как это бывает обычно, в этих пьесах наличествовали все необходимые элементы канонов драматургии: и определенная советская идея, и героизм, и трудовые подвиги, и мечтания, но не было естественной правды конфликта и убедительности характеров, не было художественного перевоплощения этих идей в убедительных образах.

Мне кажется, и это явление распространяется на многие литературы народов Советского Союза. Яркий пример тому — пьеса Гольдеса «Другие люди».

Как нужно оценить это явление? Мне кажется, это тот же формализм, но худшего вида, ибо здесь речь идет не только о внешней форме, но и об исковерканном, неправдоподобном содержании. Этому формализму должна быть объявлена война.

О чем это говорит? Это говорит только о том, что драматурги Казахстана в большом долгу перед советскими зрителями, особенно та часть из них, которая показала себя вполне зрелыми в отображении горькой доли личности в дореволюционном прошлом, не сумели показать борьбу советского человека за строительство социалистической жизни.

Далеко неблагополучно у нас с изображением в на-

шей драматургии дружбы народов Советского Союза. Через наши пьесы прошли десятки Егоров, Алексеев, Иванов, которые выступали то в роли русского пролетариата, неся, так сказать, в казахскую степь идеи социалистической революции, то они выступали в роли представителя великого русского народа, изображая дружбу народов, но ни один из этих Егоров и Иванов не мог удержаться на сцене. Десятки представителей других братских народов, изображающих дружбу, также быстро покинули сцену. По-моему, это явление характерно для многих братских литератур.

Все это я говорю к тому, что в проблему изучения жизни и деятельности людей, закономерно должна войти проблема изучения и знания наших народов. А проблема полноценного показа на сцене великой дружбы народов Советского Союза, единого и нерушимого, является величайшей и благородной задачей всех советских драматургов и писателей.

Наконец последний вопрос, на котором я хочу заострить внимание пленума, это вопрос о переводе пьес народов Советского Союза на русский язык и об испытании творчества национальных писателей на мощных станках крупных русских театров.

Это явится одной из могущественных школ для поднятия идейно-художественного уровня драматургии братских народов.

1948 г.

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПОДЪЕМЕ

Казахстан до Великой Октябрьской социалистической революции был краем кочевий и пустынь, влачил жалкое существование отсталой окраины царской России.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела казахский народ на свободный путь расцвета творческих сил под ленинским победоносным знаменем коммунизма. И ныне свободный казахский народ при братской помощи великого русского народа создает свою национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

С законной гордостью прочли трудящиеся Казахстана передовую «Правды» от 25 февраля с. г., где было написано следующее:

«Казахстан — в сравнительно недавнем прошлом край кочевий и пустынь — становится высокоиндустриальной страной, пожинающей плоды ленинской национальной политики и являющей собой поучительный пример для стран колониального Востока, стонущих под игом капиталистического рабства».

С каждой пятилеткой Советский Казахстан делает все новые и новые успехи на пути к коммунизму.

Полная ликвидация безграмотности, осуществление всеобщего обучения, создание национальных государственных академических театров и Академии наук — все это стало у нас обычным явлением, твердо вошло в быт.

История человечества не знает, чтобы в любом из так называемых цивилизованных капиталистических государств проводились декады литературы и искусства народов. У нас это вошло в систему, стало экзаменом на зрелость, одной из форм реального стимулирования дальнейшего роста культуры советских народов.

В эти знаменательные для казахской культуры дни в столице нашей великой Родины — Москве перед выдающимися деятелями советской литературы и культуры, науки и техники, перед общественностью Москвы отчитывается одна из молодых советских литератур — казахская литература. Мы видим перед собой Кремль, и наши сердца наполняются чувством гордости: ведь мы отчитываемся перед человеком, Коммунистической партией, чей гений вывел казахский народ на светлую дорогу счастья.

Молодая казахская советская литература появилась на свет под животворными лучами Великой Октябрьской социалистической революции. Руководимая партией Ленина, она росла и крепла, имея прочную дружескую опору в лице самого передового в мире русского реалистического искусства. На творчество основоположника казахской письменной литературы Абая Кунанбаева оказала влияние поэзия Пушкина и Лермонтова. У колыбели рождающейся казахской советской литературы стояли революционные русские писатели М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Толстой, А. Фадеев. Невозможно представить вне русской культуры ни нашего предшественника Абая, ни современных казахских писателей и поэтов, так же, как нельзя представить себе казахскую кочегарку Караганду или гиганты цветной металлургии без достижений советской науки и техники.

Передовая русская литература была и остается нашей школой, которая учит нас активно вмешиваться в жизнь, быть подлинным проводником в массы идей нашей партии, идей советского патриотизма. Борьба за высокое идейно-художественное содержание произведений, проникнутое партийным отношением к действительности, стремление воспеть нашу героическую современность — вот та основная тенденция, которая характеризует сейчас казахскую советскую литературу.

Коммунистическая партия Казахстана, повседневно проводя ленинскую национальную политику, вырастила крепкий отряд литературных кадров. Если лет десять назад казахских писателей можно было считать по пальцам, то сейчас Союз советских писателей Казахстана объединяет 130 профессиональных литераторов и около 200 человек литературной молодежи. И тот факт, что десятки произведений казахских писателей и поэтов, в том числе многих молодых, переведены на русский язык, является одним из убедительных доказательств их творческого роста.

Литература нашей республики имеет все основные жанры, характеризующие ее как развитое искусство. Если к началу Октябрьской революции мы имели лишь один основной жанр — поэзию, то в настоящее время ведущими в казахской литературе стали жанры прозы и драматургии. К 30-летию образования Советского Казахстана наши писатели и поэты решили создать свыше сорока романов и повестей, десятки пьес и поэм. Многие уже сумели выполнить свое обещание народу и прибыли в Москву с новыми произведениями.

Советским читателям известен роман «Абай» крупнейшего казахского писателя Мухтара Ауэзова, удостоенный Государственной премии. Книга дает широкое социальное полотно, рисует мрачную картину прошлой жизни казахского народа. Мы с гордостью читаем отзывы на страницах центральной прессы об этом романе, единодушно признающие его значительным завоеванием не только казахской, но и всей советской литературы.

Один из пионеров нашей литературы, первый романист Сабит Муканов присутствует на декаде с новым романом «Сыр-Дарья», посвященным героическому труду казахов во время войны и в послевоенные годы. Это произведение получило высокую оценку советской общественности. Сабит Муканов — один из тех казахских писателей, кто активно участвовал в борьбе с буржуаз-

ными националистами. Многое он сделал для объединения молодых кадров казахской советской литературы. Творчество Муканова справедливо называют живой летописью больших общественных преобразований в Советском Казахстане.

С большой повестью «Чиганак» и романом «Миллионер» приехал видный казахский прозаик Г. Мустафин. Оба произведения отображают новаторство и самоотверженный труд колхозного крестьянства, его жизнь, полную довольства и изобилия. Автор правдиво рисует, как передовые люди социалистического сельского хозяйства овладевают мичуринской агробиологической наукой и, умело сочетая ее с народным опытом, применяют на практике. Несмотря на отмеченные критикой недостатки, оба произведения Мустафина являются ценным вкладом в казахскую советскую литературу.

Проблемам превращения Казахстана в одну из баз социалистического животноводства посвящены повести «Сары-Су» А. Токмагамбетова и «Талас» А. Абишева. Теме культурного роста казахской деревни посвящена повесть Г. Сланова «Дальние широты». Большой роман «Курляндия» о Великой Отечественной войне написал молодой талантливый писатель А. Нурпеисов. Успешно выступают в прозе молодые литераторы М. Тиесов, С. Омаров, М. Иманжанов, Т. Сагынбаев, С. Бакбергенов и многие другие.

С двумя пьесами — «Единая семья», «Дружба и любовь», по существу ставшими поворотным пунктом казахской драматургии к советской современности, присутствует на декаде один из талантливых драматургов Казахстана А. Абишев. Правдивое изображение глубокой любви к Родине, самоотверженного труда, честности и благородства советских людей — вот та идейно-художественная основа, которая обеспечила автору успех перед советским зрителем.

Виднейшие казахские поэты А. Токмагамбетов, Т. Жароков, Г. Орманов, А. Тажибаев, Х. Бекхожин, К. Аманжолов, А. Сарсенбаев, Ж. Саин, К. Абдыкадыров за последние годы создали много ценных художественных произведений, воспевающих славу социалистической державы, героизм советских людей в Великой Отечественной войне, его трудовые подвиги.

Обращение к темам советской действительности характерно для творчества казахских поэтов, особенно за последний период. Поэма К. Аманжолова «Наша поэ-

ма» и сборник стихов «Буря», поэмы Х. Бекхожина «Кельтемашат» и «Сыр-Дарья», поэмы Г. Орманова «Бетпак-Дала», «Золотой поток», сборник стихов «Айгак» Ж. Саина, стихи А. Сарсенбаева и С. Мауленова, выделяясь из общей массы произведений, свидетельствуют о всем новом и значительном, чем может гордиться наша поэзия.

Казахская советская литература росла и крепла в единой семье всей многонациональной советской литературы, неотступно ориентируясь на все лучшее, что появлялось в ней, учась у передовых русских товарищей по перу. Переводы произведений русских писателей на наш язык не только обогатили казахскую литературу, они помогли и помогают творческому росту казахских писателей. Однотомник Пушкина, пьесы А. Островского, произведения советских писателей «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Непокоренные» Б. Горбатова, «Радуга» В. Василевской, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Счастье» П. Павленко, «Белая береза» М. Бубеннова изданы большими тиражами.

Мы гордимся успехами родной литературы, но мы не закрываем глаза и на упущения. Исторические решения ЦК ВКП(б) по основным проблемам Советской литературы и искусства помогли нам вскрыть ряд вредных проявлений в казахской литературе. ЦК КП(б) Казахстана вынес решения о грубых политических ошибках на литературном фронте в Казахстане. Партийная общественность республики резко осудила попытки отдельных литераторов тянуть нашу литературу назад, протащить в нее элементы буржуазно-националистической идеологии.

Недавно прошедший IV съезд большевиков Казахстана, отметив неуклонный подъем казахской советской литературы, в то же время подчеркнул, что некоторые наши писатели в своих произведениях, вопреки исторической правде, приукрашивают прошлое казахского народа, кочевую жизнь казахов, искажая тем самым реальную действительность. В произведениях ряда писателей правдивое и глубокое изображение советских людей, их благородства и моральной чистоты подменяются схематизмом и упрощенчеством.

Указания партии воодушевили нас на новую, еще более острую борьбу за большевистское, подлинно народное творчество.

Мы, писатели Советского Казахстана, один из отрядов великой советской литературы, уверены, что под руководством партии Ленина полностью освободимся от этих недостатков. Все свое творчество, всю свою энергию мы посвятим созданию высокоидейных, патриотических произведений, достойных великого советского народа — строителя коммунизма.

1949 г.

ЛИТЕРАТУРНУЮ КРИТИКУ — НА УРОВЕНЬ ПОВЫШЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ!

Казахская советская литература год от года крепнет и развивается, по праву претендуя на одно из ведущих мест в самой передовой в мире многонациональной советской литературе. Опираясь на богатейший опыт классической русской и современной советской литературы, она более чем за четверть века своего существования обогатилась новым содержанием, выработала сложные приемы и формы создания произведений всех жанров.

До Октябрьской революции у нас не было ни одного жанра, кроме поэзии, представленной единственным поэтом Абаем. Рождением и развитием своей подлинной письменной литературы казахский народ обязан советскому периоду, открывшему простор для всестороннего проявления его физических и духовных сил.

За эти годы у нас намного увеличился отряд писателей и литераторов, выращенных и воспитанных великой Коммунистической партией. Необходимо особо подчеркнуть, что успехи нашей казахской литературы, достигнутые за последний период, значительно прочнее и серьезнее, чем было лет 10—15 назад. Это отрадное явление объясняется не счастливой случайностью, не случайным «везением» тому или иному писателю, а естественным, реальным ростом кадров нашей литературы.

Во-первых, ведущая часть так называемого старшего поколения казахских писателей, обогащенная опытом и вооруженная марксистско-ленинской теорией, правильно разобралась в своих идейно-художественных промахах в прошлом и сейчас стала давать образцы полноценных, глубоких по содержанию произведений.

Во-вторых, в послевоенный период в нашу литературу, как и везде по всему Советскому Союзу, пришла талантливая, хорошо подготовленная молодежь. И следует подчеркнуть, что некоторая часть этой молодежи кое в чем серьезно корректирует опыт старшего поколения.

Казахская советская литература сейчас имеет все художественные жанры в различной стадии их развития. Печальное исключение представляет детская и юношеская литература, которая находится, можно сказать, в неоформившемся состоянии. Хотя у нас уже определился немалый круг детских писателей, все же мы еще не в состоянии удовлетворить возросшие запросы советской детворы и юношества.

Писатели Казахстана в большом долгу перед юными читателями.

Что же касается основных жанров художественной литературы — прозы, поэзии, драматургии, то успехи их развития свидетельствуют о том, что казахская советская литература в целом вступила в полосу зрелости. Более зрелые и прочные традиции заложены в прозе, которая уверенно развивается, преимущественно в самых сложных ее формах — романе и повести. Но малые формы прозы — рассказ, новелла, художественный очерк и т. д.— не получили еще полного развития. И такое, можно сказать, тяжелое состояние малых форм прозы остается неизменным в течение всего последнего десятилетия. Наши критики никак не удосуживаются обратить внимание на причины отставания этого участка.

Рядом с прозой, на мой взгляд, надо поставить драматургию. С ней тесно связано рождение и развитие казахского театрального искусства, рождение и формирование талантливых казахских актеров. Наша драматургия делает первые успешные шаги на всесоюзную арену. Лучшие произведения казахских драматургов переводят крупные советские драматурги, такие, как Б. Лавренев, А. Якобсон и др.

Если до Великой Отечественной войны в этом жанре преобладали темы прошлого, то сейчас положение круто изменилось. Тематика расширилась и обогатилась актуальными современными темами, взятыми из сегодняшней нашей жизни. Но самое главное и решающее заключается в том, что наша драматургия располагает более опытными творческими кадрами, чем другие жанры литературы.

Как бы ни обижались поэты, но по своему идейно-художественному уровню в настоящее время, мне кажется, казахская поэзия занимает следующее место за драматургией.

Наша поэзия имеет более продолжительную историю, чем все другие виды казахской письменной литературы. В лице Абая она имела образцовую национальную школу, возникшую в результате глубокого освоения идейно-художественных основ русской революционно-демократической поэзии. Через переводы Абая казахские поэты гораздо раньше, лучше и полнее познакомились с поэзией Пушкина и Лермонтова на родном языке, чем поэты других национальных республик Советского Востока. Процесс формирования казахских поэтов, как и везде в Советском Союзе, сопровождался непрерывной учебой у передовых революционных поэтов во главе с выдающимся новатором поэзии В. Маяковским. Изучая и одновременно переводя их на свой родной язык, наши поэты достаточно хорошо познакомились с художественными принципами советской поэзии. В количественном отношении кадры поэзии у нас превосходят кадры всех других жанров, вместе взятых. Следовательно, мы имеем все основания ожидать от нашей поэзии большего размаха, большего совершенства.

Несмотря на перечисленные выше серьезные пробелы, казахская советская литература выходит на всесоюзную и мировую арену, на суд зрелого и требовательного читателя. На русский язык переведены все три книги романа «Абай» М. Ауэзова, «Ботагоз», «Сыр-Дарья», «Мои мектепы» С. Муканова, «Чиганак», «Миллионер», «Караганда» Г. Мустафина, «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, «Приволье» Г. Сланова, «Сердце Алтая» Д. Абилева, стихи А. Тажибаева, Т. Жарокова, Г. Орманова, Ж. Саина, Х. Бекхожина, К. Аманжолова и многих других.

Лучшие произведения казахских писателей переводятся на многие языки народов мира.

На пятнадцать языков переведен замечательный роман в трех книгах «Абай» М. Ауэзова, удостоенный Государственной премии первой степени, на девять языков переведен роман «Миллионер» Г. Мустафина, на шесть языков — роман «Ботагоз» С. Муканова, на семь языков — роман «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова. На девять языков народов Советского Союза переведена пьеса «Козы Корпеш и Баян-слу» Г. Мусрепова. Б. Лав-

ренев закончил перевод пьесы С. Муканова «Чокан Валиханов».

Следует отметить, что с нами охотно сотрудничают, нас переводят такие талантливые советские писатели, как Л. Соболев, Б. Лавренев, Вс. Иванов, А. Якобсон, С. Злобин, Н. Сельвинский, В. Луговской, М. Зенкевич, П. Кузнецов, Н. Сидоренко и другие.

Как богатейший и неоценимый вклад в нашу духовную культуру, как ее незыблемый золотой фонд, следует рассматривать переведенную на казахский язык русскую и мировую классику, а также выдающиеся произведения советской литературы. Библиотека советских читателей на казахском языке обогатилась переводной литературой намного больше, чем оригинальной казахской. На казахский язык переведены «Анна Каренина» Л. Толстого, четыре тома лирических стихотворений, поэм и «Капитанская дочка» А. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Лермонтова. Близки к завершению переводы основных произведений Н. Гоголя и И. Тургенева, переводятся басни И. А. Крылова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, «Гроза», «Таланты и поклонники», «Не все коту масленица» А. Островского, рассказы А. Чехова, «Отелло», «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера. Переведены также произведения В. Гюго, О. Бальзака, П. Мериме, Д. Дефо, Жюль Верна, Д. Свифта, Назыма Хикмета («Легенда о любви» и стихи), Пабло Неруды, отдельные рассказы и стихи писателей и поэтов стран народной демократии.

Значительно лучше теперь обстоит дело с переводом выдающихся произведений советских писателей и поэтов. В течение последнего десятилетия изданы на казахском языке «Мои университеты», «Детство», «Мать», «Фома Гордеев», «На дне», «Васса Железнова» и однотомник рассказов А. М. Горького, сейчас переводятся «В людях», поэма «Владимир Ильич Ленин» и стихи В. Маяковского.

Вторым изданием вышла «Молодая гвардия» А. Фадеева, изданы «Поднятая целина» и первая книга «Тихого Дона» М. Шолохова, первые две книги «Петра Первого» А. Толстого, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Цусима» А. Новикова-Прибоя, первая книга «Белой березы» М. Бубеннова, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Живая вода» А. Ко-

жевникова, две книги «Бури» В. Лациса, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Радуга» В. Василевской, «Кружилиха» В. Пановой и много других.

Таково в общих чертах состояние художественной литературы на казахском языке [1].

И совершенно не случайно именно в этот период Союз советских писателей Казахстана выносит на широкое обсуждение проблемы литературной критики, как науки, призванной теоретически освещать пути дальнейшего развития нашей литературы. Мне кажется, пора нам со всей категоричностью признать, что на этом участке у нас в литературной жизни кое-что становится просто нетерпимым. Во-вторых, нельзя представить себе сколько-нибудь зрелую литературу, которая бы так безразлично терпела крайнюю отсталость критико-теоретической мысли, или могла бы нормально развиваться дальше при почти полном отсутствии теоретического обобщения ее многолетней практики. Нет сомнения, что успехи нашей литературы были бы намного выше и значительнее, если бы ей сопутствовала научная, марксистско-ленинская критика.

Проблемы казахской литературной критики нельзя рассматривать в отрыве как от общих задач всей советской литературы, так и от передовой советской критики.

У нас все еще очень слабо развивается критическая мысль, недооценивается литературная критика как настоящая научная, кропотливая творческая работа.

В своем докладе «О задачах литературной критики» на XIII пленуме СП СССР т. А. Фадеев назвал десятки научных трудов, посвященных проблемам литературной критики и теории, а мы на сегодня не можем назвать ни одного такого труда, который был бы посвящен критическому разбору творчества хотя бы одного писателя, хотя бы одного произведения, не говоря уже о целом каком-либо жанре, или всей литературе. «Величание вместо критики»— вот совершенно справедливая оценка, данная «Правдой» тем немногим работам наших критиков, которые, не успев появиться в свет, бесславно кончили свое существование. За четыре года, прошедшие после пленума, немалое количество людей получило различные ученые звания и степени по литературоведе-

---

[1] Я не говорю о трудах русских писателей и поэтов, живущих в Казахстане, только потому, что творчество их доступно для критики на всесоюзной арене.

нию, но трудов, глубоко анализирующих литературный творческий процесс в нашей республике, все нет и нет. Непонятно, почему труды по литературоведению, годные для получения ученого звания, непригодны для издания? Нашим ученым как будто нет дела, что между литературной практикой и теорией мы имеем неслыханно постыдный разрыв. Очевидно, у некоторых людей существует такой же разрыв между личным стремлением получить те или иные ученые звания и чувством ответственности перед наукой.

Известно также, что на страницах «Правды» и «Литературной газеты», а также многих центральных журналов, постоянно поднимались и поднимаются актуальнейшие вопросы советской литературы, но у нас они не изучаются и не разрабатываются, не говоря уже о применении их в нашей литературной практике. Зная, что казахская литература имеет серьезное отставание, наши критики и литературоведы до сих пор не сочли нужным изучить конкретные причины этого отставания и помочь в их устранении.

На страницах центральной печати дискутировались проблема положительного героя, проблема типичности, вопросы специфики различных жанров литературного мастерства и т. д. Но ни один печатный орган в нашей республике не оказывался на должной теоретической высоте, чтобы подать голос из Казахстана, чтобы организовать дискуссию хотя бы по одному из многочисленных животрепещущих вопросов казахской советской литературы. Писатели Казахстана в абсолютном большинстве своем отделались молчанием.

Наши литературные журналы — «Адебиет жана искусство» и «Советский Казахстан» не придают литературной критике значения первостепенной важности.

На теоретическом фронте советской литературы сейчас десятки людей трудятся над освоением богатейшего критико-теоретического наследия великих русских мыслителей, революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова и других. Однако у нас делается крайне мало, даже в деле перевода этих трудов на казахский язык. В казахских школах, где преподавание ведется на родном языке, нет произведений ни Белинского, ни Чернышевского, и учащиеся получают представление о них со слов да понаслышке. Единственный небольшой сборник критических статей Белинского, выпущенный в переводе наших ученых-литерату-

роведов, пестрит ошибками, грубыми неточностями и совершенно неудобоварим для практического пользования. И самое главное — ни в Союзе писателей, ни в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах не ведется систематической работы по широкому освоению на родном языке критико-теоретического наследия революционных демократов.

Высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам литературы и искусства, изданные в хорошем переводе, собранные хотя бы в одной книге, давно должны были быть настольной книгой каждого казахского писателя. Но такой книги у нас нет по сей день. Это огромный пробел в развитии критической мысли, это искусственный голод в области теории литературы.

А как обстоит у нас дело с кадрами литературной критики? Во-первых, их всегда не хватало, и сейчас это положение изменилось не намного. Во-вторых, первое поколение казахских критиков, подававших какие-то надежды лет 15—20 тому назад в лице Б. Кенжебаева, Т. Нуртазина, Б. Шалабаева, Ж. Сарсекова и некоторых других, давно и, кажется, бесповоротно оставило это поприще. Очевидно, они не нашли ничего общего между литературоведением и литературной критикой и сделались специалистами от литературы в различных учебных заведениях и институтах нашей академии. Они оставили за собой право на любовь к литературе при полном нейтралитете к живому литературному процессу.

Новые кадры критиков пришли к нам из вузов в послевоенный период. Молодые критики Т. Ахтанов, К. Нурмаханов, Е. Букетов, С. Кирабаев, М. Сарсекеев, Т. Алимкулов, З. Кабдулов, А. Нуркатов и другие в различной степени показывают хорошую подготовленность. Но у них еще нет достаточного опыта, недостает смелости и уверенности, чтобы по-настоящему раскрыть свои возможности. Очевидно, лишь поэтому они выступают сдержанно и, главным образом, только с рецензиями. Следует подчеркнуть, что деятельность молодых критиков у нас нигде не встречает препятствий и препон, но они пока что не столь активны и смелы, как этого можно было бы от них ожидать.

Плохо и то, что у нас еще не сложилась необходимая культурная традиция рассматривать труд критика, как глубоко творческий и благородный труд, достойный самого передового представителя общественной мысли.

Невысокий культурно-теоретический уровень нашей литературной критики определяет и ее тон, который во многом остается безапелляционным и грубым. Она неглубока, непоучительна, часто однобока. Сказанное нашей критикой об одном произведении относится лишь к данному произведению, но не затрагивает своей руководящей идеей каких-то общих творческих проблем литературы. Квалифицированная всесоюзная критика, как это понятно само собой, обращает свое внимание на нашу литературу только в связи с выходом той или иной книги на русском языке. А основная масса написанного нами продолжает оставаться вне поля зрения настоящей, помогающей писателю критики. Можно было бы назвать десятки авторов, творчество которых ни разу не подвергалось критическому разбору, и они, конечно, варятся в собственном соку. Среди них такие поэты, как Г. Малдыбаев, А. Темиржанов, которые, не получив в течение продолжительного времени поддержки со стороны литературной критики, уже пятнадцать лет ничего не пишут. Еще большее число казахских поэтов и писателей в своем творчестве определенно и явно катятся назад. А критикам нет дела до них.

Нельзя мириться и с тем, что между методами и приемами советской литературной критики и нашим местным представлением о ней порой обнаруживается разлад принципиального характера. Советская критика учит чему-то полезному, а у нас порой прибегают к принципу «битье определяет сознание».

Разлад между методами передовой советской критики и нашим местным представлением о ней нашел свое выражение также и в критических выступлениях республиканской печати.

Было бы крайне несправедливым и неверным по существу отрицать огромную положительную работу республиканской печати в развитии нашей литературы, в выращивании ее молодых кадров, в деле своевременного и всестороннего выявления больших и малых ошибок в литературе.

Однако дух принципиальности и трезвости нередко изменяет нашим редакторам.

Для иллюстрации справедливости наших утверждений можно привести беспримерный случай с романом М. Ауэзова «Абай» и автобиографическим романом С. Муканова «Школа жизни», случай свежий, происшедший в 1953 году.

Как известно, со дня выхода в свет первой книги романа «Абай» в 1942 году, т. е. в течение больше чем десяти лет, вся советская печать, в том числе и наша республиканская, несколько позже и печать стран народной демократии, не раз высоко оценивала идейно-художественные достоинства романа «Абай», как большого художественного полотна. И действительно — роман «Абай» является не только новым и этапным словом казахской литературы, но и выдающимся произведением советской литературы. Но, как известно, 21 июня 1953 года наша самая авторитетная республиканская газета «Казахстанская правда» разразилась тяжелой редакционной статьей, из которой можно было сделать лишь один вывод, что роман подлежит срочному изъятию. Что же утверждала эта редакционная статья?

Вот выдержки из нее:

«М. Ауэзов неправильно подходит к раскрытию образа центрального героя — Абая... Абая мы видим преимущественно в окружении феодально-байской молодежи, бесцельно, в безделье проводящей свое время...

В замаскированной форме автор пытается изобразить в качестве положительных героев, якобы оказавших влияние на Абая, презренных предателей казахского народа, впоследствии ставших матерыми буржуазными националистами... Ауэзов не находит ярких красок для создания образов передовых русских людей. Они обезличены, не отражают лучших черт великого русского народа.

Автор уклоняется от разоблачения реакционного характера пантюркизма и панисламизма.

Чувством печали по феодально-байской старине проникнуты многие картины, рисующие старый аул. С нескрываемой грустью пишет автор о том времени, которое проклято народом.

С большой симпатией и любованием описываются в книге феодально-патриархальные порядки и обычаи.

Вместо того, чтобы разоблачить антинародную роль феодально-родовой верхушки, М. Ауэзов поднимает на щит славы ее представителей, изображая их чуть ли не выразителями интересов народных масс.

М. Ауэзов игнорирует трудовой народ».

Эта статья свидетельствует о том, какой глубокий разлад обнаруживается между принципами советской литературной критики и нашим произвольным пониманием ее.

Роман М. Ауэзова «Абай» не без греха. Автор все еще не так смело разоблачает силы, противоположные трудовому народу, но ведь роман еще не окончен. Окончательное суждение по роману мы можем иметь лишь тогда, когда автор закончит его, а сейчас, в процессе создания, должны и обязаны давать автору такие замечания, которые будут ему полезны для завершения многолетнего большого труда.

Не менее бесцеремонным было выступление молодежной газеты «Ленинская смена» по книге С. Муканова «Школа жизни» 25 апреля 1953 года. В статье «В умилении перед прошлым», газета возводит на автора тяжелое обвинение в идеализации прошлого, в искажении исторической правды. Сочувствие автора бедноте газета называет «лицемерной фразой». Статья заканчивается выводом: «Ради этого не стоило браться за перо».

Нельзя безразлично и спокойно говорить о других пороках нашей литературной критики. Она слишком терпелива к недостаткам, порой даже инертна, непрозорлива. Самые серьезные болезни на литературном фронте она замечает слишком поздно и застает их в запущенном состоянии.

Взять хотя бы перевод, прежде всего поэзии. Здесь дело обстоит чрезвычайно плохо. Основная масса переводчиков с русского языка на казахский — это литературные ремесленники, далекие от художественного мышления. В переводах таких людей ни один из классиков мировой литературы не стал популярным среди казахских читателей, хотя бы в той мере, в какой популярна, скажем, «Тысяча и одна ночь» в переводе поэта К. Абдукадырова.

Как сказано было выше, произведения Пушкина у нас переводятся систематически. Однако в этой области далеко не все благополучно. Перевод «Евгения Онегина» почему-то был поручен малоопытному молодому поэту К. Шангитбаеву. Он перевел его плохо. Но ни у одного из наших критиков это, видимо, не вызвало беспокойства. А нужно было подробно проанализировать причины неудачи. Проделать эту работу — большой творческий долг нашей критики.

Но наряду с этим нельзя не отметить, как творческий успех наших поэтов, переводы А. Тажибаева («Руслан и Людмила»), Т. Жарокова («Кавказский пленник»), Х. Бекхожина («Гаврилиада»), Г. Орманова («Медный

всадник»), Т. Алимкулова («Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан»); К. Аманжолова («Полтава»).

Немало и молодых поэтов Казахстана показали свое мастерство и творческие возможности на переводе пушкинской поэзии. Так, переводы С. Мауленова, М. Алимбаева, Ж. Омирбекова, Л. Шамкенова, Т. Неманлова и др. свидетельствуют о серьезных творческих достижениях. Однако в переводах И. Мамбетова, К. Жармагамбетова, Абикенова и других Пушкин стоит не выше переводчиков.

В этой связи нельзя не отметить внимательную и заботливую критическую статью молодого ученого Ш. Сарыбаева, напечатанную в первом номере журнала «Советский Казахстан» за 1954 год. Кропотливо анализируя работу над переводами стихов Пушкина, он приводит много неопровержимых доказательств. Следует познакомиться с ней всем нашим редакторам издательства и переводчикам.

При переводе произведений Абая или Г. Тукая на русский язык мы законно требуем от СП СССР лучших и признанных поэтов. Но почему при переводе Пушкина или Лермонтова на казахский язык мы позволяем упражняться молодым, еще незрелым поэтам? Мне кажется, это непозволительно.

Плохо обстоит дело с переводами В. Маяковского. «Переводить мои стихи особенно трудно,— говорил сам В. Маяковский,— я ввожу в стихи обычный разговорный язык».

Абай, переводя Пушкина и Лермонтова, учился сам, создавал новые формы стиха, соответствующие новому содержанию. Но наши современные поэты, переводя Маяковского, очевидно, мало ищут новых форм. Нельзя назвать по-настоящему удачным ни один перевод из Маяковского.

Читая переводы, не ощущаешь Маяковского в целом, с его ярким поэтическим стилем, с его ритмикой. Мы, очевидно, не нашли еще настоящего ключа для перевода произведений Маяковского.

Немало погрешностей встречается в переводах прозы. Они, как это ни досадно, имеются в переводе «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева, сделанного нашим лучшим прозаиком М. Ауэзовым. В целом перевод «Дворянского гнезда» намного ниже прозы самого переводчика. М. Ауэзов блестяще перевел для сцены «Лю-

бовь Яровую» К. Тренева, «Ревизора» Н. Гоголя, «Отелло» и «Укрощение строптивой» В. Шекспира и многое другое. Но в переводе «Дворянского гнезда» не чувствуешь, что над ним работал требовательный, квалифицированный художник-переводчик.

Совершенно непонятно, почему так произвольно изменен социальный смысл таких слов, как «свет», «высший свет» или «имение»: слова «свет» и «высший свет» переведены как «культурное общество» («өнерлі когам») или «хорошее общество» («жақсылар арасы»), а «имение»— то, как «поселок», то как «зимовка» («қыстақ»), то как «город», «светская наука», как «наука приличия» («сыпайылық ғылымы»).

Полна фактических ошибок «Молодая гвардия» в переводе Г. Сланова. Во втором исправленном издании переводчик стилистически значительно улучшил свой перевод, книга теперь в значительной степени приобрела все особенности и свойства оригинала. Но искажений, отсебятины, неправильных оборотов еще много.

В серьезной переработке и внимательной редакции нуждается первая книга «Тихого Дона» (перевод Н. Баймухамедова), две книги «Петра Первого» (перевод Х. Жабасова) и другие.

Как значительный успех в переводе прозаических произведений следует отметить «Капитанскую дочку» в переводе А. Тажибаева, «Героя нашего времени»— Ж. Саина, «Кармен» Мериме в переводе А. Ипмагамбетова. В этих переводах встречаются лишь отдельные шероховатости и незначительные вольности.

Еще один серьезный вопрос, который должен был стоять в центре внимания нашей литературной критики, это вопрос о литературном языке. По этому вопросу в республиканской печати был ряд выступлений.

Я хочу коснуться двух последних выступлений на страницах газеты «Социалистік Қазахстан»— профессора М. Балакаева и писателя М. Ауэзова.

Профессор М. Балакаев справедливо требует чистоты литературного языка, соблюдения его объективных законов и норм. Он целиком прав, когда говорит о неумелом использовании отдельными писателями так называемой инверсии. Но профессор М. Балакаев, на мой взгляд, преднамеренно преувеличивает погрешности в языке и делает совершенно несправедливый вывод, когда обращается к произведениям М. Ауэзова.

Он пишет: «Но эта его тенденция (т. е. мастерство

писателя в создании новых словосочетаний — *Г. М.*) за последнее время превращается в вольность, его язык отдаляется от языка народа... Ауэзов, по нашим наблюдениям, передачу глубокого содержания лишь запутанным, затрудненным языком считает за художественное достоинство...» Приведя несколько неубедительных примеров Балакаев делает заключение: «Все это показывает, что автор не считается с законами родного языка, выходит за пределы его норм». Понятно, что Ауэзов — писатель требовательный к слову — не мог дать критику примеров для такого заключения. Отдельные, давно забытые слова, вроде «шопир», «нор», «дурк», «обектеу» и т. д., конечно, останутся жить только в его произведениях. Но из этого нельзя делать вывод, что Ауэзов не считается с нормами языка. Ауэзов обогащает наш литературный язык заново осмысленными литературными словосочетаниями, тем самым расширяя и углубляя внутреннее значение взаимодействия слов.

В своем ответе на статью профессора М. Балакаева М. Ауэзов вначале как будто признает большое принципиальное значение статьи, но в ходе рассуждения постепенно опровергает ее целиком. Причем главный его аргумент заключается в одной фразе, что «поэтическая лексика не простая лексика». Здесь определение сущности поэтической лексики, конечно, нуждается в членораздельной расшифровке, ибо трудно понять, что такое простая или поэтическая лексика? Это опорное положение М. Ауэзова трудно понять и из следующего: «Иногда особенно интересно для красноречия построение поэтического синтаксиса и поэтической лексики из новых (свежих?) слов». Слова «красноречие» и «синтаксис» еще более запутывают дело. Ведь ясно, что поэтическая лексика обеднит себя, если она уведет нас в сторону от жизни.

Главным изъяном в нашей критике является стандартность, стереотипность предъявляемых к произведениям требований.

Такая критика абсолютно не касается специфики жанра, не касается его законов и норм, много говорит об идее произведения, но о том, как эта идея воплощена писателем, умалчивает.

В этом можно убедиться на примере драматургии, которая больше, чем другие виды нашей литературы, встречает отклик со стороны наших критиков.

Возьмем одну характерную рецензию, напечатанную в газете «Социалистик Казахстан» 9 декабря 1953 года, на постановку «Моя любовь» молодого драматурга М. Иманжанова.

«Цветущая степь... Начиная с хребтов Алатау и простираясь до Балхаша лежит летнее и зимнее пастбище для всех четырех видов скота...

Даже одну эту небольшую долину беспредельных просторов нашей республики можно назвать кузницей мысли, труда, направленных на развитие животноводства.

В научных лабораториях проводится разносторонняя исследовательская работа. Богатый опыт колхозно-совхозного производства, творческая мысль каждого ученого и чабана — все это вливаясь в одно русло, через благодатные новые открытия, вносит ценную лепту в обширную программу дальнейшего развития социалистического животноводства. Вот на эту тему написана пьеса М. Иманжанова «Моя любовь». В ней рассказывается об испытании и выращивании новой породы тонкорунной овцы «алатау», которая дает много шерсти.

Казахстан, как известно, занимает большое место по развитию животноводства в нашей стране. Наряду с другими видами скота, расширение тонкорунного овцеводческого хозяйства в данное время есть тот вопрос, на который трудящиеся республики должны обратить особое внимание...»

Вот, так сказать, отправная идейная точка, от которой отталкивается автор статьи Ж. Алтайбаев. В рецензии нет ни одного слова о том, как решен основной конфликт в драматургическом отношении, насколько он нов и типичен.

«Драма должна быть строго и насквозь действенна»,— говорит А. М. Горький в статье «О пьесах». В новых пьесах с современным общественным конфликтом для нас важен всякий малейший успех автора, но еще важнее узнать, насколько взятый автором конфликт двигает действие. Но наш критик не касается этих вопросов. Он избегает разговора о том, насколько развитие конфликта захватывает зрителя идеей и правдивым художественным решением.

Наша критика не сумела всесторонне проанализировать и пьесу А. Тажибаева «Цвети, степь!». Кандидат филологических наук А. Маловичко в статье, напеча-

танной во втором номере журнала «Советский Казахстан» за 1953 год более или менее верно определяет идейное содержание пьесы, но полностью умалчивает о ее художественных достоинствах и недостатках.

Каковы критические выступления по поэзии и прозе? Следует отметить, что в творчестве ряда наших ведущих поэтов твердо наметился один важный, на мой взгляд, момент,— переход к большим поэтическим полотнам. Г. Ергалиев написал четыре больших поэмы: «Девушка из нашего аула», «Исповедь отца», «На широком пути» и «Твоя река»; Т. Жароков — две поэмы: «Лес в степи зашумел» и «Темир-Тау»; Абилев — большую поэму, названную романом в стихах «Сердце Алтая», а А. Тажибаев, перешедший было на жанр драматургии, закончил поэмы «Говорит комсомол», из цикла пяти взаимно связанных между собой небольших поэм, посвященных первой весне освоения целинных земель. А. Токмагамбетов после длительного молчания успешно работает над начальными главами большой поэмы «Невысказанное слово». Эти произведения рисуют широкий трудовой энтузиазм советских людей, их успехи на строительстве железных дорог, на заводах и рудниках, показывают передовых и отсталых людей промышленности и сельского хозяйства.

Такое новое и отрадное явление предсказывает недалекий общий подъем нашей поэзии, сейчас в целом отстающей.

Казалось бы, что творческий порыв у наших поэтов должен был приковать к себе пристальное внимание литературной критики.

Но никто членораздельно, без дипломатии, пока не говорит о качестве этих произведений. Статьи пестрят фразами «благородное стремление», «своевременный порыв», «ожидаемый ответ», «актуальная тема», «значительная тема», «видим мастерство», «чувствуем огонь дыхания» и т. д. Но где они все это видят и чувствуют — об этом (по-дружески!) умалчивается. Ни композиция этих поэм, ни развитие сюжета, ни конкретные образы героев до сих пор не подвергались внимательному разбору.

Наших критиков мало волнуют явления и отрицательного порядка. На мой взгляд, такие поэты, как К. Абдукадыров, Ж. Сыздыков, А. Хангельдин, С. Машаков, М. Хакимжанова, О. Малкаров, А. Оналбаев, С. Сентов, К. Мукушев и другие на виду у всех теряют

свой поэтический голос. Это сказалось, например, в откликах на комсомольский поход по освоению целинных земель. Все, что опубликовано на эту тему, вымучено, неубедительно, неискренно. Поэт Ж. Саин отыгрался в основном на том, что было сказано им о дружбе русского, украинского и казахского народов раньше, в военных сериях его стихов. Приторно звучит его строка: «Иди, родной, зрачок моих глаз!», адресованная посланным в Казахстан комсомольцам из РСФСР и Украины.

Молодой поэт М. Алимбаев двадцать восемь строк своего стихотворения (из сорока четырех) посвящает тому, как Айша с накрытым столом ожидает гостей, остальные шестнадцать строк отведены тосту гостя: он рассказывает, что его отец в первой пятилетке отправился на Амур, а он, по традиции отца, сейчас прибыл в Казахстан. «И давайте выпьем!» Больше никаких мыслей. Поэт Т. Алимкулов тоже ничего не нашел лучшего, как лирическое описание пустующей в прошлом степи. Лишь в последних восьми строках своего стихотворения (из пятидесяти двух) он говорит о тракторе, вспашке целины. У другого поэта — Аманшина — больше мыслей, чем у первых, но они выражены крайне прозаически.

Некоторые наши писатели и поэты отстают потому, что у них крайне низок уровень культуры. Однако могут быть и другие причины. Критикам нужно все это изучать, чтобы вовремя прийти на помощь товарищу.

Но медвежью услугу литературе оказывает критик, когда хвалит плохие произведения. Это тем более вредно, если такая услуга оказывается редакцией авторитетной газеты. Именно такого рода услугу оказала однажды газета «Социалистик Казахстан» начинающим поэтам. 9 ноября 1953 года газета выступила с обзорной статьей «Думы о партии» на поступившие в редакцию стихотворения.

«Безгранична любовь народа к партии,— писала газета.— Поэтому народ свое самое лучшее слово, вырвавшееся из сердца, самое дорогое свое слово и пламенное чувство посвящает ей, партии». И далее, характеризуя цитируемые в статье стихотворения, газета говорит:

«Все эти стихотворения выражают силу разлива большой любви народного сердца к партии».

Но какие стихотворения приводит газета, чтобы оправдать такое, весьма ответственное утверждение? Что она считает пламенным словом, вырвавшимся из глубины сердца? Тут-то как раз она попадает впросак. Ни одно из цитируемых газетой стихотворений нельзя назвать удачным. Это в основном неприкрытое заимствование из известных народных акынов и поэтов — А. Токмагамбетова, Г. Орманова и др.

В одном из стихотворений газета не заметила даже прямую кражу из текста песни, написанной Баймухамедовым.

У Баймухамедова сказано:

«Партия кайда болса, женис сонда». И эта строка повторяется несколько раз в разной вариации. А редакция газеты «Социалистик Казахстан» утверждает, что некто «Зал. Жунусов заключает свое стихотворение «Навеки здравствуй, партия» такими глубокими по мысли строками:

Партия кайда болса, халык сонда,
Партия кайда болса, женис сонда».

О чем все это говорит? О том, что в данном случае газета крайне непродуманно расхвалила то, что ни в какой степени не заслуживало внимания серьезного печатного органа.

Итак, дело с критикой обстоит у нас плохо. Конечно, в этой статье охвачено не все, но из того, что пропущено, нет ничего такого, что меняло бы суть дела. Культурно-теоретический уровень нашей литературной критики невысок, действенность невелика. Нам гораздо легче изжить грубые администрирования на литературном фронте, ибо факты такого рода не могут долго жить в советских условиях. Но поднять теоретический уровень литературной критики до партийной принципиальности, научной объективности и глубины — это требует больших усилий труда и времени. И ни один литератор, будь он ученый, писатель или критик, не имеет права отказываться от этой трудной работы.

Необходимо все силы приложить к тому, чтобы поднять у нас литературную критику на уровень сегодняшних повышенных требований и задач, стоящих перед всей советской литературой.

1954 г.

ГЛАШАТАЙ ДРУЖБЫ

Великий казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев жил и творил во второй половине прошлого столетия, когда в казахскую степь проникали лишь первые ростки нового и неизведанного. Отсталый в экономическом, политическом и культурном отношении казахский народ приобщался к прогрессивной русской культуре.

Абай Кунанбаев рано познал вопиющий деспотизм феодального общества, боролся с ним и стал на защиту обездоленных. Судьба наградила поэта знакомством со ссыльными русскими революционерами-демократами. Знакомство перешло в истинную и долгую дружбу. Именно русские люди, открывшие Абаю «глаза на мир», сыграли колоссальную роль в формировании и становлении его взглядов, его мировоззрения.

Уже с первых дней своей осознанной литературной деятельности Абай выступает как поэт глубоких социальных и гражданских мотивов, затрагивающих жизненно важные проблемы его эпохи. Он беспощадно бичует пороки господствующих классов. Но дальше Абай не идет; он зовет свой народ к революции. В этом сказалась историческая и национальная ограниченность поэта.

Но все же не тихие проповеди характерны для творчества Абая. Поэт дорог нам как реалист, обличавший пороки феодального общества, как преемник прогрессивных традиций русской литературы XIX века, как просветитель своего народа.

Во времена Абая центральной проблемой стала проблема просвещения казахского народа, воспитания его в духе передовой демократической русской культуры. С обширной программой выступил и другой просветитель Чокан Валиханов (1835—1865), образованный человек своего времени, офицер русской службы. На северо-западе Казахстана этим же вопросом занимается видный педагог, поэт, общественный деятель Ибрай Алтынсарин (1841—1889). Он открывает казахские школы, вытесняя из степи мулл, проповедников ислама. Алтынсарин впервые выпускает казахский учебник на русском алфавите, пишет хрестоматию. В своих стихах и назиданиях он воспевает русскую прогрессивную культуру, зовет к дружбе с русским народом.

Поэтическое творчество Абая отличается смелым утверждением социальных принципов искусства, активным вторжением в жизнь, что и роднит его творчество с поэзией советской эпохи. Он выступал против поэтов, воспевающих отвлеченную красоту, тосковавших по старине, по «золотому веку» родового строя, ратовавших за натуральное хозяйство кочевников и рассматривавших возникновение связей с городом как большое зло.

Абай достиг высокого поэтического мастерства благодаря глубокому изучению русской культуры. Но он отчетливо различал Россию Пушкина и Чернышевского и Россию царизма. Именно поэтому в ряде своих стихов поэт едко высмеивает царских чиновников. Величие Абая-просветителя в том и состоит, что он всей своей деятельностью стремился передать казахскому народу наследие передовых представителей общественной мысли России и внушить ему ненависть к царизму. В стихах «Вот я и стал волостным управителем», «Кулембаю» и других поэт показал настоящее лицо царских ставленников — степных воротил, их тупость, жадность, трусость и ничтожество, их отвратительное угодничество перед начальством. Его произведения напоминают едкую сатиру Щедрина и Гоголя.

Непримиримый враг рутины и косности феодально-патриархального быта и нравов, мыслитель, открыто порицавший существующий порядок вещей, неугомонный искатель правды. Абай, однако, не сумел указать своему народу пути избавления от социального угнетения. Его гнев переливается через край, вызывая досаду на жизнь, на судьбу. Абай, оптимист в своих идеях, был одинок в своей среде и подвержен отчаянию. Обобщая свой долгий жизненный путь, полный тревоги и борьбы, поэт писал:

Я с вершины скал
В мир слова кричал,
Эхо отвечало вдали.
Тех, кто мне отвечал,
Я годами искал,
Волочась по лицу земли.
Те же скалы передо мной,
То же эхо — отзвук пустой.

Но большое сердце поэта, растерзанное вероломным миром «на сорок лоскутьев», не переставало тревожиться о судьбах своего народа. Поэзия Абая становится

многогранной, многообъемлющей. В своих гражданских стихах он неустанно воспевает деяния человека, его волю и разум, выражая полную веру в его неисчерпаемые возможности. Главным критерием человеческого достоинства поэт считает труд. Только осознанный, честный, полезный труд облагораживает человека. Источником многих пороков своих современников Абай считает то, что они не занимаются общественно-полезным трудом, приобретя привычку к паразитическому образу жизни.

Немало стихотворений Абая посвящено проблемам морали. Он ратует за пересмотр старых законов, обычаев, нравов, традиций. Поэт утверждает гуманное начало в человеке, воспевая его любовь к миру, к природе, к жизни, к людям. Братство всех тружеников на свете, взаимное обогащение культурными ценностями — вот смысл абаевского гуманизма.

Подлинное новаторство Абая, как зачинателя казахской письменной литературы, особенно проявилось в стихах, написанных под влиянием Пушкина и Лермонтова, Гёте и Байрона. При этом его творчество, став глубже и шире, не утратило своей самобытности, не потерялась неповторимая прелесть его таланта.

Абай создал поэзию, всей своей структурой нарушившую каноны в традиции старого Востока. Это можно проследить не только по его стихам, пронизанным общественным содержанием, но и по его лирике. На другом языке трудно передать всю красоту, пленительность лирики Абая. Но даже в переводах нельзя не видеть признаков качественно новой, подлинно профессиональной поэзии:

Когда станет длинною тень,
И закат прохладно-багрян,
И время, окончив день,
Шагнет за дальний курган,—
Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой,
Вечерний сумрак в огне:
Жизнь — вся уже за спиной.

В оригинале эти строки дышат исключительным обаянием.

Поседела в мечтах моя голова.
Пожелтела надежд опавших листва,

Здесь мы видим новое даже в сочетании слов, до Абая никто из казахов не говорил и не мог говорить «листва надежд». Эта принципиально новая система образного мышления создавалась поэтом в процессе работы над переводами, получила логично убедительную форму в ряде его стихов и впоследствии закономерно вошла в обиход всей казахской литературы.

До революции участь восточной женщины была особенно тяжелой и горькой. Абай сумел изобразить лучшие черты казашки, чистоту и глубину ее чувств, ее моральную высоту, ее верность в любви и дружбе. Он со всей силой своего обличительного гнева обрушился на блюстителей шариата, называя приверженцев калыма бесстыдными продавцами и покупателями своих детей. Раскрепощение казахской женщины Абай видел в восприятии русской культуры, передовой общественной морали.

Абай является новатором и в национальной форме казахской поэзии. Исследователями подсчитано семнадцать новых форм казахского стихосложения, введенных поэтом. Если к этому добавить интонационные особенности его стихов, чрезвычайное разнообразие и богатство их внутренней ритмики, то новаторство Абая станет еще весомее, грандиознее. Великий поэт так отчетливо чувствовал единство содержания и формы, что каждое стихотворение его зрелого творчества может служить образцом этого единства.

В размышлениях Абая, выраженных в прозе, мы также видим его большим гуманистом, демократом, оберегающим интересы народа, бичующим угнетателей. Примечательно отметить, что Абай приходит к выводу, что счастье — категория социальная и чтобы добиться его, нужно перестроить общество.

Философские суждения Абая, передаваясь из уст в уста, получили широкое распространение. Слово поэта-просветителя стало спутником народа в его радости и горе. Казахи полюбили это слово, верили ему, как слову мудрого заступника своего. «Учись у русских,— говорил Абай,— у них свет и знание».

Абай был и самобытным композитором. До нас дошло до двадцати его мелодий. Они полны задушевности, богаты интонациями и, хотя удивительно родственны русским народным песням, тем не менее подлинно национальны. Здесь мы видим счастливое едине-

ние двух традиций песенной культуры, обогащенной гением Абая.

Всесторонне эрудированный, культурный человек своего времени, Абай путем самообразования в совершенстве овладел русским языком, изучил многие прогрессивные произведения русской и мировой литературы и философско-материалистической мысли. Историческая заслуга Абая состоит в том, что он одним из первых на Востоке так действенно распространял русскую революционно-демократическую культуру, своими переводами пропагандировал бессмертные произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова и других писателей. Казахская духовная культура, синтезом которой является творчество Абая, своими корнями глубоко уходит в духовную культуру России.

В эти дни, когда вся страна чтит память Абая Кунанбаева, отмечая пятидесятилетие со дня его смерти, мы опять с законной гордостью называем великий русский народ своим старшим братом, взлелеявшим и окрылившим духовную зрелость нашу, наш рост и прогресс. И снова славим мы Абая, глашатая вечной дружбы наших народов.

1954 г.

ПОРА ЗРЕЛОСТИ

Чтобы определить истинное состояние казахской литературы, необходимо выяснить, насколько правдиво и глубоко отражена в ней наша социалистическая действительность, насколько художественная форма соответствует идейному содержанию произведений. Другими словами — в какой степени казахские советские писатели овладели методом социалистического реализма.

Ко второму съезду советских писателей Казахстана мы пришли всего лишь с небольшим количеством коротких рассказов, нескольких повестей, большей частью незаконченных, и несколькими неполноценными романами.

Как о значительных произведениях мы говорили тогда о «Загадочном знамени» Сабита Муканова, о «Жизни и смерти» Габидена Мустафина, о «Моих ровесниках» Саттара Ерубаева.

Создание большого романа было для нас далекой мечтой. И говорить по-настоящему об овладении методом социалистического реализма у нас не хватало еще ни смелости, ни творческих возможностей. Теперь кадры казахской прозы выросли и в количественном и в качественном отношениях. В нашу писательскую организацию влился новый отряд молодых писателей, подающих большие надежды.

Если в период второго съезда ведущим жанром нашей литературы была поэзия, то теперь это место по праву принадлежит прозе.

Казахская советская проза, при содействии русской литературы, теперь вышла на союзную и мировую арену культуры. Такие произведения, как «Абай», «Ботагоз», «Миллионер», известны не только в нашей стране, но и зарубежному читателю.

Успехи казахской советской прозы связаны с тем, что наши писатели руководствуются идейными и художественными требованиями, предъявляемыми методом социалистического реализма, требующего единства идеи и ее художественного выражения, единства содержания и формы.

Обратимся к ряду примеров.

За последние годы был написан известный советской общественности четырехтомный роман М. Ауэзова «Абай», который, всесторонне изображая полувековую историю жизни казахского народа, широко охватывает социальные взаимоотношения, существовавшие в казахской степи тех лет. Это произведение ознакомило советскую общественность с жизнью казахского народа, с жизнью и творчеством нашего великого поэта Абая. Оно — значительный успех всей советской литературы.

Роман Сабита Муканова «Загадочное знамя» отражает глубокие социальные противоречия в казахской степи, которые были разрешены лишь после Октября 1917 года.

Если в романах Габидена Мустафина «Чиганак», «Миллионер» мы видим первых новаторов, передовых людей колхозного аула, то в «Сыр-Дарье» Сабита Муканова, «Дальних просторах» Габдола Сланова колхозный труд показан как великая сила социалистического преобразования земли.

В этих произведениях имеются те или иные недостатки, о них будет сказано ниже, но произведения достойно отражают нашу социалистическую действитель-

ность, показывают, насколько мы активно вмешиваемся в жизнь, преобразуем ее.

За период со второго до третьего съезда наша Родина пережила самое большое из всех исторических событий — Великую Отечественную войну. На эту тему написаны повесть «Молодое поколение» Альжаппара Абишева, роман «Курляндия» молодого писателя Абдижамила Нурпеисова, повесть «Жексен» молодого писателя Оразалина и «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова.

Военная тематика была для казахских писателей серьезным творческим испытанием. Мы должны оценить эти произведения, как плоды хорошего стремления к новому.

Долгое время казахские писатели не решались взяться за тему о рабочем классе. Теперь мы имеем четыре романа, посвященные жизни рабочего класса Казахстана. Они являются значительным вкладом в нашу литературу. Это —«Жанар тау» Г. Сланова, изображающий жизнь нефтяников, «Дитя моря» А. Сарсенбаева, посвященный жизни рыбаков, «Пробужденный край» Г. Мусрепова, «Караганда» Г. Мустафина, изображающие два периода жизни угольщиков Караганды.

Необходимо особо отметить первые успехи молодых прозаиков, которые пришли в нашу литературу после Великой Отечественной войны. Таковы С. Шаймерденов с его повестью «Дорога в грядущее» о жизни студенчества и молодых ученых, М. Иманжанов — автор повести «Первые месяцы» и Б. Сокпакбаев, написавший повесть «В далеком ауле».

Писатели Казахстана активно вторгаются в различные области нашей жизни, они стремятся охватить все существенные ее стороны.

В нашей прозе наметилось направление, имеющее важное значение для будущего. Оно заключается в том, что писатели, отражая актуальные вопросы нашей жизни, вместе с тем бросают свет в завтрашний день.

Сейчас у нас имеется группа прозаиков, работающих в жанре короткого рассказа. Таковы — Сейтжан Омаров, Мукан Иманжанов, Бердыбек Сокпакбаев, Толеухан Сагымбаев.

Баубек Булкышев, короткая писательская жизнь которого оборвалась на фронте Великой Отечественной войны, своими острыми художественными очерками-статьями значительно поднял уровень нашей публицис-

тической прозы. Развивается и укрепляется художественный очерк, являющийся как бы разведкой для создания в будущем больших произведений. Все это можно назвать внутренним обогащением казахской прозы в жанровом отношении.

Известно, что наибольшее распространение и право на длительное существование получают те произведения, которые полнее отвечают требованиям метода социалистического реализма. Такие произведения оказывают большое влияние на дальнейший рост национальной литературы.

В этой связи остановимся на четырехтомном романе Мухтара Ауэзова «Абай», как на выдающемся произведении казахской прозы.

Каковы эти требования? В последние годы на страницах центральной и нашей республиканской печати поднимались вопросы создания положительного образа, вопросы конфликта, композиции, языка, идеи, формы. Однако из-за того, что каждый из этих вопросов рассматривается изолированно, вне связи друг с другом, требования, предъявляемые методом социалистического реализма к художественному произведению не могли встать перед нашими глазами целиком, в полном объеме, и, распыляясь, иногда становились недостаточно четкими, расплывчатыми.

По-моему, метод социалистического реализма предполагает полное, нерасторжимое соответствие формы и содержания. Никакие разговоры об «актуальности» не спасут произведение, слабое в художественном отношении, в отношении образно-выразительных средств. Как нельзя рассматривать содержание в отрыве от формы, так и идею нельзя рассматривать оторванно от художественного мастерства. Нельзя жертвовать одним из них ради другого. Если в произведении положительные образы будут убедительны и многогранны, то отрицательные образы, противопоставленные им, должны быть созданы столько же убедительными и яркими. Конфликтом называется борьба, столкновение двух противоположных сил или взглядов. Если в изображении борьбы, с одной стороны, сильный положительный герой, а, с другой,— слабый, то в такой ситуации в первую очередь проигрывает положительный герой.

Большой идейный замысел произведения доходит до сознания читателя только тогда, когда он правильно и убедительно раскрывается автором через борьбу и

конфликты, соответствующие действительности, конкретным явлением жизни. Убедительность и жизненность основных и побочных линий конфликта зависит от того, насколько удачно будут выбраны автором герои и верно показаны их действия. Образ создается на основе мыслей, действия. Без действия нет образа. Огромное значение в изображении действия имеет язык произведения. Художественность произведения не только в языке, но и в композиционном мастерстве, в непрерывном развертывании событий и конфликтов, в развитии образов, создаваемых с чувством эстетической меры.

Выполнение всех этих требований зависит от идейной силы писателя, от его мастерства. И когда я называю в первую очередь роман М. Ауэзова «Абай», то я считаю, что это произведение наиболее полно отвечает идейно-художественным требованиям метода социалистического реализма.

Наши молодые и зрелые писатели, стремящиеся овладеть литературным мастерством, долгое время будут учиться на этом романе. Большинство образов романа, в особенности образ самого Абая, стали типами, «знакомыми незнакомцами».

Каждый из нас как-то по-своему понимает и представляет себе образ поэта Абая со всеми его внешними и внутренними чертами. Образ Абая, созданный М. Ауэзовым, соответствует тому облику поэта, который живет в сердце народа. Поэтому читательская общественность приняла этот образ, поверила в него. На протяжении всего романа мы видим Абая — великого поэта, который скорбел о судьбе своего народа и указывал ему пути в будущее, призывая к дружбе с великим русским народом.

Абай в романе не одинок. Он опирается на лучших представителей трудовой массы, таких, как Даркембай, Базаралы, Дармен. Все они вместе выступают против патриархально-феодальных устоев казахской степи. М. Ауэзов не нарушает исторических традиций. В романе «Абай» мы видим и резкий протест масс, и их бессилие.

Создавая образ Абая и представителей трудовой массы, писатель нашел яркие впечатляющие средства для характеристики. Однако он не ослабил и образы отрицательные. В группе противостоящих Абаю людей нет ни одного образа, который был бы повергнут от одного дуновения.

В романе показаны, начиная с Кунанбая и кончая сыном Такежана, носители произвола и насилия, с которыми всю жизнь боролся Абай. Поступками и внутренним обликом Алшинбая, Божея, Каратая и других писатель говорит, как силен был феодализм в казахской степи.

Так выглядит историческая правда в романе, причем обе борющиеся стороны показаны одинаково сильными противниками.

Толчком социальной борьбы в произведении является узурпация земли у слабых родов, которая была истинной причиной смерти Кодара. На протяжении всех четырех томов романа борьба не ослабевает, она вызывает интерес, увлекая читателя. Даркембай, Тогжан, старуха Инс, в особенности судьба самого Абая, вызывают у нас то сожаление, то радость. В этом проявляется композиционное мастерство писателя, умение развивать события, раскрыть образы в действии и, наконец, вызвать или искреннюю любовь к образу, или ненависть к нему. Если при этом учесть образный язык, полный дыхания жизни и мысли, то мы наиболее полно представим себе особенности произведения М. Ауэзова.

«Абай»— это роман о будущем казахского народа. Оно было бы немыслимо без дружбы с великим русским народом, без его передовой мысли и культуры. Мы чувствуем, как стихийные формы классовой борьбы идут к концу, как перед казахской массой открывается путь к сознательной борьбе, к революции. Именно борьба за будущее делает образ Абая близким нашему читателю.

Конечно, романы об Абае были бы невозможны без того опыта, который был накоплен нашей литературой в предшествующий период.

В этом отношении большое значение имеет творчество Сабита Муканова, который по праву считается одним из зачинателей казахской советской литературы. Его «Загадочное знамя», будучи первым казахским романом, оказало влияние на создание романа «Абай». Вообще говоря, это произведение оказало значительное влияние на развитие всей нашей прозы. Здесь впервые в казахской литературе был поставлен вопрос о социальных противоречиях, вопрос, над решением которого думали великие казахские просветители Чокан Валиханов, Абай, Ибрай Алтынсарин, Сабит

Муканов в своем романе показал, что этот вопрос и вообще будущая судьба казахского народа могут быть решены только через пролетарскую революцию. На революционный путь, на который не могли вступить ни Абай, ни Валиханов, жившие в другое время, вступает герой «Загадочного знамени» Аскар. Аскар является как бы продолжателем их дела в новой обстановке. И Аскара я тоже считаю «знакомым незнакомцем», о котором говорил Белинский. Образ Аскара — простого аульного учителя — стал собирательным образом революционера из казахской демократической интеллигенции. Этот образ наиболее полно отражает свою эпоху. Писатель не обличает жизненный путь героя. Он показывает, как растет сознание Аскара, как герой поднимается до уровня настоящего революционера. В образе Аскара автор глубоко раскрывает большую идею в том, что для всех народов, находившихся до революции на положении, подобном казахскому народу, нет иного выхода из-под власти угнетателей, кроме революционного пути.

Роман «Загадочное знамя» С. Муканова доказал свое право на длительное существование. Он во многих отношениях отвечает требованиям социалистического реализма. Показ социально-классовых противоречий в романе «Загадочное знамя» дан в тесной связи с судьбой героев. Здесь достаточно сильно изображены как положительные герои, так и их противники. Таким образом, этот роман занимает видное место в казахской советской прозе. Непонятно только, почему автор назвал его «Ботагоз». В конечном счете главным героем является не дочь, а сын казахского народа, и основная направленность книги выражается не в побочных лирических лицах, а в картинах социальной борьбы. Поэтому новое название ослабляет идею книги.

Как я уже сказал, наши прозаики в своих произведениях, наряду с постановкой актуальных вопросов, стоящих перед обществом сегодня, затрагивают задачи завтрашнего дня.

Такая хорошая тенденция заложена в первую очередь в «Чиганаке» и «Миллионере» Габидена Мустафина. То же мы видим в других романах и повестях — «Сыр-Дарья», «Первые месяцы», «Дорога в грядущее», «Дальние просторы». Это направление является новым для казахской советской прозы. Оно

характеризует зрелость нашей литературы. Это-то новое начинается с романов Габидена Мустафина.

За 15 лет, прошедшие между двумя съездами, Г. Мустафин, написав три романа, занял прочное место в казахской советской прозе. Он многое сделал в деле поворота нашей литературы к темам сегодняшней жизни.

Изображение нашей современной действительности — дело нелегкое, оно не всегда и не всем удается. Мустафин растет, создавая типические образы наших современников. Его «Миллионер», переведенный на многие языки, уже вышел на широкую международную арену. Однако я лично считаю, что его роман «Чиганак» более полно отвечает требованиям социалистического реализма. По-моему, в «Чиганаке» раскрываются многие стороны нашей жизни. Главный герой романа Чиганак Берсиев является собирательным образом передовых людей сельского хозяйства. Это в истинном смысле типический образ. Самое хорошее состоит в том, что у Чиганака и в трудовой деятельности, и в системе взглядов нет никакой искусственности. Он изображен просто, убедительно, как скромный и правдивый человек. Выросший на основе лучших качеств национальной традиции, герой вместе с тем является передовым тружеником эпохи. Поэтому его образ служит лучшим примером для колхозной массы.

Наряду с изображением передовых людей, подобных Чиганаку, писатель смело разоблачает остатки старины, которые еще бытовали в колхозах и приносили вред колхозной жизни. Он убедительно раскрывает борьбу нового со старым в сельском хозяйстве. В романе нет ложного пафоса. Поэтому читается он с таким интересом. Значит, автор нашел правдивое художественное решение идейного содержания романа. Вот почему, на мой взгляд, «Чиганак» более отвечает требованиям метода социалистического реализма, чем «Миллионер».

Безусловно, в «Миллионере» поднимается очень важный вопрос — о путях развития колхозного строительства, об отношениях между социалистической и частной собственностью. Мы знаем из опыта многих колхозов, что чем больше увеличивается общественная собственность колхоза, тем меньше надобности в частной собственности колхозника. В колхозе, где

трудодень полностью покрывает материальные потребности колхозников, частная собственность мешает росту дохода на каждый трудодень. Все это так. Но в книге эта идея не нашла отражения в линии борьбы. Здесь нет людей, которые бы ее поддерживали, как и нет борющихся против нее. В «Миллионере» показана идейная борьба между новатором Жомартом и успокоившимся на достигнутом Джакупом. Большой вопрос, робко поднятый автором, легко выпадает из конфликта. Правильно намеченная идея, не находя своего художественного развития и воплощения, сейчас в таком виде противоречит требованиям сентябрьского пленума.

Одним из значительных произведений, порожденных задачей активного вмешательства в социалистическую жизнь, является роман Сабита Муканова «Сыр-Дарья». Здесь мы видим, как большие территории плодородной земли, благодаря общественному колхозному труду, начинают приносить богатство. Автор стремится показать, что в тяжелых условиях Отечественной войны экономическое и культурное строительство не останавливается, а, наоборот, еще больше развивается с тем, чтобы нанести еще больший удар врагам, посягнувшим на наш мирный труд. Писатель, хорошо знакомый с жизнью, охватывает успехи созидательного и творческого труда, протекающего в тяжелых условиях. Он показывает, что в нашей стране такие большие дела, как рытье каналов, строительство плотин находят общенародную поддержку.

Если мы посмотрим на «Сыр-Дарью» с точки зрения задач расширения колхозного производства, обогащения его, то роман окажется созвучным сегодняшним вопросам освоения целинных и залежных земель. Один из главных героев романа — Сырбай — является таким же тружеником-новатором, как Чиганак. В последние годы и другие наши писатели, следуя опыту Муканова, вводят в свои пьесы героев, типа Чиганака и Сырбая. Таково значение «Сыр-Дарьи» в изображении большой правды советской действительности.

Раньше такому народу, как казахи, который вел кочевой образ жизни и занимался только животноводством, трудно было сразу начать земледелие, рытье каналов, освоение новой сельскохозяйственной техники. Все это проходило не везде одинаково гладко.

В этих вопросах у нас все еще встречается ряд затруднений.

Давно пережитый, пройденный этап передовыми районами Советского Союза, все еще имеет место в некоторых колхозах Казахстана. Я говорю о слишком большом внимании к личной собственности в ущерб общественной, о наличии лодырей и бездельников, о равнодушии к овладению техникой — все эти пережитки старого аула требуют и сейчас активной борьбы с ними. Поэтому мы должны правильно оценить социальное значение таких произведений, как «Сыр-Дарья», «Дальные просторы», в которых воспевается социалистический труд.

Помимо произведений, посвященных постановке основных вопросов сельского хозяйства, мы имеем также несколько значительных книг, изображающих современную жизнь рабочих. В области этой темы наши писатели как бы поднимают нетронутую целину. Надо подчеркнуть тот факт, что писатели, углубляясь в тематику из жизни рабочих, никогда не раскаиваются. Жизнь рабочего класса вдохновляет их на большие творческие дела. Подобно тому, как крупная промышленность имеет возможность могучей силой поднять уровень сельского хозяйства, так и изображение жизни рабочего класса вносит в нашу литературу богатые возможности изображения нашей действительности.

Из произведений, посвященных изображению жизни рабочего класса, следует остановиться на романе Мустафина «Караганда», который уже увидел свет на казахском и русском языках, стал известным широкому кругу читателей. Судя по тому, какую оценку этот роман получил на страницах центральной и республиканской печати, а также со стороны читательской массы, можно сказать, что автор романа достиг поставленной перед собой цели. Писатель, получивший опыт в создании нескольких романов ранее, в этом произведении сумел дать ряд полноценных образов. Он показал историю возникновения промышленного гиганта в казахской степи. В романе «Караганда» изображены советские люди. Такие главные герои книги, как Мейрам, Щербаков, отвечают требованиям типизации, и сам роман в основном удовлетворяет идейно-художественным требованиям, предъявляемым к художественному произведению социалистического

реализма. Это сказывается уже в том, что наша читательская общественность хорошо приняла «Караганду».

Мы уже отмечали, что одной из особенностей казахской советской прозы является ее активное вмешательство в жизнь. Эту особенность можно вполне отнести и к творчеству наших молодых прозаиков. Если Мукан Иманжанов в своей повести «Первые месяцы» поднял вопросы политехнизации школы, которые ныне имеют большое значение, то Сафуан Шаймерденов в романе «Дорога в грядущее» показал борьбу с косностью в области биологической науки.

Один из наших молодых писателей Абдижамил Нурпеисов в своем произведении изображает силу, стойкость и сознательность советской молодежи, выращенной и воспитанной Коммунистической партией в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны.

Наша литература, благодаря произведениям молодых талантов, обогатилась положительными образами ученых,— такими, как Бозжанов, Добров, образами советских воинов — Есея, Скорикова и других.

В изображении характеров и чувств советской молодежи каждый из наших молодых писателей имеет свои особенности, характеризуемые тонкими наблюдениями и свежими красками, хорошим знанием и глубоким пониманием окружающей действительности. Это крайне нужно для нашей прозы.

Из сказанного можно сделать первый вывод о том, что казахская советская проза в отношении богатства тематики, активного вмешательства в жизнь, идейного роста находится на правильном пути. Эти качества необходимо в будущем еще более расширять и углублять.

Вместе с этим было бы заблуждением сказать, что казахская советская проза в целом поднялась до такого высокого уровня, что она полностью и безоговорочно отвечает в идейно-художественном отношении методу социалистического реализма.

Казахская советская проза, как и вся советская литература, в своем развитии нащупала правильный путь, но у нее еще много нерешенных творческих проблем. На это я и хочу обратить особое внимание. Мы избавились от безыдейности, но в силу того, что еще далеко не всегда может сохранить неразрывное единство идеи и красоты, подчас блекнут и обесцениваются

у нас хорошие идеи. И произведения, которые мы считаем на уровне требований социалистического реализма, порою оказываются намного ниже этого уровня. Одни писатели у нас делают успехи в создании типических образов, другие — в создании напряженных драматических конфликтов, третьи преуспевают еще в чем-нибудь. Но у нас есть и такие произведения, которые не отвечают многим требованиям социалистического реализма. В таких произведениях идеи не облечены в настоящую художественную форму. Эти труды следует считать мертворожденными. От таких недугов мы все еще окончательно не отделались.

Выше я назвал роман М. Ауэзова об Абае, как произведение, отвечающее всем требованиям социалистического реализма. Но мы обнаружили бы свою неорганизованность или робость, если бы не высказали некоторых пожеланий, способствующих успешному завершению писателем своего труда, над которым он работает уже много лет.

Меня, например, не удовлетворяет, что зрелый Абай оказывается не зачинателем общественных взглядов, а лишь их сторонником и свидетелем, что он поддерживает стихийные протесты масс только в критический момент. Я это рассматриваю как недостаточную активность Абая, как главного героя, который выступает в роли вожака масс.

И еще. Мы помним одно большое обращение самого автора. Я имею в виду сцену, когда через учеников или сподвижников Чернышевского в казахскую степь дошли идеи, мысли революционных демократов, и Абай слушал их, отдавшись всем существом. Какую почву нашли эти идеи в казахской степи, т. е. в сердце широкой народной массы! Привилось ли это семя? Если да, то как оно развилось и как повлияло на взгляды самого Абая? Вопрос о том, стоял ли Абай выше или ниже уровня своей эпохи, определяется его отношением к общественным движениям своего времени, и тут Абай не должен оставаться на уровне тогдашней казахской степи.

В опубликованных в журнале первых главах четвертой книги романа ответа на этот вопрос, к сожалению, не находим.

Разумеется, что критика в адрес других наших прозаиков должна быть значительно суровее и серьезнее. Дело в том, что они еще недостаточно овладели методом социалистического реализма. Образы, создан-

ные нами, подчас оказываются мало привлекательными. Они недолго живут, и их дела и поступки не заинтересовали читателя. Частенько жизнь советских людей выглядит в книгах наших писателей тусклой, в сознании героев чувствуется не скромность, а скорее заурядность. А герой, духовно обедненный, не может завоевать симпатии читателей.

В качестве иллюстрации возьмем сцену из романа «Чиганак», считающегося одним из ценных произведений. Тут влюбленные Жанбота и Амантай говорят таким языком:

«Жанбота, стоя, расчесывалась, оглядывалась, потом плюхнулась в воду, Амантай соскочил и сгреб всю ее одежду.

— Ой, бесстыжий!— увидев это, сказала Жанбота.

— Ты бесстыжая!— сказал Амантай и сел на одежду.

— Почему я бесстыжая?

— А почему при мне раздеваешься донага?

— Как же при тебе? Ты только что подошел.

— Нет, я лежал, давным-давно видел все.

— Раз насмотрелся, дай одежду.

— Нет желание еще не насытилось, давай, выходи сюда!

— Пусть лучше пескарь съест мое тело, чем позволить тебе увидеть его.

— В таком случае, сиди так,—сказал Амантай и, взяв одежду под мышку, зашагал прочь.

— Постой, постой!— сказал Жанбота в нетерпении Амантай вернулся обратно.

— Что хочешь сказать?

— Ты поступаешь по старому казахскому обычаю. К лицу ли тебе это?

— Данный обычай казахов мне нравится, а об остальном не могу судить.

— Что, ты чуждаешься культуры?

— У меня нет времени на болтологию...

— Любовь — существо нежное, грубости твои ей не по вкусу.

— Нет, любовь — существо крепкое. Бей топором — и то выдержит. Некоторые ради украшения обессиливают ее. Может, моя любовь грубовата, но она не лопнет, она на всю жизнь.

— Эй, озорник, правду говоришь?— сказала Жанбота».

Неладно скроенная, но крепко сшитая любовь, противопоставляемая Г. Мустафиным «хрупкой любви», характеризует положительные образы писателя, как людей грубых, не свободных от диких нравов. Захват одежды купающейся девушки и последующий «лирический» диалог красноречиво говорят об этом. Здесь ясно видно, что хотя мы в создании образов отказались от топора, стали орудовать более острыми и усовершенствованными орудиями, все же владеем мы ими далеко не в идеале.

Пренебрежение требованиями эстетики, ходульность, порою грубый натурализм часто дают чувствовать себя в произведениях Сабита Муканова. В частности, идейно-художественные пороки повести «Балуан-Шолак» явились прямым результатом натурализма. Балуан-Шолак, которого автор выдвинул в качестве положительного героя, оказался человеком бездушной физической силы, не способным различать правого от неправого, насильником, без разбора карающим и виновного и невиновного. Общественность не приняла эту книгу.

Роман «Сыр-Дарья» Сабита Муканова, созданный на важную тему, не является шагом вперед в творческом росте писателя. Большая идея не нашла здесь надлежащего глубокого художественного решения. Много хороших отдельных страниц и эпизодов в романе, однако нельзя считать его настоящей удачей. Во многих местах композиция романа становится рыхлой, сюжет книги дробится. Все, что знает автор, он без разбора несет в книгу. Тут изобилуют и воспоминания, и легенды, которые не только не помогают раскрытию характеров, а, наоборот, уводят нас далеко от основной сюжетной линии. И главные герои во весь рост не показаны в своей основной жизненной деятельности. Слабы образы партийных работников. Из авторского повествования, из длиннейших диалогов мы улавливаем, что они полны хороших намерений. Но мы не видим их у дел, со своими индивидуальными особенностями, в реальной обстановке жизни. Характер, обычай, привычки, мысли — все это дано не конкретно, расплывчато. Речь Полевого — русского человека — в романе всецело копирует аульного старика казаха. Бедноват вообще и язык романа. Много риторики, но мало живых красочных картин. «Сыр-Дарья» не оказалась следующей ступенью после романа «Жумбак-Жалау», не принесла

нам ожидаемой радости. Все это явилось следствием того, что писатель в свое время не прислушался к товарищеской критике.

Безусловно, грубых идейных срывов у писателя не было. У С. Муканова случались отдельные ошибки и промахи, но политический курс у него всегда был правильным, он всегда стоял на крепкой советской, партийной почве. Причину его неудач надо искать в упавшем уровне мастерства.

Сам С. Муканов утверждает, что сторонник простой, безыскусственной литературы, доступной и понятной народу. Но он ошибочно понимает категорию простоты, поэтому уделом его произведений оказываются заурядность и упрощенность Писатель должен серьезно задуматься над этим и отказаться от своего ошибочного мнения. В первую очередь он должен понять, это ложное представление о простоте уже в течение десятипятнадцати лет связывают его талант.

Социалистическая эстетика рассматривает доступность народу, как вершину художественности. Но она чужда всякого упрощенчества, она требует высочайшего мастерства, какого мы все еще не смогли достигнуть.

На XIX съезде партии напоминалось нам о том, что идейный и культурный уровень советских людей стал несравненно выше. А заурядные упрощенные произведения не удовлетворяют их возросшие запросы.

В адрес А. Абишева и Г. Сланова необходимо высказать несколько более суровых критических замечаний. Скоро уже двадцать лет, как они вошли в нашу прозу. В творчестве А. Абишева преобладает драматургия, но в его активе числятся 4—5 повестей. Следует напомнить, что его повесть «Молодое поколение» подвергалась суровой критике в республиканской и центральной печати. Судя по результатам переделки ее, критика принесла определенную пользу. В идейном замысле автора нет ничего такого, что дало бы основание обвинять его в намеренном искажении образов советской молодежи.

И все же его повесть, изображающая героев Великой Отечественной войны и советскую молодежь, не вошла в сокровищницу нашей литературы. Такая же участь постигла произведения, написанные им как до этого, так и после. Особенно большие нарекания со стороны нашей писательской общественности вызывали последние повести А. Абишева «Сахара Саулети»

(«Красота степей») и «Терен Тамырлар» («Глубокие корни»).

В период, когда особенно возросли требования к художественной литературе, А. Абишев преподнес нам голые идеи о необходимости увеличения общественного хозяйства и обеспечения полного изобилия. А о художественных достоинствах произведения, о мастерстве он совершенно не подумал. На любой странице этих двух книг можно было бы найти уйму примеров, чтобы проиллюстрировать, насколько плохо написаны эти книги. А вот хорошие примеры трудно отыскать. Особенно плоха последняя повесть «Терен Тамырлар» («Глубокие корни»). Эту книгу, вероятно, невозможно переработать, даже с учетом замечаний критики. Во всех произведениях А. Абишева очень часто встречаются приемы, противоречащие принципам социалистического реализма, как-то: явно надуманный, искусственно созданный конфликт, прямая и открытая лакировка, вместо отображения действительных противоречий самой жизни, придумывание вымышленных противоречий по голой схеме и т. д.

Бесконечные неудачи способного к писательскому труду человека объясняются неумением его проникнуть в глубь идейно-художественных требований метода социалистического реализма, неумением найти нужные образы, шараханьем из стороны в сторону.

Единственной нашей творческой школой является русская реалистическая литература XIX века и современная советская литература. Высокой идейностью мы овладеваем на основе марксистско-ленинского учения, а по художественному мастерству должны учиться у великих русских писателей во главе с М. Горьким и В. Маяковским, у современных мастеров социалистического реализма.

Некоторые наши писатели допускают поверхностное отношение к учебе, к совершенствованию своего мастерства и не задумываются над тем, что это может привести к весьма неприятным последствиям.

А. Абишев говорит, что он до сих пор не может найти «свой» жанр. Мне кажется, что самым близким для него жанром является жанр драматургии.

Недостатки А. Абишева характерны и для Габдола Сланова и для Магзума Теисова. Г. Сланов — писатель, имеющий большой опыт, написавший четыре романа на

большие темы советской жизни. Однако произведения Г. Сланова живут недолго.

Созданные им образы не запоминаются. Так, например, романы «Жанар тау» («Вулкан») и «Кен орис» («Простор») — нынешний «Шалкар» — посвящены важной области нашей социалистической жизни, большой теме, к которой писатель должен был отнестись со всей ответственностью.

Основная причина неудачи состоит в том, что роман построен на ложном конфликте. В начале «Шалкара» поднимается вопрос о проведении дороги в Тасегенский лес. Одни говорят, что дорогу надо проложить из леса прямо в колхоз. Другие говорят, что дорога будет проложена из леса до станций, лес перейдет в другой район. Автор поддерживает эти местнические взгляды. Местничество не есть вопрос, подлежащий одобрению где бы то ни было — особенно в литературном произведении. Да и строительство дороги не может стать существенным конфликтом.

Наши писатели должны понимать, что художественная литература не создается одной только декларацией хороших намерений, хороших идей. Идея есть цель, осуществляемая через художественные картины, через действия, столкновения. Цель может осуществляться только путем выполнения главных условий художественного изображения. А художественное изображение зависит в конечном счете от мастерства.

В данный период писатель, не ставящий перед собой задачу освоения художественного мастерства, рискует попасть в опасное положение. Пора понять, что идейное произведение есть прежде всего высокохудожественное произведение в полном смысле этого слова.

С этой точки зрения повесть М. Теисова «Куткару» («Спасение») совершенно не выдерживает критики. А другого его произведения мы не знаем.

Имеются упущения и с нашей стороны в отношении Альжаппара Абишева и Габдола Сланова. Вместо того, чтобы вовремя вскрывать недостатки их произведений, помочь им критикой, мы либерально относились к ним, не желая портить отношений. Такое положение не помогает росту литератора. Я считаю, что необходимо подвергать обсуждению все произведения писателей с самого зарождения их, глубоко анализировать все их промахи, просчеты, показать им, в чем они заблуждаются. Сказать, что писатель написал

плохую вещь, дело не трудное, но показать ему пути избавления от этих ошибок, недостатков — это дело, требующее большого труда. За такую работу наш Союз до сих пор еще не взялся.

Серьезные недостатки встречаются и в произведениях многих молодых прозаиков,— таких, как Мукан Иманжанов, Жардем Тлеков и другие. Надо учесть, что некоторые из них еще не сформировались как писатели, не надо забывать о них, чтобы они также оказались на ложном пути.

М. Иманжанов в своей повести «Алгашкы айлар» («Первые мысли») повествует о вопросе, имеющем большое значение на сегодняшний день — о политехническом образовании. Но художественные средства повести слабы. Коллизия повести ложна. Автор противопоставляет юношу, только что окончившего учебу, всему аулу — людям труда. От него исходят все начинания, все перемены в жизни аула. А что же было бы, если Жакипбек не вернулся в аул? Тогда ни один из вопросов, поднятых в повести, не был бы разрешен. Нельзя так легко относиться к вопросу о конфликте. Кроме того, у Иманжанова появляются надуманность, сентиментализм, слегка овеянный пессимизмом, а порою и пустословие с внешним блеском.

В сборнике Иманжанова, опубликованном в 1948 году, есть коротенький рассказ «Гуль» («Цветок»). Прочитав этот рассказ, почему-то вспоминаешь Базарова из романа Тургенева «Отцы и дети».

Для человека, бегло познакомившегося с содержанием романа «Отцы и дети», смысл его сводится к следующему: Базаров вместе со своим товарищем приезжает на каникулы, получает на дуэли ранение в руку, затем умирает от заразной болезни. В конце романа видишь у могильного холмика глубоко скорбящих его родителей.

Такая же картина и у Иманжанова. Второй абзац рассказа начинается так: «Его имя было Арман. В соответствии со своим именем он и жизнь прожил, не достигнув свох желаний, умер совсем молодым».

Полагая, что произошло что-то из ряда вон выходящее, читаешь дальше и узнаешь: оказывается, во время пребывания любимой девушки на зимних каникулах, Арман выпил лимонаду и, простудившись, умер. Затем идут печаль и скорбь девушки и товарища. Описывается маленький холмик могилы, цветок, выращенный на ней,

любимая невеста, навещающая могилу, любимая мать, верный друг... Вот и все.

Что же хотел сказать в этом рассказе товарищ Иманжанов? Если здесь трагическая тенденция, то ее нельзя назвать иначе, как поверхностной. Этот рассказ написан Иманжановым в его молодые годы, в 1940 году. Поэтому можно было и не говорить о нем. Но писатель, спустя восемь лет, в 1948 году, включил этот рассказ в свой сборник. Элементы сентиментализма встречаются во всех произведениях Иманжанова. Как раз это и вызывает опасение. Вот почему я пришел к заключению, что необходимо строго предостеречь его от стремления к ложной трагичности и сентиментализму.

Типичным для советской молодежи является не пессимизм, а бодрое, чистое, возвышенное чувство, жизнерадостность.

В произведениях некоторых писателей, написанных на современную тему, преобладает дешевое любование, вроде: раньше все было плохо, а теперь все хорошо, вместо того, чтобы смело вторгаться в глубь социалистической действительности и раскрывать ее внутреннюю сущность. А на вопрос: почему же все хорошо теперь? «Ответ» на этот вопрос мы можем прочитать в повести Тлекова «Кайнар».

«...Перед глазами ее (Марии) баран едильбаевской породы, стрижка которого была только что закончена, встал, с трудом поднимая свой курдюк. Когда его взвесили, в нем оказалось восемьдесят пять килограммов. Бесспорно, что в осеннюю стрижку он дает не менее килограмма шерсти. Пусть он самый жирный, с наибольшим количеством шерсти, но он кажется свидетельством того, что и другие овцы и бараны, менее жирные, имеют возможность нагулять столько же жиру до конца года».

Разумеется, эти фразы не относятся к категории художественных выражений, скорее всего это слова, трудно понимаемые даже через переводчика. Такие промахи, просчеты, больше всего и главным образом, встречаются у писателей с низким уровнем общего образования, не сумевших овладеть художественным мастерством. Это напоминает нам о необходимости предъявлять строгие требования к нашим писателям в деле повышения ими своей политической и литературной культуры.

Всем нам сейчас предстоит большая работа по овладению литературным мастерством, по созданию образа

советского человека. За последние пятнадцать лет написано более тридцати романов и повестей, но полноценные положительные образы встречаются еще редко.

Неизмеримо выросла сейчас у нас читательская общественность. В председатели колхозов стали выдвигаться люди с высшим агротехническим образованием. Колхозный полевод Мальцев открыл в земледелии новый способ, достойный крупного ученого.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке доярка дает объяснения с точки зрения опыта, опирающегося на науку, о том, каким образом можно добиваться высокого надоя молока. Нет уже прежнего чабана, который узнает приближение осени по ночному блеянию козла. Редко встретишь теперь неграмотного чабана. И если мы хотим быть понятыми народом, достойными его, мы должны видеть его с той высоты, на которую он поднимается. Однако до сих пор в наших произведениях не учитываются эти обстоятельства, и выведенные нами образы часто выглядят слишком уж упрощенными, отсталыми.

Заканчивая критику произведений наших писателей, я хотел бы остановиться на одном существенном недостатке, встречающемся в произведениях Габидена Мустафина. При внимательном чтении его книги «Миллионер» обнаруживаешь, что конфликты, столкновения между новатором Жомартом и консервативным Жакипом к середине книги исчерпываются. Вместе с тем, все вопросы, выдвинутые в начале книги и способствующие развитию конфликта, разрешаются очень легко, без особых затруднений. Так же, как не происходит борьбы вокруг идеи Ахмета, не встречается никаких трудностей и в покорении сил природы. Такой композиционный стержень повести ослабляет ее. Борьба здесь слишком рано достигает кульминационного пункта и быстро приходит к развязке. Такое положение встречается и в романе «Караганда»: борьба, столкновения не развиваются до конца книги — в нравах, в поведении героев становится все ясным с половины произведения. Следовательно, перед Г. Мустафиным стоит задача создания острых, более продолжительных конфликтов и столкновений.

Последний вопрос, на чем я хотел бы остановиться,— это вопрос о художественных рассказах и очерках, которые называются у нас, с некоторым снижением значения, малым жанром прозы.

На этом поприще у нас работают С. Омаров, М. Иманжанов, Т. Сагинбаев, Б. Сокпакбаев, изредка А. Абишев, Г. Сланов и М. Тенсов. Прошло более десяти лет, как перестали работать в этом жанре старшие писатели — М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мустафин.

С. Омаров в своих рассказах старается широко охватывать разнообразные темы. М. Иманжанов пишет главным образом на тему из жизни молодежи, проявляя склонность к лирическим раздумьям. Рассказы Б. Сокпакбаева и Т. Сагинбаева охватывают темы школьной жизни и изредка — темы колхозного труда. В этом жанре, как вообще в нашей прозе, тематика произведений стала значительно шире. Однако состояние этого жанра нашей прозы ни в коем случае не может удовлетворить нас с точки зрения художественного мастерства.

По справедливости говоря, хорошие рассказы, в которых созданы запоминающиеся, увлекательные образы, у нас большая редкость. Мне кажется, что качество рассказов, написанных 15—20 лет назад, значительно выше, чем нынешних. Величие и пафос сегодняшнего дня, как и быт простого советского человека, передаются не путем изображения людей, а больше всего отражаются созерцательно в чувствах и переживаниях самого писателя. Ясные штрихи, детали, изображающие образ, запоминающиеся картины, точно раскрывающие изменившийся духовный облик человека,— все это редко встречается в наших рассказах. С. Омаров чаще всего увлекается внешним пафосом. М. Иманжанов свои хорошие мысли портит сентиментальными переживаниями. Б. Сокпакбаев при проблесках мастерства нередко запутывается в мелочах. Первый сборник рассказов Т. Сагинбаева был издан в 1948 году. Но быстро промелькнувшие шесть лет прошли для него бесплодно.

Не лишним будет напомнить, что казахская советская проза начиналась с рассказа. Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Габиден Мустафин в течение 10—15 лет работали в этом жанре. Сейчас они переключились на крупные жанры, а молодые прозаики в области рассказа мало активны. Обычно у каждого начинающего писателя появляется стремление писать вещи, которые ему явно не под силу. С другой стороны, начинающим писателям не хватает жизненного материала. Большинство наших молодых писателей, окончив высшее учеб-

ное заведение, оставались в городах, устраивались на работу в учреждениях, вместо того, чтобы стать поближе к производству, к стройкам. Вот где причина того, что они нередко прибегают к надуманным темам, сюжетам. Все эти обстоятельства, тесно переплетаясь между собой, привели малый жанр к запущенному состоянию. Пора нам понять, что дальнейшее отставание в области художественных рассказов и очерков становится нетерпимым.

Прежде всего надо признать, что этот жанр наиболее оперативный, быстро откликающийся на каждое новое событие и повышающий активность писателя. Писатели, пишущие хорошие рассказы, очерки, никогда не ценились ниже пишущих, скажем, повести и романы. Сноровка, усовершенствование себя на коротких рассказах имеет большое значение и в том смысле, что дает возможность утвердиться в определенном жанре.

Несмотря на то, что все эти положения давно известны, мы продолжаем недооценивать жанр коротких рассказов и очерков.

Можно было надеяться, что после XIX съезда партии и сентябрьского Пленума ЦК произойдет большой наплыв коротких рассказов и очерков, однако этого не произошло. Мы продолжаем все еще надеяться...

Подъем целины и залежных земель — не только новое большое событие в жизни Казахстана, это одно из величайших мероприятий для всей нашей Родины, новый этап в истории нашей страны. Трудящиеся Казахстана выполняют около половины этой большой работы, а мы, писатели, как будто еще не прониклись их высоким энтузиазмом. Как говорится, «старые — ни с места, а молодые — в хвосте». Мы не смогли стать глашатаями этого великого дела. Сколько-нибудь удовлетворительного произведения, кроме двух-трех очерков, пока не создано. Писатели, съездившие на целину, кажется, все еще размышляют. Опубликование цикла художественных очерков и рассказов, написанных на тему освоения целинных земель, равноценно повести, роману. Наш Союз писателей, не ограничиваясь признанием этого отставания, должен изыскать меры к ликвидации отставания этого жанра.

На этом рассмотрение достижений и недостатков казахской прозы можно закончить

Каковы задачи, стоящие перед нами?

Они зависят от уровня, достигнутого нашей литературой к настоящему времени! Молодые писатели периода второго съезда сейчас встали в ряды опытных писателей, достигли творческой зрелости. За последние пятнадцать лет влились молодые таланты. Произведения казахской советской прозы с большими и малыми своими недостатками, созданные за это время, могут служить базой для дальнейшего развития нашей прозы.

Учитывая все эти обстоятельства, я хотел бы на будущий период поставить следующие задачи перед нашей литературой.

Первое — не уклоняясь от создания большой прозы, мы должны общими силами взяться за подъем на более высокую ступень малых жанров. Работа над большим произведением не помешает работе, хотя бы изредка, над рассказом. Молодые писатели, работающие над малыми жанрами, не учитывают опыт предыдущего поколения. Им необходима помощь опытных писателей.

Второе — мы подошли к такому этапу развития нашей литературы, когда нужно с особенной ответственностью учитывать идейно-художественные требования социалистического реализма. Насколько мы смогли проникнуться этими требованиями, покажет наше умение выбирать тему, умение раскрывать конфликт, взятый из реальной действительности, построить гибкий сюжет, создавать убедительные образы, умение подобрать ясные понятия, образные выражения,— словом, все это упирается в решение главной задачи,— уметь владеть художественным мастерством. Чтобы создать классическую литературу, мы должны в первую очередь учиться у самих классиков. Без усвоения их большого мастерства мы не сможем создать большую литературу,— наши пожелания и стремления не будут осуществлены. Мы, казахские писатели, являемся наследниками Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова, Горького. Овладеть художественным мастерством наших великих русских предшественников — задача первостепенной важности.

Литература, сделавшая для себя школой образцы только национального масштаба, не может расти большими темпами. Национальные литературы могут успешно развиваться, только опираясь на всю совет-

скую литературу, в том числе на опыт передовых писателей.

Русская советская литература — самая передовая, ведущая литература мира. Приступая хотя бы с опозданием к разработке больших тем, мы всегда берем за образец современных писателей великого русского народа. Мы никогда не должны упускать из виду эту большую школу.

Если мы будем помогать друг другу путем суровой, справедливой критики произведений, казахская проза в дальнейшем сумеет удовлетворить те большие требования, которые ставят перед нею партия и народ.

1954 г.

Я ЖИВУ В КАЗАХСТАНЕ

Из края в край на тысячи километров раскинулась моя республика — Казахстан. Обширны ее степи, скалисты горы, быстры реки, неисчерпаемы недра. Чтобы яснее представить себе беспредельную ширь Казахстана, взгляните на географическую карту, присмотритесь к ней, вдумайтесь.

...Свежий ветерок приносит в комнату первое дуновение весны. На тополях все отчетливее набухают почки. Скоро они лопнут, на ветвях покажется белоснежный пушок.

Весна, живительная, щедрая весна приближается к Алма-Ате.

Под мерный звон капели я слышу, как радио сообщает о начале сева в Южном Казахстане. В тех районах многомиллионные отары овец и табуны лошадей уже вышли на свежую зелень. Школьники аулов и сел с небывалой веселостью бегут утром в школы. Оживление царит на колхозных дворах, на фермах, полях. Здесь люди готовятся собрать хлопка намного больше, чем выращивали в прошедшие годы,— промышленность сполна получит нужное ей «белое золото».

В той же передаче по радио диктор говорит о трескучих морозах на западе и на севере республики. Но и в этих районах готовятся встретить весну. По заснеженному полю, оставляя за собою глубокие борозды, днем и ночью идут тракторы. И те, кто направляет их ход,— трактористы понимают, что 18 миллио-

нов гектаров поднятой целины надо вдоволь напоить водой.

Богата, многогранна сегодняшняя жизнь на казахской земле. Но еще ярче, еще изобильнее вырисовывается завтрашний день моей республики. Мы видим его славные контуры в Директивах XX съезда КПСС. Казахский народ, впрочем, как и все братские советские народы, привык к большим масштабам. То, что предстоит совершить в шестой пятилетке, наполняет гордостью каждое честное сердце. Вдумаемся в цифры новой пятилетки: рост капиталовложений по Казахстану составит 250 процентов, будет освоено 78 миллиардов рублей. За этими цифрами мне видятся разноцветный дым заводов, колосящиеся поля, слышится гул тепловозов, грохот машин в рудниках.

Но это — не только перспективы, не только будущее. Уже сегодня, уже сейчас мы как бы ощущаем наше завтрашнее. Большой деловой разговор идет в эти дни на шахтах угольной Караганды. К концу шестой пятилетки эти шахты должны дать угля почти вдвое больше, чем было добыто в 1955 году. Начнется сооружение гигантских нефтепроводов, будут построены два технически совершенных нефтеперерабатывающих завода. Пройдет немного времени, и загудят построенные в Казахстане доменные и медеплавильные печи.

Наша республика располагает колоссальными запасами железа, угля и редких цветных металлов. Не случайно к этим богатствам так жадно тянулись когда-то хищные руки иностранных капиталистов. Став после Великого Октября хозяином своей страны, казахский народ при братской помощи русского народа из пятилетки в пятилетку воздвигал все новые и новые заводы-гиганты, нитями стальных магистралей покрывалась былая пустыня. И вот в шестой пятилетке, согласно Директивам XX съезда партии, на карте Казахстана появятся новые линии железных дорог. В огромной стране, где до революции не изготовляли даже перочинных ножей, намечено создать крупные машиностроительные и приборостроительные заводы.

В эти дни мне много раз приходилось разговаривать с людьми различных профессий о планах на шестую пятилетку. И хотя рабочий Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения запомнил из документов другие цифры и факты, чем академик, но всех труже-

ников республики воодушевляет ясный план завтрашнего дня. В бесчисленных рядах строителей коммунизма каждый ясно видит свое рабочее место. Вот почему с таким упорством проникает мыслью в недра родной земли один из крупнейших советских ученых академик Каныш Имантаевич Сатпаев, а писатель Мухтар Ауэзов поэтично рассказывает студентам, рабочим, колхозникам о жизни дружественных нам народов Индии.

Большая советская жизнь захватывает и увлекает своим порывам всех — будь то шахтер или хлопкороб, инженер или писатель. Вот, к примеру, один день рядового казахского писателя — мой день. Его содержание принадлежит больше другим, чем мне лично. К 10 часам утра ко мне пришел один из переводчиков «Тихого Дона» М. Шолохова, чтобы посоветоваться, как лучше передать на казахском языке дух этого выдающегося творения. Немного позже я встретился со своим соавтором по новому произведению. Потом меня пригласили в Совет Министров Казахской ССР, где решался вопрос о создании нового сатирического журнала. В то же утро состоялась беседа с художественным руководителем Казахского академического театра драмы о том, какие из моих пьес следует показать в Москве на декаде искусства и литературы. Во второй половине дня в Союзе писателей обсуждался новый сборник, в котором намечено включить и мои произведения. Вечером я читал корректуру новой пьесы, издаваемой в Москве, отвечал молодым авторам на их письма. А на завтра я приглашен в Министерство культуры, где будет решаться вопрос о создании в республике в 1956 году нескольких тысяч новых библиотек, сотен клубов и колхозных радиоузлов.

Так «мой день» отражает деятельность многих людей и учреждений, заботящихся о росте национальной культуры казахского народа.

...Слово «целина» на казахском языке имеет, кроме своего прямого значения, и понятие «нетронутое». Несколько лет назад в жизни моей республики было много «нетронутых» дел. Сейчас мы с радостью говорим о громадной работе по подъему «целины» в промышленности, сельском хозяйстве, культуре Казахстана.

На моей огромной земле организующая рука партии сумела поднять не только плодородие земли, но и пробудить великую энергию людей. И это особенно важно

Ибо нет у нас дороже ценностей, чем люди, мужественные, трудолюбивые, безгранично преданные партии и Родине советские люди.

1956 г.

БЛАГОДАТНАЯ ОСЕНЬ

Темная осенняя ночь легла на обширную равнину. Тихо, без единого шороха дремлют задумчивые березовые рощи, меж которыми вьется и петляет дорога. Иногда из-под колеса машины вдруг шарахнется в сторону потревоженный заяц-беляк. И снова безмолвие.

Но стоит лишь вырваться из перелесков, как мирная дремота ночи мгновенно отступает. Приглушенный гул моторов плывет над степью. Во всех направлениях темноту прорезают полосы яркого света. Они движутся по степи, то исчезая, то неожиданно вспыхивая на повороте. Не видно ни людей, ни машин, которые убирают хлеб, возят зерно на тока, элеваторы. Будто какая-то невидимая могучая сила, наполняющая все вокруг слепящим светом и рокочущим гулом, совершает всю эту большую и трудную работу.

Страда уже шла к концу. Там, где еще вчера стеной стояла высокая густая пшеница, где, не выдержав тяжести крупных колосьев, полеглые хлеба отливали золотистым мятым плюшем, сегодня уходит вдаль к горизонту щетинистая стерня.

На сотни километров с севера на юг и с запада на восток тянутся казахстанские степи. Поднятая целина, начинающаяся тут же, за огородами колхозных сел, аулов и совхозных поселков, подступает к желтым кзылтуским пескам и подпаленным первыми утренниками березовым колкам Уральских предгорий, роняющим осеннюю листву. И всюду — на степной ли равнине, на полях ли, окруженных прозрачными перелесками,— этот, характерный для целинной страды, трудовой пейзаж.

Щедрым изобилием чудесна нынешняя благодатная осень, полным голосом сказала свое слово покоренная целина. Она вернула стране многое из того, что было затрачено на ее освоение.

С гордостью отрапортовали трудящиеся нашей республики о том, что они с честью выполнили свой долг

перед Родиной — не только освоили целинные земли, но и вырастили на них обильный урожай. Миллиард пудов, который ссыпали в закрома государства хлеборобы республики, сразу выдвинул Казахстан в число крупнейших житниц страны.

В Казахстане, пожалуй, не найдешь теперь уголка, которого не коснулись бы чудесные преобразования, связанные с освоением целины. Здесь появилось немало районов, дающих столько хлеба, сколько раньше давали целые области. Появились области, которые собрали и сдали государству в полтора-два раза больше зерна, чем три года назад сдавал весь Казахстан.

Нашу Кустанайскую область с ее плодородными землями и богатыми урожаями раньше называли Казахстанской Кубанью. И это было для нее большой честью: ведь она давала стране всего-навсего 10—20 миллионов пудов хлеба. А что же можно сказать о ней сегодня? Из кустанайских степей страна получила без малого триста миллионов пудов отменного зерна, сколько в этом году не сдали ни Кубань, ни Ставрополье.

Нелегко дался большой хлеб целины! Уборку небывалого урожая страна считала всенародным делом. Сюда могучим потоком поступала техника, на помощь казахстанцам ехали десятки тысяч молодых патриотов со всех концов страны. И все же нынешняя страда требовала напряжения всех сил.

Местные партийные и советские органы в дни жатвы действовали как оперативные штабы. Едва на юге кончилась уборка, как сотни, тысячи комбайнов, автомашин, зернопогрузчиков и других механизмов вместе с людьми были переброшены за сотни километров на Север, на решающие участки битвы за хлеб. Небывалый размах приняла взаимопомощь. Нередко можно было видеть, как комбайнер, убрав хлеб на полях своего совхоза, тут же, не останавливая машину, пересекал границу и врезался в хлебный массив своих соседей.

Пафосом борьбы за казахстанский миллиард были охвачены все, от мала до велика. Но не станем скрывать: не все шло гладко. Не все удавалось сделать так, как хотелось. Горести и радости целинной страды вместе со старожилами и новоселами делили москвичи, ленинградцы, киевляне, минчане, кишиневцы и многие, многие другие участники великой битвы за хлеб.

И еще об одной особенности нынешней страды хо-

телось бы сказать. Справиться с небывало обильным урожаем на целине помогла раздельная уборка. Она быстро показала свои преимущества, сохранив от потерь не один миллион пудов зерна. Имена многих знатных механизаторов Казахстана ныне известны всей стране. Их героический труд высоко оценен народом, партией.

Прославленный комбайнер Петр Музыка, неоднократный победитель в соревновании механизаторов Казахстана, убрал в нынешнем сезоне сцепом двух комбайнов 3 тысячи гектаров хлеба. И какого хлеба! В отдельные дни скашивая по 100—120 гектаров, он намолачивал 1500—1700 центнеров пшеницы.

Комбайнеры МТС «Авангард» Евстафий Сазонов и Герой Социалистического Труда Григорий Зубков сцепами двух «Сталинцев-6» убирали до 100 и более гектаров хлебов в сутки каждый. Президиум Верховного Совета Казахской ССР присвоил им почетное звание заслуженных механизаторов республики.

Среди героев целинной страды нередко встретишь и людей, которые, казалось бы, уже давно отвыкли от непосредственной работы в поле. В совхозе имени Маяковского Кустанайской области во главе группы студентов Тимирязевки приехал преподаватель академии, кандидат сельскохозяйственных наук А. Оськин, в прошлом знатный комбайнер страны. В родной колхоз на время каникул прибыл слушатель школы руководящих колхозных кадров, бывший комбайнер Федор Топчий. А. Оськин и Ф. Топчий, приняв уборочные агрегаты, вступили в соревнование с лучшим комбайнером республики Героем Социалистического Труда А. Исаковым. И как заразителен был этот пример для других! С каким уважением, с какой любовью смотрели окружающие на ученого педагога, стоящего на мостике комбайна!

Нынешний год, большой хлеб целины показывают, какие несметные сокровища таили в себе веками не тронутые казахстанские степи. Богатеет страна! В степи множится число колхозов-миллионеров. Небольшой колхоз имени Амангельды в Северо-Казахстанской области раньше никогда не получал более 300 тысяч рублей дохода. А ныне у него на счету уже более 3 миллионов рублей.

И всюду, в каждом уголке нашей республики, в каждом ее селе, ауле, поселке в эти дни услышишь слово

горячей благодарности партии, ее Центральному Комитету, открывшим могучий источник изобилия. Отныне веками не тронутая целина служит народу!

1956 г.

ЧЕЛОВЕК СТЕПЕЙ

Раньше в словаре степняка-казаха не было слов: власть, право, голос. У него не было их в жизни. Смысл этих слов был темен и непонятен, как сам Коран.

Но власть и право существовали в степи. Их образ стоял над бедняком, как нагайка над его бритой головой. Жизнь бедных протекала в муках, кабале и в мечтах о лучшей доле. Степь, бесконечная и унылая, укорачивала жизнь, давила на душу своим равнодушием.

Великому казахскому поэту Абаю было сорок лет, когда у него однажды вырвалась строка: «Старость пришла, скорбны думы, чуток сон...» Кажется удивительным, что эти полные грусти слова были написаны замечательным мыслителем, страстным борцом, большим поэтом, который смело «боролся против тысячи невежд», против тех, кто угнетал народ и был хозяином казахской земли. Какой же беспросветной, тягостной была жизнь, если человек такого высокого дарования, такой большой силы духа считал себя стариком в сорок лет!

Проходили века, тяжелые и однообразные. Отец, как бы оправдывая себя и успокаивая сына, говорил: «Так деды жили, так и мы живем». Казалось, что казахская земля застыла, время остановилось.

Степной казах даже в конце XIX и начале XX веков продолжал жить в гнилой трясине далекого прошлого. В ту эпоху немудрено было состариться столь рано даже такому человеку, как Абай. Ведь не так-то просто мыслящему человеку, не теряя духа, не скорбя, прожить еще один унылый и пустой для него «дедовский» год.

Да, такова была жизнь в казахских степях до революции.

Чтобы развеять это однообразие, чтобы разорвать цепи, уничтожить угнетателей, чтобы изменить жизнь и судьбу народа, чтобы ускорить ход времени, началась жестокая борьба с самодержавием. В этой великой

борьбе народ обрел свободу и, как говорится в песне, начал покорять пространство и время, стал хозяином земли.

В одной из своих песен замечательный акын Джамбул, очевидец старого и нового времени, пел, что он родился после Октября (заметим, что в 1917 году ему перевалило за семьдесят). Он считал свои семьдесят лет не старостью, а зрелостью, вобравшей в себя пылкость юности. В эти слова старец вложил огромный смысл. На глазах меняется облик степей. За год народ успевает сделать то, что раньше невозможно было сделать за десятилетия, а за десять лет совершает такие дела, на какие прежде не хватало веков. Мы живем большими периодами, наши годы равны эпохам.

С чувством трудовой гордости и славы процветают наши народы под ярким солнцем весны коммунизма. Дух трезвый и смелый, дух отваги и геройства, дух творчества и благородства вселила в советских людей великая наша эпоха. Это дух партии Ленина, дух большевизма, не признающий никаких преград.

Не только горы и моря, степи и леса родной страны составляет гордость советского человека. Он гордится всем тем, что им создано и воздвигнуто за сорок лет, что преобразило облик страны, одело ее в сталь и бетон. Не сами собой возникли новые моря, не сами собой соединяются реки, не сама собой пошла вода в пустыню.

От Урала до Тянь-Шаня, от Каспия до Алтая непрерывной цепью тянутся мощные гиганты железа и стали, меди и свинца, угля и нефти. Хором утренних гудков заводов и фабрик, паровозов и пароходов пробуждаются города Казахстана. Рокотом многотысячных тракторов отвечает колхозная степь. И, может быть, в один трудовой год Казахстан создает сейчас больше, чем в прошлом он создавал в течение столетия. Эту мощь дала ему родная Советская власть.

Не сбылось пророчество английского хищника Уркварта, который в первые годы Советской власти просил разрешить ему «поковыряться в степи около Балхаша и дальше». «Раньше, чем через 50 лет, а может быть, и через 100 лет вы этими местами все равно не займетесь»,— писал он Советскому правительству. Ровно через 10 лет, а не через 50 или 100, загрохотала угольная Караганда и полилась балхашская медь. Ныне в степи плечом к плечу выстроились десятки крупнейших про-

мышленных предприятий, выросли культурные социалистические города. Среди них Караганда в ближайшее время будет иметь полумиллионное население.

Долго «ковырялись» английские хищники в казахских степях. При царизме они захватили и нашу нефть, и наш уголь, и нашу медь, и наше золото с серебром. Лихорадочно рыскали они по нашим степям.

«Рай для разведчика-горняка»,— писал Нельсон Фелль, директор «Акционерного общества Спасских медных руд», восторгаясь находками разведчиков недр около Балхаша.

В карман казахского народа запускали свои руки и бывший президент США Герберт Гувер, один из директоров «Русско-азиатской корпорации», и миллионер США Морган, и сын бывшего президента Франции Эрнест Карно. По рукам им дала Советская власть. И я от всего сердца говорю — спасибо тебе, моя власть, за это!

Особенно значительны и ни с чем из прошлой истории казахов не сопоставимы завоевания культурной революции в Казахстане. Разум и чувство казаха освободились от плена всеубивающего гнета веков, дикости и произвола. Кануло в прошлое господство невежества и бескультурья. Глубокими корнями вошла в быт казахского народа социалистическая культура. Огромную дистанцию от народного музыкального инструмента домбры до симфонического оркестра национальной оперы преодолел казахской народ. Безграмотные в прошлом казахи создали Академию наук.

Замечательны культурные успехи колхозного крестьянства, наиболее отсталой в прошлом части населения. В колхозе «Авангард» Чиликского района Кзыл-Ординской области 19 человек имеют высшее образование, и все они работают на производстве риса. Мой родной колхоз «Жана жол» Пресногорьковского района Кустанайской области дал республике 22 народных учителя. Двенадцать юношей и девушек из этого колхоза учатся в вузах Алма-Аты и Москвы, пятеро вернулись на производство специалистами, окончив высшие учебные заведения. Колхоз имеет полную среднюю школу, где учится около трехсот детей.

Таковы глубокие корни культуры в колхозных селах и аулах Советского Казахстана.

Мог ли казахский народ, который получил после Октября громадные пространства, но не имел своей про-

мышленности, своей техники, сам преодолеть величайшие трудности, стоявшие на пути построения нового общества, создания новой жизни? Нет. Только бескорыстная помощь и поддержка народов-друзей, народов-братьев, населяющих могучий Советский Союз, создали основу для быстрого роста и развития республики. Только благодаря партии коммунистов, отдающей весь свой труд, всю свою энергию, знание и силу на служение народу, мы могли сделать гигантский шаг из прошлого в сегодняшний сияющий день.

Партия коммунистов вдохновляет наш народ на новые и новые подвиги в труде. А дух народа — это великая сила. Он рождает смелость в бою и героизм в труде, рождает веру в правоту своего дела, веру в победу.

Только благодаря партии, благодаря Советской власти совершили мы великий скачок из глубин веков в солнечный мир социализма, в мир равноправия народов и людей, в мир дружбы и счастья. И я говорю:

— Да здравствует моя родная власть! Моя родная партия!

1957 г.

КРУПНЕЙШИЙ МАСТЕР МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сорок лет назад зарница орудийных залпов «Авроры» прорезала темную петроградскую ночь, возвещая о крахе владычества тирании, о наступлении утра для народов России, утра свободы и счастья. Набатный гул революционного крейсера, призывно раскатываясь над нашей планетой, одновременно возвестил о начале новой эры в истории человечества.

Трудовой люд всех народов и племен с огромной радостью воспринял свершение необычайного переворота — великой Октябрьской социалистической революции в России. С небывалым воодушевлением приветствовал свою революцию и Казахстан, эта огромная страна древних номадов, чья борьба за социальную справедливость уходит в седую даль времен.

Именно в этот светлый год двадцатилетний сын кочевника-скотовода Мухтар Ауэзов написал свое первое художественное произведение — пьесу о трагиче-

ской судьбе казахской молодежи в условиях прогнившего патриархально-феодального застоя. Молодой человек из степи смело поднимал в трагедии вопросы большой социальной значимости, позором и проклятьем клеймил ужасы старых патриархальных канонов.

С тех пор прошло четыре десятилетия. Наша Родина под руководством великой партии коммунистов, партии, созданной и воспитанной бессмертным гением незабвенного и горячо любимого Владимира Ильича Ленина, стала могучим союзом советских республик — знаменосцем мира, демократии и социализма. Страна казахов давно уже превратилась в цветущую социалистическую республику. Трагедия «Енлик — Кебек», первая постановка которой осуществилась в юртах, давно уже вошла в золотой фонд казахского театрального искусства.

А некогда молодой Мухтар ныне уже вырос в одного из крупнейших мастеров многонациональной советской литературы видного советского общественного деятеля. Его седую голову гордо украшают лавры академика.

Огромны заслуги Мухтара Ауэзова в развитии социалистической культуры казахского народа. Человек большой эрудиции, ученый энциклопедических познаний, видный мастер социалистического реализма, товарищ Ауэзов еще на заре становления казахской советской литературы возглавил, в числе немногих, ее развитие и наступательное движение, был одним из пионеров казахской прозы и драматургии, много сделавшим для развития этих жанров.

Всеобщее признание не только у нас, но далеко за пределами нашей страны, получила его четырехтомная эпопея о великом поэте казахского народа Абае Кунанбаеве. Исчерпывающей и верной оценкой эпопеи Ауэзова служат слова К. Е. Ворошилова, сказанные им при вручении писателю правительственной награды: «Вы показали, что ваш народ — великий народ, вы прославили его и, надеюсь, прославите больше. Вся наша Родина знает ваш труд об Абае, о вашем великом народе».

Мухтар Ауэзов — прежде всего писатель широкого звучания. Самое высокое и ценное в его произведениях — как это присуще любому истинному таланту, будь это в литературе или искусстве — человечность,

простота и прозрачная ясность. Он всегда движим неотразимым влечением излить наплыв ощущений и настроений глубоко поэтической натуры, повинующейся напору живого, искреннего чувства. Ауэзовская простота — простота не вымученная, она не порождение ложных намерений подстроиться под народность. Ей совершенно чужды всякая изысканность и претензия на что-то недоступное для широких читательских масс.

Мухтар Ауэзов счастливо сочетает писательскую деятельность с плодотворной научно-педагогической работой. Его труды о казахском фольклоре, о киргизском героическом эпосе «Манас» и узбекском «Алпамыше», его лекции, прочитанные с кафедр высших учебных заведений Алма-Аты внесли в литературоведческую науку большой теоретический вклад. Эти заслуги выдвинули его в первые ряды ученых-востоковедов Советского Союза.

Мухтара Ауэзова писателем сделала советская действительность, наша Коммунистическая партия, которая постоянно и заботливо помогала писателю, указывая ему верное направление. Так пожелаем же нашему дорогому юбиляру долгих лет жизни, полных творческого вдохновения, чтобы он продолжал беззаветно служить великому делу Коммунистической партии — делу строительства коммунизма.

1957 г.

НАВЕКИ СЧАСТЛИВО СВЯЗАЛА НАС СУДЬБА

Судьба и биография каждого из нас, советских людей, какой бы национальности мы ни были,— это судьба и биография нашего родного народа. Теперь, когда о казахе, сыне вчерашнего бесправного кочевника-пастуха, говорят как о талантливом деятеле и активном строителе нового общества, это никого не удивляет. Таков весь наш казахский народ — народ вдохновенного творчества, пробужденный к жизни победным громом Великого Октября и гением партии Ленина. И, испытывая от сознания этого беспредельную гордость, мы, казахи, со словами искренней любви и с благодарным сердцем обращаем свои взоры к русской нации, с которой нас издавна и навеки счастливо связала судьба.

Русские своим богатырским подвигом и светлым умом помогли нам, как и всем народам Советского Союза, стать свободными и занять свое место в ряду цивилизованных наций мира.

Пройдитесь сегодня по необъятным просторам Казахстана, и вы увидите, как изменились люди, какой открылся перед ними мир — широкий и светлый, со всей его красотой. Седобородый колхозник-казах с первого взгляда, с первых же ваших слов безошибочно определит вас, насколько вы культурны и образованы. Одним из главных мерил при этом служит для него степень знания вами русского языка.

Мы гордимся своим знанием русского языка. Если сегодня нет ни одной области культуры, недоступной казахскому народу, то это только благодаря русскому языку. Изучив язык Ломоносова и Пушкина, Плеханова и Ленина, казахский народ, не имевший ранее даже своей письменности, стал народом грамотным, проник во все отрасли человеческих знаний, стал обладателем их.

Вот почему мы благодарим русский народ, учимся у него, неустанно изучаем его язык. Вот почему мы называем русский народ своим старшим братом, а его язык — своим вторым родным языком.

1957 г.

МОЯ ГОРДОСТЬ — МОЯ РЕСПУБЛИКА

Обширна казахская земля! От Алтая и до Урала, от далекой Сибири до Алатау привольно вытянулись ее просторы. Три тысячи километров с востока на запад, почти две тысячи километров с севера на юг — такова территория моей республики. На ней могли бы разместиться 5 Франций или 21 Англия. Есть у нас и снежные горы и знойные степи, зеленые долины и малолюдные пустыни. В феврале в Южном Казахстане начинается весенний сев, а на севере стоят лютые морозы, доходящие до 50 градусов. Реки и озера в разное время срывают с себя ледяное покрывало, и по-разному плещут их волны.

Печально и сурово прошлое родной страны. Земля казахов покрыта развалинами древних городов, памятниками старины и могилами. Это следы трагедии,

пережитой народом в прошлом. Сколько набегов совершалось на казахскую землю, каких страданий и лишений не претерпевала она на протяжении жестоких веков!

Мужественно сражаясь с иноземными завоевателями, казахский народ не дворцами, а кучами камней и остатками глиняных стен запечатлевал свой тернистый исторический путь, оплакивая смерть лучших сынов и дочерей, погибших в схватках в разные эпохи.

И все же сквозь многовековую тьму социального и национального угнетения казахский народ донес до наших дней богатые памятники духовной культуры, говорящие о душе этого народа, о его горе и страданиях, надеждах и чаяниях. Большое количество произведений фольклора, сказок и легенд, дошедших до нас изустно, обильно повествует о бесправной жизни народа в прошлом, о его горькой доле. Один из последних свидетелей бесправия народа, великий Абай, суровыми реалистическими картинами изобразил жизнь казахского народа, стонавшего под игом феодализма. Абаю было сорок лет, когда у него однажды вырвалась строка: «Старость пришла, скорбны думы, чуток сон...»

Кажется удивительным, что эти полные грусти слова были написаны страстным борцом, замечательным мыслителем, большим поэтом, который смело «боролся против тысячи невежд», против тех, кто угнетал народ и был хозяином казахской земли.

Какой безрадостной, тягостной была жизнь, если человек такого высокого дарования, такой большой силы духа, как Абай, признал себя стариком в сорок лет!

Одно за другим тяжелой и однообразной вереницей проходили столетия. Гнет и кабала притупляли разум, гасили дух, сокращали жизнь человека-труженика. Отец, как бы оправдывая себя или успокаивая сына, говорил о том, что деды жили так же, как живут и они. Казалось, что казахская земля застыла в своем однообразии, что для нее остановилось время.

Чтобы разорвать цепи, чтобы изменить жизнь и судьбу народа, ускорить ход времени, началась жестокая борьба народа с самодержавием. И в этой великой борьбе при поддержке лучших людей России казахи обрели свою свободу, самостоятельность, государственность.

На наших глазах меняется ныне облик казахских степей. За год наш народ успевает сделать то, что раньше

ше невозможно было сделать за десятилетия, а за десять лет он совершает такие дела, каких раньше нельзя было сделать на протяжении веков. Наши годы равны целой эпохе.

Нам кажется, что годы удивительно коротки, мы перегоняем время, создаем моря в пустыне, сады в степях, изменяем русла рек. В созидательном труде, ставшем творчеством, проходят наши годы. Сознание величия эпохи придает нам силу и энергию. Мы идем в ногу с жизнью, поэтому, как говорится, нам некогда стареть. Известный казахский советский поэт Сабит Муканов в стихотворении «В мои 50 лет» пишет: «Доживу и до ста — и не буду дряхлеть!»

Мы идем к сорокалетию Великого Октября. Сорок лет — это большой срок для жизни одного человека и совсем малый для жизни народа. Но какой исторический скачок сделал мой народ за эти четыре десятилетия! От феодально-патриархального уклада жизни с его примитивным хозяйством благодаря Октябрьской революции казахи перешли к социалистическому укладу жизни, минуя капитализм — целую эпоху.

За сорок лет Советской власти Казахстан вырвался из невежества, безграмотности, создал новые города, заводы, фабрики, вузы, театры, дворцы культуры, покорил дикие пустыни и степи.

Социализм пробудил и вызвал к жизни неисчислимые богатства Казахстана, известного в недавнем прошлом своей отсталостью. Казахстан теперь — крупнейшая индустриально-аграрная страна. Металлообрабатывающая промышленность Казахской Советской Социалистической Республики выросла против 1913 года в 1757 раз, каменноугольная — в 383 раза. Сейчас в Карагандинском угольном бассейне добывается угля больше, чем его добывалось во всей дореволюционной России. Еще бóльшие перспективы ждут мою республику в будущем. За шестую пятилетку, например, в Казахской ССР в хозяйство будет вложено 78 миллиардов рублей. Это в полтора раза больше, чем было вложено в первой пятилетке в народное хозяйство всего Советского Союза! Факты эти имеют глубокий исторический смысл для национального развития казахского народа, который до революции не имел рабочего класса и преимущественно занимался скотоводством.

Невольно вспоминаются слова Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола, когда гениальный

вождь говорил о значении организованного труда для построения коммунистического общества. Сегодняшнее поколение казахов — это сознательные строители коммунизма, владеющие необходимыми арсеналами техники и культуры.

В необъятную степь, над которой когда-то летали лишь перелетные птицы, по которой ходили редкие караваны верблюдов, пришла теперь мощная техника. Ею владеют вчерашние кочевники, предки которых слагали так много песен, сочиняли так много сказок о том времени, когда все люди будут братьями, когда жизнь станет радостной.

В детстве я слышал много сказок. Рассказывала их моя бабушка, сидя в зимний вечер у костра, разведенного в юрте. Рассказывал их чабан, с которым мы, дети степей, уходили на весь длинный летний день «пить пастушью простоквашу и ловить птенцов». И, наконец, слышал их от певцов, выступавших перед народом в дни праздников.

И во всех этих сказках, несмотря на многообразие сюжетных ходов и ситуаций, основная идея сводилась к одному — к мечте о справедливой жизни на земле, об изобилии материальных и духовных благ жизни. В ряде сказок знойная песчаная степь превращалась в необозримые луга, в цветущие сады с журчащими ручьями. В эпосе «Кобланды» крылатый конь героя покрывал шестимесячный путь за несколько мгновений. В легенде «Великан-птица» люди летали на крыльях. Народ верил в свое будущее, в лучшие времена. Они наступили.

Понятно, что мне, как писателю, близка и дорога судьба нашей культуры. Когда-то наш предок, великий просветитель, офицер русской службы, Чокан Валиханов писал, что восприимчивый казахский народ добьется исторически быстрого прогресса благодаря приобщению к русской культуре. Это пророческое предсказание Чокана сбылось.

Казахский народ является народом песни, музыки. Еще Александр Пушкин интересовался казахским эпосом «Козы-Корпеш и Баян-Слу». Казахская народная музыка, записанная русскими учеными-музыковедами, покоряла лучших представителей просвещенной России и Европы. Но никогда голос казахов так сильно и радостно не звучал, как в советские годы. Ансамбли народных инструментов, исполняющие не только свои

национальные произведения, но и произведения русской и мировой классики, выступают во многих городах Советского Союза, включая Москву. Лучшие спектакли Казахского академического театра оперы и балета имени Абая, Казахского академического театра драмы известны во всей стране.

Казахская литература давно уже вышла на всесоюзную, а через нее и на мировую арену. Романы М. Ауэзова «Абай», С. Муканова «Ботагоз», «Сулушаш»; Г. Мустафина «Чиганак Берсиев» и «Миллионер» переведены на многие языки народов мира. Книги стихов А. Тажибаева, Г. Орманова, Т. Жарокова, А. Сарсенбаева, Х. Ергалиева, Х. Бекхожина, Д. Абилева, С. Мауленова пользуются популярностью у советского читателя.

Прошлым летом я побывал на одном из далеких отгонных пастбищ и там видел, как молодые животноводы, получившие семилетнее и среднее образование, читают произведения Пушкина, Тургенева, Гюго на родном языке.

Когда-то я слышал сказку, которую потом узнал в одной из поэм Низами. Учась у великих поэтов прошлого, я часто прибегаю в своем творчестве к этому народному источнику искусства — сказкам, когда говорю о нашей действительности, о той действительности, которая превзошла всякие легенды, рожденные умом и сердцем народа.

И за эту действительность мы благодарны родной Коммунистической партии.

1957 г.

НАШИ СЕРДЦА С НАРОДОМ

Решения Пленума ЦК КПСС о созыве внеочередного XXI съезда Коммунистической партии мой родной Казахстан встречает с энтузиазмом, с новым творческим воодушевлением. Еще ярче запылали огнедышащие печи гигантов Алтая, Чимкента, Джезказгана, Балхаша и Темиртау, дающих стране в год многие эшелоны меди, олова, свинца и железа. Усиливается дружный гул комбайнов на целинных землях республики, где в эти дни победно решается судьба казахстанского миллиарда. Идут и идут нагруженные полновесным целинным зерном

караваны тяжелых автомашин. На необъятных просторах нашего края с песнями полевых станов сливаются в могучий хор песни чабанов, взявших обязательство довести поголовье овец и коз к 1965 году до 75 миллионов.

И эшелоны с металлом Казахстана, и его новый миллиард пудов зерна, и его миллиарды пудов зерна в будущем, и его десятки миллионов овец отлично ложатся в план строительства коммунизма, в план мирного соревнования страны с наиболее развитыми странами капитализма.

Но самое замечательное, конечно, заключается в том, что наши люди знают: мы во многом уже обогнали, обгоняем и будем оставлять далеко позади капитализм не только в науке и технике, в народном образовании, но и в удовлетворении материальных потребностей людей, в производительности труда, во всех областях жизни. И вряд ли кто из советских людей заранее не ощущает величия контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Наши люди за сорок лет социалистической эры привыкли к большим цифрам, которые всегда оказываются реальными.

Вся страна думает сейчас над новым планом. Мне нетрудно представить себе нашего ученого, который в эту минуту сидит, склонившись над чертежами новых умных машин, мне нетрудно представить себе архитектора, который видит перед собой великолепные контуры городов коммунизма.

Над предстоящим семилетним планом глубоко задумываются и писатели. Промахов у нас было немало. Не всегда в ногу со своей эпохой, в ногу со временем шли мы, писатели. Не всегда дух времени находил достойное художественное отражение в наших произведениях. Мы обязаны завоевать душу, сердце многонациональных читателей — строителей коммунизма, тех подлинных героев жизни, о которых и для которых мы обязаны писать прежде всего.

СССР стал классической страной социализма, на его богатейшем опыте учатся многие страны и народы. После XX съезда КПСС все шире и все глубже стало проявляться всеохватывающее содержание открытой Октябрем новой эры человечества, эры трудящихся, эры равенства и братства народов, эры высокого гуманизма.

Советская многонациональная культура и литература — одно из величайших завоеваний наших народов. Но передовая в мире литература еще лучше должна

удовлетворять запросы читателей. Речь идет о повышении требовательности к ней, к советским писателям, речь идет об овладении подлинным мастерством. Это вторая мысль, которая приходит мне, когда я представляю себе наше общество в 1965 году, которое к тому времени бесспорно окажется на еще более высокой фазе экономического и духовного развития.

Казахстан — один из мощных рабочих районов СССР — расправлял свои богатырские плечи из пятилетки в пятилетку. Мы, писатели Казахстана, гордимся своей республикой и думаем об умножении ее духовных богатств, о создании книг, созвучных замечательной нашей эпохе.

1958 г.

ВЫСОКИЙ УСПЕХ ДЕКАДЫ

Декада казахского искусства и литературы в Москве подходит к концу.

Мы провели в столице нашей Родины — Москве почти что десять дней, полных волнений и радости. Мы волновались потому, что выступали перед взыскательным столичным зрителем и читателем, а радовались потому, что на каждом шагу мы видели, что этот высокотребовательный зритель и читатель искренне полюбил и высоко оценивает наше искусство, нашу литературу, социалистическую по содержанию и национальную по форме.

Грандиозные перемены произойдут в экономике и культуре нашей страны в течение ближайших лет. Резко поднимется культурный уровень советского человека — строителя новой жизни, нашего читателя и зрителя.

Это особенно приятно сознавать нам сейчас, хотя бы потому, что наша Декада еще раз так убедительно свидетельствует о мощном расцвете национальных культур в стране социализма.

Широкое признание высоких идейно-художественных достоинств казахской литературы, перевод более чем на 40 иностранных языков лучших произведений казахских писателей говорит о том, что наша литература стала одной из ведущих литератур многонациональной советской литературы, что она всеми своими жанрами входит в пору своей зрелости.

Исключительно бурное развитие получила казахская литература после XX съезда нашей партии, создавшего небывалые благоприятные условия для всех деятелей науки и культуры.

И мне хочется вкратце остановиться на тех, на мой взгляд, многозначительных явлениях, которые характеризуют развитие казахской литературы именно за этот период.

Во-первых, в период после XX съезда партии казахские писатели, в каком бы жанре они ни выступали, повернули к большим формам, характеризующим зрелость литературы. За последние 4 года создано 20 романов и повестей, 19 поэм, 4 крупные работы по литературоведению.

Во-вторых, в период после XX съезда абсолютное большинство казахских писателей от исторических тем перешло к темам сегодняшнего дня — темам современности. В казахской литературе последнего периода уже имеются образы людей производства, советских воинов, колхозника, ученого и инженера.

В-третьих, за этот же период наши ряды пополнились новыми, молодыми кадрами литературы, поэтами и прозаиками, произведения которых привлекли внимание московских писателей, затем и издательств, имена которых я упускаю лишь потому, что они не раз склонялись на литературных обсуждениях. Легкой, пружинистой поступью, уверенно и смело входит молодое поколение в литературу.

В-четвертых, среди участников данной нашей Декады имеется 6 академиков и 2 члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, 4 доктора и 7 кандидатов наук. И этот солидный отряд ученых-литературоведов присутствует здесь не в качестве почетных гостей, а привез солидную библиотеку научных трудов. Они привезли на обсуждение большой том очерков по истории казахской советской литературы, созданный коллективом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, выпущенный под редакцией наших писателей-академиков М. Ауэзова и С. Муканова. Они привезли большой научный монографический труд члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР Е. Исмаилова о творчестве народных акынов во главе с Джамбулом. Они привезли большой научный труд нашего критика-литературоведа М. Каратаева о современной казахской литературе, они привезли ряд монографических трудов

о творчестве отдельных ведущих писателей Казахстана, которые станут предметом большого профессионального разговора в среде ученых-литературоведов Москвы. А на первой Декаде у нас не было ни одного научного труда по литературоведению.

В-пятых, если в первой Декаде участвовал только один русский писатель из Казахстана, И. Шухов, то в этой Декаде участвуют 11 человек русских писателей из Казахстана, лучшие произведения которых равноправно выпущены к Декаде и будут обсуждаться среди литераторов Москвы.

Таковы некоторые детали данной нашей Декады, которые мне хотелось особенно подчеркнуть.

Я не хочу утруждать ваше внимание перечислением имен писателей, названием книг и т. д., которые определили высокий успех нашей Декады. О них во весь голос говорилось на литературных обсуждениях, широко освещалось на страницах центральной печати. Но я хочу в общих чертах ответить на естественный вопрос — с чем мы приехали на нашу вторую Декаду и с чем, с какими напутствиями уезжаем домой. Для этого, конечно, нужно взглянуть на некоторые итоги обсуждения произведений наших писателей, которые проходили не только в главном штабе нашей многонациональной литературы — в Союзе писателей СССР, но и читальных залах ряда московских библиотек, в студенческих аудиториях и заводских клубах.

Из уст многонационального столичного читателя, самого беспристрастного и взыскательного критика, мы услышали и высокую оценку, и критические замечания, и сердечные пожелания.

Мне еще хочется подчеркнуть два принципиальных момента, в которых мы договорились с руководством Союза писателей СССР, прежде чем приступить к творческим обсуждениям. Это, во-первых, о том, чтобы декадно-праздничный момент не преграждал пути к деловой, требовательной критике, и, во-вторых, о том, чтобы произведения казахских писателей разбирались с высоты возросших требований ко всей многонациональной литературе, без скидок на молодость и прочие снисхождения. Я рад отметить, что эти два момента были выдержаны до конца на всех обсуждениях. Действительные успехи казахской литературы были оценены достойно и высоко, а к недостаткам ее отнеслись без снисхождения. И нет никакого сомнения в том, что каждый наш про-

зык и поэт, драматург и критик, окрыленный большими успехами второй своей Декады вместе с этим увезет с собой много глубоких мыслей и советов русских братьев по перу, весьма и весьма полезных для завтрашнего дня казахской литературы. Тот, кто недостаточно внимательно прислушивался к критике, идущей из чистого сердца искренних друзей, тот, бесспорно, меньше всего будет вознагражден радостями творческой удачи.

Свыше ста человек поэтов, прозаиков, критиков и драматургов Москвы, Ленинграда, Киева, Казани и других городов Советского Союза принимали активное участие в обсуждении творчества казахских писателей. Писатели Казахстана были окружены не только большим вниманием, но и той необходимой творческой атмосферой, которая определила высокий уровень обсуждения произведений. И мы, казахские писатели, глубоко благодарны бояну многонациональной советской поэзии Н. С. Тихонову, нашему главнокомандующему А. А. Суркову; М. В. Исаковскому, С. И. Кирсанову, В. А. Смирнову, К. М. Симонову, А. В. Софронову, Е. Н. Пермитину, Л. А. Кассилю, Я. В. Смелякову, М. К. Луконину, Д. И. Еремину, С. П. Злобину, З. С. Кедриной, П. П. Вершигоре, Е. Ф. Книппович, Ю. Н. Либединскому, М. Д. Львову, К. Я. Финну и многим, многим московским литераторам, которые так ревниво отнеслись к нашим книгам и обеспечили высокий уровень их обсуждения.

Я уверен, что писатели Казахстана отнесутся к критическим замечаниям московских друзей не только с позиций требований к зрелой литературе, но и прежде всего с позиций тех новых грандиозных задач, которые выдвигаются перед писателями в тезисах XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Нельзя также не подчеркнуть, что вся московская пресса, во главе с «Правдой», подробно освещала подготовку и ход проведения нашей Декады. На ее страницах был поднят целый ряд животрепещущих вопросов развития казахского искусства и литературы. Позвольте поэтому выразить горячую нашу благодарность нашей любимой «Правде», газетам «Известия», «Культура и жизнь», «Литературной газете» и другим столичным газетам.

Умный, объективный и культурный зритель — читатель Москвы горячо воспринял произведения нашего искусства и литературы, дал им высокую оценку. Но самое главное для нас состоит в том, что москвичи при-

няли нас как своих братьев и друзей, по-дружески радовались нашим успехам, по-дружески, без обиняков, указывали на наши недостатки.

Спасибо вам за это доброе, братское чувство, дорогие москвичи!

Казахскую литературу смело можно назвать глашатаем дружбы народов. Она воспевает братство всех национальностей, населяющих наш великий Советский Союз. Корни исторической дружбы казахской и русской литературы уходят в глубь веков.

В наше светлое советское время казахская литература в содружестве всех братских литератур уверенно идет вперед к еще более многостороннему и мощному расцвету. В этом мы видим материнскую заботу родной Коммунистической партии, полное торжество ленинской национальной политики.

1958 г.

КНИГИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Когда ты смотришь на полки книгохранилищ — перед тобой мудрые и добрые советчики, уже проложившие путь к читательским сердцам.

Когда ты по привычке перебираешь тома из библиотеки твоего товарища — ты как бы проникаешь в круг его испытанных друзей.

Когда ты примечаешь в поезде или самолете знакомую книгу в руках соседа — ты уже мысленно сближаешься с ним.

Но с чем сравнить чувство, которое охватывает тебя в типографии при виде только сброшюрованных и переплетенных книг, отправляющихся в свой далекий путь?

Сотни, тысячи, десятки тысяч томов...

Не так давно я стоял в экспедиции Полиграфкомбината, самой крупной типографии Алма-Аты, и молча смотрел на штабеля книг с отпечатанными на корешках именами и фамилиями моих друзей, собратьев по трудному писательскому ремеслу.

Передо мною, понятно, не было всех ста тридцати названий произведений, участвующих в нашей московской Декаде, но я подумал именно о том, что нашим книгам предстоит встретиться с самыми доброжелательными и самыми строгими читателями и выдержать

серьезное испытание в дружеском соревновании с произведениями, изданными в других братских республиках.

Конечно, я не хочу сравнивать Декаду с парадом или турниром. Она для нас — прежде всего серьезный творческий разговор. Но есть в нем черты и очень ответственного экзамена и горячий соревновательский огонек. Вот так, мол, у нас обстоят дела, друзья-узбеки, друзья-таджики, друзья-туркмены. Может быть, в таком-то жанре мы и отстали от вас, а вот здесь — милости просим!— и у нас есть чему поучиться.

И снова мои глаза скользят по корешкам...

Я убеждаюсь, что изготовлены тиражи последних томов шеститомных собраний сочинений заслуженно известных всей стране ветеранов литературы Советского Казахстана — Мухтара Ауэзова и Сабита Муканова.

Мухтар Ауэзов сравнительно недавно завершил свою знаменитую эпопею об Абае, получившую признание во многих странах мира. Но уже отправилась в путь к читателям и новая его книга — «Очерки об Индии», стране древнейшей культуры и молодого возрождения, стране, в которой наш писатель был желанным гостем, вдумчивым и влюбленным исследователем.

Давно ли написан Сабитом Мукановым роман «Ботагоз», роман о всегда близких для нас героических днях гражданской войны? Но вот уже его новый автобиографический двухтомник «Школа жизни». Вторая книга этого произведения, созданная в добрых горьковских традициях, в самый канун Декады отправилась в плавание к читательским берегам. Но Сабит успел закончить и новое, надеюсь, увлекательное, сочинение о своем путешествии в Китай. Он побывал не только в Пекине, но и в городах соседнего с нами Синьцзяна и на просторах Тибетского плоскогорья.

Что же касается автора романов «Миллионер», «Караганда» и «Шиганак», живописца колхозной нашей жизни Габидена Мустафина, то он — завершил новую книгу о советизации казахского аула в первые годы революции. К тому же он только на днях вернулся из братской Монголии, и, я думаю, мы скоро будем читать его очерки об этой стране, сопредельной с нашим Казахстаном.

Только три имени пока я назвал, но какие просторы книжных страниц открываются перед нами, какое проникновение в современную тему и в глубь истории, ка-

кое пристальное творческое внимание к странам пробужденного Востока.

...Присматриваясь к штабелям книг, которые заботливые экспедиторы отгружают на склады торгующих организаций, я вижу одну особенность последних лет, пожалуй, самую примечательную и многообещающую особенность: это новые имена! Многие из них уже промелькнули на страницах столичных журналов и газет, уже удостоены отзывов наших литературных критиков. Есть все основания предполагать, что они очень скоро прочно войдут в читательский обиход. Эти имена, за редкими исключениями, принадлежат совсем молодым людям, только начинающим свою литературную биографию.

Вот несколько из них, взятые наугад, как говорится, без рангов и чинов.

Упомяну хотя бы Зейнуллу Кабдолова — автора повести «Искра жизни», темпераментной молодой книги о молодых рабочих и студентах, о становлении национальной советской интеллигенции. С ним словно соседствует его сверстник Сафуан Шаймерденов со своей повестью «Инеш», населенной молодыми героями, людьми пытливого ума и жаркого сердца.

Несколько старше два других писателя — Тахави Ахтанов и Абдижамил Нурпеисов. Ранняя их юность закалялась в огне Отечественной войны. Свидетели и участники великой битвы, свои романы они посвятили событиям военных лет. Книгу Ахтанова «Грозные дни» читатель уже получает в русском переводе. Что же касается Нурпеисова, то он терпеливо работал над улучшением своего романа, над обогащением его словаря, и пока с ним может познакомиться только читатель, владеющий казахским языком.

В нынешнем году был опубликован роман Хамзы Есенжанова «Ак-Жаик», названный в русском переводе «Яик — светлая река». Есенжанов принадлежит скорее к старшему, нежели младшему поколению. Но имя его, как советского прозаика, новое в казахской литературе. Внимание писателя привлекли годы борьбы за Советскую власть на Урале, он сумел собрать богатый исторический материал, вдумчиво разобраться в нем и создать интересное полотно, насыщенное действием, ценное многочисленными социальными портретами революционеров и представителей вражеского лагеря.

Не собираясь в этих заметках давать сколько-нибудь систематизированный обзор, я должен, однако, сказать, что тема современности еще не всеми писателями нашей республики разрабатывается с той активностью, как этого нам бы хотелось. Но мне хорошо известно и то, что к ней уже устремились и художники старшего поколения, и литературная молодежь. Один наш писатель погрузился в дела покорителей целины, на другого падает приятное подозрение, что он не зря так зачастил к строителям и металлургам Темиртау. Образы тех, кто своими героическими делами помог стать Казахстану второй житницей страны, стучатся в наши большие книги. В равной мере как и те, кто утверждает за нашей республикой ее индустриальную славу.

Я сейчас поймал себя на мыслях о том, что вот уже исписано несколько страничек, а ни слова не сказано о поэтах. Произошло это вовсе не потому, что у нас их меньше, чем прежде, или по той причине, что поэзия стала бедней. Об этом не может быть и речи.

Дело в том, что во времена первой Декады казахского искусства и литературы в Москве поэзия была ведущим жанром, а прозаические произведения насчитывались единицами. В наши же дни центр тяжести перенесен в прозу, что уже само по себе является показателем профессиональной зрелости литературы Советского Казахстана.

Итак, поэзия. И в экспедициях типографий и в читательских сердцах она занимает вполне достойное место. Среди многих поэтических книг, представленных к Декаде, раньше всего мне хочется обратить внимание на одну, которая в эти часы еще только брошюруется в печатном цехе. Это коллективный сборник поэм «На земле казахской». Каждый из авторов этого сборника выпустил свои книги стихов. Но сборник сюжетных эпических поэм, на мой взгляд, весьма примечательное явление. Поэмы эти — своеобразная хроника двух эпох в жизни народа, его прошлого и настоящего. Так, «Курмангазы» одного из зрелых поэтов Хамита Ергалиева — это поэтический рассказ о замечательном казахском композиторе на широком социальном фоне событий середины прошлого века. «Колокол в степи» молодого поэта Гафу Каирбекова посвящен просветителю и поэту, основателю первых русско-казахских школ Ибраю Алтынсарину, современнику Абая. «Буря в песках» Таира Жарокова — пламенное повествование о первых годах

революции. «Ахан Актаев» Халижана Бекхожина — о наших современниках, об индустриальных гигантах в степи.

Один из участников этого сборника — Таир Жароков, Абдильда Тажибаев, Халижан Бекхожин — уже давно и плодотворно работают в казахской поэзии. А, например, Гафу Каирбеков — представитель молодого поколения, только вступающего в литературную жизнь. И тем отраднее, что его поэма — зрелое, яркое произведение, написанное уверенной рукой и горячим вдохновением.

Еще моложе Гафу Каирбекова поэт Саттар Сейтхазин. Его сборник в русских переводах вышел в Москве, а одно искренне и сильно написанное четверостишие лозунгом было напечатано на первой странице одной из популярных советских газет и обошло все уголки страны.

Родина Абая и Джамбула не оскудела поэтическими талантами.

По-прежнему задушевен и внимателен к тонким деталям стих уже седовласого Гали Орманова, к светлым и глубоким раздумьям склонен Абдильда Тажибаев, как и прежде утверждает гражданскую тему поэт-партизан Жумагали Саин, как бы приблизивший украинскую речку Айдар к нашему степному Ишиму.

Я вижу обложки их книг пестрые, как джайляу весной.

Я слышу ритмы их строф и улавливаю не только традиционное звучание казахского стиха, но и неизвестные прежде размеры и перекрестную рифму, интонации, образы сравнения и ту совершенно новую мелодию в нашей поэзии.

И — самое главное!— чувствую я, какой любовью к Родине и народу напоены лирические стихи и поэмы, как властно стремятся они к благодарным нашим читателям-современникам.

Романы, повести, стихи...

Я не говорю о драматургии, ибо она в дни Декады обладает наибольшими возможностями в полный голос сказать о себе со сцены московских театров.

Но вот взгляд мой остановился на черных штабелях скромной и достаточно объемистой книги. Ее название — «Рожденная Октябрем». Ее автор — Мухамеджан Каратаев. Это сборник критических статей, исследований и этюдов о казахской литературе. Там вы найдете и монографическое исследование о переводе «Тихого

Дона» М. А. Шолохова на казахский язык и портреты Абая, Джамбула, Ильяса Джансугурова, Мухтара Ауэзова, и обзоры, и страстные полемические заметки. Книга «Рожденная Октябрем» равно как большой монографический труд Е. Исмаилова «Акыны» или очерки Т. Нуртазина о творчестве С. Муканова и А. Нуркатова о М. Ауэзове,— живые свидетели того, что и литературная критика у нас в республике стала на ноги и полноправно участвует в художественной жизни Казахстана.

Перечислять, только перечислять все — значит, по крайней мере, вдвое увеличивать размеры этих заметок.

Я не упомянул о книгах моих русских товарищей, живущих и работающих в Казахстане. А ведь среди них и такой проникновенный художник северных наших степей, обласканный А. М. Горьким, Иван Шухов и мастер исторического романа, автор пьес о людях покоренной целины Николай Анов, автор трех романов Дмитрий Снегин и многие другие.

Мне пришлось оставить в стороне и уйгурских писателей и поэтов, объединенных в свою секцию в нашем Союзе писателей.

Я ни слова не сказал о ныне здравствующих акынах-импровизаторах, наследниках могучего богатыря поэзии Джамбула. Любителей народной поэзии я охотно отсылаю к книге «Степь поет», изданной к нашей Декаде.

Но о двух изданиях — я вижу их тисненные богатые переплеты — о двух изданиях, двух подарочных книгах мне хочется сказать чуть подробнее. Их создавал народ на протяжении веков, в них он вкладывал свою душу — правдивую, ищущую, взволнованную, чуткую и отзывчивую, воспринимающую юмор; их он согревал мечтой о счастье, о сильных и могущественных героях. Вы, вероятно, догадались, что я говорю о сказках и героических поэмах. «Казахские сказки» и «Казахский эпос» включают лучшее из того, что сохранилось в народной памяти.

Сто двадцать пять лет назад в оренбургских степях Александр Сергеевич Пушкин — одним из первых русских — услышал плешительную лирическую повесть о двух влюбленных. В его бумагах сохранилась краткая запись о Козы-Корпеш и Баян-слу. Значительно позднее поэт Тверитин по мотивам этого лироэпоса создал поэму. И вот только теперь В. Потапова по тщательно выверенному варианту степной повести воспроизвела по-русски одну из самых нежных и ярких народных

поэм, вошедшую в этот сборник, который с полным основанием можно считать и достижением полиграфического искусства в Алма-Ате. Отлично исполненный переплет, многокрасочные иллюстрации, крупный и ясный шрифт, четкая и строгая печать. Приятно держать в руках эти книги, которые могут соперничать с лучшими московскими изданиями.

До сих пор, пусть очень кратко, я рассказывал преимущественно о том, что подготовлено нами в связи с Декадой. Но ведь этим далеко не исчерпывается творческая деятельность наших писателей.

В последние годы исключительно большой размах приняли переводы на казахский язык шедевров мировой литературы — произведений Шекспира, Бальзака, Гюго, Гейне, Байрона, Диккенса, Драйзера, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чехова, Горького, Фадеева, Шолохова, Маяковского. Это теперь родные имена в казахских аулах. В 1958 году в связи с Ташкентской конференцией писателей стран Азии и Африки выпущено на казахском языке 22 книги, в числе которых произведения индийских писателей Рабиндраната Тагора и Прима Чанда, китайских писателей Лу Синя, Мао Дуня, Го Можо, сказки народов африканских и азиатских стран, новеллы писателей Египта и Ирака, сборник поэтов Азии и Африки. Эти книги нашли и находят читателей, как проторил дорогу к чабанам в самые далекие пастбища сборник бессмертных сказок «1000 и одна ночь».

...Книги отправляются в путь.

Я вижу за ними их авторов — и пожилых, и находящихся в расцвете сил, и только начинающих свою литературную биографию.

Больше пятидесяти писателей в дни Декады — гости Москвы. А ведь это меньше, чем одна треть Союза писателей Казахстана — большой творческой организации, имеющей свои отделения в ряде городов республики, издающей три своих периодических органа, не говоря уже о других многочисленных журналах и газетах и Казахском государственном издательстве художественной литературы.

Когда на заре первых лет революции начинали мы свою сознательную жизнь — нашей мечтой был рабфак, нашими библиотеками — переписанные от руки степные песни, нашей самой высокой издательской возможно-

стью — видеть собственные строки напечатанными на серой бумаге в оренбургской или семипалатинской газете.

Почти четыре десятилетия минуло с тех пор. Перемены в культурной жизни народа настолько разительны, что не находишь слов для их выражения. Освобожденный народ, вдохновленный партией, поистине стал способным на чудеса.

Одно из этих чудес — зримое и простое, но по силе своей равное энергии наших иртышских гидростанций, штабеля книг, у которых я задержался наедине со своими мыслями.

Отсюда, из типографии, книги начинают свое путешествие и в аулы, и на новостройки, и в библиотеки колхозных поселков, и в книжную лавку писателей в нашей столице.

Добрый путь вам, мои дорогие верные друзья, добрый путь к читательским сердцам!

1958 г.

НАШИ БРАТЬЯ И ДРУЗЬЯ

В начале XIX века на просторах казахских степей начали мирно располагаться рядом с казахскими аулами русские поселки.

Приобщение к русской материальной и духовной культуре породило у степняков новые понятия о жизни, вызвало у молодого поколения казахов новые идеалы. Несмотря на ислам, в степи все усиливалась тяга к русской школе. Именно она, русская школа, открыла глаза на мир Чокану Валиханову и Ибраю Алтынсарину, которые, кстати сказать, имели предшественников, получивших воспитание в русской школе.

Народы, населявшие огромную территорию Российской империи, узнавали друг друга все ближе. Началось дружеское переплетение культур. Абай сочиняет стихи, совершенно непохожие на все то, что было до него в казахской поэзии. Письмо Татьяны через его перевод переходит из уст в уста степных певцов, русская девушка Мария, дочь Егора, сочиняет песни на казахском языке. А в двадцатых годах нашего века Казахстан уже мог гордиться и своими уроженцами — русскими писателями.

Факты исторических связей Казахстана и России я вспомнил потому, что оттуда, из глубины прошлого, на-

чинается традиция дружбы наших народов, а вместе с нею и братство наших двух литератур — казахской и русской.

Свыше тридцати русских писателей и поэтов входят в состав Союза писателей Казахстана в данное время. Это наши братья и друзья. Само собой понятно, что успехи наших братьев и друзей искренне радуют нас, а неудачи — огорчают. У всех у нас много общих проблем, связанных с особенностями республики, проблем, над разрешением которых надо работать сообща.

Отряд русских писателей, живущих в Казахстане,— большая сила. Произведения И. Шухова, М. Зверева, Н. Анова, Д. Снегина, Н. Титова, изображающие жизнь республики, широко известны у нас, да и не только у нас. Трудно представить себе культурного человека в нашей стране, который не знал бы романов Ивана Шухова «Горькая линия» и «Ненависть». Правдивый показ жизни во всей ее сложности и противоречивости, верность духу изображаемой эпохи, яркость характеров, живые пейзажи, сочный язык принесли этим романам заслуженную популярность. Иван Шухов показал, что судьбы казаха и казака, русского крестьянина, или судьбы казаха и переселенца-украинца, живущих рядом, неразрывно связаны. Злоключения героев романов Шухова, Снегина, Анова заставляют пережить то, что было когда-то всеобщим горем Казахстана.

А книги русских писателей Казахстана, освещающие деятельность советских людей, социалистическое преобразование республики? Их много, таких книг. Кроме «Ак-Мечети» и «Крыльев песни», романов о прошлом, пользующихся тем не менее заслуженной любовью сегодняшнего читателя казахстанца, Н. Анов написал две пьесы об освоении целины.

Повесть «На дальних подступах» и роман «В городе Верном» Д. Снегина, посвященные событиям различных эпох, подкупают прежде всего большим интернациональным чувством. Начав как поэт, Снегин сейчас перешел в прозу, упорно порой не без тяжелых творческих мук, работает на этом поприще.

Родной стихией русских писателей Казахстана является тема нашей современности. Если обратиться к фактам последних лет, насыщенных событиями большой исторической значимости, мы увидим, что наши земляки и друзья по перу одними из первых отзываются на «злобу дня».

Цикл интересных очерков о жизни целинников, полной героики труда, опубликовал Д. Снегин, Иван Шухов один за другим выпустил два сборника очерков о целине: «Золотое дно» и «Степные будни». Очерки эти как бы завершают многолетний труд писателя, поставившего перед собой задачу показать, как осуществилась заветная народная мечта — превратить пустынные степи Казахстана в цветущую хлеборобную житницу. Читая очерки Шухова, художника большого самобытного, мы зримо видим людей, слышим их колоритную речь, любуемся ковыльной степью и разливом пшеницы, ощущаем запахи трав и порывы тугого степного ветра. Краски писателя ярки, слово полновесно и точно. Сейчас И. Шухов работает над новым большим романом на современную тему.

Вот уже тридцать лет работает в литературе детский писатель-натуралист М. Зверев. С биноклем и блокнотом он исколесил весь Алтай, побывал во многих, самых отдаленных уголках Казахстана, путешествовал по пустыне Бетпак-Дала. М. Зверев так много знает из жизни природы и так хорошо, что ему не нужно прибегать к ложной занимательности. Он пишет просто, ясно, с той убедительной естественностью, которая возникает только от обилия жизненных впечатлений. В его очерках, рассказах и повестях точно и правдиво воспроизведены картины безводной пустыни и алтайских лесов, прибалхашских плавней и гор Тянь-Шаня.

Из Казахстана ушел на фронт журналист Ф. Егоров. В одном из боев, раненый, он попал в плен. Пять месяцев провел за колючей проволокой, затем бежал из плена и снова участвовал в боях. Вернулся с войны Егоров в Алма-Ату, десять лет проработал в «Казахстанской правде» и недавно написал повесть «Не склонив головы» (была напечатана в «Новом мире»). Он у нас самый молодой член Союза писателей, но в литературу пришел, как видно и по биографии, с большим жизненным багажом.

Ко времени первой казахской Декады, проходившей в Москве в 1936 году, книги русских авторов Казахстана насчитывались единицами. Теперь их гораздо больше. Кроме произведений Шухова, Снегина, Анова, Зверева, к Декаде выпущен целый ряд книг других русских писателей, в том числе сборник повестей и рассказов «Светлые ночи» А. Семенова, «Пятидесятая параллель» С. Мартьянова, сборники стихов «Приметы осени»

Н. Титова, «Поздняя встреча» Л. Кривощекова и «Снег тает» Ф. Моргуна, коллективные сборники прозаиков и поэтов.

Если прибавить сюда романы З. Танхимовича, поэтические сборники Д. Рябухи, Л. Скалковского и А. Брагина, киносценарии В. Абызова и критические статьи Н. Ровенского; если вспомнить о произведениях Н. Кузьмина, Ф. Чирвы, Д. Черепанова, Б. Петрова, В. Ванюшина; если назвать имена талантливой литературной молодежи в лице И. Щеголихина, В. Новикова, А. Ананьева и других, то станет ясно, какую отрадную пору роста переживает сейчас отряд русских литераторов Казахстана.

Все это так, все это радует, и тем не менее хочется сделать несколько общих замечаний нашим товарищам.

Прежде всего нам хочется, чтобы русские писатели республики глубже чувствовали свою ответственность как представители большой русской литературы. К сожалению, нашим авторам не всегда хватает подлинной писательской культуры. Вместо образно-эмоционального воздействия на читателя в некоторых книгах — декларативность, созерцательность.

Некоторые товарищи не осмеливаются показать свои вещи в Москве, представить их на обсуждение в среде квалифицированных литераторов столицы. Думается, нам нельзя вариться в собственном соку.

Создавая произведения о прошлом и настоящем Казахстана, русские писатели, понятно, не могут не показывать жизнь казахов. Однако образы казахов не всегда удаются им.

Происходит это оттого, что писатели недостаточно общаются со своими казахскими героями, плохо знают их быт, склад мысли, их привычки. Конечно же, немалую печальную роль играет здесь незнание языка.

Который раз мы говорим о том, что русским писателям, связавшим свои судьбы с братскими литературами, необходимо знать язык этой национальной литературы. Ведь мало того, что Снегин и Шухов пишут о Казахстане, они же признанные переводчики произведений казахской литературы! Если к этому добавить, что отцы Снегина и Шухова прекрасно знали казахский язык, то... впрочем, все само собой ясно. Нельзя превращать изучение языка в особую государственную проблему, как это стараются делать некоторые наши русские писатели в республике, требуя специальных школ, ассиг-

нований и т. д. Для знания языка нужно «немногое»— истинная любовь, подлинный интерес к нашему языку.

Известно, что русские ученые и писатели (Ильминский, Алекторов, Даль, Тверитин и др.) в условиях полного отсутствия казахской грамоты сумели усвоить казахский язык, благодаря чему сохранили для наших дней ценные памятники духовной культуры казахского народа. Выдающийся казахский поэт Султанмахмут Торайгыров в одном из первых стихов своих писал: «Я клянусь усвоить русский язык и письмо русское». И надо сказать, что упорнейшим трудом, неодолимой любовью к чужому языку он добился этого.

Мы живем в эпоху подлинного расцвета национальных культур, в эпоху теснейших взаимоотношений, взаимовлияний и взаимообогащения этих культур. В наших условиях изучение братских языков, как первейших элементов культуры, представляет далеко не излишнюю роскошь для писателей, живущих в национальных республиках, да и не только, думается мне, для этих писателей!

Мы, казахские литераторы, относимся к произведениям русских авторов Казахстана с подлинным участием братьев и друзей.

Мы живем и работаем рядом. Опыт убеждает нас в том, что постоянное тесное общение казахских и русских писателей является жизненно необходимым фактором в развитии наших литератур.

1958 г.

ЛУЧШЕЙ ПЕСНИ ДОСТОЙНЫ ОНИ

Наша литература тем и велика, что она показала миру нового человека, нового героя — советского труженика, строителя коммунизма. О нем написано много книг. Будет гораздо больше. Но их всегда будет мало.

Писатели в огромном долгу перед рядовым советским тружеником. Какую роль играют в наших книгах образы рабочего и колхозника? Как это ни противоречит жизненной истине, они образуют нередко «общий фон» произведения, их мысли всего лишь следуют за мыслями других, кого мы подаем крупным планом. Я не собираюсь как-то отделять, скажем, рабочего на заводе от руководителя предприятия, где он работает, ведь и в жизни они шагают рядом. Я говорю о другом — о

том, что во многих произведениях последних лет простым людям отводится зачастую роль необходимая, но достаточно безликая. Они выражают на собраниях слова одобрения или порицания (как много у нас книг со сценами, удивительно похожих одно на другое собраний), голосуют «за» или «против», проводят годных или проваливают негодных. Неужели только таким образом и можно представлять «мнение народное»?

Может быть, я несколько преувеличиваю, но в принципе я убежден, что «простой» работник нашего Сегодня и Завтра еще не нашел в книгах достойного художественного «эквивалента».

Все мы, писатели, страшно любим, когда нас называют учениками Горького. Прочтите подряд бессмертные его рассказы — и вы убедитесь воочию, что Горький больше всего писал о простом, рядовом человеке. Сурово и беспощадно, как ножом хирурга, вскрывал Горький язык капитализма не только на теле современного ему общества, но и в душе людей, кропотливо и любовно вырисовывал народный характер. Сколько незабываемых образов, колоритных характеров простых людей оставил он нам! Вывод напрашивается сам собой: мы плохо учимся у Горького, недостаточно сильно пишем о человеке из народа. Конечно, было бы несправедливо обвинять в этом всех наших писателей. Повторяю — и в последние годы есть немало отличных произведений, продолжающих горьковскую традицию изображения «маленьких» людей и великой их работы». Рассказ М. Шолохова «Судьба человека», мне кажется, подчеркнуто поворачивает литературу к теме рядового человека. Сила замечательного нашего поэта А. Твардовского также именно в этом. Великолепен, по-моему, недавний рассказ Твардовского «Печники». Характер его героя Егора Яковлевича — поистине народный.

Но, как говорят, нет правил без исключений. А подобных исключений у нас, я считаю, что-то излишне много.

Почему же мы мало обращаемся к жизни рядового строителя — главного героя современности? Не кажется ли вам, товарищи писатели, что мы робеем перед трудностями, которые неизбежны для литератора, берущегося рассказать об обыкновенном рабочем или колхознике? Писать о директоре, мне кажется, проще. Здесь деловые конфликты лежат как бы на поверхности, здесь иногда можно «выехать» на внешних атрибутах,

описать кабинет, телефон, секретаршу, споры, борьбу с отсталыми элементами и т. п. А попробуйте-ка, скажем, схватить главное или броское в неброском облике рабочего, одного из многих работающих у станка в огромном цехе.

Среда рядовых людей — это среда, где почти не встретишь мелких характеров, где есть свои конфликты, и крупные конфликты, вовсе не ограничивающиеся столкновением новатора рабочего с консерватором директором.

Я хочу привести два самых обыденных, казалось бы, факта из жизни животноводов Казахстана. В колхозе имени Куйбышева Кировского района Талды-Курганской области живет старик чабан, депутат Верховного Совета Казахстана Закирбай Жанбосынов. В 1934 году он принял отару из 30 грубошерстных овец. А к концу 1958 года колхоз владел тридцатитысячным поголовьем тонкорунных овец, причем колхоз не покупал ни одной овцы. Факт, конечно, сказочный, но не ясно ли, что Жанбосынов обратил сказку в быль в тяжелейшем героическом противоборстве с природой, с пережитками в сознании аульчан, с собственной малограмотностью? Кто знает, каких чудес натворил бы старый кудесник, подкрепи он практический опыт научными знаниями! Разве его жизнь и труд — не завидный материал для писателя?

А вот еще.

В колхозе имени Чокана Валиханова Гвардейского района девушки-доярки объединились в бригаду коммунистического труда. Возглавляет бригаду молодая скромная женщина З. Тамшибаева. Бригада живет и работает непривычно, наперекор давным аульным обычаям. Девушки установили строгий распорядок дня, чего не встретишь в быту старых животноводов, а главное, они стремятся к разумному сочетанию производственной работы с учебой. Две из них в этом году поступают в медицинский институт, одна — в консерваторию, но бригада не распадается: место уходящих на учебу в вуз займут другие. В этой бригаде хорошая дисциплина, очень уважительное отношение к труду. Я думаю, что члены бригады, сами того не подозревая, вносят много нового в привычный быт животноводов старого закала, увлекая своим примером многих сверстников, которые могли бы жить во многом и по старинке.

Такие явления, такое проявление народной инициативы заслуживают пристального внимания писателей, могут очень и очень многому научить нас, литераторов.

Только укрепляя связь с повседневной жизнью народа, его трудовой деятельностью, писатель сможет правдиво рассказать о простом человеке.

Мы не первый год горячо и искренне говорим о необходимости активно вторгаться в жизнь, но не очень энергично действуем в этом направлении. Мне кажется, мы забываем хороший совет Горького: чтобы создать типический образ человека, необходимо внимательно изучить десятки прототипов и отобрать самое существенное.

Основной способ изучения жизни у нас — это все еще так называемые творческие командировки. Я присоединяюсь к тем товарищам, которые считают, что за один-полтора месяца командировки нельзя познать жизнь. С чего мы их, как правило, начинаем? С предварительной «ориентировки». Мы прежде всего направляемся в райком или обком, получаем там адрес и характеристику новатора и, нигде не задерживаясь, ни к чему не присматриваясь, едем прямо к нему. Мы нарушаем традиции мастеров литературы. Приведу слова одного из них: «Никогда не следовать по большим дорогам, а всегда лишь по тропинкам, ночевать в ригах, если вблизи нет гостиницы, питаться хлебом и водой, когда негде найти другой пищи, не бояться ни дождя, ни расстояния, ни долгих часов непрерывной ходьбы — вот что нужно, чтобы познакомиться со страной, проникнуть в самое ее сердце, чтобы обнаружить уже неподалеку от городов, так хорошо знакомых туристам, тысячу вещей, о которых раньше и не подозревал». Так писал, путешествуя по Бретани, Мопассан.

Почему мне представляется особенно важным возобновить разговор о теме скромного труженика?

Наша литература произведениями о советском человеке должна отдать дань уважения ему, творцу счастья, творцу нашей семилетки, достойному лучшей песни. Книги о нашем современнике должны также помочь самому писателю познать красоту дел, творящихся вокруг него, воспитать в себе скромность, отзывчивость, понимание сложности и величественности реальной жизни — все то, без чего нет литератора, нет литературы.

1959 г.

КАЗАХСТАН — БОГАТАЯ СТРАНА

Почта писателя всегда интересна. Переписка с читателями и героями своих книг, с друзьями по литературе и жизни раскрывает духовный мир автора, позволяет глубже вникнуть в его замыслы.

А переписка с зарубежными читателями!

Помимо всего прочего, она свидетельствует о любви к нашей Отчизне зарубежных товарищей, о глубоком интересе к культурной жизни СССР, о наших крепнущих международных связях.

Позволю себе опубликовать адресованное мне письмо одного из чехословацких читателей и мой ответ автору письма.

«Прага, 9 мая 1959.

Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Мусрепов!

Пишу Вам из далекой Чехословакии. Не так давно я получил в подарок от школьников Ваш роман «Солдат из Казахстана» в чешском переводе. Прочитал я книгу с интересом. Хорошая эта книга, очень мне она понравилась. Милые и отважные люди изображены в ней. После чтения я задал себе вопрос, вернее, ряд вопросов, например: будет ли продолжение, а если вышло, то под каким названием? Из Вашего произведения могла бы быть трилогия: I том — до отлета Кости на лечение; II том — возвращение на фронт и боевой поход до Берлина; III том — демобилизация и жизнь героев романа в мирных условиях в СССР. Никто не мог мне тут в Праге ответить на эти вопросы, поэтому позволяю себе побеспокоить Вас.

Ваш роман пробудил во мне интерес к Казахской республике и к ее народу. Что это за народ казахи? Где живут, на каком языке говорят, как раньше назывались Казахстан и его обитатели? На некоторые из этих вопросов я получил ответ из Вашей статьи в журнале «Огонек» (№ 44, 1957 год). Многое мне потом стало ясно. Особенно благодарю Вас за сведения о казахских писателях. Здесь, в Праге, я нашел и уже прочитал произведения С. Муканова «Ботагоз», Г. Мустафина «Миллионер», М. Ауэзова «Абай». Все эти книги я прочитал в чешском переводе. Теперь я уже знаю много больше о вашей республике, чем раньше. Ваша статья «Моя гордость — моя республика» в известной мере мне

помогла, и я мог детям кое-что рассказать о Казахстане. Теперь я вижу, какая это богатая страна (наверное, на втором месте в Советском Союзе?) Какие огромные успехи за сорок лет, а какая литература! Да ведь уже достигает уровня русской литературы, что доказывается недавним присуждением казахскому писателю Ауэзову премии Ленина.

Еще раз извиняюсь, что я, совершенно Вам незнакомый человек, осмелился Вас беспокоить.

Если у Вас найдется минутка свободного времени, напишите мне — вышло ли продолжение жизни Кости Сарталиева и других товарищей. И над чем вы работаете и что написали?

Желаю Вам много успехов! Будьте здоровы.

Сергей Рушевский (пенсионер).

Адрес: Чехословакия, Прага-2,
Сергею Рушевскому.
Секанинова, 50.

P. S. После прочтения романа «Ботагоз» мне все же осталось неясным вот что: в одном месте пишется о киргизах, в другом о казахах. Есть в этом какая-нибудь разница? Или же это ошибка переводчика?»

«Алма-Ата, 30 июня 1959 г.

Дорогой товарищ Сергей Рушевский!

Извините, что отвечаю с опозданием: недавно вернулся в Алма-Ату из Москвы.

Письмо Ваше доставило мне настоящую радость.

Надо ли объяснять, как приятно автору узнать, что его герои нашли путь к читателю за много тысяч километров от родной земли. К этому моему личному чувству прибавляется другое: гордость за всю казахскую литературу, за своих товарищей по перу, за свою республику.

Вас не обманули Ваши предположения: Казахстан — действительно богатая, обширная и очень интересная страна. Его территория равна территории всей Европы без Англии, иначе говоря, на пространстве Казахстана можно разместить семь Франций. По цветным металлам он занимает первое место в СССР. Вы слышали, конечно, о целинных землях, поднятых в Советском Союзе? Так вот, из 36 миллионов гектаров, освоенных

за последние шесть лет, 23 миллиона падает на Казахстан. По государственному бюджету наша республика находится на третьем месте. Вот Вам и нетрудно найти ответ на интересующий Вас вопрос о значении Казахстана в братской семье советских республик. В народном хозяйстве Союза в целом мы не занимаем второго места. Второе место занимает Украина, которая обладает более развитой промышленностью и сельским хозяйством.

В прежние времена, до Великого Октября, моя страна была отсталой колониальной скотоводческой окраиной, а мой народ был лишен даже своего имени «казах». Вы спрашиваете, есть ли какая-нибудь разница между киргизами и казахами? Киргизы, как казахи, тюркоязычный, но самостоятельный народ, у киргизов — своя республика. Однако царизм нас всех называл одинаково — киргизами. Вот почему в романе С. Муканова представители царского чиновничества говорят о киргизах, а сами казахи называют себя так, как и положено.

Вы спрашиваете о проекте инженера Давыдова. Нет, он не осуществляется. Это ведь один из многочисленных проектов обводнения Казахстана. В нем есть своя красота, свой полет технической мысли, но на данном этапе практически его осуществить трудно. Ближе к реальной жизни канал Иртыш — Центральный Казахстан. О нем говорилось и на XXI съезде КПСС. Я мог бы Вам рассказать о замечательном ирригационном строительстве в Голодной степи, о плотине на Сырдарье, сделавшей плодоносными пустынные земли.

Сейчас у нас появился еще один проект — результат многих лет работы гидрогеологов Академии наук Казахской ССР под руководством самого молодого академика республики Уфы Мендыбаевича Ахмедсафина. Изучая происхождение родников с чистой водой среди солончаков и соленых озер пустынь, исследуя данные сотен скважин глубинного бурения, гидрогеологи Казахстана пришли к выводу о существовании подземных морей. Эти подземные моря возникали в течение многих миллионов лет в чашеобразных впадинах, образовавшихся в итоге тектонической деятельности. Сквозь пески, песчаники и галечник туда — в эти огромные подземные чаши — уходят потоки горной и атмосферной воды.

Ученые нанесли на карту «Чуйское море», распо-

ложенное под каменистыми породами нашей великой пустыни Бетпак-Далы, обширный подземный артезианский бассейн в Сырдарьинской впадине, бассейн на западе Казахстана в районах эмбенской нефти. Использовать эти водные ресурсы, конечно, не просто, но, во всяком случае, самое главное: так или иначе республика будет обводнена в ближайшие исторические сроки.

Если рассказывать о нашей республике подробно — надо писать не письмо, а целую книгу. Я и решил послать Вам несколько книг, в которых Вы почерпнете богатый материал и о прошлом, и о сегодняшнем Казахстане: это избранные произведения выдающегося нашего просветителя и ученого Чокана Валиханова. История Казахской ССР и очерки о казахских писателях М. Каратаева и А. Брагина.

Вы спрашиваете меня о моих творческих планах.

Я занимаюсь драматургией, пишу пьесы для наших театров. А самый большой мой труд — это трилогия о формировании казахского рабочего класса. Посылаю Вам и первую книгу трилогии,— трудно сказать, когда я ее завершу,— герой «Солдата из Казахстана» неожиданно встретится с новыми своими друзьями на шахтерской карагандинской земле. Я убежден, что так должно произойти.

Дружески жму Вашу руку, желаю здоровья и счастья».

1959 г.

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Меня волнуют некоторые общие вопросы литературы, в частности, вопросы, связанные с нашей драматургией.

Положение современной драматургии, как известно, оставляет желать много лучшего.

Советская драматургия начала победное шествие как драматургия революционная, героическая. За последнее время она во многом утеряла драгоценное качество — высокую пафосность, и утеряла в значительной мере потому, что развелось много людей, которые принесли дух делячества в драматургическое

искусство. Приземленный подход к нашей героической современности продолжает быть массовым явлением до сих пор. Утрачены героика и романтика, которые необходимы настоящему искусству и которые дают ему возможность возвеличить героя, показать его крупным планом, сделать его властителем дум.

Серость, увы,— беда не только драматургии. Думается, что бороться с посредственностью надо изо всех сил и сообща, а Союзу писателей и Министерству культуры надо решительно прекратить серый поток ненужной, халтурной писанины.

У нас очень много времени ушло на разжевывание и пережевывание «теории бесконфликтности». Я, конечно, не собираюсь оплакивать кончину этой пустой чепухи. Ведь никто из настоящих писателей не исповедовал эту «теорию», она питала только ремесленников. Нельзя не сожалеть, что наша литературная наука, отлично понимая, что конфликт есть главный стержень любого художественного произведения, тем более драматического, до сих пор не занимается изучением природы конфликта в наших советских условиях. А. Сурков сказал в своем докладе, что природа современных конфликтов заложена в трудовой и общественной деятельности людей. Это, конечно, верно. Но стоит перейти к практике, как мы непременно столкнемся со множеством готовых стандартов и характеров-схем. Трудовая и общественная деятельность героя зачастую глушит его человеческий облик, характер. Драматургия кружится в основном вокруг одних и тех же ситуаций, например: муж хочет ехать в район (на целину), а жена не хочет.

Пора разоблачить чуждые нашей литературе жульнические приемы, к которым прибегают отдельные окололитературные «деятели». Из республики в республику совершают путешествия пьесы и киносценарии с универсальными героями, лишенными каких бы то ни было индивидуальных и национальных черт характера. Если автор назвал своего героя Ходжаевым, он сойдет за узбека; окрестит он его Ходжибековым,— герой станет азербайджанцем; наречет он его Ходжибаевым,— герой превращается в казаха. Бывает так, что вещь отвергают в Москве, но переправляют в республику: там, мол, все сойдет. Бывает еще хуже. У меня на столе лежит огромная рукопись романа, которая до этого лежала в

Союзе писателей СССР. Там вполне могли сказать автору, что никакого романа у него не получилось, но неприятное слово почему-то предоставили сказать мне.

Думается мне, что настало время разобраться и в так называемой теории «производственного фона». Я не требую, чтобы тракторы пахали целину прямо на сцене или зрители любовались, как на их глазах бьет фонтан нефти. Но нельзя допускать, чтобы человека отрывали от его трудовой деятельности. Во многих пьесах рабочего узнаешь только по его одежде, а вот как он проявляется в главном деле своей жизни, мы не видим, об этом мы не научились еще рассказывать языком искусства. Мне кажется также, что мы чересчур щедро наделяем каждый литературный образ титулом «обобщенный», забывая при этом о глубоком смысле этого понятия, упуская из виду художественную ценность образа.

Теперь несколько слов об организационных вопросах, которые, на мой взгляд, связаны с нашим творческим ростом.

Третий съезд писателей должен положить начало новому методу руководства многонациональной советской литературой. Мы единодушны в мнении, что прежняя форма руководства изжила себя. Мне кажется, съезду нужно учесть и пожелания национальных писателей.

Нельзя по-прежнему руководить национальными литературами через консультантов комиссии по братским литературам. Эту миссию должны взять на себя ответственные работники Союза.

Нельзя судить о той или иной национальной литературе по переводу. В руководящий орган Союза писателей СССР должны входить люди, которые умели бы читать не только по-русски, по-настоящему знали бы национальные литературы.

Коренным образом должна быть перестроена работа редакций всех печатных органов Союза писателей с тем расчетом, чтобы все они действительно стали органами многонациональной литературы. Наши печатные органы по традиции занимаются только определенной, самой известной, по существу, узкой группой национальных авторов. Пора обратить внимание на широкие литературные кадры и следить за их продукцией по оригиналам, а не по переводу на русский язык, который

появляется обычно спустя три-четыре года после выхода книги на родном языке.

По-моему, недостаточно ограничиваться расширением редколлегий газет и журналов путем формального включения в них представителей национальных литератур. Нужна перестройка более основательная. Было бы, например, очень полезно, если работники «Литературной газеты» умели бы читать на языках ведущих наших литератур.

Не нуждается в доказательстве и настоятельная необходимость организации центрального издательства литератур народов СССР.

Выступления в печати В. Лациса, М. Гусейна, выступления на съезде О. Гончара, П. Бровки и других товарищей в достаточной мере обосновали своевременность всех этих мероприятий. Я тоже присоединяю свой голос к этим писателям и надеюсь, что съезд поддержит нас единодушно.

1959 г.

НЕОБХОДИМО ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

Третий съезд писателей СССР — новый рубеж в жизни многонациональной советской литературы и культуры. Мы, писатели Советского Союза, отчитывались перед партией и народом за период между двумя нашими съездами. И, надо сказать, нам было в чем отчитываться, было что поведать и о свершениях, и в еще большей мере о замыслах на будущее.

Попытаюсь оттенить некоторые, на мой взгляд, главные черты прошедшего съезда.

Это, во-первых, полное и органическое единство советских писателей с Коммунистической партией в понимании глубоких задач нового периода развития нашей страны, периода развернутого строительства коммунистического общества. Этим объясняется острая постановка проблем современности, высокохудожественного отображения величия эпохи героических подвигов советского народа. Никогда так всесторонне и остро не ставилась проблема современности перед всеми писателями, перед всей многонациональной советской литературой.

Успехи той или иной литературы, того или иного писателя в дальнейшем твердо и безоговорочно будут определяться овладением тематикой современности. При этом мы всегда должны помнить, что поворот к современности ни в коем случае нельзя рассматривать как кампанию на определенный период. Это не кампания, а генеральная линия развития нашей литературы.

По-иному — шире и глубже, чем прежде, надо решать вопрос и о нашей тесной связи с жизнью. У нас сейчас творческая командировка стала почти единственной формой общения с жизнью. Справедливо ли это? Разве можно изучить жизнь за полтора-два месяца? И нет ли других, более стабильных форм вживания в трудовую атмосферу?

Проблемы современности невозможно решить в отрыве от высокого художественного качества, в отрыве содержания от формы. Резкий поворот к нашей героической современности означает в то же время повышение требовательности к мастерству.

В приветствии ЦК КПСС записано следующее:

«Литература коммунизма должна быть великой литературой не только по богатству идейного содержания, но и по художественному совершенству. Большие идеи требуют высокого мастерства, героические характеры — достойного художественного воплощения».

Советского писателя не может не волновать величие трудового энтузиазма советских людей, величие семилетнего плана. Советский писатель не может не принять самого горячего участия в формировании духовного облика человека будущего.

Между тем первые шаги писателей Казахстана к темам современности пока что не отличаются стройностью. Конечно, большинство писателей делает заявки на большие темы из жизни тружеников промышленности и сельского хозяйства Казахстана, из жизни интеллигенции. Творческие планы всех секций нашего Союза совершенно отличаются от планов прошлых лет, они не пестрят уже украшениями девушек из дореволюционного аула. Нужно только, чтобы все эти планы превратились в хорошие книги и киносценарии, в хорошую драматургию.

Небольшой, но странный диссонанс внесла лишь одна комиссия по военной литературе. К определенным датам Великой Отечественной войны она настойчиво предлагает переиздавать все, что было написано и из-

дано у нас на военную тему. В плане нет ни одного нового названия. Надо полагать, что военная комиссия сама поймет и исправит свои наметки.

Вторая черта съезда состояла в остром и принципиальном разговоре о консолидации кадров литературы, о консолидации на партийной основе, не допускающей никаких сделок и сговоров личного или группового порядка. Это, пожалуй, первый съезд писателей, на котором в обсуждение общего нашего дела не вплетались мотивы личного порядка, это первый съезд, на котором священное партийное оружие — критика и самокритика — использовалось по назначению, как товарищеское слово, помогающее в труде, а не порочащее писателя, не причиняющее ему душевных страданий.

III съезд писателей СССР уделил большое внимание проблемам развития национальных литератур. Это объясняется тем, что литература и культура всех советских народов значительно окрепли. Если на II нашем съезде представители национальных литератур еще робко вступали в обсуждение общих проблем советской литературы, то теперь положение изменилось. Период между двумя съездами писателей СССР был плодотворным для всех литератур. Декады национальных литератур, прошедшие за это время в Москве, демонстрировали колоссальные успехи культурной революции в национальных республиках.

Таков, на мой взгляд, третий итог, который стал возможен только в условиях братской взаимопомощи литератур, прежде всего благодаря неоценимой помощи передовой русской литературы и культуры.

За нами продолжают оставаться большие долги.

Писатели Казахстана понимают, что жизнь республики уже написала на его географической карте много чудесных книг о преобразователях природы, о тех, кто создает богатства народа. Наша задача — художественно отобразить трудовые подвиги преобразователей. Я не хочу спорить с теми, кто утверждает, что жизнь всегда идет впереди, ибо это совершенно правильно.

Советские писатели должны писать не только о вчерашнем или о сегодняшнем дне, но и направить прозорливое око художника на наше завтра, чтобы еще активнее помогать партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

Чтобы работа была успешной, Союзу писателей и другим творческим союзам Казахстана, Министерству

культуры и его художественным учреждениям, на мой взгляд, необходимо выработать хорошо продуманный общий план действий.

А пока между нашими союзами и Министерством культуры творческого содружества не было. Защищая честь мундира, действуя вразнобой, мы не помогаем друг другу, а тормозим наше общее дело.

Например, нельзя больше терпеть отставание нашей драматургии и кинодраматургии. До сих пор было так: Союз писателей планировал развитие литературы в целом, и по плану получалось достаточно много названий, настолько много, что ежегодно план приходилось сокращать. Но Союз плохо интересовался, хорошо или плохо живется нашим театрам. А Министерство культуры все еще не умеет пока найти творческого языка с писателями. Не в этом ли одна из причин отставания драматургии?

Не лучше у нас взаимоотношения с Союзами композиторов и киноработников.

Некоторые поэты, например, пишут либретто на современную тему. Но композиторы Казахстана отказываются работать над оперой на тему современности. Я помню, на первом съезде композиторов нашей республики была принята резолюция, в которой говорилось, что композиторы считают либретто своим делом. Заявление было гордое, но результатами его вряд ли можно гордиться.

Союз киноработников, как самый молодой творческий союз, конечно, переживает период организационный. Но его первые шаги к содружеству с нами не отличаются творческой оригинальностью. Вспомним выступления Ш. Айманова на IV съезде писателей Казахстана и М. Ромма — на III Всесоюзном. Оба они говорили о массовости киноискусства. Они агитировали нас, чтобы мы писали киносценарии. Но впечатление создалось такое, что оба они противопоставляют киноискусство всем остальным видам искусства, фетишизируют его. Они расписывают технические чудеса кино так, что вряд ли их может понять простой смертный. На мой взгляд, не нужны эти противопоставления, и кинофетишизм ничего, кроме вреда, не приносит. Кино — один из видов реалистического искусства, развивающегося по творческим принципам социалистического реализма.

Да, мы все еще не нашли новой формы творческого содружества. Мы слишком позируем друг перед другом:

«А ну-ка, мол, попробуй обойтись без меня!» В то же время хорошо понимаем, что перед нами поставлена одна задача — достойно отображать нашу героическую современность в литературе и искусстве.

В настоящем творческом содружестве — гарантия наших успехов.

Много, очень много нужно потрудиться нам всем, чтобы показать эпоху героического семилетия. Именно потрудиться, потому что надежным помощником партии может быть только мастер своего дела.

1959 г.

О СОСТОЯНИИ И ЗАДАЧАХ КАЗАХСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

IV съезд писателей Казахстана открывается в новых, исключительно благоприятных условиях, когда самый высокий общечеловеческий идеал — коммунистический строй — стал для советского писателя объективной реальностью, той общественной обстановкой, в которой он в дальнейшем будет трудиться, посвящая всего себя, всю силу своей поэтической души и сердца этому строю.

Позади 40 с лишним лет периода строительства социализма, периода грандиозных побед нового, социалистического мира. Отныне каждая тонна металла, каждая хорошая книга, т. е. все, что называется высоким произведением материальной и духовной культуры, пойдет на строительство коммунистического общества.

Исторический XXI съезд КПСС, который признан коммунистическим и рабочим движением всего мира как съезд строителей коммунизма, открывает период развернутого строительства коммунистического общества. С какой гордостью, с каким высоким коммунистическим сознанием должны творить писатель и поэт, страна которых возглавляет самую великую революцию, создающую, по существу, новое человеческое общество на земле!

Мы, современные советские писатели, счастливые свидетели того, как советская наука открыла космическую эру, опередив самые смелые, безудержные фантазии поэтов и писателей всех времен и эпох. Она дала не только три первых спутника Земли, но и прибавила новую советскую планету в Солнечную систему. И все,

что до сих пор называлось чудом: и деяния Геркулеса, и сады Семирамиды, и многое другое — поблекло перед реальными творениями человеческого разума, перед спутниками и планетой, в сиянии которых народы всего земного шара видят беспредельный взлет мысли и фантазии в стране социализма. А взлет мысли и фантазии — самое родное дело писателя! Я лично думаю, что реалистическая фантазия, тесно связанная с советской действительностью, с героическими делами советского народа, способна создать целый переворот, в особенности в жанрах военной и детской литературы, да и не только в этих жанрах.

Идейно-политический, художественно-эстетический арсенал социалистического мира, который через произведения литературы и искусства во все возрастающих масштабах распространяет мировоззрение марксизма-ленинизма, стал неисчерпаемым источником новой, социалистической морали. Мировоззрение марксизма-ленинизма стало мировоззрением не только социалистической художественной интеллигенции, оно шаг за шагом, все шире и крепче завоевывает передовых деятелей культуры капиталистического мира и колониальных стран.

Можно было бы привести десятки имен крупнейших прогрессивных деятелей литературы и искусства из капиталистического мира, которые уже стали деятельными популяризаторами принципов социалистического реализма, в своих произведениях без промаха бьют по идейным основам фашизма и колониализма, разоблачают поджигателей войны и агрессии.

На несокрушимой базе исторических побед социализма самый молодой мир, мир социализма берет на себя заботу и ответственность за судьбу всего человечества. То, что мы говорим и говорили до сих пор о всемирной победе социализма, ныне приобрело характер непосредственной практической деятельности. Если великий основоположник учения о развитии человеческого общества К. Маркс говорил, что «философы объясняют мир, а его надо изменить», то какая великая миссия выпала на нас, на наше поколение деятелей советской культуры, как на непосредственных участников этого изменения мира и создания нового коммунистического мира.

Вряд ли писателям нужно иметь много фантазии, чтобы увидеть в принятой XXI съездом КПСС програм-

ме семилетия не фантастическую, а реальную, действительно неодолимую преграду войне, самой страшной в современных условиях угрозе человечеству, преграду, которую последовательно и неустанно воздвигает социалистический мир во главе с Советским Союзом, воздвигает не только на земле и в воздухе, но и в умах трудовых людей всего мира!

Героический мирный труд социалистического мира, в первую очередь Советского Союза, создал и создает такие крепости, что мир капитализма более не способен навязывать войну не только всей нашей системе, но и любой другой отдельно взятой стране земного шара. Здесь решающее слово принадлежит нам, и этим словом всегда будет: «Нет!» Труд, который сделал человека человеком на заре его истории, ныне в новом социалистическом качестве спасает мир от военной катастрофы, готовит место в музее для самой идеологии агрессивной войны, веками державшей в плену сознание человека.

Величаво и сказочно, могуче и незыблемо рисуется облик Родины, когда ты всматриваешься в ее завтрашний день, когда ты задумываешься о великом гимне, в котором многонациональная советская армия художников слова, кисти, сцены и экрана должна воспевать героический труд ленинской партии и советского народа. И поистине самый большой подвиг совершит тот художник, на долю которого выпадет счастье достойно воспеть трудовой подвиг своего героического народа.

Следовательно, главное и решающее для нового, небывалого подъема советской литературы заключается в том, чтобы творческая деятельность каждого советского писателя максимально соответствовала целям и задачам нового общественного развития страны, т. е. периоду строительства коммунизма. Именно с этих позиций, с позиций программных решений XXI съезда партии, мы, писатели Казахстана, должны рассматривать все без исключения проблемы, которые наша литература будет творчески решать в ближайшем будущем.

О благородной задаче писателя — запечатлеть героический подвиг народа — строителя коммунизма, мы должны говорить на нашем съезде. При этом мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что страна наша стала классической страной социализма, у которой берут пример, учатся всему героическому и последовательному

в социалистическом преобразовании экономики и культуры, в воспитании высокосознательных членов нового общества. А кто же, как не мы, советские писатели, должны ставить на повестку дня вопрос о классической литературе социалистического реализма, как о самом высоком и идейно-художественном требовании к произведениям, или, если такая литература у нас уже имеется, то эти требования сделать предметом широкого обсуждения. Мне думается, писатели Казахстана, как один из сильных отрядов многонациональной советской культуры, способны поднять эти вопросы на своем съезде.

Как известно, вторая Декада казахского искусства и литературы в столице нашей Родины — Москве прошла на достаточно высоком уровне, прошла как большой и яркий праздник всей многонациональной культуры Советского Союза.

Совершенно объективно и справедливо 22 февраля с. г. подвели итоги Декады наши республиканские партийные газеты «Социалистик Казахстан» и «Казахстанская правда». Как никогда в унисон, они писали следующие замечательные и окрыляющие творческих работников Казахстана слова:

«Тем величественнее выглядит достигнутый уровень развития культуры на современном этапе, опирающийся на сплошную грамотность народа, на свою национальную оперу, драматическое искусство, симфоническую музыку, кинематографию, живопись, скульптуру, на многожанровую художественную литературу».

Казахская литература показала себя на Декаде молодой и сильной, достаточно зрелой многожанровой и многоплановой литературой. Она показала себя способной достойно ответить на еще более высокие требования партии и народа. Требовательно отмечая ее бесспорные пробелы, весьма широкий круг московских ведущих писателей, поэтов, прозаиков и критиков в один голос признавали, что на материалах казахской литературы можно обсудить проблемы всей советской литературы. И по существу обсуждения нашей литературы во время Декады в Москве прошли под этим лестным для любой национальной литературы углом зрения. При этом самое ценное для нас заключалось в том, что декадно-праздничный момент ни в какой степени не заслонял развертывание деловой, принципиальной критики, и мы, писатели Казахстана, вернулись из

Москвы намного обогащенное мыслями, воодушевленные на еще более высокие дерзания.

Нельзя не гордиться, когда эпопею М. Ауэзова об Абае самые объективные и требовательные судьи литературы и искусства признают вкладом в мировую сокровищницу духовной культуры, нельзя не гордиться, когда те же судьи признают романы С. Муканова, И. Шухова, Г. Мустафина, Н. Анова, романы молодых прозаиков А. Нурпеисова, Т. Ахтанова, Х. Есенжанова, лирику А. Тажибаева, Г. Орманова, А. Сарсенбаева, К. Бекхожина, Д. Абилева, Х. Ергалиева, Ж. Сапна, С. Мауленова и ряд других произведений писателей Казахстана достойным вкладом в советскую литературу.

На этом же уровне оценивались лучшие произведения драматургии и критики. Причем нелишне будет напомнить, что некоторые из этих крупных жанров не насчитывают даже 40-летнюю историю. Тем не менее на обсуждениях в Москве не раз подчеркивалась глубокая связь нашей литературы с жизнью, ее богатое тематическое разнообразие, яркий национальный колорит и высокий уровень мастерства по целому ряду жанров.

Мне хочется особо подчеркнуть высокую оценку, которую за богатство тематики, за активное вторжение в жизнь народа получила наша современная поэзия. Она выросла, опираясь на свой фундаментальный тыл,— на богатый эпос, на Абая и Джамбула, на Торайгырова и Сейфуллина, на Майлина и Джансугурова, на реалистическую и революционную русскую поэзию.

«Очень приятно чувствовать,— сказал Н. С. Тихонов на обсуждении казахской поэзии,— что наши братья из Казахстана существуют как сильный отряд поэзии, не только как сильный отряд, замкнувшийся на своих, хотя и гигантских просторах, но отражает и то, что происходит в мире и расширяет сознание, и ведет наш народ к единой цели».

По-моему, будет излишним славословием, если я что-либо прибавлю к этой высокой оценке, высказанной Н. С. Тихоновым, крупнейшим поэтом страны и, я сказал бы, совести всей нашей многонациональной поэзии. Добавлю лишь, что история культуры прошлого не знает ни одного примера, когда за короткий промежуток времени — за какие-нибудь 40 лет — так высоко поднималась литература народа, пребывавшего до этого в

полном плену многовекового невежества. Такое чудо оказалось возможным в результате побед Октябрьской революции, открывшей новую эру человечества, эру небывалого материального и духовного прогресса, социалистического по содержанию.

О высоком идейно-художественном уровне казахской литературы говорит и тот немаловажный факт, что из четырех произведений, отобранных для последнего тура на соискание Ленинских премий, два произведения принадлежат казахским писателям — М. Ауэзову и С. Муканову. В открытом и честном соревновании литератур всех народов Советского Союза два наших писателя обрадовали нас выходом к финальной черте в числе первой четверки. Это весьма важный и знаменательный факт. Могу лишь добавить, что эти произведения прошли через строгий суд самых требовательных и беспристрастных многоопытных и ревностных ценителей искусства и литературы социалистического реализма.

Об этом же высоком уровне казахской литературы свидетельствует широкий выход казахской прозы на международную арену, причем роман-эпопея нашего высокоодаренного писателя М. Ауэзова получил признание как выдающееся произведение современности, способное оказывать влияние на другие литературы, включая и зарубежные.

К сказанному выше я хочу прибавить еще один убедительный пример неуклонного роста нашей литературы. Если мы на нашу Декаду повезли 86 произведений поэзии, свыше 20 названий прозы, то сейчас в секциях Союза писателей и редакциях его печатных органов уже накопилось 8 новых романов и повестей на казахском языке, 5 романов и повестей на русском языке, 5 новых драматургических произведений и свыше 20 сборников поэзии.

Все это характеризует нашу литературу как зрелую и значительную, вышедшую, если можно так выразиться, за рамки «внутреннего потребления», которой вполне по плечу поднимать проблемы, стоящие перед всей советской литературой. На этом уровне мы прошли генеральный смотр в Москве, на этом уровне мы выходим в период развернутого строительства коммунистического общества.

Особенно плодотворным был период между двумя съездами писателей Казахстана (1954—1959 гг.), на котором глубоко и благотворно сказались исторические

решения XX съезда КПСС. Отличительной чертой этого периода, на мой взгляд, является то, что дальнейшее развитие нашей литературы на известный период четко определилось переходом на большие формы прозы, поэзии и научно-исследовательской, критической литературы, порой в ущерб малым формам. Отрадно особо отметить, что наряду с завершением многолетнего большого полотна об Абае М. Ауэзова, двухтомного автобиографического романа «Мои мектепы» С. Муканова ряд многообещающих молодых писателей Казахстана выступил с первыми значительными произведениями, главным образом в прозе. Без больших скидок они выдержали издание на русском языке и обратили на себя серьезное внимание писателей и критиков Москвы. Большое идейно-художественное значение произведений группы молодых талантов заключается не только в том, что они пришли в литературу хорошо подкованными теоретически и, отображая героическую современность, начали с больших полотен, но и в том, что они гораздо глубже и тоньше схватывают типические черты своих современников, их психологию и интеллектуальное богатство мышления, чем это было до сих пор.

Самое значительное, что молодежь внесла в нашу литературу за период между двумя съездами, это то, что выделился большой новый раздел нашей прозы в виде военного жанра, занявший центральное место в отображении тематики героической современности. Героика Великой Отечественной войны в казахской литературе закреплена в хорошо запоминающихся образах советских воинов, в их высоких патриотических подвигах.

В этом ряду мне хочется назвать первым глубоко содержательный, многоплановый роман А. Нурпеисова «Долгожданный день», который после вторичной доработки стал одним из значительных явлений казахской прозы. На этом же уровне оценили московские друзья и первый роман Т. Ахтанова «Грозные дни», так же, как и «Долгожданный день» Нурпеисова, отображающий подвиги советских воинов на фронтах Отечественной войны. Роман был издан к Декаде на двух языках, сейчас принят московским издательством «Советский писатель» для издания массовым тиражом и готовится к изданию в ГДР на немецком языке, что, несомненно, ознаменует его первый шаг к зарубежным читателям. Внимание как казахстанцев, так и москвичей привлекла

военная повесть молодого прозаика Ф. Егорова «Не склонив головы». Она печаталась в нашем журнале «Советский Казахстан», перепечатана в журнале «Новый мир», что свидетельствует о ее высоких идейно-художественных качествах.

Нелишне, пожалуй, будет вспомнить о солидной книге Дм. Снегина «На дальних подступах», о поэме М. Хакимжановой «Маншук», описывающей военные подвиги первого героя Отечественной войны из среды женщин Советского Востока — Маншук Маметовой, и поэму о другой героине Отечественной войны, также казашке, А. Молдагуловой, поэму Ергалиева «Чапаев».

Тема Отечественной войны, многопланово раскрытая К. Аманжоловым, А. Сарсенбаевым, Ж. Саиным, Д. Абилевым, Г. Ормановым, А. Тажибаевым, Л. Кривощековым, Л. Скалковским и многими другими, заслуживала бы специального разговора, но о них я умалчиваю только потому, что такой разговор не раз имел место до этого съезда. Но не могу не сказать несколько слов о замечательной поэме Дж. Мулдагалиева «Песнь о песне», посвященной героическим подвигам татарского поэта-патриота Мусы Джалиля, которому была посмертно присуждена Ленинская премия. Поэма Мулдагалиева о герое-поэте замечательна тем, что в ней хорошо и интересно сочетается героическое с лирическим, возвышенное с простотой правды.

Совсем недавно, уже после Декады, Казахский театр юного зрителя показал антифашистскую пьесу двух скрытных наших драматургов Раимкулова и Исабекова, тепло встреченную зрителями. На тему Великой Отечественной войны были неплохие пьесы и других авторов. Таким образом, новый раздел, о котором идет речь, охватывает все жанры нашей литературы и имеет перспективы дальнейшего расширения и углубления.

Заслугам молодых талантов я отвожу значительную роль в повороте нашей литературы к тематике современности, более круто наметившемся после XX съезда партии, правда, далеко еще не закрепленном, тем более не завершенном. Это узловой вопрос всей советской литературы.

Лучшие традиции передовых советских писателей продолжают наши молодые кадры, которые в десятках книг прозы и поэзии воспевают социалистическую современность, поэтизируют новые мироощущения советских людей, создают образы рабочих, колхозников и

представителей трудовой интеллигенции. Естественно в этих книгах находят свое отражение важнейшие мероприятия партии и правительства, чувствуется неподдельное восторженное отношение к ним.

Первые романы молодых прозаиков Шаймерденова, Кабдулова, повести Нуртазина, Раимкулова, Байтанаева, Кузьмина, Щеголихина, рассказы и очерки Чирвы, Петрова и Нуршанхова, стихи Алимбаева, Канрбекова, Мамбетова, Ибрагима, Мулдагалиева, Шамкенова, Антонова, поэма о Казахстанской Магнитке Балыкина, поэма о целине Сейтхазина, первые сборники начинающих поэтов Дуйсенбаева, Алтаева, Шопашева, Законова, Абдрахмановой и многих других неплохо восполняют пробелы в отражении современности.

В романе С. Шаймерденова «Инеш», написанном до нашего третьего съезда, но переработанном заново после него, и в романе З. Кабдулова «Искра жизни» отображается жизнь вузовской интеллигенции, жизнь советского студенчества.

Что же характеризует эти произведения?

Во-первых, романы о жизни вузовской интеллигенции само по себе новое явление в казахской литературе; во-вторых, в этих произведениях красной нитью проходит идея тесного сближения молодого поколения с жизнью. Несмотря на солидную, порой не свободную от суровости критику, которой подвергались книги в Москве, я считаю своим долгом подчеркнуть и их достоинства. Наряду с некоторым, местами просто недопустимым сходством сюжетной линии, на мой взгляд, порожденным общностью тем, эти романы говорят о разных интересных талантах. Причем сходство ощущается больше в переводе, чем в оригинале. Здесь имеет место не подражание одного молодого писателя другому, а хорошее соревнование. О советском студенчестве написал повесть «В одном институте» И. Щеголихин, в которой он допустил некоторые грубые ошибки и просчеты, однако сумел поставить ряд острых вопросов воспитания нашей молодежи. Может случиться, что именно этим писателям суждено внести достойный вклад, восполняющий пробелы нашей литературы в запечатлении труда людей науки и культуры. Но само собой разумеется, что успех зависит от того, насколько они сами окажутся тесно связанными с обширным миром людей большой интеллектуальной работы.

Большой идее о связи науки с производством, как особенности советского стиля работы, посвящена повесть молодого по стажу прозаика Т. Нуртазина «Мурат». Сюжет повести построен на взаимоотношениях между заводом, выпускающим сельскохозяйственную технику, и передовым целинным колхозом, на претензиях производителей зерна к технике.

Можно привести и также бегло аннотировать десятки названий других произведений и книг молодых авторов, чтобы еще сильнее оттенить их роль в повороте к тематике современности, но вряд ли в этом будет сейчас практическая необходимость.

Вместе с тем было бы неправильным и неверным, по существу, думать, что поворот к тематике современности начинается именно с произведений молодого поколения. Все представители старшего и среднего поколения казахских писателей, за редким исключением, пришли в литературу с революционной тематикой, и многие из них имеют по-настоящему полновесные заслуги перед партией и народом. Это они проложили тропу, которая в дальнейшем переросла в широкие дороги, ведущие к многообразной тематике современности. Даже такая тяжелая тематика, как тематика рабочего класса, не оставалась у нас уделом только прозы или драматургии. Сейчас мы имеем большую группу поэтов среднего поколения, которые в упорном труде вновь прокладывают путь к этой обширной теме. Зачинателем этого нового порыва за последний период был один из ведущих наших поэтов Д. Абилев, который своей поэмой «Сердце Алтая», опубликованной в 1953 году, сумел увлечь за собой и других. Так, за отчетный период группа ведущих наших поэтов дала шесть солидных поэм на различные темы из жизни рабочего класса —«Сталь, рожденная в степи», «Темир-Тау» (Т. Жароков), «Знамя в горах» и «Огненные волны» (Д. Абилев), «Ахан Ахтаев» (К. Бекхожин), «Жизнь в лаве» (Игенсартов). Несмотря на серьезные просчеты художественного порядка, о которых я буду говорить ниже, эти поэмы остаются первыми произведениями в нашей поэзии, с которых начинается новый шаг к отображению трудовых подвигов рабочего класса Казахстана. Этот момент я считаю тем более важным отметить, что ряд ведущих поэтов Казахстана — Д. Абилев, Х. Бекхожин и Н. Титов, как мне кажется,

всерьез и надолго связали свое творчество с этой темой. В двух поэмах «Знамя в горах» и «Огненные волны» Д. Абилев повествует о первых многотрудных годах создания промышленного Алтая, отталкиваясь от известного всем указания В. И. Ленина о его значении. Более близкий нам период Великой Отечественной войны отображен Х. Бекхожиным на материалах Джезказгана в его поэме «Ахан Ахтаев».

Эти поэмы далеко не безупречны, но мы не можем не приветствовать творческие искания их авторов даже в том случае, если момент поздравления с настоящими успехами заставит нас немного подождать. Молодая литература, молодой жанр или любое молодое начинание не могут окрепнуть, возмужать без порой мучительно трудных поисков, без огорчений и неудач. Лишь упорный труд, лишь глубокое посвящение всего себя, души и сердца, может в конце концов привести к радостным успехам.

Тема рабочего класса — одна из центральных проблем современности.

За отчетный период, в связи с празднованием 40-летия Великой Октябрьской революции, у нас значительно обогатилась тематика периода гражданской войны. Первые революционные столкновения различных классов казахского общества, проходившие под руководством Коммунистической партии и русского пролетариата, вновь привлекли внимание большой группы наших поэтов и прозаиков: на эту тему написаны четыре поэмы, два романа и одна повесть, достаточно объемистые, во многие тысячи строк и внушительное количество печатных листов.

На такую же тему, с почти параллельным сюжетом, написаны поэмы Т. Жарокова «Буря в песках» и Х. Джумалиева «Кровавая битва», посвященные событиям гражданской войны в Западном Казахстане. Поэт Х. Ергалиев описал эпизод из жизни Чапаева. Роман Х. Есенжанова «Яик — светлая река», свидетельствующий о вдумчивом и серьезном отношении писателя к своему труду, тоже повествует о революционных событиях. В повести «Наступило утро» и романе «Токаш Бокин» прозаик З. Шашкин воспроизводит некоторые эпизоды революционных событий в Семиречье, которое было связано в то время не с Казахстаном, а со Средней Азией, точнее — с Узбекистаном. О революционных со-

бытиях в Семиречье написан и роман Дм. Снегина «В городе Верном» и сборник молодого прозаика Ананьева «Верненские рассказы».

Как видите, в течение трех-четырех лет одна из важнейших тем современности достаточно обогатилась. Идейно-художественная ценность всех этих произведений заключается в том, что в них схвачена одна большая правда нашей действительности — переход национально-освободительного движения в русло пролетарской революции и первое совместное революционное выступление трудящихся казахского и русского народов под руководством Коммунистической партии. В этом заключалось историческое значение самого большого в Казахстане — Тургайского движения, возглавляемого народным героем, первым военным комиссаром Тургая — Амангельды Имановым и А. Джангильдиным.

К сожалению, познакомившись более близко с этими произведениями, я прихожу к огорчающему выводу, что это обогащение более количественное, чем качественное и с точки зрения познавательной, и с точки зрения идейно-художественной ценности, и их трудно назвать новым словом в периоде зрелости нашей литературы.

Большой сдвиг наметился в последние годы в развитии казахской детской литературы, которая из области басен и сказок сделала большой шаг к темам современности. Выпущены в свет на двух языках десятки повестей, поэм, сборников стихов и рассказов, книжек в рисунках. Среди них роман А. Сарсенбаева «Рожденные на волнах», повести молодых прозаиков А. Байтанаева о мальчике-чабане, Б. Сокпакбаева — из жизни колхозной детворы, произведения старших писателей — М. Зверева и С. Бегалина, рассказы С. Омарова и Н. Габдуллина составляют то лучшее, что воспитывает молодое поколение в тесном общении с жизнью. В дни Декады в Москве эти книги были отмечены как большое достижение казахской детской литературы.

В лице С. Бегалина, У. Турманжанова, М. Алимбаева, А. Дуйсенбиева, Ш. Смаханова и других складывается немалая группа поэтов, произведения которых широко известны и популярны среди детских читателей. По сценарию М. Зверева создан первый удачный детский кинофильм «Беркут Азамата», хорошо помогающий расширению кругозора юношеского зрителя, зовущий его к изучению природы.

Таким образом, и в развитии детской литературы мы имеем признаки, которых не было раньше,— значительное обогащение жанра и поворот к тематике современности.

С созданием сатирического журнала «Ара» («Шмель»), я сказал бы, начался новый этап в развитии жанра сатиры и юмора. То, что было начато в свое время Джансугуровым, Майлиным, Токмагамбетовым, но далеко не завершено в смысле полного формирования, сейчас продолжается силами молодых прозаиков и поэтов, продолжается в новом качестве. Появились талантливые фельетонисты, такие, как Адамбеков, Зверев, Кадырбекулы, Омелин. Молодые поэты-сатирики Смаханов, Законов, Балыкин, Рашев, которые в содружестве с художниками Чекалиным, Леоновым, покойным Храпковским, молодыми художниками Хайдаровым, Ержановым, Ходжиковым и другими не только восстановили отставший одно время острый жанр сатиры и юмора, но и серьезно укрепляют его. Не случайно один из самых молодых наших журналов «Ара» («Шмель») сейчас стал самым многотиражным журналом в республике.

Развитию этого жанра продолжают помогать прозаики и поэты старшего и среднего поколения — А. Токмагамбетов, Н. Титов, К. Тогузаков, С. Сеитов, С. Мауленов, Л. Кривощеков, Б. Аманшин, С. Шаймерденов и многие другие. Приятно отметить, что сборник лучших сатирических произведений писателей Казахстана выходит в библиотеке «Крокодила».

Как вы знаете, во время Декады в Москве обсуждалось состояние критики в казахской литературе. В этом обсуждении, проходившем в Институте мировой литературы имени Горького, принимали участие известные критики и ученые-литературоведы Москвы и братских союзных республик. Все выступавшие в один голос отмечали высокий уровень молодой критики и литературоведения. Очень положительно, как о крупном достижении литературоведения Казахстана, отозвались ученые об «Очерке советской литературы», созданном недавно коллективом авторов Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. Построенный на правильной методологической основе, этот очерк учел принципиальные недостатки подобных очерков в других национальных республиках и стал свидетель-

ством того, что литературоведы Казахстана больше стали обращаться к проблемам современной советской литературы.

Монографический труд профессора Е. Исмаилова «Акыны», содержащий богатый фактический материал по казахскому народному творчеству, рассматривался в Москве как значительный вклад во всесоюзное литературоведение, заполняющий большой пробел в области изучения специфического творчества акынов.

В центре внимания была книга статей М. Каратаева «Рожденная Октябрем», получившая высокую оценку участников обсуждения. Единодушно признавая, что это нужная и полезная книга о казахской советской литературе, оснащенная богатыми фактами и выводами, они в то же время подчеркнули ее характерную особенность, заключающуюся в том, что автор ее — не кабинетный критик, а борец, активный участник живого процесса становления и развития родной литературы. Интересно сказал об этой книге Георгий Ломидзе: «В работах М. Каратаева бьет другая струя — публицистическая. Он пишет темпераментно, то и дело обнажая шпагу для схваток с инакомыслящими, спорит с воодушевлением, с горячей убежденностью, отстаивая свои взгляды. Прочитав книгу, вы испытываете чувство благодарности к критику за его последовательность в защите марксистско-ленинской литературной теории, за его хороший художественный вкус и чуткость». Некоторые с удовлетворением и одобрением отмечали и тот факт, что казахский критик пишет интересные статьи о «Тихом Доне» М. Шолохова, о русском поэте Н. Сельвинском. Почти все выступающие признавали книжку «Путешествие за песнями» М. Каратаева и А. Брагина очень интересной находкой в смысле формы очеркового изложения литературного материала, в которой чувствуешь и ощущаешь географию республики, свет и воздух казахской литературы.

Предметом обсуждения на совещании были также критико-библиографические очерки казахских критиков: Б. Кенжебаева о Султанмахмуте Торайгырове, Т. Нуртазина — о Сабите Муканове, А. Нуркатова — о Мухтаре Ауэзове, С. Кирабаева — о Габидене Мустафине, сборник критических статей Т. Алимкулова, оцененные как плоды зрелой литературной критической мысли.

Подытоживая выступления критиков, А. Т. Демен-

тьев, который присутствует на нашем съезде, выразил большое удовлетворение успехами и достижениями казахских критиков и литературоведов, дающими им право занимать места в передовом ряду всесоюзной критики литературоведения.

Таковы, на мой взгляд, основные показатели роста нашей литературы, показатели уровня ее зрелости; на этой твердой базе мы и должны говорить о задачах предстоящего периода.

Я не уверен, что сумел изложить достижения нашей литературы так, как надо было их изложить, поэтому хочу еще раз подчеркнуть главные свои мысли. Они сводятся к следующему.

1. Страна вошла в период развернутого строительства коммунистического общества, что знаменует собой новый, еще более высокий этап развития всей нашей социалистической культуры и литературы в частности.

2. К нашей всеобщей гордости, к гордости нашего трудового народа, нашего партийного и советского руководства Казахстан входит в этот период не только высокоразвитой промышленной и сельскохозяйственной республикой, но и со своей зрелой культурой в самом широком смысле этого слова, зрелой многожанровой литературой, составляющей решающее звено в развитии многих видов искусства и культуры.

Вместе с тем как у нашей молодой культуры в целом, так и молодой литературы в частности, имеются большие пробелы, которые нельзя терпеть в дальнейшем, и большие проблемы, для творческого решения которых мы должны приложить максимум усилий, усилий всех и каждого, а не отдельной группы писателей, ибо на решении этих проблем, только на этом и единственно на этом, возможен дальнейший резкий подъем нашей литературы. Это — то главное звено, вокруг которого мы должны вести деловой разговор на нашем съезде, разговор по большому счету: это проблемы современности, мастерства и критики.

Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана совершенно объективно и справедливо, с глубокой партийной заботливостью указал на ряд существенных пробелов в развитии нашей культуры и литературы. В полном созвучии с этими указаниями выступали и наши республиканские партийные газеты «Социалистик Казахстан» и «Казахстанская правда».

Эти выступления прибавили духу и смелости и на-

шей литературной газете «Қазақ әдебиеті», которая за последние дни поместила ряд обстоятельных критических статей, трезво и объективно оценивающих срывы в произведениях ряда наших поэтов и прозаиков. Я думаю, она, наша литературная газета, останется верной этой партийной линии и в дальнейшем.

Я уверен также, что наш съезд не станет на путь искажения мотивов, ослабляющих силу настоящей принципиальной критики, а станет на путь вскрытия корней больших и малых пробелов в нашей литературе, чтобы изжить их, а не завуалировать. Это будет бесспорным признаком зрелости нашей литературы.

На какие серьезные пробелы нашей культуры и литературы указывал Центральный Комитет КП Казахстана? Он указывал на чрезмерное преобладание тематики прошлого в репертуаре театров и других художественных учреждений республики в нашей литературе, на некоторые неправильные тенденции у отдельных деятелей культуры и литературы, объективно или субъективно препятствующих полному повороту наших литераторов к современности.

Признавая полную справедливость этих замечаний, я должен сказать, что преобладание тематики прошлого — не родимое пятно нашей литературы, в то нажитое, что сопутствовало процессу ее формирования и становления.

Молодая казахская литература, обязанная своим рождением Великой Октябрьской революции, формировалась на тематике и идеях современности.

Чувство исторически нового, осмысление и художественное обобщение своей эпохи, призыв к революционной ломке всего старого и отсталого составляют главное содержание творчества поэта-революционера С. Сейфуллина. Как широкая летопись социалистического преобразования в Казахстане, отложилось в моем сознании многогранное творчество Б. Майлина. Как высокая поэзия возмездия господству темного прошлого, в тот период еще не отошедшего из нашей жизни, звучит для меня весь И. Джансугуров. Проследите пути роста М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мустафина, А. Токмагамбетова, Т. Жарокова, Г. Орманова, А. Тажибаева, А. Сарсенбаева, К. Аманжолова, Д. Абилева, Ж. Сапна, А. Абишева, Ш. Хусаинова, К. Бекхожина, Х. Ергалиева, К. Джармагамбетова, всех остальных, и вы неизбежно придете к выводу,

что, за редким отклонением, все они пришли в литературу с идеей и тематикой современности.

А когда же и на каких путях творческого искания произошел крен в сторону тематики прошлого? Отвечаю — при поисках путей к большим формам, к большим полотнам. Это, как мне кажется, в одинаковой степени справедливо в отношении всех жанров нашей молодой литературы.

Как это ни кажется неправдоподобным, первый увод в сторону тематики прошлого в поэзии начал дорогой наш С. Муканов со своей нашумевшей в свое время поэмой «Сулушаш», написанной 30 с лишним лет тому назад. Пример одного из ведущих поэтов оказался настолько заразительным, что за нею появился целый косяк поэм аналогичного направления и формы, воспевающих горькую долю казахской женщины в долгую эпоху патриархально-феодального застоя. Так появилась поэмы «Куралай-слу» и «Акбопе» И. Байзакова, «Кокшетау» С. Сейфуллина, «Кюй», «Кюйчи» и «Кулагер» И. Джансугурова, по которым в течение десятилетий везде и всюду определяли уровень всей нашей поэзии. За ними потянулось и более молодое поколение поэтов, давших с десяток поэм, но уже подражательного свойства. Сам С. Муканов быстро и безвозвратно отошел от тематики прошлого, но дело, как говорится, было сделано, направление дано. И инерция этого толчка оказалась настолько сильной, что даже некоторые пансовременнейшие наши поэты до сих пор продолжают эту линию. Причем самым искренним образом недоумевают, когда ты говоришь ему, что этого рода произведениям уже трудно найти пути к сердцу советского читателя, читателя не из старого аула, а современного, культурного и требовательного.

В драматургии в этих грехах повинны также старшие — М. Ауэзов, Г. Мусрепов. Эти два ведущих драматурга больше всех тратили свои силы на поэтизацию и возвеличение героинь и героев прошлого, так или иначе стремившихся к свету и погибавших в неравной борьбе со своим временем. Так, репертуар казахских театров, развитие молодого нашего драматического и оперного искусства в течение почти четверти века определяли «Енлик — Кебек», «Айман — Шолпан», «Кобланды-батыр», «Калкаман-мамыр», «Бекет-батыр» М. Ауэзова, «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш», «Ахан

Серэ» Г. Мусрепова. За нами также потянулась молодежь, молодежь драматургическая — С. Камалов («Ер-Таргын»), А. Тажибаев («Ковер Жомарта», «Мы тоже казахи», «Поднятый купол»), Ш. Хусаинов («Алдар-Косе»), А. Абишев («Камбар»), Ахинжанов («Алтынсака») и т. д.

Безусловно, в свое время в этом была закономерность, неизбежная для начальной стадии развития культуры. Во-первых, в условиях 20—30-х годов, когда прошлое не только не отошло так далеко, как сейчас, а имело крепкие корни и зубы, а духовное богатство народа использовалось им против всего нового, нам понадобилось отобрать это оружие и преподнести народу в трезво переоцененном виде. Во-вторых, ни один уважающий себя народ не может не создать правильную гражданскую и культурную историю. В-третьих, бытовавшие в народе поэтические сюжеты не только облегчали писателю процесс овладения большими формами драматургии, но и помогли самому народу быстрее приобщаться к новой театральной культуре. Вырвать трудящихся из крепко переплетенных сетей религии и обычаев, из этого веками создававшегося лабиринта невежества, в свое время было делом весьма сложным. Обращение к тематике прошлого шло не односторонне, а наряду с массовым обращением к тематике современности. Так, из 150 драматических произведений, написанных казахскими писателями за 25—30 лет, только 15 падает на тематику прошлого. Но тематика современности оказалась так недостаточно согретой сердечной теплотой писателей, так плохо опоэтизированной, что она не согрела душу советского зрителя. Нам нельзя простить себе этот факт. Мы не раз проявляли бурный восторг, когда современная пьеса проходила на сцену театра, но оставались непростительно равнодушными, когда она бесславно сходила со сцены. Это означает, что мы плохо помогали созданию полноценного современного произведения, а помогали продвижению на сцену незрелых вещей, которые не могли удержаться на сцене.

Последствия такой ненормальной многолетней практики привели к тому, что качественный перевес оказался на стороне старой тематики, и мы повезли на нашу вторую Декаду только три современных спектакля из четырнадцати: «Наследники» Н. Анова, «Одно дерево —

не лес» А. Тажибаева и «Дорогой дружбы» по либретто К. Байсеитова.

Это обстоятельство еще раз подчеркивает, что качественный перевес в нашей драматургии оказался не только на стороне старой тематики, но превратился и в перевес количественный. На этой стороне оказались главные силы нашей литературы, основные ведущие драматурги с большим опытом и мастерством. На чаше весов современности оказалось больше схематизма, больше мелкотемья, меньше поэзии, меньше идейно-художественной глубины, чем на чаше весов прошлого. Наша критика довольно часто выступает со статьями об образах героев и героинь в наших пьесах о прошлом, но много ли мы можем назвать таких же полноценных образов из пьес, посвященных современности? Нет, не можем, потому что в них не хватает многого, у них много анкетных данных, на них немало и орденов, но недостает естественности и убедительности. Даже такой легендарный народный герой, как Амангельды Иманов, над образом которого трудилось много авторов, работали все театры республики, до сих пор не стал монументально вылепленным образом ни в драматургии, ни в поэзии.

В литературе такой многонациональной республики, как Казахстан, нет запоминающихся образов представителей русской, украинской и других национальностей, которые вместе с нами строят нашу промышленность, вместе с нами осваивают целину. Литература наша еще не создала настоящих, полноценных произведений, воспевающих интернациональную дружбу. Нет у нас и запоминающихся типических образов партийных и государственных деятелей. Все это составляет большую проблему, ведь речь идет об образах наших современников.

Известно главенствующее место исторических романов в нашей прозе. Мне незачем доказывать, что количественно их у нас вовсе не много, но за ними главное — высокое художественное качество, как неоспоримый признак овладения мастерством жанра. Они принадлежат перу ведущих и опытных мастеров прозы. Следовательно, тема современности предоставлена более молодым и менее опытным писателям. Из старшего поколения писателей лишь Г. Мустафин остается верным и последовательным в освоении тематики современности.

Действительно, правы были наши республиканские партийные газеты, когда они писали, что «если писатель или композитор берется за тему из далекого прошлого, естественно, он думает и осмысливает только это прошлое, его мысли и думы захвачены «делами давно минувших дней». В подтверждение этой мысли я должен сказать, что, когда некоторые наши, даже ведущие писатели, долго писавшие о прошлом, время от времени принимались писать о современности, принимались серьезно и честно, результаты их труда были далеко не на высоком уровне: сказывалась большая оторванность от жизни, сказывалось то, что «мысли и думы были захвачены прошлым».

Положение усугубляется еще и тем, что за последнее время тематика прошлого начала перетягивать и более молодые кадры даже из более активного жанра нашей литературы — поэзии: шесть из восьми опубликованных в 1958 году поэм рассказывают о прошлом. Поэт Х. Ергалиев, который имеет немалые заслуги в укреплении нашей поэзии вообще и в создании поэм в частности, издал первую часть большой поэмы о Курмангазы, занимавшей, как утверждает сам автор, семь лет его творческого времени. Сейчас он продолжает работать над второй частью. Опубликованная часть на днях подвергалась обстоятельной критике, справедливо требующей коренной переработки.

Совсем молодой поэт Г. Капрбеков выпустил большую поэму об Ибрае Алтынсарине. Поэма написана неплохо, я сказал бы, талантливо, но увлечение словесами такое, что критика требует сокращения минимум вдвое, с чем я безоговорочно согласен.

Далекому прошлому посвящена неплохая поэма «Сибрь-Омар» К. Тогузакова. Элегическая поэма А. Тажибаева «Портреты» начинается с дореволюционного периода. Поэмы Т. Жарокова «Буря в песках» и Х. Джумалиева «Кровавая битва», повествуя об одном и том же национально-освободительном движении и революционном движении в Западном Казахстане, не обрадовали нас как новое слово зрелой поэзии. Больше того, поэма Х. Джумалиева вызывает большое недоумение, она слаба и бесцветна.

Самое страшное заключается в том, что в переводе на русский язык многие из этих поэм улучшены настолько, что трудно поверить слабости оригинала. У нас вообще стало законом, что при переводе на русский

язык хорошие произведения проигрывают, а худшие — выигрывают.

В достоинства и недостатки этих произведений я не вникаю лишь потому, что сейчас речь идет не об этом, а о другом, об имеющем место большом крене в сторону старой тематики и о необходимости резкого поворота к современности. Как видите сами, крен получился действительно большой, и его надо изжить.

Я в самом хорошем и дружеском смысле слова завидую узбекским писателям, которые на фактическом литературном материале в центр литературного обсуждения на Декаде в Москве поставили вопрос об образе современного человека, а мы не смогли этого сделать. При всех высоких достижениях нашей литературы современность оставалась у нас самой большой проблемой, творчески решать которую мы обязаны всеми силами.

Совершенно ясно, что писатели Казахстана обязаны, во-первых, добиться полного поворота к темам современности. Успехи того или иного жанра, того или иного писателя должны твердо и безоговорочно определяться степенью овладения тематикой героической современности, воплощенной в действительно совершенную художественную форму. Очевидно, что только такой принцип поможет нам поднять идейно-художественный уровень нашей литературы на новую высоту.

Во-вторых, проблемы современности мы ставим перед всеми писателями, а не перед отдельной группой, перед всеми жанрами нашей литературы, а не перед отдельными ее жанрами. Ибо только усилиями всех и каждого, полнокровным отражением ее во всех жанрах можно по-настоящему поднять тему нашей героической современности.

Современность должна стать генеральной темой каждого писателя, главным и ведущим направлением всей нашей литературы. Сейчас мало одного созвучия со своей эпохой, надо постигать ее через активное творческое вмешательство в большое коммунистическое строительство.

«Главным образом тем, как остро откликается писатель на волнующие проблемы современности, определяется в конечном счете его место в общем строю созидателей»,— писали наши республиканские газеты «Социалистик Казахстан» и «Казахстанская правда», что совершенно верно и справедливо.

При этом мы всегда должны помнить, что поворот к современности ни в коем случае нельзя рассматривать как кампанию на определенный период. Нет, товарищи, это не кампания, а генеральная линия развития нашей литературы на все будущие времена!

В прямой связи с этим во весь рост встает вопрос и о нашей тесной связи с жизнью. Надо прямо сказать, что это очень слабое место у всех, в особенности у молодых писателей. Съездить в творческую командировку, а попутно и к своим родным — это у нас вошло в моду, а ведь жизнь нельзя изучать за один-полтора месяца, надо вжиться в трудовую атмосферу. Наши молодые писатели пишут хорошие книги на прочувствованном, пережитом, живом материале, но как у них обстоит дело с дальнейшим накоплением материала из повседневной действительности? Это у меня вызывает очень серьезную тревогу.

У нас сейчас создается три новых межобластных отделения Союза писателей, но никто из крупных писателей не изъявляет желания, хотя бы на время, побыть в областных центрах. Я думаю, что каждый, кто отказывается быть ближе к жизни, проигрывает очень много.

Поворот к тематике современности нельзя понимать как запрет тематики прошлого вообще. Поворот к современности не исключает, а предполагает художественное отображение всего того значительного историко-революционного, что имело место в жизни каждого народа.

Далее, проблему современности нельзя рассматривать в отрыве от высокого художественного качества, в отрыве содержания от формы. У нас не получится никакого поворота, если проблема современности будет понята только как новая тематика, одетая в небрежно сшитый серый костюм. Резкий поворот к нашей героической современности означает в то же время резкий поворот к мастерству. Качество произведения во многих случаях прикрывалось одной голой темой и непростительно игнорировалось. Та безграничная свобода стиля и форм, которую дает метод социалистического реализма, должна находить себе широкое применение в отражении нашей действительности. Когда разговор идет по большому счету о проблемах современности, то это означает разговор о высокой идее произведения и, одновременно, о высоком художественном его качестве.

А как обстоит дело у нас? Неблагополучно. Серая книга продолжает выходить не только как некоторая скидка на молодость автора, но и как нечто неофициально узаконенное. На складах затоваривается очень много книг, они списываются в макулатуру. Особенно неблагополучно с нашей поэзией. Как это ни печально, за последнее время резко упал уровень требований к поэзии вообще. От поэзии мало требуем поэтичности, от поэтов перестали требовать соблюдения ими элементарных норм стихосложения — ясной композиции, драматического развития сюжета и его нарастания. Вместо всего этого появились поэмы-очерки, т. е. очерки в рифме, поэтичность которых в основном определяется хорошим или посредственным рифмованием. Вещи, которые зазвучали бы гораздо лучше после необходимой доработки, сразу же направляются в печать. Поэтическая секция Союза писателей, как и другие секции, явно оказалась не на высоте своего положения. Можно привести один убедительный пример: тов. Д. Абилев в 1953 году издал поэму «Сердце Алтая» объемом 4 тысячи строк, рождение которой, кстати сказать, мы очень приветствовали. В 1957 году она превратилась в роман в стихах объемом уже 5 тысяч строк. Продолжение его «Огненные волны» имеет объем 2500 строк. А в переводе на русский язык роман снова превратился в поэму и имеет объем 1300 строк. О чем это говорит? Только о том, что много воды утекло во время перевода.

Большая неудача постигла поэта Х. Бекхожина на пути его обращения к тематике из жизни рабочего класса. Я представляю себе, как он болезненно и остро переживает критику его поэмы «Ахан Ахтаев» нашей литературной газетой, но нельзя не признать ее справедливость и обоснованность. Можно ли признать логически обоснованным ущербное состояние главного героя поэмы — Ахтаева, студента последнего курса горного института? Отец его, торговый работник, неправильно осужден за растрату, его самого исключает из комсомола фактически какай-то замухрышка Караш, которого никто не поддерживал в институте. Суд может осудить неправильно, из вуза могут исключить и т. д., но все это нужно объяснять читателю, тем более, связать сюжетно. Этого нет в поэме. Главный герой только раз увидел свою любимую девушку, проходившую под ручку с Карашем, и даже не попрощавшись, порвал с ней, уехал из Алма-Аты. Кто же поверит техническим изобрете-

ниям студента только потому, что об этом рассказывает сам автор, не заботясь убедить читателя, что называется, на деле? В итоге получается поэма о любви с неумелой, искусственной мотивировкой торможения и с благополучным концом. А что касается действительно рабочей жизни, жизни промышленной интеллигенции, то все это взято весьма поверхностно и нехудожественно, поэтому никого не убеждает и не заражает.

Нельзя признать удачной и повесть Т. Нуртазина «Мурат», которую также следовало серьезно доработать. Речь идет даже не о том, что автор не нашел то типическое, что характерно для советской науки и практики. Отсюда и та неубедительность описываемых событий, подчеркивающая неполноту наших знаний жизни. Меня покоробило и другое в этой повести, порочащее и искажающее моральный облик советской интеллигенции. Это какая-то подозрительность во взаимоотношениях людей, скрытое недоверие к честности и искренности товарища по работе, смахивающее на подсиживание, т. е. большая несоветская нечистоплотность.

Таких неудачных произведений можно привести много. Все это заставляет еще раз напомнить, что проблема овладения темой современности неразрывно связана с партийным требованием органического единства содержания и формы, т. е. идеи произведения и мастерства ее отображения. Без этого нет произведения. Но вопросы мастерства оставались в сферах теоретических толкований, еще не стали практическим мерилом художественного достоинства произведений. В дальнейшем это положение необходимо изменить в корне.

Мы не должны забывать ни на минуту, что казахская литература вступает в большое соревнование с литературой всего мира, вступает как составная часть литературы социалистического реализма. Это борьба не только за новую тему и богатое содержание, но и за высокое мастерство. Или мы добьемся полной гармонии содержания и формы, в этом случае, и только в этом случае, победа будет за нами, или мы гласно или негласно не примем ее. Я думаю, отказ от борьбы за высокое идейное художественное качество литературы, помимо всего прочего, будет означать отказ от требований нашей партии и народа, отказ от требований самой литературы. И ясное дело, на этот путь не станет никто, кто носит высокое звание советского писателя.

Одной из сложных проблем нашей литературы является критика. Она сложна не только потому, что это очень большой научно-теоретический вопрос сам по себе, но и потому, что включает в себя и вопросы сплочения кадров литературы на строгих принципах партийности. К сожалению, критика сложна еще и тем, что на данном ее этапе она не освободилась от многого лишнего — от «дипломатии», требующей особенного искусства говорить с учетом погоды, положения и т. д. В ней мы еще не сумели и далеко не сумели ввести в традицию все самое интересное, плодотворное и важное из практики всесоюзной и нашей собственной, а этого у нас имеется немало. Зато много расплодилось ненужного, вредного и разоряющего наше хозяйство, нервы и творческую энергию. Главное, в нашей критике сейчас писатель не чувствует локтя друга и товарища, хотя тот и другой делают общее литературное дело.

Главное в этом вопросе, мне кажется, состоит в том, чтобы писатель верил критику, что тот проявляет о нем бескорыстную заботу товарища, радуется его успехам или вместе переживает неудачу. С другой стороны, критик не должен смотреть на писателя, как на объект вольного обращения. Следовательно, речь идет о таком коммунистическом содружестве, когда критика станет первым товарищеским словом, свободным от колючек, свободным от вреднейшего соревнования поострее, поубийственнее уколоть своего товарища. Для литературы нет никакой пользы от того, что мы вовремя «отколотили» автора неудачного произведения. Само собой разумеется, что в данном случае речь идет не об идеологических диверсиях или проявлениях враждебного характера вообще, а о срывах художественного порядка.

К сожалению, наша критика еще не свободна от такого рода пережитков прошлого. Даже в статьях, напечатанных на страницах нашей литературной газеты в последнее время, о которых я отзывался высоко, как об обстоятельных и трезвых, остались следы от булавок и колючек. Только потому, что автор не верит в искренность своего товарища-критика, а видит в нем недруга, каждая критическая статья, появившаяся в печати, вызывает целую бурю возмущения. И первое, что нужно делать в этом вопросе, это всеми силами создать обстановку нового типа, обстановку коммунистического содружества. Только в такой обстановке я вижу настоя-

щую перспективу для всестороннего и нормального развития нашей критики в дальнейшем.

Прочтите посвящение поэта К. Бекхожина И. Джансугурову, большое стихотворение поэта А. Тажибаева «Во сне», стихотворение более молодого поэта Б. Аманшина «В душе раненой», и вы убедитесь, как плачевно обстоит у нас дело с содружеством вообще, с коммунистическим — подавно.

Один из зрелых наших поэтов, не раз талантливо и радостно воспевавший достижения социалистической Родины, К. Бекхожин в этом посвящении со слезами на глазах жалуется на тяжелую у нас атмосферу, продолжавшуюся в течение многих лет.

Такой же зрелый и талантливый и такой же восторженный певец своего времени А. Тажибаев видит во сне, что его из-за угла убили его же товарищи, а затем на могиле произносили хвалебные речи.

Я уже не говорю о большой вредности опубликования такого рода вещей на страницах периодической печати или включения их в сборник, что, к сожалению, уже сделано, я говорю о том, что в них нет ни капли, ни зернышка в пользу коммунистического содружества. Они отражают нездоровую атмосферу в нашей среде, отражают не объективно, а так, как это рисуется самим поэтом с позиций собственных отношений. Естественно, такое отношение к своим товарищам по труду не помогает установлению содружества, а разрушает его.

Молодой поэт Б. Аманшин, который, как мне известно, мало что трагического пережил за свою недолгую еще жизнь, пишет:

В душе есть рана, о которой не знают люди,
Глупцы причиняли боль, постоянно растравляя ее,
В чем моя вина, если из этих мук
В моем саду зацвел куст моих песен.
Сказал же, не раз многие растравляли рану,
Сколько раз они грабили мои счастливые минуты,
Может быть, от этого иногда стрелой
Ранят меня даже безвинные шутки друзей.

Тут комментарии излишни. Не трудно себе представить моральное состояние поэта, если из мук родились его песни, если его ранят даже безвинные шутки друзей.

Во всем этом прежде всего сквозит болезненное отношение к критике, все это не жалоба на хлеб насущный или на несправедливые партийные взыскания. В то же время они говорят об одном: о необходимости постанов-

ки вопроса о содружестве в нашей среде в новом плане, в плане гребовательном и одновременно возвышенном, коммунистическом.

Никто не посмеет оспаривать, что нашей критике недостает многого, и в первую очередь смелости. Это и есть прямой результат того, что в течение многих и многих лет мы плохо заботились о нормальной для нее обстановке. Мы не научились спокойному отношению к слову критика и нередко устраиваем ему настоящий скандал, когда он чуть смелее коснется недостатков в наших произведениях. Этим объясняется и то, что многие активные в свое время критики ушли в более спокойное лоно литературоведения, для работы с авторами, уже не могущими устраивать всякие неприятности.

Надо дать себе ясный отчет в том, что отныне наступает новый этап и для нашей критики. Она должна стать настоящей, помогающей, заботливой спутницей нашей литературы, но не нянькой. Будет очень плохо, если мы под лозунгом содружества отнимем у критики ее самостоятельность и свободу, тогда мы ее задушим в наших дружеских объятиях. У нас еще много произведений, в которых зоркая и смелая критика найдет достаточно повода прийти на помощь автору. Совершенно очевидно, что с практикой мирного сосуществования с явно безыдейными и антихудожественными произведениями в дальнейшем нельзя мириться.

Нам никто не запретит писать много хороших книг, дай бог, чтобы мы так и делали. Но мне кажется, главным лозунгом для предстоящего периода должен быть ленинский лозунг «Лучше меньше, да лучше!»

Нужно ли доказывать, что в этом слове заключается и главная задача наших критиков — активно и требовательно бороться за высокоидейное и высокохудожественное произведение на тему современности.

Новый этап для литературы — это новый этап и для критики, как составной ее части, перед ней стоят те же задачи и проблемы, какие стоят перед всей литературой. В связи с этим есть необходимость особо подчеркнуть еще один важный момент. До сих пор наша критика в лучшем случае указывала на недостатки произведения, а теперь она должна стремиться дать ответ и на вопрос: как делать хорошие произведения, как исправить неудавшееся произведение, что означает требование к теоретическому уровню нашей критики. Когда критика обходит главные компоненты художественного произве-

дения: его композицию, развитие сюжета, приемы в создании характера героев, специфику и нормативы жанра и т. д., она далеко не отвечает всем требованиям, предъявляемым к ней. В таких случаях всегда приходится искать причины ее отклонения — это оглядка на что-то или невысокий уровень.

Наши критики, думая о высокоидейном художественном произведении, должны также серьезно думать и о высоком уровне самой критики, о ее партийности и важной роли.

Товарищи, я мог бы, пожалуй, даже должен был, говорить о многом другом, что входит в обязанности Союза писателей Казахстана: о наших издательских делах и о деятельности творческих секций и печатных органов, о работе с литературной молодежью и т. д. Все это, безусловно, важные вопросы. Но мне хотелось сосредоточить ваше внимание на основных проблемах предстоящего периода. Это то главное звено, ухватившись за которое, как учил В. И. Ленин, мы сможем вытащить и все остальное.

Разрешите надеяться, что члены президиума и правления Союза писателей Казахстана, руководители творческих секций и широкий писательский актив восполнят доклад президиума, восполнят его упущения, исправят его недочеты или неправильные положения.

Разрешите мне выразить от имени всех вас уверенность, что писатели Казахстана с полным сознанием своего благородного долга и задач вступают в период развернутого строительства коммунистического общества и приложат все свои силы, чтобы и впредь оправдать высокое звание активных и преданных помощников Коммунистической партии и Советского государства!

1959 г.

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тот знаменательный факт, что проблема современности ставится на данном нашем съезде в полном объеме и созвучии с требованиями XX и XXI съездов КПСС,

ставится перед всей нашей многонациональной литературой, а не перед отдельными ее отрядами, сам по себе говорит о нашей зрелости, и вряд ли есть необходимость дополнять обстоятельный доклад товарища Суркова Алексея новыми иллюстрациями.

Это неоспоримое свидетельство того, что мы, советские писатели, помимо всего прочего, выросли профессионально, освободились от робости перед небывалой в истории человечества героикой нашей эпохи, героикой мирного труда советских людей, строящих коммунистическое общество.

Смелая постановка проблемы современности на всех съездах писателей национальных республик лишь подчеркнула, что каждая из этих литератур подходит к новому рубежу вполне подготовленной. И глубокий интерес к проблеме современности — это свидетельство ее дальнейшего роста.

Период между двумя съездами писателей СССР был таким же плодотворным для национальных литератур, каким он был и для всего советского народа.

Декады национальных литератур, прошедшие за этот период в Москве, одна за другой продемонстрировали колоссальные успехи культурной революции в нашей стране вообще, в национальных республиках в частности. Мы можем и должны гордиться тем, что в литературе целого ряда ранее отсталых народов, взятой в отдельности, уже можно ставить любые проблемы всей нашей советской литературы, включая сюда и проблемы современности.

Видный французский писатель, дорогой гость нашего съезда Андре Вюрмсер, рецензируя французское издание моей скромной повести «Солдат из Казахстана», приблизительно год тому назад писал, что если бы Октябрьская революция 1917 года произошла во Франции, какие богатые плоды она дала бы Алжиру и каких замечательных защитников имел бы Париж во время гитлеровской оккупации в лице сынов Алжира.

Дорогой коллега Андре Вюрмсер, конечно, прав. То, что дала нам Октябрьская революция, трудно выразить в цифрах. Освобожденный дух народов, который чем дальше, тем все больше и глубже выражает себя в материальных и духовных ценностях, имеет одно измерение — бесконечность.

В этом смысле я мог бы подробно рассказать съезду о достижениях казахской литературы, о том, что за один

только 1958 год было удостоено перевода и издания на русском языке свыше 120 названий произведений поэзии, прозы, драматургии и литературоведения, за которыми стоят их авторы — наши прозаики, поэты, драматурги и критики.

Мне также хотелось бы рассказать съезду о тенденциях развития нашей литературы, о том, как она уверенно овладела большими формами поэзии и прозы и как она обогащает и обновляет национальные формы и традиции в новых исторических условиях.

И, наконец, меня никто не станет упрекать в нескромности, если я буду распространяться о романе-эпопее Мухтара Ауэзова, удостоенном Ленинской премии.

Но меня, как писателя, волнуют некоторые общие вопросы нашей литературы, волнует состояние нашей драматургии, волнуют сложнейшие проблемы отображения задач современности на сцене и на экране. Поэтому я хочу поделиться некоторыми мыслями в этом направлении. Это, конечно, вовсе не открытие и тем более не паника, но положение нашей драматургии, если не тревожное, то, во всяком случае, как говорится, оставляет желать много лучшего.

Мы много говорим о состоянии драматургии, но, к сожалению, все наши пожелания продолжают оставаться предметом разговорного жанра и никак не находят практического преломления в совместных действиях с Союзом писателей и Министерством культуры. Как это ни странно, но небывалый рост театра, кино, культуры советского зрителя все еще не находит полноценного творческого ответа с нашей стороны. Идейно-художественный уровень нашей драматургии продолжает вызывать серьезную тревогу.

Советская драматургия начала свое победное шествие с подлинно высокой революционной героики. Но за последний период она во многом потеряла эту свою черту, проявила непозволительную терпимость к тем, что своим деляческим отношением к драматургии, к искусству способствовал растрате чудесных ее традиций.

Огромный период социалистических преобразований страны мы преподнесли советскому зрителю без героики, без романтики, в размельченных бытовых отражениях. И такой приземленный подход к своей героической эпохе продолжает оставаться массовым явлением, вызывая законное недовольство советского зрителя.

Для меня героика и романтика неотделимы друг от друга,— там, где героика, обязательно имеет место и романтика. Великий Горький учил, что романтика позволяет возвеличивать героя. Следовательно, потеря романтики — очень важная потеря для нас.

Этим я объясняю прежде всего большой поток стандартно-серых пьес и киносценариев, которые кочуют по воздуху и по земле из одной республики в другую.

Я совершенно согласен с Семеном Кирсановым, который, на мой взгляд, с болью в душе говорил с этой трибуны о серых книгах. Но я хочу добавить, что пора Союзу писателей и Министерству культуры остановить этот грязно-серый поток!

Как известно, у нас очень много времени ушло на разжевывание и пережевывание так называемой «теории бесконфликтности». Я не сожалею о времени, которое нужно было отдать на погребение этой чепухи, и тем более не оплакиваю самое погребение. Полезно, мне кажется, вспомнить, что никто из передовых писателей не страдал бесконфликтностью, не проповедовал ее, она могла питать только ремесленников. С другой стороны, нельзя не сожалеть, что наши теоретики, отлично понимая, что конфликт есть главный стержень любого художественного произведения, тем более драматургии, до сих пор не занимаются изучением природы конфликта в наших советских условиях.

Я совершенно согласен с тем, что противоречия антагонистических классов или межнациональная вражда ушли из нашей жизни. Но из этого вовсе не следует, что советские люди или народы стали похожими друг на друга.

В докладе товарища Суркова сказано, что «природа современных конфликтов заложена в трудовой, общественной деятельности людей». Это, конечно, верно, это всегда было верно.

Но стоит только, исходя из этого верного положения, перейти к нашей практике, и мы непременно столкнемся со множеством готовых стандартных схем и характеров. Трудовая и общественная деятельность людей расписана, распределена по рангам и положениям: нет характеров, есть положения, есть схема. Наша драматургия не хуже теленка «обсосала» старых или бывших председателей, начальников, директоров и т. д., сменила их и заменила новыми людьми. Муж хочет, жена не хочет ехать в район или на целину, или наоборот — этого

рода конфликты тоже эксплуатировались с завидной выгодой.

Все три стороны старого треугольника, все его три угла, с биссектрисой или без нее, использованы многократно и многонационально.

Я согласен с товарищем Сурковым, что этот треугольник устарел. Но прежде, чем его выбросить, нужно нам подумать о его замене, о четырехугольнике или многоугольнике. Ведь, когда развитие реалистического искусства отвергло древний закон «трех единств», это было настоящим раскрепощением драматургии. Так и нам следует детально и всесторонне подумать о том новом комплексе, который создает мощный рычаг для подъема нашей драматургии.

Следовательно, есть над чем поработать нашей теоретической мысли, если она желает освещать пути дальнейшего развития и подъема нашего искусства.

Прежде всего нужно безжалостно требовать от драматургов, чтобы они дали себе отчет в том, что драматургия есть выражение реальности на языке искусства, а не простая расстановка действующих сил. У нас зачастую нарушается святое требование искусства о единстве содержания и формы, то есть о единстве идеи и ее художественного отображения. Там, где нет этого, не должно быть и жалости!

Возвращаясь к проблеме создания характеров, я хочу отметить еще один чуждый для нашей литературы, для нашего искусства просто жульнический прием. В то время, когда мы здесь, с этой высокой трибуны съезда, говорим о высоких вещах, из области в область, из республики в республику совершают свое путешествие десятки пьес и киносценариев с универсальными героями. Если автор назвал своего героя Ходжаевым, он — узбек; назовет он его Хаджибековым — он станет азербайджанцем; перекрестит он его в Хаджибаева, герой станет казахом. Так откуда же быть характеру?

Беда в том, что совершенно правильные принципы социалистического реализма опошляются, извращаются, и никто с этим не борется! Частенько бывает так, что вещь, совершенно неприемлемая нигде, справедливо отвергается в Москве, но зато имеются люди, которые спихивают ее к нам. У меня на столе лежит огромная рукопись романа, которая побывала в Союзе писателей СССР. Там могли сказать автору, что никакого романа

тут нет, но этого не сделали, послали ко мне, чтобы это неприятное слово сказал я.

Другой пример. Один киносценарий обошел все республики, имеющие моря или приличные озера, вроде нашего «Арал-моря». Сначала он, видимо, родился на волнах Байкала, хотя больших волнений в нем нет. Затем он обивал пороги в Баку и в конце концов благодаря простой операции — переименованию героев — стал казахским — и проглотил уйму государственных средств нашей киностудии. В Министерстве культуры не приняли это произведение, но нашлись люди, которые прислали его нам, и сценарий стал казахским.

Это, товарищи, говорит о весьма неприятном и неприличном. В искусстве имеет место ремесленничество, которое тянет его вниз. В искусстве имеет место опошление принципов социалистического реализма.

Во всех звеньях Союза писателей и Министерства культуры нужно проявить высокую требовательность. Этого пока что нам не хватает. Пора покончить с дипломатией за счет советской литературы и искусства.

Далее, в чем, мне кажется, следует нам внимательнее разобраться,— это так называемая теория «производство — фон». Я не требую, чтобы тракторы пахали целину прямо на сцене или на сцене бил бы фонтан нефти, но эта теория дает возможность оторвать человека от его трудовой деятельности. Во многих современных пьесах рабочего узнаешь только по его одежде, а трудовая его деятельность вовсе не находит своего выражения на языке искусства. В данном случае речь идет о том, что, может быть, не лишне поискать пути выражения трудовой и общественной деятельности героев на языке искусства.

Последний вопрос в этом ряду — это проблема обобщенного образа. Мне кажется, обобщенный образ есть самый высокий, счастливый итог кропотливого труда писателя. Мы помним неоднократные высказывания А. М. Горького о том, с какими трудностями это удается автору. Но, когда считают любой образ обобщенным, тут, мне кажется, мы позволяем себе безответственную щедрость, забываем о глубоком художественном смысле этого понятия, забываем о типичности. Произведение, в котором мы находим обобщенный образ, не может быть плохим. Чтобы признать образ обобщенным, нужно отбросить авторский паспорт и посмотреть на этот образ

со всех сторон — посмотреть его в деятельности, углубиться в его интеллект, душу и сердце.

Наделение того или иного персонажа тем или иным характером, той или иной деятельностью во многих произведениях носит следы определенного стандарта; ум и чувство, деятельность и мужество распределяются по рангам, то есть согласно занимаемому героем положению. Работники торговли или счетные работники наделяются меньшей дозой достоинств, другие — большей дозой.

Так, если нам надо что-либо срочно ломать, то это прежде всего стандарт, который уже принес немало вреда. Все это вынуждает меня настойчиво обратиться к нашей теоретической мысли, чтобы она активнее вмешивалась в жизнь литературы и не закрывала глаза на эти вопиющие ненормальности.

Настоящий съезд писателей должен ознаменовать собой начало нового метода творческого руководства большой многонациональной литературой.

Все мы единодушны в том, что прежняя форма руководства изжила себя, что ее надо отбросить.

Новому правлению Союза писателей СССР необходимо будет отбросить, по крайней мере, две вещи:

1. Национальные литературы будут очень недовольны, если новое правление снова станет руководить ими через своих консультантов, как это было до сих пор.

Руководить должны ответственные люди Союза.

2. Мы будем также очень недовольны, если новое руководство станет судить о той или иной национальной литературе по переводу, а не по оригиналу. Это значит, руководящий орган, Союз писателей СССР, должен уметь читать не только по-русски (Аплодисменты).

Коренным образом должны быть перестроены редакции всех печатных органов Союза — его журналов и «Литературной газеты», с тем расчетом, чтобы все они действительно стали органами многонациональной литературы. Нужно сказать прямо, что такого чувства заботы о всей многонациональной литературе у наших печатных органов мало.

К тому, что здесь сказал т. Гончар о «Литературной газете», я хочу добавить, что все наши печатные органы занимаются только верхушкой национальных литератур, а не основными массами, и притом это делается после выхода книги на русском языке, то есть спустя 3—4 года после того, как книга появится на родном языке.

Такое «внимание» к национальным литературам, конечно, никуда не годится.

Ничего серьезного и положительного не произойдет, если Союз ограничится расширением редколлегий этих органов путем формального включения представителей национальных литератур. Нужна перестройка всего аппарата. Ничего страшного не случится, если 30 человек из 150 работников аппарата «Литературной газеты» будут уметь читать на языках хотя бы ведущих литератур.

Так же, как и Петрусь Бровка, я настаиваю на создании центрального издательства народов СССР, важное культурное значение которого вряд ли нуждается в доказательствах...

В выступлениях в печати В. Лациса, М. Гусейна, в выступлениях на съезде О. Гончара, П. Бровки и многих других в достаточной мере обоснована своевременность всех этих реорганизаций. Я лишь присоединяю свой голос к этому и надеюсь, что съезд поддержит нас единодушно.

Писатели Казахстана провели свой съезд под лозунгом полного поворота к темам современности. Из уст каждого выступающего прозвучали слова о том, что самой благородной задачей писателя является отображение трудовых подвигов героического советского народа.

Разрешите заверить съезд, что талантливый казахстанский отряд писателей с честью справится с этой благородной задачей!

1959 г.

БОЛЬШОЙ ПИСАТЕЛЬ

Один из ведущих писателей казахской советской литературы Сабит Муканов принадлежит к числу ее зачинателей. Вслед за Сакеном Сейфуллиным, Беимбетом Майлиным и Ильясом Джансугуровым он внес выдающийся вклад в формирование, развитие и обогащение молодой казахской советской литературы.

Достоинства и значение произведений Сабита Муканова трудно перечислить. Диапазон его творчества очень широк. Он известен и как поэт, опубликовавший сотни стихотворений, и как прозаик, автор многочисленных романов, повестей и рассказов, и как драматург.

Особенно велика роль Сабита Муканова в прокладывании путей для пролетарской литературы на современную тематику. Борьба за современность никогда не была

легкой, особенно в самом ее начале, когда на стороне буржуазно-националистической литературы находились опытные литераторы. Без колебания Сабит Муканов на протяжении всей своей деятельности следовал по руслу, начертанному партией.

Велика роль Сабита Муканова и как общественного деятеля. Он всегда был в гуще борцов за осуществление мероприятий партии и правительства по социалистическому преобразованию.

Я желаю большому писателю со всесоюзным именем Сабиту Муканову дальнейших успехов в создании совершенных и высокоидейных художественных произведений.

1960 г.

ПОВЫСИТЬ МАСТЕРСТВО

Читаешь, перечитываешь, вдумываешься. И снова поражает безграничная вера в человека-творца, нового человека, чьим трудом строится коммунизм. Уже нынешнее поколение строителей увидит торжество новой жизни. Вот почему так важно, так обязательно, чтобы в нашем современнике все было прекрасным.

Советская литература и искусство призваны сыграть огромную роль в воспитании жителя нового мира.

Все ярче и значительнее по своему идейно-художественному достоинству, все ближе к героике современности становится казахская литература последних лет. Все больше в ней накапливается убедительных фактов о плодотворном завершении наиболее сложного для любой молодой литературы периода становления. Если к XXI съезду КПСС мы могли говорить лишь об отдельных выдающихся произведениях казахской литературы, то сейчас, накануне XXII съезда партии, смело можем говорить о полнокровности всех ее ведущих жанров. Хочется подчеркнуть, что это произошло не само по себе, а в результате вдумчивого отношения писателей республики к своему долгу перед родным народом, борющимся за великие идеалы коммунизма. Это произошло в результате заботы партии о литературе. Выдающийся наш писатель М. О. Ауэзов, чья полная творческого горения жизнь оборвалась преждевременно, оставил нам первую книгу задуманной им большой эпопеи из

жизни строителей социализма в Казахстане. Над широкими полотнами из жизни завоевателей целины работают наши крупные мастера С. Муканов и И. Шухов. Один из ведущих романистов Казахстана Г. Мустафин, который последовательно и успешно работает над тематикой современности, опубликовал новый свой роман «После бури», охватывающий сложный в истории Советского Казахстана период от Октября до коллективизации сельского хозяйства. Труженики целины увидели себя в пьесах Н. Анова «Наследники» и «По велению сердца» и Т. Ахтанова «Сауле».

В лице Х. Есенжанова, А. Сарсенбаева, А. Нурпеисова, З. Шашкина, Т. Ахтанова, Б. Момыш-улы, С. Шаймерденова, З. Кабдулова, Б. Сокпакбаева и многих других казахская литература послевоенного периода пополнилась хорошим отрядом талантливых прозаиков.

Двухтомный роман Х. Есенжанова «Яик — светлая река», романы А. Нурпеисова «Долгожданный день» и «Кровь и пот», роман З. Шашкина «Наступило утро» и в особенности его последний роман «Темир-Тау» пользуются заслуженной популярностью. Роман Т. Ахтанова «Грозные дни» уже перешагнул за рубежи Советского Союза, переведен на немецкий, чешский и словацкий языки. Характерное заключается в том, что многие наши книги отображают героику будней, жизнь трудовых людей — горняков, рыбаков, нефтяников, интеллигенции, советских воинов. Это рост художественных интересов наших писателей не только вширь, но и ввысь, свидетельствует об их идейной закалке и литературном мастерстве.

Для казахской поэзии, имеющей на своем вооружении богатый лирико-героический эпос Абая, Джамбула, С. Сейфуллина, Б. Майлина и И. Джансугурова, типичным является не только обширность тематики, но и эпический характер создаваемых ведущими поэтами произведений. Пожалуй, ни для одной другой национальной поэзии так не характерен переход большинства поэтов на крупные формы, как в Казахстане. Наши большие поэты А. Тажибаев, Т. Жароков, А. Токмагамбетов, К. Бекхожин, Х. Ергалиев, Ж. Молдагалиев, Д. Абилев, поэты послевоенного прилива Г. Каирбеков, Н. Шакенов и др. успешно продолжают работать именно в этом направлении. Так же, как в казахской прозе, главной темой их поэм является современность, жизнь рабочего, животновода, людей интеллектуального труда. Правда,

не каждую поэму сопровождает бесспорный успех, порой мы сталкиваемся и с худосочными, маловыразительными поэмами. Но отсюда вытекает и необходимость предъявлять нашим поэтам требование постоянно оттачивать художественное мастерство.

Большие надежды подает наша молодежь. Откликаясь на важнейшие события в мире, молодой поэт Олжас Сулейменов посвятил свою поэму подвигу первого советского космонавта Юрия Гагарина. Скоро выйдут в свет две повести Акима Ашимова о молодежи Казахстана. Молодой драматург Мухамеджан Дузенов написал пьесу, в которой разоблачает обманщиков государства — очковтирателей.

Все эти произведения говорят о том, что молодые авторы упорно и настойчиво повышают свое художественное мастерство.

Радуют произведения молодых русских писателей Казахстана.

Не без чувства удовлетворенности мы отмечаем появление произведений молодых русских писателей-казахстанцев в московских журналах и издательствах. Так, в «Октябре» был опубликован роман И. Щеголихина «Снега метельные», в «Нашем современнике»— повесть «У крутого яра» Н. Кузьмина, издательство «Молодая гвардия» выпустило повесть Н. Корсунова «Три хутора», сборник рассказов С. Мартьянова «Первое задание» и т. д.

В свете задач, поставленных проектом Программы КПСС, многое предстоит сделать литераторам Казахстана. Им предстоит повести вдохновенный и яркий рассказ о новом, подлинно коммунистическом, о ростках завтрашнего дня, обличить все то, что противодействует движению общества вперед.

Казахская советская литература прошла сложный и трудный период становления и сейчас уже находится на таком уровне развития, когда грешно делать скидку на молодость. Современность становится ведущей темой в литературе нашей республики. Но читатель требует от писателя большего совершенства, новых поисков и раздумий. Идейная направленность нашей литературы тверда. Главное сейчас — повысить требования к художественному качеству произведений. Товарищеская критика должна помочь каждому художнику в поисках новых средств познавания и отображения. Критика должна

быть строгой, ибо известно, какие губительные плоды приносит захваливание того или иного произведения.

Но вместе с тем, критика должна быть доброжелательной. Она не должна сковывать творческую активность писателя.

Видимо, нужно пересмотреть старые каноны и в драматургии, отказаться от штампов — они обедняют произведение. Именно поэтому многие пьесы оставляют зрителя равнодушным.

Художественное освоение современного жизненного материала — наиболее сложная область творчества, требующая смелых поисков.

Раздумывая над проектом Программы партии, я счел необходимым внести предложение — раздел, посвященный развитию литературы и искусства, дополнить следующим требованием: повысить художественное мастерство.

1961 г.

МЕЧТА СТАНОВИТСЯ ЯВЬЮ

Бурю чувств, вихрь самых радужных и светлых ассоциаций рождал каждый новый день работы съезда нашей родной Коммунистической партии.

Ослепительна вершина мечтаний человечества — коммунизм. И каждому из счастливцев — участников исторического съезда — было дано право решать: каким путем пойдем мы к этой сияющей выси.

Семь дней, как мы, приняв великую Программу, живем по новому закону человеческого счастья, и всю эту неделю мысли постоянно вращаются вокруг одного: какую же громадную ответственность взяла на себя Коммунистическая партия перед страной, перед всем человечеством. Не только теоретически, но и практически.

Если партия принимает на себя великую ответственность, то мы, писатели, верные ее помощники, будем разделять эту ответственность, учитывая требования съезда. Наша литература — школа не только для нас самих. Писатели освободившихся и освобождающихся из-под ига колониализма и зависимости стран Азии, Африки и Латинской Америки ищут верных путей ус-

коренного развития. Им предлагают «гуманные» принципы католицизма, исламизма, буддизма и множества других «измов» из одной лавки древностей — колониализма. И не случайно взоры передовых деятелей культуры этих стран обращаются к Советскому Союзу.

Задавшись высокой, благородной целью построить коммунистическое общество, партия обращается к нам, писателям, с призывом создавать такие произведения, которые смогли бы «служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания».

В самом высоком, подлинно ленинском смысле слова борьба за идейную направленность и художественное совершенство произведений литературы и искусства становится у нас «решающим звеном». Само собой понятно, что это требование в первую очередь относится к тематике современности. Всякого рода теории «бесконфликтности», «дистанции», «положительного героя» мы победили пока что в разговорном жанре, а не на страницах книг, ярких пьес и сценариев.

Божества создавались везде и всюду в ранний, наивный период развития человеческого общества. Высокоорганизованное коммунистическое общество не потерпит никаких божеств. И достойной этого периода может стать лишь литература, высокая по идее, совершенная по мастерству.

Да, многое в литературе и искусстве оставляет желать лучшего. На съезде мы услышали, что 1 114 советских пьес поставлены на сценах наших театров только за один год! Эта цифра не может не вызвать тревогу в душе каждого, кому дорого наше искусство. Мы знаем, что вся мировая история драматургии не оставила нам столько произведений подлинного искусства. Эта цифра свидетельствует о живучести печальной тенденции покрывать недостатки качества «валом». И здесь мне думается, правильно будет вернуться к ленинскому девизу «Лучше меньше, да лучше!»

Весь советский народ встречает сорок четвертую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции с лозунгами новой Программы.

Гореть этим священным словам в груди каждого советского человека, сиять им золотом на пламени знамен, которые проплывут седьмого ноября по Красной

площади, сливаясь с мрамором Мавзолея Владимира Ильича Ленина — самого человечного из всех людей Земли.

1961 г.

САЛЕМ, ТУРКМЕНИЯ!

Еще совсем недавно, каких-то сорок лет назад, туркмены и казахи были народами, кочевавшими по пескам, разделенными, как одинокие редкие кусты саксаула, иссушенные жгучей пустыней. Жизнь их походила на смутный мираж. Оба народа кочевали по бескрайним просторам, навьючив своими мечтами и стремлениями горбы верблюдов. Беспощадная судьба гнала их с гор к озерам, с озер в пустыни — по замкнутому безрадостному кругу голодной, бесправной жизни. Земля, полная сокровищ, безмолвно несла огромное горе народов, не подавая ни звука надежды. Но и в те скорбные времена имя Махтумкули звучало на Мангышлаке, а туркменские аулы с восхищением внимали кюям Абыла. Песня и искусство переходили границы и роднили сердца и стремления двух братских народов. Но кругом царили темнота и мрак, а в душах гнездилась печаль.

Расцвела заря Октября. Мудрая партия Ленина вывела на путь борьбы и побед народы царской России, в том числе и оба наших народа, указала светлую цель — коммунизм, вручила нам победоносное оружие — марксизм-ленинизм.

Сорок славных прошедших лет полны и трудностями, и торжествами. В жизни народа сорок лет — краткое мгновенье. Но в наших, советских условиях оно равно целой геологической эпохе. Два народа когда-то умиравшие от голода и болезней, плохо знавшие друг друга, сейчас как два брата-богатыря, плечом к плечу вступают в сверкающий дворец коммунизма. Коммунистическая партия и наш старший брат — русский народ одним гигантским рывком подняли нас из бездонной мрачной пропасти на ослепительно сверкающие вершины.

Мы были не только участниками социалистического преобразования родного края, но и свидетелями возрождения народов-братьев. Когда первый секретарь

ЦК КПТ товарищ Б. Овезов с трибуны XXII съезда КПСС заявил о том, что объем всей промышленной продукции республики вырос в 22 раза, тяжелая индустрия — почти в 40 раз по сравнению с дореволюционным 1913 годом, весь огромный зал съезда зааплодировал.

Такой бурный рост сравним с неудержимым бегом прославленных ахалтекинцев — скакунов, всегда опережающих соперников в байге. Нет казаха, который не надевал бы одежду, сотканную из «белого золота», выращенного туркменскими друзьями. Мы от всего сердца радуемся и следуем примеру самоотверженного труда туркменских братьев на суперфосфатном заводе в Чарджоу, на Ашхабадском заводе нефтяного машиностроения, на Гаурдакском серном комбинате, на нефтяных промыслах, на грандиозной стройке Каракумского канала.

На родном языке читают казахи замечательные произведения туркменской советской литературы. На Алтае и в степях Сарыарки, в Джетысу и на берегах Урала вы встретите книги туркменских писателей. Такие произведения, как «Решающий шаг» и «Айсолтан из страны «белого золота» уважаемого Берды Кербабаева, очень близки и понятны казахам: в них мы видим светлую душу туркменского народа, его борьбу и счастье, его горячее сердце.

Пламенные стихи Кара Сейтлиева и Ата Атаджанова, Тоушан Эсеновой и Чары Аширова, Халдурды Дурдыева и Курбандурды Курбансахатова восхищают нас. Имя покойного Н. Сарыханова, писателя редкого и большого дарования, известно всему Казахстану. Пьеса Гусейна Мухтарова «Семья Аллана» долгое время шла на казахской сцене.

Можно привести много ярких примеров благородной дружбы, тесной связи двух наших народов в области литературы и искусства. И это еще одно из доказательств великой истины, запечатленной в программе строительства коммунизма, которая гласит: «Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующихся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов».

Как и туркменская литература, казахская литература родилась в огне Великой Октябрьской революции. Ее колыбелью была гражданская война. Если мы вспомним становление советской казахской литературы, у истоков которой стоят Абай и Махамбет, то мы в первую очередь назовем имена Сакена Сейфуллина, Бенмбета Майлина, Ильяса Джансугурова. Могучие голоса этих выдающихся писателей, безвинных жертв периода культа личности, будут звучать и при коммунизме, доставляя большое эстетическое наслаждение читателям.

Современная казахская проза зачинается мемуарным романом Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» и чудесной лирической повестью Бенмбета Майлина «Памяти Шуги». Наша революционная драматургия выросла из «Красных соколов» С. Сейфуллина. Образ Мыркымбая из цикла стихов неутомимого труженика Б. Майлина, посвященных коллективизации аула, встал в один ряд с образами Алдар-Косе и Ходжи Насреддина. Эпического поэта Ильяса Джансугурова с его глубокой и красочной могучей поэзией мы ставим сразу за Абаем. Трудно примириться с мыслью, что не стало среди нас Мухтара Ауэзова. Люди, оставившие неумирающее наследие, всегда со своим народом, всегда в борьбе за его счастье.

В казахской литературе есть три поколения писателей, плодотворно работающих во всех жанрах и добивающихся убедительных творческих успехов.

Как мы в свое время восхищались полнокровным творчеством Мухтара Ауэзова, так мы сейчас радуемся пламенному горению и творческим удачам Сабита Муканова, Габидена Мустафина, Николая Анова, Сапаргали Бегалина, Ивана Шухова, которые трудятся на ниве литературы с молодой энергией.

Возьмем среднее поколение наших литераторов, которые находятся в расцвете своих творческих сил. Мы уверены, что они еще выше поднимут нашу литературу, создадут в своих произведениях настоящие картины нашей жизни. Это поколение — основное ядро нашей литературы — составляют опытные, много повидавшие и отлично владеющие мастерством поэты, как Аскар Токмагамбетов, Абдильда Тажибаев, Хамид Ергалиев, Халижан Бекхожин, Дихан Абилев, Таир Жароков, Гали Орманов, Федор Моргун, такие прозаики, как

Хамза Есенжанов, Зеин Шашкин, Сейтжан Омаров, Жардем Тлеков, драматурги Алжаппар Абишев, Шахмет Хусаинов и другие.

Послевоенное поколение молодых писателей не уступает своим старшим братьям по перу. Они даже лучше вооружены идейно, обладают более обширными знаниями. Уверенно вошли в наши ряды поэты Сырбай Мауленов, Жубан Мулдагалиев, Музафар Алимбаев, Туманбай Молдагалиев, Саги Жиенбаев, прозаики Сафуан Шаймерденов, Абдижамиль Нурпеисов, Такен Алимкулов, Такаш Ахтанов, Зейнолла Кабдолов, Иван Щеголихин, драматурги Куандык Шангитбаев, Калтай Мухаметжанов.

После XXII съезда КПСС для казахских писателей наступил период крутого поворота к расширению тематики, углубленного показа человека труда.

Главное направление нашей литературы — смелая разработка важнейших вопросов современной жизни. Глубокое и всестороннее изучение характеров наших современников, тесная связь с жизнью приносят хорошие плоды. Вышли в свет многие очерки и рассказы о целине, о трудящихся города и деревни, о советской интеллигенции.

Свой последний роман «Темиртау» писатель Зеин Шашкин посвятил нашему гиганту металлургии.

Если Рахматулла Раимкулов воспевает в повести «Зеленый заслон» людей сегодняшнего аула, то Хамза Есенжанов в дилогии «Яик — светлая река» рисует яркие эпизоды гражданской войны в Западном Казахстане. А почтенный Сабит Муканов — аксакал наших писателей — подарил читателям роман о покорителях целины.

Бурный расцвет социалистической культуры — яркое свидетельство торжества идей коммунизма, итог неуклонного проведения в жизнь ленинской национальной политики, повседневной заботы партии о счастье всех советских народов.

Приняв теплое приглашение туркменских литераторов, в Ашхабад приезжает группа писателей Казахстана. Они своими глазами увидят счастливую жизнь братского народа, встретятся с коллегами по перу, обсудят с ними важные проблемы литературы, ознакомятся с культурой и искусством Туркменистана. Мы не сомневаемся в том, что эта дружеская поездка

пройдет очень удачно, вдохновит всех нас на новые творческие дела, позволит шире расправить крылья.

Салем, дорогой и родной туркменский народ!

1961 г.

ПРОЩАЙ, МУХТАР!

Сегодня мы переживаем тяжелое горе. Для многонациональной советской литературы, для казахского народа, который лишился любимого сына и высокой вершины духа своего, сегодняшний день — день великой скорби и траура.

Сегодня скорбят все писатели страны советской. Их сердца охвачены пожаром утраты, пожаром, которого не залить никакими морями слез.

Сегодня мы собрались, чтобы сказать «прощай» Мухтару Омархановичу Ауэзову — нашему учителю, крупнейшему общественному деятелю, прославленному писателю, являющемуся душою всей нашей культуры, человеку со всемирным именем, благодаря которому вся планета услышала о нашем народе. Горько прощаться с таким человеком, трудно произнести слово «прощай». Для нас нет другого такого слова в нашем языке, которое причиняло бы боль больше. Оно — то слово, которого ни один писатель не желал бы употреблять, говоря о Мухтаре Омархановиче. Знаю наверняка, что все, стоящие здесь, думают то же самое.

Тяжко сознавать, что коварная болезнь вырвала из нашей среды Мухтара с его бездонной мыслью и безупречным слогом, вырвала в самую пору расцвета его творческих сил. Большое сердце, созданное для любви к родному народу и творческому труду, сказало народу и всем нам, стоящим здесь: «прощайте», сказало слишком безвременно. И мы вынуждены сказать то же самое ему самому.

После высокой чести, оказанной партией и правительством великой эпопее «Путь Абая», после того, как она была удостоена Государственной и Ленинской премий, знаменитый писатель мечтал написать другую эпопею, эпопею о наших современниках. Художник необычайно широкого размаха, мыслитель, привыкший постигать жизнь во всем ее многообразии, Мухтар Омарханович за последние два-три года много ездил по республике, изучая и перерабатывая в своем сердце твор-

ческое напряжение тружеников города и села. До последнего часа он не расставался с пером и бумагой, и мысль его пребывала в состоянии напряженной работы. К глубокому сожалению, неожиданный недуг вырвал из сильных рук многообещающее, еще не затупившееся перо.

Больше вы не увидите среди нас дорогого Мухтара, которого любили редчайшей любовью. Его не стало.

Казахскую литературу постиг неожиданный джут. Мухтар Ауэзов был ее украшением. Чувство собственного достоинства, присущее всякой литературе, подогревалось при одном упоминании имени Мухтара. И нам не нужно было перечисления других славных имен, чтобы удовлетворить это чувство. И вот не стало писателя, чье имя явилось родником для наших высоких чувств и мыслей. Еще не раз будем тосковать по нему, еще не раз будем искать его, уверен, что еще испытаем во всей остроте его отсутствие среди живых — но напрасно: не найти нам такого, каким был он.

Коня заменит жеребенок. Оптимизм этой древней пословицы, к сожалению, не отражает того, что бывает в искусстве. На место одного писателя не может заступить другой писатель. Замещать Мухтара невозможно. Он и не завещал нам его. Завещал он другое — высокий долг создавать книги, которые могли бы приблизиться по своим достоинствам к его бессмертным творениям, оставленными в наследие потомкам.

Не могу не сказать слова, больнее которого нет для меня сейчас. Прощай, Мухтар! Прощай, по-детски чистая душа, прощай строгий и справедливый, словно само искусство, судья. Прощай, старший брат! Знаю, как нам будет тоскливо без твоей ласки, без твоих внушений.

Твой образ всегда будет стоять перед нашими взорами. Тебя нельзя забыть, ибо ты был славой и гордостью всей литературы, опорой и заступником всех писателей.

Казахстанские писатели сохранят твое священное имя в своих сердцах! Они будут любить твое дорогое наследие, как тебя самого.

Прощай, Мухтар! Твой высокий минарет будет возвышаться не только в Казахстане, но среди всех вершин народов Советского Союза. Твой высокий минарет — твой труд — известен всему миру. Твой знаменитый труд, сам себе проложивший дорогу, будет жить в сердцах людей.

Жизнь — не праздник, и если в ней были времена, когда мы огорчали и обижали тебя, о них мы вспомним с глубочайшей досадой: вспоминая, каждый раз будем молить твой большой дух о прощении. Эти слова серы, эти мысли мелки для того, чтобы прощаться с тобою, великолепным мастером художественного слова. Но мы прощаемся только с твоим телом, предаваемым в объятия земли, дух же твой останется с нами. Он и есть то наследие, которое мы будем хранить как святыню, оберегая даже от малейшей пылинки. Сохранение его и будет самым высоким долгом. Это будет общий для нас долг, и мы ничего не пожалеем ради него. Не словами, а делами постараемся мы восполнить утрату, которую понесла вся наша культура с твоим уходом. Считай, что наши обещания нерушимы — нерушимы, как клятва.

Прощай, дорогой брат, прославленный мастер слова.

1961 г.

ЗА ВЕЛИКУЮ ЛИТЕРАТУРУ И ИСКУССТВО БУДУЩЕГО

Когда еще и еще раз вчитываешься в великую Программу партии, принятую историческим XXII съездом КПСС и уже одобренную на всемирном форуме коммунистических и рабочих партий, как бы с космической высоты, не раздробленно, а цельно, отчетливо и ясно видишь мир в его неумолимом движении вперед.

С невероятной быстротой пройден нашей страной героический путь — от абсолютной монархии до полной победы социализма. Плечом к плечу, через тяжелые, но благородные испытания прошли народы Советского Союза. «Разгром», «Тихий Дон», «В. И. Ленин», «Хождение по мукам», «Чапаев», «Бронепоезд 14-69», «Депутат Балтики», «Поднятая целина», «Молодая гвардия», «Василий Теркин», «За далью даль»,— в этих выдающихся памятниках литературы и искусства на века запечатлен каждый этап всемирно-исторической борьбы советского народа.

Весь огромный социалистический мир, вся лучшая часть человечества с радостью и гордостью аплодирует успехам Советского Союза и ревниво следят, как мы, советские люди, с удвоенной энергией будем создавать материальное и духовное изобилие коммунизма.

XXII съезд КПСС и принятая на нем Программа строительства коммунистического общества возлагают на нас, работников литературы и искусства, самые благородные задачи, непосредственно связанные с природой нашей деятельности.

В формировании нового человека большую роль играет литература и искусство, сказано в докладе о Программе КПСС. Утверждая коммунистическую идейность и подлинный гуманизм, литература и искусство воспитывают в советском человеке качества строителя нового мира, служат делу художественного и нравственного развития людей. Партия призывает всех деятелей литературы и искусства к смелой, новаторской разработке тем современности».

Человек подобен книге. Он, как и книга, может быть хорошо или плохо отредактирован влиянием общества, партии, литературы и искусства. А как улучшается книга от хорошей редакции — мы знаем все!

Высокая ответственность перед партией, перед всем человечеством за добросовестное выполнение поставленных перед нами задач заключается в том, что мы — деятели литературы и искусства призваны создавать не только образ нового человека, но и создавать его самого: правильно формировать его мировоззрение, развивать в нем коммунистическое благородство, непоколебимый патриотизм и интернационализм, любовь к труду — на небывалую высоту поднять его нравственную чистоту, чтобы он стал достойным гражданином первой в мире коммунистической страны.

Мы уже вступили в ту полосу, когда практически «нужно готовить людей к жизни в коммунистическом обществе» по самому великому принципу: «От каждого — по способности, каждому — по потребностям».

На первый взгляд кажется, что вторая часть этой великой формулы будет понята людьми без особого труда. Это, конечно, не так. Как представляется мне, переход к распределению — каждому по потребности — будет сопровождаться эпизодами из комического и драматического расставания с прошлым, что даст огромный шекспировско-гоголевский материал нашим драматургам.

Однако главная наша задача заключается, конечно, в том, чтобы всемерно помочь людям глубоко понять первую часть формулы, развить у людей любовь к труду, имея в виду, что уровень производительности труда в коммунистическом обществе должен быть многократ-

но более высоким, чем это было до сих пор. Над этой основной проблемой, конечно, придется поработать всем нам. Мне бы хотелось высказать здесь одну мысль, заключающуюся в том, что высокая производительность труда деятелей литературы и искусства будет определяться не количеством, а качеством, созданных ими произведений.

Перед всеми творческими союзами во весь рост встает вопрос о новой, коренной перестройке — организационной и творческой. Смысл такой перестройки должен заключаться в том, что творческие кадры обязаны стать гораздо ближе к жизни, к проблемным темам современности. Всем нам надо дать себе ясный отчет в том, что предстоящее 20-летие потребует большего напряжения творческих сил, чем это было до сих пор. Надо покончить с таким ненормальным положением, когда девять десятых времени многих творческих людей поглощают заседания и собрания. В этом смысле я считаю полезным прислушаться к тому, что сказал Н. Грибачев на XXII съезде КПСС.

Наступила пора настоящей организованности и собранности, пора высокого коммунистического единства, высокой творческой активности, во имя создания великой литературы и великого искусства коммунизма. Всякое иное отношение деятелей литературы и искусства к задачам предстоящего периода должно быть оценено как уход с передовых позиций великого фронта.

Какими реальными возможностями располагает Казахстан, чтобы говорить о выполнимости стоящих перед писателями и деятелями искусства великих задач? Отвечаю прямо — Казахстан располагает такими творческими кадрами, что ему могут позавидовать многие его соседи, позавидовать в хорошем, братском смысле слова.

Во-первых, за редким исключением во всех жанрах литературы и во всех видах искусства Казахстана плечом к плечу активно работают три поколения деятелей культуры.

Зря некоторые товарищи сомневаются в реальности творческого вклада, который еще внесут в будущем представители старшего поколения писателей, артистов, художников. Они далеко не исчерпали себя, наоборот, спокойно могут вызвать на честное соревнование молодых. Мы восхищались феноменальной творческой активностью ныне отсутствующего среди нас М. О. Ауэзо-

ва, восхищались неблекнущей яркостью дарования выдающейся актрисы К. Байсеитовой, 90-летней Диной и 100-летним Джамбулом. Разве не высокий пример творческого трудолюбия показывает С. Муканов, Г. Мустафин, Н. И. Анов, С. Бегалин, М. Д. Зверев — в литературе; К. Куанышпаев, С. Кожамкулов, Е. Омурзаков, К. Бадыров, С. П. Ассуиров и многие другие — в искусстве. Нет. Подобные сомнения несправедливы и обидны.

Что же касается среднего и младшего поколений деятелей литературы и искусства, то они находятся в полосе полного расцвета своего творчества и составляют ту основную и надежную силу, которая в первую очередь должна будет обеспечить небывалый подъем литературы и искусства завтрашнего дня. У меня лишь одно доброе пожелание им — больше активного вторжения в жизнь, больше трудолюбия и самоконтроля. А. Токмагамбетов, Т. Жароков, А. Тажибаев, Г. Орманов, Д. Абилев, А. Сарсембаев, Х. Ергалиев, Х. Бекхожин, Ш. Хусаинов, К. Жумалиев, М. Каратаев, С. Омаров, Х. Есенжанов, С. Мауленов, Ж. Молдагалиев, З. Шашкин, К. Жармагамбетов, К. Тогузаков и много других — составляют зрелое среднее поколение нашей литературы.

Не менее зрелым, в то же время лучше подготовленным теоретически, был послевоенный прилив писателей в литературу. В лице А. Нурпеисова, Т. Ахтанова, С. Шаймерденова, З. Кабдоулова, Б. Момыш-улы, Т. Алимкулова, К. Шангитбаева, Г. Каирбекова, Т. Молдагалиева, Т. Абдрахмановой, Е. Ибрагима мы получили пополнение, которое меньше всего нуждалось в испытательных стажировках. Их произведения достойно украшают полки библиотек, наряду с произведениями более опытных старших товарищей, переводятся на русский язык. Кроме того, более сорока молодых поэтов и прозаиков принято в Союз за последние 3 года, и пока что не было ни одного случая разочарования в смысле их творческого бесплодия или нравственной безответственности.

Период после XX съезда КПСС в творчестве как казахских, так и русских писателей, проживающих в Казахстане, характеризуется решительным поворотом к отображению современности, показу людей труда, расширению тематики, ростом молодых сил литературы.

Ряды русских писателей, насчитывающих теперь

свыше сорока человек, пополнились также послевоенным приливом большой группы молодых одаренных прозаиков, уже зарекомендовавших себя перед читателем, таких, как Н. Кузьмин, И. Щеголихин, А. Алимжанов, А. Галиев, Ф. Чирва, Н. Корсунов, А. Ананьев, Ю. Ильяшенко, В. Новиков, А. Измалков, В. Антонов, М. Роговой и талантливыми поэтами, такими, как А. Скворцов, Л. Скалковский, А. Елков, О. Сулейменов, Евг. Букин, Валерий Антонов, А. Пряников и др.

За последние пять-шесть лет в Казгослитиздате вышло свыше 150 книг русских писателей Казахстана. Более 20 книг за это время издано московскими издательствами. Это, пожалуй, самое убедительное свидетельство возросшего мастерства русских писателей и актуальности разрабатываемой ими тематики.

Роман Ивана Щеголихина «Снега метельные», опубликованный в 1960 году в журнале «Октябрь», а затем изданный отдельной книгой в Казгослитиздате, это хорошая книга. Как писал критик А. Ложечко в газете «Литература и жизнь»: «Роман Щеголихина современен не только потому, что автор повествует о жизни целинников. Он современен утверждением душевной силы и красоты советских людей».

Интересна повесть о людях колхозного села другого молодого писателя — Николая Корсунова, под названием «Есть село в Приуралье...» Она была опубликована в журнале «Советский Казахстан», а затем вышла в издательстве «Молодая гвардия». Сейчас молодой автор закончил вторую повесть «Родники» о жизни и труде целинников. Повесть опубликована в журнале «Простор».

Целина родила немало героев. Не случайно всенародная борьба за освоение огромных просторов веками пустовавших земель стала актуальной и важной темой литературы. И надо сказать прямо, что в разработке этой большой темы русские писатели далеко опередили казахских. Пьесы Н. Анова и Я. Штейна — «По велению сердца», Н. Анова «Наследники», повести И. Шухова «Снежная повесть», Дм. Снегина «Осеннее равноденствие», И. Щеголихина «Седое поле», А. Кияницы «Половодье», А. Галиева «О Лидочке, Водяном, Ване, Цыганке и др.» — убедительное тому доказательство.

Хорошо и серьезно в жанре рассказа работают С. Мартьянов и С. Никитин. За последние годы у Мартьянова вышло три сборника рассказов, два —

«Пятидесятая параллель» и «Ветер с чужой стороны»— в Казгослитиздате и один —«Первое задание»— в «Молодой гвардии». Сергей Никитин тоже издал четыре сборника рассказов, из них два — в Москве.

Успешно работают в жанре очерка Ануар Алимжанов, Алексей Брагин, Федор Чирва. Недавно вышли книги молодых способных рассказчиков А. Измалкова, М. Рогового, В. Антонова.

Молодой прозаик Чирва два года назад написал повесть о сельских строителях —«Совесть». Книга получила хорошие отзывы прессы, ее с интересом читает молодежь. Сейчас в Казгослитиздате выходит его новый роман «Время рассудит»— о животноводах, людях высокой мечты и большого упорства, о плодотворной связи науки с практикой.

В этом году в Казгослитиздате вышел первый сборник стихов Олжаса Сулейменова «Аргамаки». Молодой автор сразу обратил на себя внимание читателей и критики своеобразным поэтическим виденьем мира, свежей образностью и яркой, броской палитрой красок. Но, как говорят, одна ласточка не делает весны. Заинтересованные началом, мы ждали второго шага поэта. Вскоре Олжас Сулейменов принес в Союз писателей новую поэму «Земля, поклонись Человеку!»— произведение о преемственности поколений, о нашем современнике, готовом и к обузданию рек, и к покорению космоса. Поэма была издана и хорошо принята читателями. Сейчас поэт закончил еще одну поэму, и без опаски перехвалить, можно смело сказать, что в нашу литературу пришел интересный поэт.

Плодотворно работают русские писатели старшего поколения. Н. И. Анов, помимо названных пьес, издал романы «Крылья песни» и «Пропавший брат» и опубликовал в журнале «Простор» новую повесть о гражданской войне «Гибель светлейшего»; Иван Шухов, кроме двух книг-очерков о покорителях целины —«Степные будни» и «Золотое дно»,— написал книгу-памфлет «Дни и ночи Америки». Свыше двадцати книг для детей издал М. Д. Зверев.

Вот основные кадры литературы, которые я имел в виду, когда говорил о реальности выполнения в нашей республике задач, поставленных перед деятелями культуры XXII съездом Коммунистической партии. Насколько мне известно, точно так же или почти так же, обстоит дело с кадрами работников искусств.

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов великолепные творения выдающихся основоположников казахской советской литературы — С. Сейфуллина, Б. Майлина и И. Джансугурова. Произведения этих писателей не потеряли своего звучания для наших дней.

С единственного в своем роде документально-мемуарного романа С. Сейфуллина «Трудный путь» и чудесной лирической повести Б. Майлина «Памятник Шуги» по существу начинается наша современная проза. С «Красных соколов» С. Сейфуллина начинается наша революционная драматургия. Его «Экспресс», «Советстан», «Альбатрос», «Чжан Заолинь» звучат сегодня так же свежо, как они звучали в годы их создания, они будут звучать и завтра.

Скромнейший из скромных, неутомимый труженик пера Б. Майлин был летописцем социалистических преобразований в Казахстане. Его пьесы «Талтанбай», «Майдан», «Жалбыр» в свое время были актуальнейшими из актуальных. Созданный им тип Мыркымбая, человека из народа, вошел в наш литературный быт, как образ Ходжи-Насыра или Алдара-Косе. Горестно вспоминать, что потеряно либретто оперы «Дударай», которое в свое время было высоко оценено литературной общественностью.

Более крупного после Абая поэта, чем И. Джансугуров, я лично не знаю в казахской литературе. Если у Абая нет ни одной поэмы, то И. Джансугуров был эпическим поэтом. Думаю, никто из литераторов не обидится на меня, если я скажу, что высокий художественный уровень поэзии И. Джансугурова достигнут не каждым современным поэтом.

Я уверен, меня поддержат все сидящие в этом зале в том, что и Сакен Сейфуллин, и Беимбет Майлин, и Ильяс Джансугуров — каждый из них заслуживает достойного его имени памятника в городе Алма-Ате.

Поскольку данный пленум является объединенным пленумом всех творческих союзов Казахстана, в дальнейшем я хочу хотя бы в тезисной форме остановиться на некоторых общих для всех нас проблемах, общего порядка наблюдениях и соображениях. При этом я имею в виду, что мы собрались здесь не только поговорить о них, но и предпринять какие-то практические шаги, направленные на быстрый и резкий подъем идейно-художественного уровня литературы и искусства большой

многонациональной республики, какой является Казахстан.

Прежде чем перейти к этим проблемам, хочу подчеркнуть, что культурные достижения ранее отсталого Казахстана, расцветшего под живительными лучами ленинской национальной политики — исключительно велики, для сравнения прошлое не дает нам никакого эквивалента. Если мы сегодня несколько резко говорим о состоянии того или иного участка культурного фронта, то и это само по себе является свидетельством роста нашей культуры, роста культурных требований народных масс, на благо кого мы и работаем. С другой стороны, если бы мы не чувствовали под ногами твердую почву, реальную силу исправить дело, то незачем было бы и говорить об имеющихся еще недостатках.

Нам необходимо правильно и глубоко понять причины недостатков, имеющихся на отдельных участках нашего культурного фронта, и быть непримиримо требовательными в устранении их.

Причины недостатков и их сущность я лично объясняю следующим образом.

Во-первых, несомненные успехи нашей литературы, нашего молодого искусства, не раз демонстрировавшего свою зрелость перед всесоюзным читателем и зрителем, породили у некоторой части работников культуры успокоенность — тяжелую болезнь, которая в свою очередь чревата такими осложнениями, как праздность и потеря трудовой дисциплины. А в литературе и искусстве трудовая дисциплина — это главное условие совершенствования. В этом отношении многому можно научиться у таких великих тружеников пера, как Гоголь, Флобер, Толстой.

Идя от одной праздничной декады к другой, от одного юбилея к другому — а на декадах и юбилеях, как известно, принято больше славить, чем говорить искренние слова о недостатках,— мы упустили много времени. Декады и юбилеи — это тоже известно — не всегда отражают подлинное положение дел в литературе и искусстве. Частенько бывает так, что на другой же день после декады или юбилея сталкиваешься с картиной совсем иной, чем видел в дни празднеств.

Во-вторых, вместо правдивого показа действительности, вместо мобилизации людей на устранение тех или иных недостатков нашей жизни, лакировка вуалировала эти недостатки, давала им ложную окраску.

В этой связи мне бы хотелось еще раз обратить ваше внимание на известное высказывание А. Т. Твардовского на XXII съезде КПСС:

«Если не ошибаюсь,— сказал А. Т. Твардовский,— Суворову принадлежат слова о том, что солдат гордится не только своими подвигами в бою, но и теми лишениями, что он перенес в походе.

Мы в своих писаниях, повествуя о трудовых подвигах народа, часто вовсе умалчиваем о тех лишениях и трудностях, которые он переносит в своем великом походе. Мы ущемляем его горделивое чувство человека, справлявшегося с трудностями и неуклонно идущего к высокой избранной цели».

И далее, говоря о долге писателя укреплять в советском человеке горделивое чувство, выносливость, терпение и благородное бескорыстие, А. Твардовский сказал: «Это можно сделать только правдивым до конца, верным жизни отображением трудов и подвигов наших людей, без лакировки, без лукавого сглаживания противоречий».

Мне кажется, что А. Твардовский очень точно выразил давно наболевшее мнение всех советских писателей и деятелей искусств. К его словам следует прислушаться.

В-третьих, у целого ряда писателей и деятелей искусства между идеей произведения и художественным воплощением ее растет несоответствие: идея верная, актуальная, а форма выражения ее отсталая, несовершенная, примитивная. Я хочу особо подчеркнуть, что художественный уровень многих наших книг, пьес и спектаклей, фильмов и концертов непростительно низок. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее преодолеть самую худшую, самую губительную для литературы и искусства болезнь — равнодушие к идейно-художественному совершенству произведения. Нужно признать, что равнодушие к идейно-художественному совершенству произведений — прямое следствие ослабления требовательности и непримиримости к художественной продукции со стороны руководителей творческих организаций, их творческих секций, руководителей театров, редакторов издательств. На ближайший период важнейшим нашим лозунгом должен быть лозунг: «За высокое идейно-художественное совершенство произведений литературы и искусства».

В-четвертых, я, как и все вы, чувствую печальное явление, которое условно можно назвать «перекосом

уровней». Смысл его заключается в следующем: культурный уровень современного читателя и зрителя поднялся очень высоко, а у некоторых деятелей литературы и искусства он остался прежним. Вот это я и называю перекосом. Если сопоставить уровень читателя и зрителя 30-х годов с уровнем тогдашней литературы и искусства, то станет ясно, что литература и искусство стояли намного выше своего читателя и зрителя. А сейчас наблюдается явление обратного порядка.

Особенно печально, когда целые творческие коллективы, причем талантливые коллективы, работают на уровне прошлого периода, а не сегодняшнего. Посмотрите некоторые старые и новые постановки казахских академических театров — оперы и драмы, серию последних фильмов Казахской киностудии, и вы почувствуете себя в далеком прошлом. Вы увидите много любительского, но не любви к искусству. Непонятно, почему Министерство культуры республики не запрещает подобные спектакли и фильмы, продолжает субсидировать брак. Театры наши теряют свой былой престиж и свое творческое лицо, как театры академические.

Исчезла из репертуара наших театров классика. Когда-то постановка Шекспира и Гоголя, Лопе де Вега и Чехова, Островского и Горького служила для актеров казахского драматического театра большой школой мастерства, ориентировала их на уровень развития всесоюзного театрального искусства, стимулировала и внутренне настраивала их на творческое соревнование с выдающимися исполнителями тех или иных ролей в ведущих московских и ленинградских театрах. Но, как это ни парадоксально, ни руководство Казахского академического театра, ни Министерство культуры республики не пополняют репертуар театра за счет произведений мировой и русской классики. Но без полного освоения традиций мировой культуры, без использования и развития их нельзя поставить во весь рост вопрос о смелом новаторстве в художественном изображении современной жизни.

Нормальное развитие театрального искусства задерживается у нас отсутствием по-настоящему высококвалифицированной режиссуры.

На мой взгляд, хорошо чувствует требования современного театрального искусства режиссер Казахского академического театра драмы А. Мамбетов. Но у него еще маловато опыта, он не вполне владеет тонкостями

родного языка, а главное, мало нам одного режиссера.

Наконец, театры наши потеряли былую творческую связь с Союзом писателей. А ведь когда-то связь между писателями и театрами была тесной, она взаимно обогащала деятельность коллективов. Первые свои шаги театральное искусство делало вместе с писателями. Долгое время литературные части театров возглавляли писатели: Ж. Шанин, Б. Майлин, М. Ауэзов, Ш. Хусаинов и многие другие. А ныне, как только искусство стало ведомственным делом, писатели плохо удерживаются в театральных коллективах и вообще в учреждениях культуры. Им, очевидно, там неуютно в творческом отношении. Ш. Хусаинов, К. Тогузаков, Т. Ахтанов — писатели серьезные, любящие искусство, не удержались ни в нашей киностудии, ни в других организациях Министерства культуры, включая сюда Казахский академический театр.

Из этих, на первый взгляд, обычных фактов я лично делаю два вывода: первый,— по-видимому, искусство — род человеческой деятельности, который не ведомствен по своему существу; второй вывод — мы, писатели, делаем большую ошибку, рассматривая искусство как дело чуждого нам ведомства.

И последний вопрос, на котором мне хотелось бы подробно остановиться — это вопрос о состоянии современной драматургии и кинодраматургии.

За время, прошедшее после XX съезда партии, на сценах театров республики поставлено около 40 драматических произведений казахских писателей, выпущено свыше 15 кинофильмов по нашим сценариям. Количественно это не мало, но по качеству выпущенная продукция далеко не удовлетворительная. Во-первых, только половина всех осуществленных постановок в театрах и кино посвящена животрепещущим проблемам сегодняшнего дня, во-вторых, огромное большинство этих постановок не выдержало испытания временем.

По мере роста культурного уровня народа, все ощутимее становятся высокие требования современного зрителя к произведениям сцены и экрана. А пьес, всесторонне удовлетворяющих возросшие духовные запросы народа, по-настоящему отражающих современность, у нас в республике все еще нет. Много и полезно работают наши драматурги из числа старой гвардии — А. Абишев, А. Тажибаев, Ш. Хусаинов. Появился молодой отряд драматургов в лице С. Адамбекова, Х. Бек-

хожина, З. Шашкина, К. Шангитбаева, К. Мухамеджанова, Т. Ахтанова, но, к огорчению, мы не можем пока назвать имен героев их произведений, которые стали бы нарицательными в народе, примером для миллионов.

Герои многих наших пьес мечутся по сцене, решая проблемы, давно уже решенные самой жизнью, они повергают в прах заскорузлых консерваторов, чья неминуемая гибель ясна зрителю с первого же действия. Правда, эти герои не лишены способности любить. Но и любовь их странным образом регламентирована нормами производственных успехов или неудач.

Нет у нас персонажей масштабных, увлеченных большими делами и свершениями. В пьесах пока что мало жизненного и правдивого, конфликты выражены чисто литературно — в словах, а не в действии, в поступках героев. Ни для кого не секрет, что наши театры в большинстве случаев берут у драматургов не пьесу, а злободневную тему, отображающую какую-то идею или идейку, а потом мучительно ищут события.

Спрашивается, где же искать причину отставания нашей драматургии и кинодраматургии?

Только несовершенством художественного мастерства, нежеланием автора «работать много и долго» можно объяснить то, что на наших подмостках калейдоскопически мелькают наспех написанные пьесы, в которых самые хорошие, современные идеи погибают из-за недостатков художественного их воплощения.

В этой связи мне хочется сказать несколько слов о нашем рабском отношении к старым канонам драматургии. Я лично все больше и все глубже ощущаю, что старые художественные нормы не всегда пригодны для того, чтобы с их помощью выразить человеческие отношения в социалистическом, тем более коммунистическом обществе?

Что перспективного, новаторского и просто интересного мы замечаем в нашей драматургии за последний период?

В «Ой, девушки!» К. Шангитбаева и К. Байсентова меня радует живость и действенность пьесы, незавуалированность, ясность характеров ее действующих лиц. В пьесе молодого драматурга К. Мухамеджанова «Волчонок» найден правдивый образ молодой, честной и наивной девушки, вполне типичной для нашего времени. Такая двуязыкая девушка, с непохожим на своих родителей открытым характером, у нас имеется в каждом

доме. В пьесе Т. Ахтанова «Сауле», несмотря на присущие ей недостатки, я приветствую попытку автора создать крупные характеры наших современников. В пьесе опытного драматурга А. Абишева «Люди единой цели» более углубленно, чем в его прежних произведениях, разрабатывается идея несовместимости чувства зависти и эгоизма с нашим временем. Кроме того, примененный им прием постепенного развертывания действия кажется мне перспективным. Молодой драматург М. Дузенов написал хорошую разоблачительную пьесу об обманщиках государства. Это весьма актуальное для Казахстана произведение при умелой постановке должно прозвучать как весомое, политически острое слово нашей драматургии.

Если вдуматься во все эти факты современной драматургической практики, то мы поймем, что сделаны уже реальные шаги на пути создания у нас серьезной литературы для театра.

Я, пожалуй, несколько затянул свой доклад. Два слова о наших критиках и о вопросах организационного порядка.

Критика у нас — немолодой жанр, она родилась и развивалась вместе с нашей литературой и искусством. В литературоведении и искусствоведении работают сейчас такие крупные ученые, как А. Жубанов, М. Каратаев, Е. Исмаилов, Б. Кенжебаев, М. С. Сильченко, Н. С. Смирнова, талантливая молодежь — М. Базарбаев, К. Нурмаханов — и многие другие.

Но настоящие успехи наших критиков, как это отмечалось не раз, лежат в области литературоведения, а не в живом, повседневном и активном участии ее в литературной практике сегодняшнего дня. В этом наше главное недовольство критикой. Она слишком дипломатична, слишком обтекаема в своих суждениях, когда речь идет о творчестве современников. Поэтому она все еще не стала настоящим другом и серьезным товарищем писателя в решении им сложных творческих проблем идейно-художественного мастерства, тем более она не стала учителем писателя, о чем так страстно мечтал А. В. Луначарский.

Что касается вопросов организационного порядка, то у меня здесь имеются два предложения.

Созданием ряда творческих союзов и учреждений Министерства культуры мы, во-первых, бесхозяйственно распылили силы, во-вторых, не избежали параллелизма

в работе организации. Например, созданием репертуара для театров и кино занимаются у нас:

— репертуаром для народных театров — Дом народного творчества;

— репертуаром для республиканских театров — Министерство культуры и сами театры;

— репертуаром для областных и районных театров — Министерство культуры;

— репертуаром для кино — киностудии и Союз работников кинематографии.

В конечном счете все эти организации не минуют Союз писателей, но каждый тянет в свою сторону, а стройного планирования тем и проблем не получается. Не проще ли, не плодотворнее ли будет проблему создания репертуара для всех театров республики и кино сосредоточить в одних руках, чтобы кто-нибудь один отвечал за это дело?

Второе предложение. Я не вижу смысла и дальше оставлять издательство художественной литературы в системе Министерства культуры. Мы превратили издательство в «слугу двух господ». Мне кажется, что Союз писателей Казахстана мог бы лучше бороться с браком, который еще в обилии имеется в работе издательства. Часть вины за этот брак, конечно, ложится на творческие секции Союза писателей. Но большая часть вины падает на Министерство культуры, на его отдельных работников, которые оказывают незаконный нажим на издательство, протаскивают в печать недоброкачественные переводы и т. д.

1962 г.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КАЗАХСКОГО КИНОИСКУССТВА

Известно, что киноискусство является самым массовым средством идейно-художественного воздействия на сознание миллионов людей. И не случайно в недавнем постановлении ЦК КПСС подчеркивается огромная ответственность работников кино за высокоидейное содержание и художественную полноценность наших кинофильмов.

В последнее время и особенно в прошлом, 1962 году, центральная печать («Правда», «Известия», «Литера-

турная газета» и др.) подвергла острой критике деятельность центральных киностудий и качество фильмов, выпущенных этими студиями.

Состояние и проблемы киноискусства обсуждались на Всесоюзном совещании кинематографистов в 1961 году в Москве. В том же году, в ноябре, состоялся объединенный пленум творческих союзов Казахстана, посвященный задачам деятелей литературы и искусства в свете решений XXII съезда КПСС и грандиозных предначертаний новой Программы партии.

За год с того времени киноискусство нашей республики обогатилось новыми произведениями, было создано несколько кинофильмов, в которых делалась попытка глубже и всесторонне отразить современность, нашу действительность, однако ряд фильмов, выпущенных студией «Казахфильм», дает основание сделать вывод, что с этими задачами она справилась плохо.

В конце прошлого года был проведен объединенный пленум Союза писателей Казахстана и оргбюро Союза деятелей киноискусства республики. На обсуждение пленума были вновь поставлены актуальные вопросы и проблемы нашей кинематографии.

В выступлениях участников пленума и в принятых решениях даны объективные оценки состояния казахского киноискусства и некоторые рекомендации, направленные на повышение качества кинофильмов.

В этой статье мы попытаемся вкратце поделиться некоторыми мыслями, которые были высказаны нами на этом пленуме.

Из каких же позиций мы должны исходить, если всерьез хотим разобраться в состоянии казахского киноискусства?

Исходная позиция у нас одна. Она с предельной точностью и ясностью, с исчерпывающей полнотой была изложена на XXII съезде КПСС, в новой Программе партии и, наконец, в последних решениях ЦК КПСС и ЦК КПК по вопросам кино.

Каково, на наш взгляд, состояние казахского киноискусства, имеющего за собой опыт четвертьвековой работы, если учесть, что первая кинокартина «Амангельды» была выпущена в 1938 году?

Несколько фильмов, созданных нашей республиканской киностудией, получили всесоюзное звучание. Они, во-первых, были проблемными и масштабными, как крупные полотна искусства; во-вторых, отсняты на до-

вольно высоком художественном уровне для своего времени. К ним мы относим такие кинофильмы, как «Амангельды», «Абай», «Джамбул», «Ботагоз» и др., созданные в довоенный и послевоенный периоды. Сюда же можно отнести три фильма, созданные в последние годы нашей киностудией. Это «Девушка-джигит» П. Боголюбова, с замечательной артисткой Л. Абдукаримовой, «Его время придет» М. Бегалина, «Наш милый доктор» Ш. Айманова (с вычетом небольшой чертовщины с фокусами) и «Если бы каждый из нас» С. Ходжикова (с вычетом ложного хвостового оперения в виде надуманной концовки).

Эти фильмы как по разнообразию тематики, так и по художественным решениям говорили о крепко продуманном идейно-творческом облике нашей киностудии. И хотя они были далеко не совершенны, в них чувствовалась реалистическая целеустремленность молодого киноискусства, правильное направление творческих поисков. Казалось, что усилия деятелей кино будут направлены на весомые, масштабные, проблемные темы современности.

Но киностудия не удержалась на этих принципиальных позициях. Ее начали преследовать большие и малые неудачи и в первую очередь в выпуске фильмов на современную тему. Главная ошибка руководителей Союза работников кино и киностудии, на наш взгляд, заключалась и заключается именно в том, что за последние годы творческие силы коллектива были направлены и направляются на мелкотемье, на искусственную современность, а порой даже на безделушки.

И в этой связи надо признать правильной критику деятельности киностудии и выпущенных ею за последнее время фильмов на страницах нашей прессы, в частности «Известий», «Советской культуры», журналов «Коммунист» и «Советский экран», а также республиканской печати.

В плане «Казахфильма» на ближайшие годы мало крупных замыслов и проблемных фильмов. Это вызывает серьезную тревогу. Очевидно, трудности с выполнением финансового плана вынуждают киностудию прибегнуть к запуску картин по посредственным и даже плохим сценариям.

За последние три-четыре года студия «Казахфильм» выпустила серию недоброкачественных фильмов, в том числе «Шквал», «Возвращение на землю», «Тишина»,

«В одном районе», «Песня зовет», «Сплав», «Твои друзья», «Однажды ночью» и др. Эти фильмы не вызывают никаких чувств, кроме досады. Они не имеют ничего общего с искусством социалистического реализма. Видимо, авторы этих фильмов забыли, что искусство — не забава для ремесленничества, а большое ответственное дело социалистического общества.

В формировании нового человека большую роль играют литература и искусство. Следовательно, мы, деятели литературы и искусства, призваны создавать не только образ нового человека, но и формировать его самого, свободного от всего того, что пристало к нему от периода культа личности и далекого прошлого, развивать в нем благородство и нравственную чистоту, чувство художественного и эстетического, словом, как сказал товарищ М. А. Суслов, «весь строй дум и чувств советского человека». К сожалению, большинство перечисленных выше картин далеки от этих требований.

В литературе и искусстве широко открыты двери для молодых сил! Между тем голоса молодых режиссеров нашей студии пока что остаются невнятными как в обсуждениях общих проблем киноискусства, так и в особенности в создании фильмов. А кому, как не им, близка наша современность, кому, как не им, должны быть присущи смелость и дерзание! Как сказал известный кинорежиссер И. Пырьев —«Молодое, талантливое уже идет рядом с нами, а иногда и впереди нас». Это не случайная фраза, это призыв к дерзанию.

В серьезных недостатках казахского киноискусства повинны не только деятели киноискусства, но и писатели. Известно, что основой кинофильма является сценарий. Если нет этой основы, нет и надстройки, без фундамента не будет и здания. Сценарий, как это стало уже общепризнанной аксиомой, является приматом будущей картины, фундаментом будущего здания.

В основе посредственных, серых фильмов, выпущенных студией «Казахфильм», лежит посредственная драматургия, и это целиком относится к деятельности писателей. Наша казахская драматургия вообще, и кинодраматургия в частности, ничем выдающимся не обрадовала зрителей, не поднялась на более высокий уровень по сравнению даже с довоенным периодом.

В сценарный отдел студии «Казахфильма» за 1955—1962 гг. по твердым, оплаченным договорам писатели сдали 55 сценариев, а принято к съемке только 13.

Таким образом, 42 сценария оказались непригодными, слабыми по идейно-художественному уровню. Но и принятые тринадцать сценариев не порадовали. По ним были созданы очень посредственные фильмы. Ни в одном другом жанре литературы не бывает так, чтобы 75 процентов сданных в издательство рукописей оказалось субсидированным браком. А здесь, в жанре кинодраматургии, брак занимает главное место. Этот вопиющий факт говорит о безответственном отношении драматургов к своему творческому делу, к требованиям высокого мастерства.

Единственно правильной и действенной формой борьбы с этим злом мы считаем заключение договоров с авторами не на заявки, а на написанное уже произведение, хотя бы «восковой зрелости». Чтобы киностудия могла составить более или менее твердый план производства картин, она должна иметь сценарную основу.

В свое время внимание некоторых писателей привлек непревзойденный в нашей практике случай, когда художественный совет киностудии забраковал свыше 15 киносценариев, написанных в основном казахстанскими авторами.

Как рождались некоторые из этих сценариев и что они представляли собой? Вот несколько примеров.

На сценарий А. Безуглова — «Идти до конца» киностудия заключила договор. Главная героиня сценария молодой врач Сауле занята поисками средств против сердечных заболеваний. Работает она о одиночестве, без какого-либо участия и помощи коллектива, что само по себе сшито белыми нитками. Героиня настолько скрытна, что утаивает от товарищей свою болезнь. На этих искусственных осложнениях построен весь сюжет сценария и личная «трагедия» героини, выдаваемая автором за геройство. Несостоятельность такой концепции очевидна, но руководство киностудии признало сценарий полноценным и выплатило автору 6397 рублей.

В отзывах на этот сценарий, полученных от творческого объединения «Мосфильма» и редактората Главного управления по производству художественных фильмов Министерства культуры СССР говорится, что это — не писательская, а ремесленническая работа, что автор знаком с правилами сюжетосложения, но не имеет никакого отношения к кинодраматургии.

Перед нами другой сценарий — молодого автора А. Сатаева «Люди Востока». Это менее всего похоже на

сценарий. Автор не затруднял себя изучением материала и художественным его осмыслением. Сюжет сценария построен на случайных, незначительных фактах. Поражает полнейшая безвкусица автора к художественному слову, легкомысленное отношение к излагаемому материалу и долгу писателя. Первый раз автор пришел в студию с вариантом сценария о Курмангазы, пользовался всеми видами консультации и материальной помощи, но дело не довел до конца. Так он поступил и на этот раз, отказавшись от работы над сценарием, как только получил первую дюжину замечаний сценарного отдела.

Таким же примитивным выглядит сценарий другого молодого автора Б. Аманшина «Дело Аргамакова».

Многое можно простить молодому автору, когда он делает первые шаги в литературе, если в нем чувствуешь зародыш оригинальной мысли, оригинальное видение мира. Но в приведенных случаях такого признака не обнаруживается.

Еще большую претензию мы должны предъявить к писателям старшего поколения, к писателям с именем.

Киностудия забраковала сценарий поэта Х. Бекхожина «Ровесники солнца». Сценарий представляет собой переделку его поэмы «Ахан Актаев», инсценированную до этого для ТЮЗа. Автор совершенно не позаботился о соблюдении элементарных требований драматургии. Весь сюжет сценария построен на бесконечных разговорах о технике — об экскаваторе, самосвале, каретке и прочем, что давно уже стало вчерашним днем. А люди, выведенные в сценарии, примитивны и анахроничны. Все, чем восторгается автор, лишь подчеркивает его незнание той действительности, которую он описывает. Киностудия семь раз пролонгировала договор с автором в надежде получить произведение о наших современниках, людях труда, производства, но автор не справился с этой задачей.

Аналогичная участь постигла и сценарий драматурга А. Абишева «Дружба побеждает все». Его сценарий является перепевом прежних пьес с устаревшим производственным конфликтом. Действие как будто происходит в наши дни, а в основу драматического конфликта взяты факты из давнего прошлого. Но главная беда сценария заключается в том, что взаимоотношения людей не вызывают ни сочувствия, ни осуждения. В дан-

ном случае автору изменило его умение построить сюжет на острых столкновениях характеров.

Киностудия забраковала сценарий опытного драматурга и романиста З. Шашкина «У меня будут внуки». Ждать от автора романа «Темиртау» хороший сценарий на эту же тему было вполне закономерным. Студия командировала его в Москву на месячный семинар, прикрепив к нему опытного консультанта. Но сценария о металлургах Темиртау не появилось. Вместо этого автор представил студии слабо скроенный опус на другую незначительную тему.

Эти примеры можно бы продолжить, но и приведенных достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод: многие наши авторы безответственно относятся к киноискусству, к своей работе по созданию киносценариев.

Все эти сценарии, весь этот брак щедро субсидировался, и в этом повинны бывшие руководители киностудии, главным образом тов. Сиранов, а между тем многие авторы предъявили совершенно необоснованные претензии новому руководству студии, которому досталось плохое наследство.

Не очень утешительны дела и со сценариями фильмов, заказанными в последнее время и намеченными к запуску в 1962 и 1963 годах. О них уже сейчас высказывается уйма недовольства. Студия, переживая острый сценарный голод, видимо, поторопилась заключить договор с некоторыми авторами.

Например, сценарий И. Зайцева «Муравей» в который раз возвращает нас к мальчику-партизану, между тем вряд ли этот фильм будет на уровне «Иванова детства» А. Тарковского.

Если уже студия решается создавать фундаментальный фильм на тему отечественной войны, то следовало бы вспомнить, что Казахстан занимает третье место в Союзе по числу Героев Советского Союза. Нуркен Абдиров повторил подвиг Гастелло, Султан Баймагамбетов — подвиг Матросова. Среди женщин Советского Востока две казахские девушки М. Маметова и А. Молдагулова были удостоены звания Героя Советского Союза.

Сценарий Д. Трухина «Беспокойные» посвящен дружбе народов. Решается эта тема крайне примитивно Казахская девушка выходит замуж за русского, кореянка — за казаха. Причем тема любви настолько опошле-

на, настолько подчинена ложной интриге, что вызывает негодование.

Более выгодное впечатление производит сценарий Б. Сокпакбаева и Н. Зелеранского «Приключения черного Кожи». При более углубленной разработке характеров действующих лиц — родителей, ребят и учителей школы — можно ожидать, что получится интересный детский фильм. Однако не все типичное для казахской семьи отражено в сценарии. На наш взгляд, авторам необходимо было исходить из естественного конфликта. Люди молодого и среднего поколения стараются воспитывать своих детей по наставлениям современной педагогики, а дедушки и бабушки, находясь целыми днями с детьми, влияют на них по старинке. Они это делают, конечно, из добрых чувств, из любви. Но в этих добрых чувствах заключено зерно конфликта со временем. Пока что авторы сценария не совсем правильно нашли ключ к теме. Сценарный вариант производит менее выразительное впечатление, чем повесть.

Слабы по идейному содержанию и художественному уровню и другие сценарии, принятые киностудией к выпуску в производстве 1962—1963 гг.

Из всего сказанного следует сделать вывод: перед нами во весь свой рост встает проблема сценария. Без основательного решения этой проблемы мы не спасем киностудию от наплыва случайных тем и случайных авторов.

В чем же выход?

На наш взгляд, прежде всего нужно изменить отношение писателей к жанру кинодраматургии. Надо понять, что кинодраматургия — это такая же серьезная и, может быть, более серьезная литература, чем роман или поэма, пьеса или повесть. Хороший сценарий может быть не только экранизирован, превращен в хороший фильм, но и издан как литературное произведение.

Во-вторых, надо отказаться от неправильного представления, что кино или театры являются ведомственными учреждениями. Поскольку эти учреждения входят в систему Министерства культуры, мы, писатели, не думаем об их нуждах, и всю заботу о них, всю моральную ответственность возлагаем на министерство. Это неверный взгляд. Драматург не может думать о своем произведении в отрыве от какого-либо театра. А в условиях, когда кино все шире и все глубже завоевывает

фронт художественного воспитания, писателю нельзя ограничиваться рамками только договорных отношений. Писатель должен идти в киностудию, как в свое родное учреждение, а киностудия, в свою очередь, должна идти навстречу писателю. Этого, к сожалению, не было до сих пор. Но ведь известно, что театры и киностудии не могут существовать без драматурга так же, как и драматург без них. Хочется верить, что в ближайшем будущем мы найдем плодотворную форму творческого содружества как с нашей киностудией, так и с театрами республики. Без этого невозможно представить себе роли писателя в искусстве.

В последнем решении ЦК КПСС, как и в решении ЦК Компартии Казахстана, на первый план поднимается значение сценарной основы фильма. Вводится должность главного редактора киностудии, возглавляющего большую коллегию редакторов сценарного отдела. Разве это не большая честь для драматурга, если он возглавляет это большое творческое дело?

Сценарий не может оставаться вне поля зрения общественности, он должен стать предметом творческого обсуждения как в стенах Союза писателей, так и в среде деятелей кино. Короче говоря, писатели и киностудия собираются ломать существовавшие до сих пор преграды официальных отношений и стать ближе друг к другу.

Студия должна быть готовой к серьезной творческой работе. Будем надеяться, что она подтянет свою режиссуру, повысит деятельность сценарного отдела, пойдет навстречу писателям, будет готовить кадры профессиональных киноактеров.

Очень важное значение приобретает творческое содружество писателя-драматурга и кинорежиссера. Еще год назад мы ругали режиссеров кино за то, что они тем или иным путем становятся соавторами сценария. А факты показывают, что у абсолютного большинства режиссеров-постановщиков фильмов было полное основание к этому. В большинстве случаев неопытный драматург приносил в студию сырой материал, а режиссеру предстоял не меньший труд (если не больший!), чтобы превратить его в драматическую основу будущего фильма. Другое дело, когда автор и режиссер приспосабливают материал лишь к кинотехнике, не задумываясь над усовершенствованием идейно-художественного содержания. В этом случае нельзя оправдать ни автора, ни режиссера. Но мы имеем в виду художника, который, как

совершенно точно говорит писатель Л. Леонов, видит в маленьком зерне будущее дерево со всеми его ветвями и листьями и тенью от него.

Ведущие деятели советского кино сейчас особенно настоятельно требуют тесного творческого содружества драматурга и режиссера, считая этот метод наиболее плодотворным. И это правильно. Такой метод будет полезным во всех отношениях и, в частности, для писателей. Он даст им возможность глубже освоить специфику кино, увереннее и успешнее работать над сценарием с учетом этих специфических особенностей.

Писатели и деятели кино совместными усилиями должны поднять киноискусство республики на уровень требований нашего героического времени.

1962 г.

В ЭТИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ...

Закончившийся Пленум ЦК КПСС, посвященный идеологическим вопросам, несомненно, имеет историческое значение в жизни нашей страны.

Если оглянуться на годы, пройденные многонациональной советской литературой, то нельзя не признать, что равных им не было в истории мировой культуры. За несколько десятилетий наша советская литература стала самой передовой, самой жизнеутверждающей в мире.

Мы гордимся, что рядом с выдающимися русскими писателями, такими, как М. Шолохов и Л. Леонов, чей творческий подвиг увенчала всенародная награда — Ленинская премия,— этой самой почетной в нашей стране премии были удостоены и многие писатели из братских национальных республик: М. Ауэзов, М. Рыльский, М. Турсун-заде, Э. Межелайтис и другие. Мы гордимся, что эта премия присуждена недавно и писателям среднего и молодого поколения: замечательному поэту Дагестана Р. Гамзатову и талантливому киргизскому прозаику Ч. Айтматову. Мы гордимся, что произведения этих и многих других советских писателей широко известны за пределами нашей Родины. Гигантскими шагами идет к своим вершинам не только русская литература, имеющая за собой великую школу классиков XIX века, но и литература тех народов, у которых до Великой

Октябрьской революции не было даже своей письменности.

Я напоминаю обо всем этом лишь потому, что знаю: новые, еще более высокие требования партии и народа к нашим книгам, их идейному и художественному уровню писатели Советского Союза примут уверенно и смело.

Вместе с тем было бы не по-партийному закрывать глаза на те отрицательные явления, которые еще есть в нашей многонациональной литературе.

Говоря так, я имею в виду тех писателей, которые в своей работе не заботятся об органическом единстве высокой идейности и художественного мастерства. Ведь что скрывать,— на десяток хороших книг у нас порой приходится гораздо больше бесцветных и незрелых.

Далеко не все пути закрыты серой, снотворной книге, которая не способна участвовать в борьбе против враждебного нам модернистского искусства буржуазного Запада. Далеко не все пути закрыты профессиональному и не профессиональному ремесленничеству. Сейчас, когда речь идет о коммунистическом труде как об основе основ воспитания нового человека, нам, писателям, нельзя не говорить о повышенных требованиях к нашему писательскому труду.

Приведу два неприятных примера. Совсем недавно один из маститых наших писателей сказал мне, что он заново издает свой большой роман, выкинув оттуда 20 печатных листов и вставив 7 новых. Спрашивается, как это возможно — из одной книги выбросить целых 20 печатных листов? Значит, при предыдущих изданиях имело место субсидирование брака?

Другой писатель принес мне свой киносценарий, в котором все казахские имена героев были вписаны от руки — видимо, этот сценарий побывал уже не в одном крае или области, и вот теперь автор просил меня «продвинуть» его труд в казахскую киностудию. Когда я спросил, а где же у него в сценарии национальные характеры, он глубокомысленно ответил, что люди и условия в Советском Союзе везде одинаковы...

О подобного рода халтурщиках от литературы неоднократно говорилось на пленумах Союзов писателей и на съездах, но мы все еще не воздвигли ту плотину, которая преградила бы дорогу мутному потоку серятины.

Думается, что помочь нам в этом сможет реорганизация творческих союзов, в этой связи хотелось бы внес-

ти предложения, которые, на мой взгляд, будут иметь практическое значение.

Мне кажется, что прогрессивный смысл реорганизации творческих союзов будет заключаться в том, что будущий объединенный союз сплотит все здоровые силы литературы и искусства и станет действительно творческой лабораторией, где всесторонне обсуждались бы рукописи до сдачи в печать, где обсуждались бы пьесы и киносценарии до появления на сцене и экране, и т. д.

Вопросами прохождения рукописи в печать, пьесы — на сцену, сценария — на экран Союз писателей у нас до сих пор не занимался. И это приводило к целому ряду нежелательных случайностей в составлении планов издательств, в тиражировании книг, в издании переводной литературы.

Особенно много просчетов у нас получается в области переводов современных иностранных авторов. Не всегда переводятся самые лучшие книги. Плохо учитывается огромное значение современного издания в Советском Союзе книг прогрессивных писателей Азии и Африки. Наши издательства порой проявляют в отборе книг для перевода дурной вкус.

Какую книгу следует распространить пошире, в какой готовности находится рукопись — все это, конечно, лучше видно писателям, чем издателям. Именно поэтому я вношу предложение о разумном координировании деятельности будущего объединенного Союза и издательств художественной литературы. Чтобы более надежно преградить путь потоку незрелых, никому не нужных книг, следует поднять ответственность будущего объединения за выпускаемую книгу.

Необходимо, по-моему, пересмотреть критерии, дающие человеку право на звание писателя или художника, пересмотреть с точки зрения повышения требовательности как идейно-художественному качеству творчества, так и к общественной деятельности члена Союза.

О высоте этих требований, предъявляемых к литературе и искусству партией и народом, нам еще раз напомнил состоявшийся Пленум ЦК КПСС. Решения Пленума помогут нам перевести на язык поэзии, живописи, экрана и сцены вдохновенные идеалы коммунистического общества.

1963 г.

ПОД НЕБОМ АФРИКИ

Весна этого года, как вы помните, выдалась у нас довольно прохладная. В Африке, однако, апрельская жара не опускалась ниже 38—40 градусов по Цельсию в тени. Можете себе представить, что там делается летом.

Хотя Нигерия и Судан лежат примерно на одной широте, вблизи от экватора, условия в них резко отличаются друг от друга. Суданская жара — сухая; страна покрыта обширными степными пространствами, саваннами. Нигерия же — это настоящие тропики с жарким, удушливо влажным климатом, с непроходимыми чащами лесов.

В Нигерию и Судан я ездил в качестве представителя Союза писателей СССР для установления деловых контактов с тамошними литераторами.

Встречали меня очень доброжелательно и радушно. И председатель Союза писателей Судана Абдалла Хамид аль-Амин, и глава Нигерийской ассоциации писателей Бара-Харт сделали все, чтобы мое пребывание в этих странах было приятным и полезным. Весьма ценным оказалось также содействие господина Ясина, главы Суданского министерства информации и труда, которое в этой стране ведает также вопросами литературы и искусства.

Писателя Абдаллу Хамида аль-Амина я пригласил посетить Казахстан и быть моим гостем. Если ему позволят обстоятельства, в июле он приедет к нам.

Литературная жизнь в обеих странах весьма оживленна, причем если в Судане она более или менее консолидирована в одном Союзе писателей, то для Нигерии характерно другое. Там, наряду с созданной недавно Общенигерийской ассоциацией писателей, существует в городах множество местных литературных ассоциаций и кружков.

В обеих странах я встречался со многими писателями — в официальной и домашней обстановке, — сделал несколько докладов, выступал по радио и телевидению. После докладов меня забрасывали вопросами. Чувствовался большой интерес к материалам встречи советских писателей с руководителями партии и правительства, причем среди вопросов на эту тему были всякие, иной раз весьма двусмысленные.

Как в Нигерии, так и в Судане — так мне показалось, по крайней мере,— главная линия развития литературы представлена прозой. Из суданских писателей, кроме уже упомянутого выше Абдаллы Хамида аль-Амина, пользующегося большим влиянием в самых различных кругах населения, можно назвать еще Салеха Ибрагима, Зарруха, Абубакра Халида, писательниц Фатиму Ахмат Ибрагим, Хадишу Сафуат. Чувствуется сильная тяга к реализму.

Официально, правда, в Судане скорее культивируется цветистая словесность, основанная на традициях старой арабской литературы, легенд и сказок типа «Тысячи и одной ночи». Писателей же влечет современность, волнуют тысячи вопросов сегодняшнего дня (то же самое чувствуется и в Нигерии). Ответить на них творчески можно, конечно, только на путях реализма. Поэтому так явственно проступает тяга к русской классической и советской литературе, в которой африканские писатели видят образец.

Весьма знаменательным является и то, что в обеих странах среди интеллигенции проявляется большой интерес к марксистско-ленинской теории. Удивительного тут ничего нет. Завоевание независимости поставило перед многими африканскими государствами, в том числе и перед Суданом и Нигерией, множество неотложных вопросов. Что делать дальше? На каких путях развивать экономику, государственность, культуру? Как ликвидировать отсталость?

Проблемы эти являются тем более острыми, что решать их приходится в условиях постоянной нехватки средств, экономического преобладания империалистических государств, постоянных интриг любителей половить рыбу в мутной воде.

А экономические позиции колонизаторов и в Судане, и в Нигерии еще очень сильны. Банки, промышленные компании, экспорт, импорт, торговля (особенно — нефтью) — все это находится в руках монополистов США, Англии, ФРГ. Правда, усиливается и местная буржуазия (особенно — в Нигерии), но и она всеми своими интересами привязана к мировому капиталистическому рынку. Между тем в марксизме-ленинизме передовые круги африканской общественности стараются найти новые ответы на одолевающие их заботы.

В общем, я удовлетворен своей поездкой, мне кажется, она будет небесполезной в смысле установле-

ния творческих, деловых контактов с нашими африканскими коллегами. И лично у меня она оставила большой, яркий след. Может быть, африканские впечатления в том или ином виде найдут свое место в одном из моих новых произведений.

1963 г.

О ДАЛЬНЕЙШЕМ УСИЛЕНИИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СССР

В конце прошлого года Секретариат Правления Союза писателей СССР обратился в республиканские союзы с просьбой высказать свои соображения относительно того, как можно было бы еще более укрепить взаимосвязи литератур народов СССР, координировать нашу работу в этой области, придав ей более плановый, систематичный характер.

В ответ на это обращение из республик поступило много ценных, деловых и конкретных предложений, которые с некоторыми сокращениями были опубликованы на страницах «Литературной газеты». В Союзе писателей, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, в журналах «Дружба народов», «Вопросы литературы», в «Литературной газете» также состоялись совещания по вопросам изучения братских литератур и улучшения организационно-творческой работы по углублению и расширению взаимосвязей между литературами народов СССР.

За время, прошедшее после Третьего Всесоюзного съезда писателей СССР, советская литература — единая и многонациональная добилась новых значительных успехов. Творчески окрепли республиканские писательские организации. Во всех братских литературах появилось немало ценных и нужных народу произведений на темы современности, изображающих созидательный труд строителей коммунизма. Высшей литературной наградой — звания лауреата Ленинской премии — за последнее время удостоены представители многих братских литератур.

Все это стало возможным благодаря повседневному вниманию и заботе Коммунистической партии Совет-

ского Союза о дальнейшем развитии литературы и искусства в нашей стране. Одним из наиболее ярких проявлений такой отеческой заботы были незабываемые встречи руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Как раз год тому назад состоялся прямой нелицеприятный разговор на Ленинских горах и в Кремле по самым насущным вопросам художественного развития. Этот принципиальный разговор вдохновил всех писателей, создающих нашу многонациональную литературу. Затем состоялся июньский Пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам, который нацелил нас на всемирную активизацию всех сил литературы и искусства в период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Основное направление развития всей нашей культуры четко и глубоко определено Программой КПСС, принятой XXII съездом партии. В ней говорится: «Усиливается идейное единство наций и народностей, сближение их культур... Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура». Мы живем в период расцвета литературы советских народов-братьев, раскрытия всех творческих возможностей каждой национальной культуры. Этот расцвет обогащает нашу духовную сокровищницу все большим количеством высокохудожественных произведений, приобретающих интернациональное значение. И в этих условиях особенное значение имеет указание июньского Пленума ЦК КПСС, который снова и снова призвал нас «укреплять братскую дружбу народов Советского Союза — величайшее завоевание социализма, активно содействовать взаимообогащению культур народов СССР...»

Именно это и имел в виду Секретариат Правления СП СССР, обращаясь к братским Союзам за советами, как в новых условиях по-новому укреплять и развивать творческие взаимосвязи между нашими литературами, между республиканскими писательскими организациями и печатными органами, между писателями, работающими в различных жанрах. И сегодняшний наш разговор, который, как мы надеемся, будет активным, деловым и плодотворным, посвящен этой животрепещущей проблеме.

Для всех нас очевидно, как творчески созрели и поднялись все наши литературы, как выросли они не только по числу писателей, но и по идейно-художествен-

ному уровню, по полнокровному развитию всех жанров, по глубине реалистического проникновения в жизнь. Не менее очевидно и то, что при этих условиях и взаимосвязи литератур должны быть найдены новые формы, которые соответствовали бы задачам литературного развития на данном этапе. Явно не правы те товарищи, которые из факта всестороннего роста литератур делают подчас более чем парадоксальный вывод о том, что литературы якобы не нуждаются теперь в координировании взаимных контактов, в живом и повседневном творческом взаимодействии. Наоборот, сейчас, как нельзя более остро осознаем все мы необходимость обмена художественным опытом литератур, разработки и теоретического осмысления творческих проблем, лучшей организации общими усилиями переводческого дела. Укрепление творческих контактов несомненно будет способствовать утверждению во всех звеньях нашей многонациональной литературы высоких общесоюзных критериев идейности и мастерства, о которых нам все время напоминает наша партия. Совершенно очевидна актуальность и значительность существа выдвинутых самой жизнью новых требований к нам, к повседневной работе наших писательских организаций. И только на путях целеустремленной совместной работы, всемерного содействия делу развития национальных литератур сможем мы, литераторы, быть на высоте задач, поставленных партией. Здесь уместно напомнить об уставе нашего Союза, в котором очень хорошо сказано, что одной из важнейших наших целей является «...всемерное развитие и укрепление братской дружбы всех литератур Советского Союза путем взаимной помощи, обмена творческим опытом, дальнейшего улучшения качества и увеличения количества переводов художественных произведений на русский язык и другие языки народов Советского Союза».

Обратите внимание, что и все товарищи, высказавшиеся на страницах «Литературной газеты», выражали свою озабоченность именно в этом смысле, подчеркивали именно эту мысль.

Задача нашего сегодняшнего разговора — еще раз обменяться соображениями по этому вопросу и нашим коллективным разумом определить такие отправные начала и дать такие рекомендации, которые отвечали бы нынешним условиям литературного развития, уровню и художественной практике братских литератур.

Каждому же ясно, что речь идет не о какой-то опеке, регламентации и прочем в отношении отдельных литератур. Речь идет о нашем общем и взаимном, повседневном, серьезном всестороннем и коллективном знании литературного процесса как в целом, так и во всех его отдельных национальных отрядах, об изучении всего богатства нашей журнальной и книжной продукции. Только на этой основе и может быть достигнуто то, что нам необходимо — обобщение нашего художественного опыта, взаимообогащение им, выявление новых и новых творческих возможностей метода социалистического реализма.

За последнее время мы пытались искать и пробовать самые различные формы работы в этом направлении.

В частности, одной из плодотворных форм представляется нам активное включение в повседневную работу Секретариата СП СССР дежурных секретарей правления — представителей Союзных республик. Опыт показал, что эти товарищи помогают Секретариату как в постановке и обсуждении важнейших творческих вопросов, так и в разработке документов, направленных на дальнейшее развитие взаимосвязей братских литератур.

Давайте же обменяемся мнениями, давайте проанализируем то, что у нас есть, и подумаем над тем, чего же нам, действительно, недостает, чтобы каждый был причастен к этой большой работе, ради которой и создан наш творческий союз.

У нас ведь большое хозяйство, и оно требует всестороннего анализа и четких, глубоко продуманных организационных усилий. Ведь бывает так: начинаем мы хорошее дело, а что-то не продумали, где-то проморгали и в итоге — получаем меньший результат, чем могли бы получить при условии более глубокой, оперативной и четкой организации.

Я хочу — хотя бы вкратце — поделиться с вами некоторыми соображениями по отдельным сторонам нашей организационной работы и вынести на обсуждение один из возможных вариантов того рабочего решения, которое, как мне кажется, поможет нам по-деловому наладить повседневную конкретную деятельность, направленную на дальнейшее укрепление и развитие творческих взаимосвязей наших литератур.

Одной из новых форм взаимосвязей братских литератур, широко практикуемых ныне писательскими организациями союзных республик, стали межреспубликан-

ские декады, недели и вечера литературы, которых за последние годы проведено не так уж мало. Можно вспомнить, например, что Союз писателей Белоруссии провел у себя недели украинской и латышской литератур. Украинские писатели в свою очередь организовали приезд в республику и выступления перед трудящимися республики белорусских, казахских, таджикских и молдавских писателей. Союз писателей Узбекистана провел декады и недели русской, украинской, казахской и таджикской литератур. Литовские писатели приняли у себя группу московских поэтов и критиков. У туркменских писателей гостила группа киргизских и казахских литераторов, в Казахстане — украинские, узбекские, туркменские, татарские писатели. Была проведена Неделя казахской литературы в Татарии и Таджикистане, обогатившая литературу взаимными переводами и обменом творческих проблем.

В течение последних четырех-пяти лет в среднем проводится по 12—13 межреспубликанских писательских встреч, которые способствуют сближению писателей разных национальностей, изучению жизни трудящихся одной республики писателями другой республики. Творческие разговоры, споры, беседы, сообщения, экскурсии, которые проходят при таких встречах, обогащают кругозор писателей, пробуждают в них живой интерес к жизни народа данной республики и его культуре. Во время Декады русской литературы, проведенной осенью прошлого года в Узбекистане, например, состоялось 294 писательских выступления, на которых присутствовало свыше ста тысяч слушателей. Рабочие Караганды и Балхаша, целинники Казахстана были искренне рады встречам с узбекскими, туркменскими и татарскими писателями. Эти встречи неизменно превращались в праздники дружбы и братства между народами нашей великой страны.

Очень отрадно, что мы стали ездить друг к другу чаще, чем, скажем, лет 10—15 тому назад. Общения писателей — это духовное общение народов.

Но наше общение не только праздник, но прежде всего — работа, работа очень интересная, напряженная, сопровождаемая обилием свежих впечатлений и наблюдений.

Именно поэтому мы не можем закрывать глаза на то, что в организации и проведении межреспубликанских литературных декад и недель есть еще много серь-

езных недостатков. Прежде всего в практике их проведения доминирует однообразная форма выступления поэтов перед читателями с чтением стихов и экскурсии по республике.

Всем вам известно и то, что недели в некоторых республиках проходят излишне помпезно. Я не против праздничности,— ведь само собой понятно, поскольку общения эти носят характер торжества социалистических культур,— я против именно помпезности, против того, что недели наши проходят подчас громоздко, с многочисленными приемами, из-за которых иной раз сильно сокращается время, необходимое для деловых, творческих разговоров.

Как уже было сказано, из всех республиканских писательских организаций в Секретариат поступили письма относительно того, как наша всесоюзная организация — Союз писателей СССР — должна улучшить работу в области дальнейшего укрепления взаимосвязей между братскими литературами. Во всех этих письмах горячо поддерживаются литературные декады, недели и вечера, и в то же время дружно указывается на те недостатки, которые нужно устранить общими усилиями.

Надо сказать, что многие руководители Союзов писателей республик в своих письмах справедливо указывают на поспешность, недостаточную целеустремленность, отсутствие четкого, заранее продуманного плана литературных декад и недель. Они считают, что в этих планах, помимо литературных вечеров и экскурсий по республике, необходимо предусматривать дискуссии по актуальным литературным проблемам, обсуждения новых книг, встречи в издательствах и редакциях и т. п.— словом, больше мероприятий творческого характера.

Совершенно ясно, что во время литературных встреч и недель необходимо организовать широкий творческий деловой разговор о насущных проблемах литературы. Предметом такого разговора могут служить как конкретные произведения участников встречи, так и творческие проблемы, стоящие перед всей советской литературой.

Было бы полезно организовывать тщательно подготовленные межреспубликанские встречи писателей, работающих в определенном жанре или роде литературы (скажем, поэты, драматурги, новеллисты, критики

и литературоведы), или же — в определенном тематическом направлении (скажем, изображение жизни рабочего класса). Естественно, что такие встречи и дружеские дискуссии требуют взаимного предварительного ознакомления — и ознакомления весьма основательного — с соответствующими разделами другой национальной литературы. Но польза от подобных встреч, при условии вдумчивого их проведения, будет несомненной.

Одним из конкретных результатов межреспубликанских недель и вечеров литературы могло бы стать установление непосредственных творческих контактов между писателями братских республик для создания, скажем, коллективных работ очеркового типа или кинофильмов, как это сделали, например, украинцы и белорусы.

Особое внимание надо уделить тому, чтобы устраивались встречи писателей тех республик, народы которых в силу исторических обстоятельств не имели в прошлом тесного общения. В этом смысле декады и недели, скажем, между прибалтийскими республиками и республиками Средней Азии и Казахстана приобретают исключительно важное значение.

Нашему Союзу писателей СССР, как мне кажется, необходимо лучше координировать межреспубликанские литературные мероприятия и, самое главное, изучать и обобщать их опыт, максимально способствовать тому, чтобы они проходили плодотворно и деловито.

Разве нормально положение, когда некоторые республиканские организации, проводившие у себя недели, не всегда должным образом заботились о том, чтобы к приезду писателей братской республики были переведены и изданы хотя бы несколько самых лучших произведений данной литературы? Между тем одной из важных и благородных задач межреспубликанских встреч писателей должно быть стремление возможно шире ознакомить трудящихся республики с творчеством писателей другой республики.

Союзы писателей республик должны организовать дело так, чтобы к приезду литераторов братских республик местные газеты, журналы, радио и телевидение широко ознакомили своих читателей и слушателей с творчеством приезжающих писателей, а также с лучшими произведениями классиков, обеспечив для этого за-

благовременную рекомендацию и представление гостями необходимых материалов.

Ясно, что нельзя проводить декады, недели, вечера без предварительной подготовки, не установив контакта с книготоргующими организациями в центре и на местах. Нам нельзя работать в отрыве от организаций, издающих и распространяющих книги. Суть всей нашей писательской работы сводится в конечном счете к книгам.

С момента выхода в свет первой датированной русской книги в 1954 году до Великого Октября, т. е. за 353 года, в России, оказывается, вышло в свет 520 тысяч названий книг по различным областям человеческих знаний, включая и художественную литературу.

За истекшие же 46 лет после революции в Советском Союзе вышло в свет более полутора миллионов названий книг, в том числе художественной литературы — 183 589 названий: на русском языке — 106 412 названий и на языках народов СССР — 54 860 названий книг.

В Казахской республике, которую я здесь представляю, за годы Советской власти, по 1962 год включительно, выпущено в свет 1776 названий книг литературно-художественных произведений, общим тиражом 26 миллионов 269 тысяч.

Разве эта короткая статистическая справка не говорит красноречиво о той культурной революции, которая свершается в нашей стране?

В наше время обмен творческими достижениями народов СССР стал одним из важнейших факторов строительства социалистической культуры, духовного развития советских народов.

Однако мы не можем обольщаться статистическими величинами. Все ли мы делаем для того, чтобы культурные ценности, создаваемые писателями на более чем 60 языках, становились достоянием всей массы многонациональных читателей — вот один из вопросов, связанных, так сказать, с книжным делом.

В этой связи возникает и другой вопрос. Общаются ли республиканские издательства в процессе работы над планами редакционной подготовки и планами выпуска книг между собой для того, чтобы предотвратить параллелизм, обогатить друг друга интересными изданиями, участвуют ли в этой работе писатели, обсуждаются ли вопросы, связанные с формированием тематических планов на региональных совещаниях республиканских издательств с участием писателей?

Знают ли республиканские издательства и книготоргующие организации о том, какие национальности проживают на территории республик для того, чтобы учитывать это при формировании тематических планов и определении тиражей?

Книжный обмен между братскими республиками совершенно не организован, сводные тематические планы республиканских изданий не анонсируются в информационных бюллетенях Союзкниготорга. Можно с уверенностью сказать, что вся работа по книгообмену предоставлена самотеку, и вся эта область являет собой поистине непочатный край.

В СССР в сельских районах проживает 49% населения. Вместе с тем, удельный вес книг, продающихся на селе, в общем книгообороте страны составляет не многим более 26%. Следовательно, можно сделать вывод, что книга не доходит до сельского жителя. В селах, аулах, кишлаках ждут книгу, а ее там нет. А тем временем на складах республиканских издательств и книготоргов книги годами накапливаются и списываются в макулатуру.

За десятилетие после Второго Всесоюзного съезда писателей (1954 год), на котором вопросам художественного перевода было уделено большое внимание, в выпуске переводной книжной продукции произошло серьезное качественное изменение. Переводная литература составляет теперь в ряде республик свыше половины всего годового выпуска, а по всей стране достигла 70%. Процесс перевода рассматривается всеми нами, как необходимый элемент, характеризующий сущность многонациональной советской литературы, а сама переводная литература — как ее составная и неотъемлемая часть. Что переводится, как переводится и кто переводит — эти вопросы глубоко волнуют писательскую общественность, им были посвящены проходившие вскоре после XXII съезда КПСС в ряде республик региональные конференции, об этом много пишут в последнее время на страницах «Литературной газеты».

Налицо большие сдвиги в области переводной литературы.

Но, с другой стороны, законную тревогу писательской общественности вызывает качество переводов — как на русский язык, так и на все другие языки нашей страны. Много книг издается в плохих, низкопробных переводах, практика перевода прозы по «подстрочнику»

как будто не собирается сдавать своих позиций, хотя еще на Втором писательском съезде она была подвергнута резкой критике.

Знакомство со списками изданных за последние годы в республике книг и радует, и огорчает одновременно. Если в переводе на русский язык мы видим все или почти все наиболее значительные произведения национальной прозы, поэзии и, частично, драматургии, посвященные непосредственно темам современности, то этого нельзя сказать о работе наших национальных издательств. Конечно, здесь нельзя обобщать — у каждой республики свои особенности, свои возможности. В Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, на Украине — переводятся много книг, издательские планы отражают сегодняшний день в значительной степени, там стараются как можно скорее сделать современное произведение русского писателя достоянием своих читателей. А в Средней Азии, Казахстане, Армении, Азербайджане и некоторых автономных национальных республиках преимущественно выходят в свет книги для юношества, произведения дореволюционных классиков и совсем мало — книг на темы современности.

Плохо еще налажены у нас и взаимные переводы. Статистические данные за последние пять лет показывают, что в этом деле нет должной плановости. Можно ли считать нормальным, когда, например, на азербайджанский язык за пять лет переведено всего лишь по две книги белорусских, казахских, эстонских и молдавских писателей; или — за тот же период — на белорусский язык переведено по одной книге киргизской, таджикской и башкирской литератур. Примерно такая же картина, к сожалению, и в большинстве других республик. А в Грузии и Армении за последние пять лет не переведен ни один казахский писатель, и ни один киргизский. Казахи и киргизы отвечают им тем же, что уже в сумме совсем никуда не годится. Мы должны коллективными усилиями подумать, как поправить это.

Упреки в адрес центральных журналов относительно недостаточного внимания к братским литературам стали частыми и однообразно традиционными.

Не изменилось положение и за последние два года. На страницах журналов «Новый мир», «Знамя», «Звезда» имена писателей из национальных республик стали встречаться, правда, чаще, но представляются они обычно лишь двумя-тремя стихотворениями, которые не дают

полного представления ни о самом писателе, ни о характере данной национальной литературы. Редко печатаются рассказы национальных писателей, а еще реже — романы и повести. Более близкое знакомство с произведениями писателей братских республик свидетельствует о том, что выбор произведений зачастую носит случайный характер и не представляет самое лучшее, что создано в республике.

Многие национальные писатели высказывают справедливую обиду на журнал «Юность». Журнал еще не стал всесоюзным органом молодых писателей, его авторский коллектив крайне слабо пополняется литераторами братских республик.

Об определенных сдвигах в расширении национальных рамок можно говорить, касаясь журналов «Театр» и «Вопросы литературы», «Театр» печатает ежегодно три-четыре пьесы национальных авторов, много имен писателей из братских республик и среди авторов статей, печатающихся под рубрикой «Ваше мнение» и в других разделах.

Немало внимания уделяет национальным литературам и журнал «Вопросы литературы». За последние два года значительно увеличилось число статей о национальных литературах, неплохо рецензируются теоретические и критические издания, выходящие в республиках. В ряде статей последнего времени были подняты принципиальные вопросы развития той или иной литературы. Однако редколлегия журнала еще далека от решений одной из главных задач — широкого привлечения авторов из республик.

Ряд ценных начинаний осуществляет журнал «Советская литература» на иностранных языках в пропаганде братских литератур за рубежом.

В деле пропаганды братских литератур большую роль могут сыграть литературные журналы, издающиеся в республиках на русском языке. Они являются трибуной для живущих в республиках русских писателей. Такие журналы существуют в большинстве союзных республик и накопили немалый опыт работы. Это ежемесячные издания: «Радуга» на Украине, «Простор» в Казахстане, «Звезда Востока» в Узбекистане, «Литературная Грузия» и «Литературная Армения» в Закавказье. В Белоруссии раз в два месяца выходит журнал «Неман», «Литературный Киргизстан» и «Литературный Азербайджан» выходят 4 раза в год.

Однако в ряде республик таких изданий нет. С начала 1963 года прекращено издание русских журналов в Молдавии, Таджикистане и Туркмении.

В республиках Прибалтики русских журналов нет. «Советская Литва» — это альманах-ежегодник, в Латвии и Эстонии подобные альманахи раньше издавались, но теперь закрыты.

Назрело множество вопросов, связанных с изданием русских журналов в республиках, которые следует безотлагательно решить. Это прежде всего вопрос об издании таких журналов там, где они не существуют. Справедливо ли, правильно ли было закрывать их? Затем — это вопрос о литературном уровне издаваемых журналов. Надо покончить с провинциальностью, с нетребовательностью еще кое-где существующими. Стоит подумать о более широком распространении этих изданий за пределами той или иной республики. Ведь только в этом случае они смогут достичь своей главной цели — пропаганды достижений национальной литературы. Это помогло бы поднять тираж. Центральная пресса — и в первую очередь «Литературная газета» и «Литературная Россия» — должны проявлять внимание к русским журналам в республиках, рецензировать их, печатать обзоры.

Сейчас национальные литературы не те, что были 20—30 лет назад и, стало быть, форма работы и стиль руководства Секретариата должны быть другими. Уже нет необходимости в «опеке», если таковая когда-либо существовала. Но для нас ясно одно: по мере роста братских литератур и укрепления их внутри организационной структуры ни в коей мере не должен ослабевать интерес нашего Секретариата к этим литературам с их запросами и нуждами. Это касается всех без исключения наших печатных органов и в первую очередь журнала «Дружба народов», который сделал много ценного и полезного для братских литератур, но в то же время работе которого можно пожелать большей четкости и добротности.

Разве нормально положение, когда две центральные газеты — «Литературная газета» и «Литературная Россия» — на протяжении многих месяцев вели бесплодную полемику между собой из-за статьи Е. Исмаилова «Поиски нового», в которую без знания дела вклинился и журнал «Дружба народов», а наш Секретари-

ат — руководящий орган писательских организаций — даже не заинтересовался этим «конфликтом».

Меня удивили та легкость и те поверхностные скольжения, с которыми выступил журнал «Дружба народов» в качестве третейского судьи по полемике двух газет.

Я думаю, что такими словами, которыми изобилует статья сотрудника журнала В. Чалмаева, как «огульное, гуртовое шельмование творческой молодежи», «...пена, еще в изобилии забивающая берега и поверхность литературного потока», не поможешь делу писательской консолидации.

Это, извините меня, Василий Алексеевич, непозволительная развязность для третейского судьи!

Я остановился здесь только на одном факте. А сколько подобных фактов в жизни писательских организаций, в работе их печатных органов, требующих вмешательства Секретариата Правления Союза писателей СССР?

Бурный рост литератур народов СССР ни в коей мере не исключает их специфические особенности, связанные с их истоками и традициями. Не все литературы берут свое начало от того реализма, который принято называть реализмом критическим. Не у всех литератур у истока стоят, скажем, Абай или Ахундов, Тукай или Чавчавадзе. Есть литературы, идущие непосредственно от эпоса и фольклора, которые, общаясь и обогащаясь с более профессиональными, что ли, литературами, ломают свои традиции, да и в относительно более развитых литературах происходит качественно новый интереснейший процесс обновления национальных традиций и форм. Неспроста, видимо, в одной литературе преобладает поэзия, а в другой, скажем,— проза.

И чтобы руководить подобными литературами, нам надо основательно знать их специфику, их «корни и листья», их прошлое и настоящее, изучить весь процесс их развития. А для этого нам мало знать отдельные произведения отдельных писателей братских республик, чем мы, к сожалению, иногда довольствуемся.

В этой связи мне хочется выразить свое согласие с Мустаем Каримом, который через «Литературную газету» высказал пожелание, чтобы СП СССР не забыл о литературах народов, входящих в РСФСР.

Понятно, что эта работа не по плечу одному человеку или даже группе людей. Речь идет о том, чтобы вся структура работы нашего Союза была тесно связана с

живым процессом развития братских литератур, с их запросами и нуждами.

За последнее время оживилась деятельность и драматургов братских национальных республик. Правда, здесь нельзя назвать столь же крупные достижения, как в прозе и поэзии, но неоспоримые успехи есть и в драматургической литературе. Подавляющее большинство пьес посвящено острым проблемам современности. Расширилась проблематика произведений, заметны активные поиски новых форм сценической выразительности, радует жанровое разнообразие.

Союз писателей СССР ежегодно проводит семинары драматургов, работающих и над многоактными, и над одноактными пьесами. Эти семинары приносят большую пользу.

Но не всегда республиканские Союзы писателей с должной ответственностью подходят к этому важнейшему делу. Бывает и так, что на семинары приезжают люди без достаточных на то оснований, направленные случайно.

Плохо обстоит дело и с подготовкой подстрочников пьес участников семинара. Несмотря на неоднократные просьбы Совета по драматургии, республиканские Союзы писателей не присылают своевременно подстрочники.

Крайне неблагополучно обстоит дело с постановкой пьес национальной драматургии в крупных русских театрах. Почему на лучшие пьесы национальной драматургии не обращают внимания руководители столичных театров? Почему органы Министерства культуры СССР, ведающие вопросами театров, проявляют здесь равнодушие?

Мне кажется, такие пьесы как «Деревенщина» Мирзы Ибрагимова, «Обжалованию не подлежит» Токтоболота Абдумомунова, «Имя — твое, благо — мое» Сейфуддина Даглы, новая пьеса Иззата Султанова «Неизвестный человек»— вполне заслуживают внимания крупных русских театров.

Какую громадную агитационную роль могли бы иметь драматургические произведения, рассказывающие о жизни национальных республик! Такие пьесы могли бы быть особенно интересны для стран, ныне освободившихся от колониальной зависимости.

И потому-то особенно ответственна и почетна роль крупных русских театров в пропаганде таких пьес.

Сейчас в Министерстве культуры СССР организована

редакторская коллегия, к руководству театральными делами пришли новые люди. У Совета по драматургии завязались с ними деловые отношения, и надо надеяться, что положение будет исправлено.

Вопросы национальной кинодраматургии заслуживают особого разговора. И хорошо, что Совет по драматургии театра, кино и телевидению предполагает в скором времени обсудить их на расширенном заседании. Сейчас я не могу не сказать о том, что обилие всевозможных инстанций, которые проходит автор со своим детищем, далеко не всегда идет на пользу. И что требует немедленного вмешательства, так это вопрос о новом проекте договора на сценарий. Тот проект, что сейчас рассматривается, делает писателя почти совершенно бесправным. Пока не поздно, нам надо сказать свое веское слово.

В большинстве союзных республик учреждены ежегодные республиканские премии в области литературы и искусства. Этих премий удостоены писатели, чье творчество завоевало признание общественности республики. Нам кажется, этот опыт следовало бы распространить и на те республики, где подобных премий еще не существует.

Разумеется, учреждение премий всецело входит в компетенцию республиканских директивных органов, однако, как мне кажется, Секретариат Правления Союза писателей СССР в целях дальнейшего развития литературы и искусства в братских республиках, мог бы оказать свое содействие в положительном разрешении этого вопроса.

В письмах республиканских Союзов в Секретариат, а также в выступлениях ряда писателей в печати предлагается создать при Секретариате Правления Союза писателей СССР постоянно действующий орган по литературам народов СССР.

Были и другие предложения, в частности, Ираклий Абашидзе высказал мысль о том, что работа с национальными литературами должна «быть существом всего Секретариата Правления Союза писателей СССР, всего аппарата нашей всесоюзной писательской организации». И хотя он развернул в своей статье целую позитивную программу проведения различных и очень важных мероприятий, но так и не сказал, кто же и на каком уровне будет их проводить. Как организационно провести все это в жизнь?

Для меня, например, тоже ясно, что изучение процессов развития литератур народов СССР — общее дело всего Секретариата. Но также бесспорно и то, что у Секретариата должен быть постоянно действующий, высококвалифицированный, авторитетный орган по литературам народов СССР. Наличие в таком органе постоянного и дежурного секретарей правления будет, по нашему глубокому убеждению, обеспечивать конкретное, коллегиальное руководство, создаст разумную преемственность в работе.

Высказывалось также пожелание и такого характера: а нельзя ли иметь секретарей правления по зонам, так сказать, по географическому принципу? Скажем, иметь одного секретаря правления по Азербайджану, Грузии и Армении, второго — по Прибалтийским республикам, третьего — по республикам Средней Азии и четвертого по Украине, Белоруссии и Молдавии.

Рассмотрим более детально достоинства и недостатки этих предложений. После создания Союза писателей РСФСР намного облегчилась «нагрузка» Секретариата Правления СП СССР, но не намного углубилось его внимание к литературам союзных республик. Получилось так, что из 27, а затем из 29 секретарей Правления СП СССР никто непосредственно не занимался литературами народов СССР. Руководители республиканских Союзов, члены Секретариата, приезжающие в аппарат на 2—3 месяца, хотя и сделали немало хорошего, однако во время их дежурств не обеспечивалась преемственность, а главное — деятельность дежурных секретарей была и не конкретной, и не всесторонней. И не каждый дежурный секретарь с ходу находил свое, как говорится, амлупа. Здесь следует сказать также и о том, что консультанты Секретариата Правления по братским литературам оказались по существу без постоянного, профессионального руководства. А между тем в лице консультантов по литературам народов СССР при Секретариате мы имеем опытных, знающих свои литературы людей, принципиальных, страстных пропагандистов своих литератур. И было бы неразумным предоставлять их самим себе.

Вот почему, исходя из интересов дела, взвесив все за и против, мы выносим на обсуждение расширенного заседания Секретариата предложение о создании коллегиального рабочего органа по литературам народов СССР, в составе одного постоянно работающего сек-

ретаря правления СП СССР и секретарей от братских литератур. Назовем ли его Бюро, Советом или Комиссией или еще как,— давайте обсудим коллективно здесь.

Намечается утверждение заместителя председателя, ответственного секретаря и т. д. Главное же — рабочее ядро органа — составят постоянно работающие в аппарате консультанты по союзным республикам и актив друзей по литературам народов СССР, в состав которого будут входить также и представители братских республик. Актив будет расти, обогащаться опытом и все его усилия будут направлены на повседневную помощь Секретариату. Имеется в виду, что он будет непосредственно подчинен Секретариату и работать под его руководством.

Нам представляется, что такой коллегиальный рабочий орган сможет сделать максимум возможного для укрепления и развития связей между литературами, для более глубокого и всестороннего изучения происходящих во всех литературах процессов, для организации и проведения крупных и важных мероприятий творческого характера.

Имеется в виду, что такой ответственный и коллегиальный орган будет работать на новой основе, в контакте и совместно с Союзами писателей республик и с Советами по жанрам, что его аппарат и актив будут ставить перед Секретариатом и сообща решать важнейшие общесоюзные мероприятия по развитию братских литератур, проводить региональные и другие совещания, интересоваться живым процессом литературной жизни союзных республик.

Чего нам не хватало до сих пор в работе с братскими литературами, так это именно конкретности. Много ли эстонских, молдавских и белорусских романов прочел я как секретарь? Мало, очень мало.

Много ли произведений авторов других республик прочли другие секретари правления? Думается, что немного. По крайней мере, по вопросам братских литератур, по книгам своих друзей и соседей со знанием дела выступали в прессе за последние три года лишь Новиченко, Марков — и вот и все, пожалуй. А ведь для квалифицированного суждения о литературах народов СССР необходимо самое пристальное, самое конкретное изучение всего нашего богатого литературного хозяйства.

Соединение рабочего, достаточно опытного и оперативного органа с представительным Секретариатом и

широким активом — и явится важным коллективным средством, способствующим дальнейшему росту наших литератур, расширению деловых творческих связей между ними.

При нынешнем состоянии дел даже не с кого спросить за плохую работу с литературами народов СССР.

Не состоятельно, на мой взгляд, и предложение о закреплении секретарей правления по зонам, по группам литератур. Вряд ли вообще применим географический принцип в руководстве художественной литературой. Нельзя не считаться с национальной и языковой спецификой литератур. В группе кавказских литератур, например, азербайджанская тяготеет к тюркоязычным литературам. А у родственных в языковом отношении литератур народов Средней Азии и Казахстана после введения нового алфавита появились свои трудности: мы можем читать друг друга только в переводе.

А куда, к какой зоне отнести Молдавию или Таджикистан?

Так что, если организовать работу с литературами народов СССР по зональному, географическому принципу, то это может привести не к сближению, а к разобщению литератур, к разобщенности актива друзей и специалистов по литературам народов СССР.

Те, кто за восстановление ранее существовавшей при Союзе писателей СССР Комиссии по литературам народов СССР, говорят, что есть же у нас Иностранная комиссия.

Да, есть у нас Иностранная комиссия. И она, возглавляемая Алексеем Александровичем Сурковым, проводит очень большую и важную работу по связи с заграницей.

Именно через эту комиссию много национальных писателей общаются как с обширным Востоком, так и с Западом, чего, кстати сказать, вовсе не было лет 10 тому назад.

Но характер и сущность работы Иностранной комиссии и нашего будущего нового органа совершенно иные и вовсе не тождественны.

Например, мы не можем проводить декады казахской литературы, скажем, в Риме или Пекине.

И наши внутренние взаимосвязи не могут быть построены по системе связи с заграницей!

Таковы различные аспекты и наши доводы в пользу создания нового коллегиального органа.

Успех его деятельности по литературам народов СССР будет зависеть от людей, от кадров. И потому важно утвердить руководителями людей, которые хорошо знают и любят братские литературы, хороших организаторов, инициативных, авторитетных товарищей. Следует всерьез подумать и об использовании консультантского аппарата. Необходимо повысить требовательность к ним, сосредоточить усилия консультантов по братским литературам на глубоком, научном изучении своих литератур, чтобы мы всегда были в курсе дел по любой литературе.

Наша партия и ее ленинский Центральный Комитет учат нас конкретности постановки вопроса и оперативности его решения. Дух времени требует от нас детального знания нашего большого литературного хозяйства, действенной организационной работы и конкретных дел.

Быть может, поэтому настоящий Секретариат вызвал исключительно острый и повышенный интерес всей писательской общественности, как никогда.

Вопросы, которые выносятся на ваше обсуждение, не являются исключительными, а, наоборот, они обыденны, жизненны, насущны, и их решение — есть выполнение уставных требований нашего Союза, что, не будем кривить душой, в известной мере оставалось вне поля зрения Секретариата Правления Союза писателей СССР.

Именно поэтому нам нужен не общий, а конкретный, заинтересованный, нелицеприятный разговор относительно того, как мы будем жить дальше, как мы улучшим работу Секретариата по братским литературам.

Секретариат Правления СП СССР обращается ко всем писателям страны, к работникам печати с призывом — приложить все усилия для решения задач по дальнейшему расширению и углублению взаимосвязей литератур народов СССР в интересах роста и развития единой и многонациональной советской литературы.

1964 г.

«БАЙТЕРЕК» УКРАИНЫ

О чем, интересно, думал и мечтал мой далекий предок, когда в знойной степи, мучаясь от жажды, пас отару овец? Наверняка, проклиная судьбу, он думал о том,

чего не было у самого, и о том, что будут иметь его более счастливые потомки.

Что было делить ему на этой беспредельной и пустынной, как само небо, степи? Мечтать и надеяться! Он мечтал и в песнях, сложенных в долгие дни лета, выжженные до глухоты, и в короткие гулкие ночи, наблюдая за мерцанием далеких звезд. Куда только не уносила крылатая фантазия. Ведь люди мечтали о том, чего не было на их родной земле, что было так нужно в их безрадостной жизни. А на земле моих предков не было очень многого. Вот когда-то его пылкое воображение создало легенду о чудо-дереве —«Байтерек», которое бы укрыло его от зноя, утолило бы жажду родниковой водой и усладило бы медовыми плодами.

«Байтерек», сколько мечтаний, сколько надежд было связано с твоими ветвистыми кронами. Ты был нужен целому народу. И ты вырос на казахской земле сильным и могучим.

Никто не знает, кто посадил первое деревце на казахской земле, которое, вбирая в себя соленые соки степи кочевников, стало могучим «Байтереком». Может быть, его посадил старик из аула Актерек, или первые коллективизаторы из совхоза «Бостандык», который лежит почти на краю песков Муюнкума, а может быть, оно было посажено в казахских степях Прикаспия великим сыном Украины Тарасом Шевченко в память русскому солдату, погибшему под царскими шпицрутенами. Кто бы ни посадил — это было сделано руками мудрого человека, обладавшего добрым сердцем и душой поэта.

Когда и где появилась легенда о сказочном дереве «Байтерек», никто не знает. Но она пережила долгие годы и дошла до наших дней. Только величаво-суровая и сдержанно-добрая мать-степь могла даровать своему народу эту прекрасную по выдумке и щедрости легенду. Может быть, она родилась в приаральских степях, где столетие тому назад росло одинокое «Святое дерево», к которому степные кочевники совершали паломничество, и, принося жертвы, больные молили об исцелении, обездоленные и сироты искали защиты, а бедные об облегчении участи. Это дерево видел и Шевченко, когда в 1848 году участвовал в экспедиции Бутакова. Он был глубоко потрясен этим обрядом, в чем люди выражали веру в лучшую жизнь. В их диком суеверии было что-то такое, взволновавшее сердце поэта, под впечатлением он пишет свою прекрасную по поэтичности и насыщен-

ную драматизмом глубоко философскую картину «Одинокое дерево» и описывает в повести «Близнецы», законченной в те же годы.

И доныне растет в Мангышлаке «дерево Шевченко», кряжистая верба, посаженная сто с лишним лет тому назад добрыми и чистыми руками Тараса Григорьевича. В этом дереве заключена величайшая мудрость и трепетная поэтичность гениального сына Украины, незабвенного друга нашего народа Шевченко.

Шевченко обладал не только великим искусством художника слова и кисти, но и еще большим искусством жить и наблюдать окружающий мир. Это помогало великому кобзарю беспощадно бичевать зло во всех его проявлениях и с любовью гуманности изображать добро, которое проявляется прежде всего в величии человеческого духа. Он любил человека, человека свободного от унижений и гнета, жаждал видеть людей, стоящих лицом к солнцу, чтобы в их глазах были бы не слезы, а искрилась радость.

Поэт-гражданин всегда остается поэтом даже в оковах, и всюду, где бы он ни был на свободе, в тюрьме или в ссылке сеет благородные семена, дабы они дали плоды благоденствия человеку. Их беспредельная любовь к своему народу становится выражением любви и к народам всей земли, всему человечеству. Ибо истинный народный поэт — интернационален. Таков был Тарас Григорьевич Шевченко — гениальный национальный поэт Украины.

Когда поэт увидел бескрайние степи, пески и барханы, белесые солончаки да одинокие курганы, над которыми парили ржаво-бурые орлы, безучастные к палящему солнцу, он почувствовал себя еще более одиноким, познал всю меру изнурительной жестокости царизма, пытавшегося именно такой пыткой высушить его поэтическую душу, знойным дыханием пустыни погасить пламень сердца, а степным безмолвием заглушить его стих. Да, степь ошеломила его, но она как родного сына приняла поэта. Прошли первые годы ссылки, и кобзарь почувствовал теплоту и уют этого внешне сурового края. Здесь жили обездоленные и бесправные, как и украинский народ, кочевники, но богатые несметной мудростью, щедрой и красочной фантазией, добрым и суровым, как их земля, сердцем. Этот народ был похож на свою степь,— все сокровище, которым одарила его природа, таил в недрах огромной души. Великое

множество стихов и зарисовок написано Шевченко в казахских степях за десятилетие его ссыльной жизни. Ни унизительное положение солдата-каторжника, ни издевательства царских чинуш не могли сломить волю, поколебать его убеждений.

Поэт много странствует по казахской земле, он побывал на юге, где раскинулись величавые вершины Каратау, прошел тысячи верст по пескам Муюнкумов и степи Приаралья. Вместо беленьких хат, купающихся в зелени садов, он увидел одинокие причудливые юрты, разбросанные по степи, вместо величавого Днепра перед его взором колыхалось зыбкое море призрачного марева, вместо тихих и лунных украинских ночей здесь было бездонное темное небо, освещаемое широкой степной песней, и беспросветная жизнь кочевника показалась ему еще более невыносимой, еще более тягостной. Он был поражен терпеливостью и природным жизнелюбием народа, который находил в себе силы жить и творить даже в этих условиях безводья, среди песков, солончаков. А народ жил и боролся, чему научил и Шевченко. Он стал изучать быт и нравы, обычаи и сказочные обряды, идущие из седых веков, слушал протяжные песни, чарующие легенды о любви, титанические былины о подвигах предков кочевого народа, и перед изумленным взором поэта открылось то великое таинство духовной культуры, которая составляла силу и единство народа, разбросанного по необозримому простору.

Еще задолго до ссылки Шевченко был знаком с жизнью нашего народа. В своей поэме «Сон», написанной в 1847 году, говорит: «На что уж худо за Уралом киргизам бедным». И сосланный именно за Урал, он увидел нечто еще более ужасное, стал свидетелем, а потом и обвинителем всей гнусности и бесстыдства царской политики на Востоке, о которых первая интеллигенция России могла только предполагать. Нельзя читать без возмущения строки из дневника Шевченко, где с беспощадным сарказмом и гневом бичует лицемерие царского ставленника генерал-губернатора Оренбургского края Перовского. «Холодное развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки, или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славельщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятиты-

сячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!»

На эту же тему Шевченко задумал написать поэму «Сатрап и Дервиш», но по каким-то неизвестным нам причинам, этой благородной мечте не суждено было осуществиться, но сам факт дает нам бесценные сведения о его думах, тревогах, творческих планах. Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской Сатрапии. Не присоединить ли его как яркий эпизод к «Сатрапу и Дервишу?» Не знаю только, как мне быть с женщинами? На Востоке женщины — безмолвные рабыни, а в моей поэме они должны играть первые роли: их нужно провести — как они в самом деле были,— немыми, бездушными рычагами позорного действия». Если проблемы положения женщины Востока, которому поэт придавал особое значение, были только лишь одним из «ярких эпизодов» «Сатрапа и Дервиша», то надо полагать какой грандиозной должна быть эта поэма.

Целое столетие стихи и поэмы, картины и зарисовки, публицистические статьи и дневниковые записи Шевченко поражают своим пронзительным драматизмом, страстью и оптимизмом поэта-трибуна, поэта-гражданина.

Думая о поэтической судьбе Тараса Григорьевича Шевченко, в чем по существу проявилось самовыражение поэта как борца, каждый казах вспоминает своего национального поэта-героя, одного из руководителей восстания казахского народа 1837 года Махамбета Утемисова, чей пламенный темперамент прирожденного лидера народа, чей страстный голос защитника обездоленных поднял угнетенный и униженный народ на борьбу против царизма и местных продажных баев. Схожесть судеб двух поэтов-борцов буквально во всем: и в том, что они оба вышли из народа, и в том, что оба воспевали красоту человеческой свободы, и в гневном обличении кровожадных сатрапов самодержавной России, и в созвучье их песен, неукротимом бунтарском голосе, который до последнего дыхания был отдан народу, призывая его к открытой борьбе с оружием в руках. И Махамбет, и Шевченко совершали это героическое дело без малейшей тени страха или беспокойства за свои личные судьбы. Подвиг их живет в сердцах народа, а их песни, как бессмертные легенды, передаются из поколения в поколение.

И в взволнованных стихах современных казахских поэтов Абдильды Тажибаева, Танра Жарокова, Гали Ор-

манова, одних из первых лучших переводчиков Шевченко и др., мы находим логическое продолжение поэзии революционного демократа и казахского акына-буревестника Махамбета Утемисова.

Возможно, для многих украинцев неизвестно, что у нас в Казахстане живут и трудятся свыше миллиона украинцев, предки которых в поисках лучшей доли пришли в наши степи после реформы 1861 года. Это были выходцы почти из всех областей Украины. Казахская земля стала их второй родиной. Наш народ дал им пахотные земли, где вскоре появились первые хутора со странными названиями: Ольговка, Исаевка, Марьевка, забелели хатки под соломенной крышей, по косогору степных озер зеленели квадраты огородов, окаймленные золотистым подсолнухом. Кочевники не без любопытства прислушивались к чужому, но мелодичному украинскому говору, к их необычайно мягким и приятным задушевным песням, в которых слышалась тоска по родной Украине. Вскоре эти «неверные кафиры» стали «тамырами»— друзьями наших предков. Дружба между ними стала хорошей традицией. Она дошла и до наших дней и не раз выручала в трудные минуты.

В наших народных напевах зазвучали украинские мелодии, и не потому ли в лучших песнях, созданных гением великого поэта и композитора Абая мы слышим те же ноты, что и в украинских песнях. Это обогатило и обновило наше музыкальное искусство. И сейчас во многих аулах и хуторах редко встретите украинца, не знающего казахского языка, а казаха, не владеющего украинским языком. Ныне, в годы освоения целинных земель, многие украинские хутора и казахские аулы слились в один совхоз, и их традиционная дружба в общем труде и совместной жизни стала еще более спаянной.

А «Байтерек», посаженный и выращенный руками Шевченко, раскинув свои сказочные ветви по всей казахской земле, превратился в огромный сад различных тенистых деревьев. А ветка, срезанная с «Байтерека» Шевченко и посаженная во Львовском парке, превратилась в такой же «Байтерек». Они украшают новую жизнь украинцев и казахов, дают им тень и прохладу и символизируют собой вечную память нашего народа кобзарю Украины и несокрушимую дружбу наших народов.

1964 г.

СЛОВО О САКЕНЕ

Я хочу сказать безыскусственное, простое слово о гордом человеке-поэте, о героическом солдате революции, открывшей новую эру в истории человечества,— о Сакене Сейфуллине.

Ему не было еще двадцати пяти, а имя его, поэта-революционера, уже стало легендой. Природа редко дарит одному человеку столько благородных качеств, сколько она дала Сакену Сейфуллину. Человек изумительной душевной красоты, кристальной честности, он был подлинным героем революционной эпохи.

Сейчас Сакену было бы семьдесят лет. Но в памяти нашего народа, в памяти его друзей и соратников он остается, как Пушкин, как Лермонтов, вечно молодым. Он стал для нас символом бурлящей энергии и титанических деяний нашей эпохи. Он живет и творит рядом с нами.

Вряд ли будет преувеличением, если я скажу, что в героической летописи борьбы казахского народа за новое социалистическое общество имя его будет стоять одним из первых среди имен тех, кто посвятил себя служению трудовому люду, кто с оружием в руках встал во главе восставшего народа, кто олицетворял собой честь, совесть и гордость нации.

Весной 1916 года, окончив Омскую учительскую семинарию и получив звание народного учителя, молодой поэт Сакен Сейфуллин вернулся в родные степи. Начало лета выдалось на редкость теплым и солнечным, кругом — необозримое море ковыля; у тихих озер в колыхании призрачного марева — бедняцкие юрты. И казалось, нет такой силы, которая смогла бы пробудить степь, ее отсталый и забитый народ от векового сна, спасти его от прозябания.

Приехав на родину, Сакен Сейфуллин видит, что все блага родной земли принадлежат баям, а удел разутых и раздетых батраков, одурманенных родовыми традициями, оборванных и ошельмованных этими «жирными самодовольными барсуками»,— пасти байские табуны и овец, косить сено, кормить ленивую, но ненасытную свору этих «барсуков».

Летом 1916 года царское правительство издало указ о «реквизации казахов в трудовую армию». Это послужило сигналом к народному восстанию. Царское правительство десятилетиями разжигало рознь между казаха-

ми и русскими, все богатство недр казахстанской степи — уголь, нефть, медь, золото и серебро — отдало в руки иностранного капитала. Во главе акционерных обществ и корпораций, эксплуатировавших богатейшие недра казахской земли, тогда стояли будущий президент США Гувер, английские акулы Нельсон Фелль, Уркварт Лесли, сын французского президента Карно и другие. Казахский народ нес на своих плечах тройной гнет эксплуатации — собственных баев, царизма и мирового капитала. Но это способствовало и пробуждению классового самосознания у казахской бедноты.

Сакен Сейфуллин оказался в самом центре развернувшихся событий. Против мятежного народа царский сатрап губернатор Масальский бросил отборные воинские части, вооруженные пушками и пулеметами. Целый год казахская беднота подвергалась физическому истреблению: грабили имущество, угоняли скот, пушки поднимали в воздух жалкие лачуги батраков, пулеметы косили тысячи и тысячи людей. Подлинный сын своего народа, Сакен, не страшась невзгод и лишений, участвует в народной борьбе. Видя слезы стариков и матерей, плач детей, он не мог оставаться безучастным к происходящим событиям, не мог быть пассивным созерцателем, лицемерно оплакивающим в благополучной тиши горе народное, как это делали буржуазно-националистические поэты из алаш-орды, которые бросали в сердца людей семена страха, предчувствия гибели и призывали восставший народ к повиновению и раскаянию.

Партия Ленина была в курсе всех событий, происходящих в разных уголках огромной страны. Несмотря на труднейшие условия, в которых она тогда находилась, партия оказала огромную помощь восставшему народу. Для агитационной работы среди казахов были посланы лучшие сыны партии. Они открывали глаза народу, указывая на его подлинных врагов, помогали доставать оружие. Так национально-освободительное движение народа перешло в русло социалистической революции.

Двадцати четырех лет Сакен вступает в Коммунистическую партию. В 1918 году он один из руководителей Советской власти и комиссар народного образования в Акмолинске, теперешнем Целинограде.

В последние дни мая 1918 года банда колчаковцев во главе с кровавым атаманом Анненковым при поддержке буржуазных националистов — алашордынцев совершила в Акмолинске переворот. Сотни и сотни лучших

сынов народа и партии стали жертвой белого террора. Многие руководители Советской власти (среди них и Сакен Сейфуллин), закованные в кандалы, были отправлены в лагерь смерти под Петропавловском. После долгих пыток и истязаний Сакен Сейфуллин с группой большевиков был помещен в «вагон смерти» атамана Анненкова. Поэта ждала верная смерть. Но Сакен Сейфуллин и его товарищи, истощенные голодом, истерзанные пытками, полураздетые, совершают героический побег. Это было в январе, в сорокаградусные морозы.

В двадцать восемь лет Сакен Сейфуллин — первый председатель Совнаркома Казахской Автономной Советской Социалистической Республики.

С уничтожением белобандитов и восстановлением Советской власти в казахской степи разгорается новая борьба — идеологическая. Враги казахского народа — алашордынцы, просочившиеся в различные органы Советской власти, вели упорную борьбу за захват ключевых позиций в области культуры. Казахская националистическая литература создавалась людьми образованными, это были сыновья степных феодалов, отцы которых могли обеспечить им хорошее обучение. Они писали произведения, чуждые народу, проповедовали националистические идеи, воспевали феодальное прошлое и тщетно, но настойчиво старались отравить сознание народа ядом панисламизма и пантюркизма. В душе они ненавидели освободившийся трудовой народ, с высокомерным пренебрежением относились к новой зарождающейся культуре, потоком грязи и клеветы обливали политику партии. Это были коварные и неглупые враги.

С этой сворой оголтелых националистов вступил в борьбу Сакен Сейфуллин. Среди литераторов в начале пути он почти был одинок. Но его страстная убежденность, незаурядные организаторские способности, глубокая вера в грядущий расцвет молодой революционной казахской литературы, авторитет государственного деятеля, любовь к нему народа помогли Сакену сплотить вокруг себя молодые силы литературы. Из этой борьбы Сакен Сейфуллин и его соратники по перу вышли победителями, сумели отстоять позиции молодой казахской социалистической литературы.

Сакен Сейфуллин — первый казахский поэт, который еще при жизни Владимира Ильича Ленина воспел великий гений вождя мирового пролетариата («Ленин»,

1923 г.). Стихи «Траурный день», «Скорбная весть», написанные в январе 1924 года, проникнуты глубокой скорбью, но мы видим, что поэт непоколебимо верит в бессмертную силу идей Ленина. Он говорит: «Народы, будьте верными ленинскому знамени, идите по ленинскому пути!»

Произведения Сейфуллина «Вставайте, джигиты», «В степи», «Мой тулпар», «Рабочий», «Товарищи» и другие, созданные в 1917 году и последующие годы, полны революционного пафоса и звучат как пламенный призыв к самоотверженной борьбе во имя свободы и счастья.

В его поэмах и стихах «Экспресс», «Советстан», «На ткацкой фабрике», «Новая мелодия степи», «Комбайн и трактор» отражены жизнь и труд нашего народа, период становления Советской власти, нэп, коллективизация и индустриализация. Сакен Сейфуллин, поэт-новатор, сумел найти истинно народные, понятные любому читателю, близкие его сердцу стиль и поэтические приемы. Поэт считал, что богатому содержанию должна соответствовать такая же богатая, такая же яркая форма. Поэзия С. Сейфуллина обретает особую выразительность, когда он смело ломает старые формы казахского стихосложения. В казахской литературе он первый в своем творчестве развивал новаторство Маяковского. Примером этому может служить его «Экспресс».

Пламенный трибун некогда угнетенного народа присоединяет свой голос поэта-коммуниста, поэта-публициста к голосу трудящихся всего мира.

Отлично понимая огромную роль русской классической и советской литературы в развитии и росте национальных литератур страны, Сакен Сейфуллин был у нас первым популяризатором творчества Горького, Маяковского, Демьяна Бедного, Серафимовича, Гладкова и других. Сам был переводчиком Маяковского, редактировал казахский перевод «Юности Маркса» Галины Серебряковой.

Он создал и редактировал первую республиканскую партийную газету «Енбекши казах», ныне «Социалистик Казахстан».

Он много сделал для подъема и расцвета казахской национальной культуры, был одним из инициаторов создания первого казахского драматического театра, театра оперы и балета.

Прозу Сейфуллина составляет, кроме великолепного мемуарно-исторического романа «Тяжелый путь, трудный переход», несколько повестей и десятки рассказов, таких, как «Землекопы», «Наша жизнь», «Айша», «Плоды», «Хамит встречает бандита». Им написано несколько пьес. Самые значительные из них: «На пути к счастью», «Красные соколы».

В 1936 году партия и правительство за выдающиеся заслуги перед государством и в развитии казахского искусства в связи с двадцатилетием творческой деятельности наградили Сакена орденом Трудового Красного Знамени. Сакен остался нашим современником. Он будет современником еще многих поколений. Вечно будет жить бессмертное имя пламенного поэта-большевика, мужественного борца за победу коммунизма.

1964 г.

ЗДРАВСТВУЙ, САКЕН!

По степи стремительно мчится экспресс. Стучат и стучат, бешено вращаясь, колеса. Мелькают телеграфные столбы. Где-то вдали пасутся отары овец. Не видно ни широких панорам современных городов, ни дымящихся заводских труб. Степь... Задумчиво взирая на ее ширь, стоит у окна статный и красивый человек, чье одухотворенное лицо знакомо ныне миллионам наших соотечественников по портретам в книгах, на почтовых марках и конвертах, по многочисленным памятным значкам и произведениям керамики.

Да, это он, Сакен Сейфуллин, смотрит на проплывающие за окном поезда просторы. Он полон дум о будущем родной республики. Сквозь годы он, кажется, видит сегодняшние будни своего народа.

Так начинается короткометражный документальный фильм «Сакен Сейфуллин», созданный молодым режиссером студии «Казахфильм», выпускником Всесоюзного института кинематографии Асылбеком Нугмановым (сценарий А. Нугманова и М. Портного). Сразу оговоримся, что постановщик, приступая к работе, располагал весьма скудными материалами о своем герое. Но неутомимые поиски молодого режиссера дали добрые плоды. Из разрозненных архивных обрывков ему удалось по кусочкам собрать ряд ценных документальных материалов, что по-

могло ему в общей сложности воссоздать дорогой для нас образ пламенного поэта-революционера.

Фильм прослеживает всю жизнь выдающегося советского писателя и государственного деятеля, поэта и солдата великой социалистической революции, основоположника казахской советской литературы. Вот за кадрами, изображающими дореволюционную нищету края и картину народного восстания 1916 года, с экрана зазвучали сакеновские строки, обращенные к казахской молодежи:

Знамя Красное — сила твоя.
Все под Красное знамя, друзья!

«Марсельеза казахской молодежи», написанная поэтом на заре своей творческой деятельности, стала гимном казахских трудящихся в их непримиримой схватке с классовыми врагами.

Автор горячо любимых народом революционных стихов вскоре становится в ряды первых красногвардейцев акмолинских степей и вступает в ряды большевистской партии. На экране мы видим чудом уцелевшее удостоверение Сейфуллина-красногвардейца. Затем — другой, не менее интересный исторический документ, показывающий, насколько был грозен для врагов революции молодой казах-ленинец. «Признать Сакена (Садвакаса),— говорится в нем,— опасным для общественной и государственной безопасности и направить в Петропавловскую военно-следственную комиссию».

Целый год, проведенный Сейфуллиным в застенках Акмолинска, Петропавловска, Омска, в зловещем «вагоне смерти» атамана Анненкова, требовал бы, конечно, особую киноленту. Но, на наш взгляд, авторы фильма, располагая столь отрывочными документами, достаточно всесторонне и достоверно показывают этот период жизни героя, полный тревог и опасностей. В этом отношении обращает на себя внимание воспроизводимая на экране собственноручная автобиография Сакена.

Кадры, посвященные Сейфуллину,— главе казахского правительства, Сейфуллину — профессору Казахского пединститута. Сейфуллину — организатору ассоциации пролетарских писателей Казахстана, раскрывают многостороннюю кипучую деятельность этого удивительного труженика.

Москва 1934 года. На свой первый съезд собрались представители многонациональной советской литературы.

До глубины души волнует каждого живой Горький на экране. Как дети учителя, окружили великого буревестника революции писатели свободных социалистических наций. Горький выступает с трибуны съезда. Его могучий голос слушает среди других и Сейфуллин. Живой Сакен!

После исторического двадцатого съезда партия восстановила доброе имя нашего Сакена, вернула народу его звонкий голос, его горячее сердце. В мае этого года вся страна отметила 70-летие со дня рождения любимого поэта. Многие кадры рассказывают о торжествах, прошедших в связи с этой датой в Алма-Ате и на родине Сакена — в Жанаарке.

...За мир, за день грядущий
беспокоюсь,
Мой брат по партии большевиков.
Служи Отчизне!
Не за страх.
За совесть
Бей в пух и прах
Любых ее врагов!

Такими призывными словами поэта и гражданина заканчивается фильм о нем самом. Фильм мал по объему: в нем только две части. Но ценность его заключается в том, что коллектив молодых кинематографистов республики не побоялся трудностей, много и полезно поработал, чтобы по крупицам в разных городах страны собрать в единое целое разрозненные материалы о незабвенном Сакене, сыне партии, славе и чести, красе и гордости нашего народа. Мы видим на экране живого Сакена. А это главное. Вот за это, по-нашему, стоит сказать искреннее спасибо.

1964 г.

В СЕМЬЕ ВЕЛИКОЙ

В Мангышлаке растет святое для нас «дерево Шевченко»— кряжистая верба, посаженная руками поэта.

На земле Казахстана Тарас Григорьевич прожил целое десятилетие, отбывая ссылку. Годы эти оставили глубокий след как в многогранном творчестве самого поэта-художника, так и в духовной жизни казахского народа. Бессмертные произведения Тараса Шевченко

«Сон», «Одинокое дерево», «Близнецы», полные глубокого философского смысла, созданы на казахской земле. Он не увлекался экзотикой, как иные попадавшие к нам с Запада путешественники, а проникал в глубины беспросветной жизни казахов, призывал их к борьбе с самодержавием и патриархальщиной. Царизм рассчитывал изолировать революционера-демократа от народа, обречь его на полное одиночество, но именно в пустынях Казахстана, в среде обездоленных людей великий поэт нашел множество друзей, в общении с которым он черпал свое вдохновение.

Казахский народ воздал должное великому Кобзарю, своему заступнику. Имя Тараса Шевченко у нас давно стало легендарным, а его произведения много раз издавались на казахском языке.

Такую популярность сына Украины нельзя, конечно, объяснить только тем, что он был связан с Казахстаном. У нас с Украиной много общего. Не случайно, видимо, в творчестве казахского поэта-бунтаря Махамбета много созвучных мотивов с творчеством великого Кобзаря. А сколько сходства в наших бескрайних степях, в наших раздольных народных песнях!

Мы гордимся Тарасом Григорьевичем Шевченко так же, как им гордятся украинцы, потому что Шевченко был неутомимым революционером — борцом против самодержавия, крепостничества, против рабского строя.

Подлинно интернациональное, мировое значение Шевченко особенно ярко видно в наши дни, все народы нашей Родины рука об руку работают на благо коммунистического общества. В целинных степях Казахстана, например, живет много украинской молодежи, которая на деле доказывает свою верность бессмертным заветам великого Кобзаря, писавшего:

Работящим умам,
Работящим рукам —
Целину поднимать.

На днях в «Правде» была опубликована корреспонденция, в которой рассказывалось, что один казахский учитель пешком совершил тысячекилометровое путешествие для того, чтобы составить план тех мест, где некогда скитался Тарас Шевченко. Сколько любви к великому Кобзарю в одном этом факте!

Совсем недавно с «дерева Шевченко» в Мангышлаке срезали одну ветку и посадили ее в Львовском парке. И там растет «дерево Шевченко». Шевченковская ветка доставлена поклонникам вольнолюбивых стихов Кобзаря и на канадскую землю, хотя это привело в ярость мракобесов. Но если одна ветка вербы, связанная с памятью Шевченко, способна вызвать переполох среди реакционеров, то нетрудно понять, какая сила заключена в могучей поэзии Тараса Шевченко!

Шевченко живет в большой многонациональной поэзии народов Советского Союза и вечно будет жить в памяти грядущих поколений. И мы, его благодарные потомки, склоняем свои головы перед памятью великого сына Украины, сына всех народов нашей Родины — Тараса Григорьевича Шевченко.

1964 г.

СЛОВО ОТ СЕРДЦА

Слово «РОССИЯ» звучит в сердце казахского народа с такой же силой, с какой звучат самые сокровенные слова — Отчизна, мать, счастье. Еще в глубокой древности зародилось кровное братство наших народов. Русские летописи сохранили имена наших певцов и сказителей. Казахская сказка легко входила в русский фольклор, и русская сказка звучала в аулах кочевников; у нас были одни мечты, в глубокой древности закладывалась основа единого будущего.

Но думал ли древний поэт, создавая легенду о ковре-самолете, что через несколько веков эту красивую мечту претворят в жизнь потомки и созданный мыслью поэтов-ученых корабль «Восток» улетит к звездам из ничем не примечательных раньше степей Байконура?

Думал ли Пушкин, собирая материал для своей будущей поэмы, знакомясь с казахской легендой «Козы-Корпеш и Баян-слу», что через несколько десятилетий в казахских аулах зазвучит песнь его Татьяны, что не известный ему казахский поэт — Абай переложит его прекрасные стихи на свой язык и степные девушки будут плакать слезами Татьяны?

Думал ли Бородин, записывая половецкие мелодии в казахских степях, что через несколько десятилетий его опера «Князь Игорь» будет звучать на сцене Казахского оперного театра? Оперы и симфонии Глин-

ки и Чайковского так же широко и свободно звучат сейчас над нашей степью, они стали для нас такими же родными, как любимые кюи Курмангазы, и несут нам великое эстетическое наслаждение, радость приобщения к шедеврам общечеловеческого музыкального искусства.

Думал ли офицер Чокан Валиханов, что его дружба с рядовым Федором Достоевским станет символом братства двух народов, двух культур?

Много общего в истории наших народов.

Много — в прошлом, и все — в настоящем.

Начиная с первого дня новой эры, история советских народов стала единой.

В Великой Отечественной войне народы Советского Союза еще раз продемонстрировали незыблемую монолитность братства и дружбы в нашей стране. Великая победа над фашистскими полчищами засвидетельствовала всему миру, что народы, сплоченные социализмом, непобедимы!

Дорогие товарищи и братья, русские писатели и композиторы, мастера сцены и экрана! Вы будете самыми желанными, самыми дорогими гостями у нашего праздничного дастархана. Десять дней русской поэзии, музыки, театра станут новой яркой страницей в истории нашей культуры. Повсюду вы встретите радостный прием, увидите сияющие глаза тысяч и тысяч почитателей ваших талантов. Ведь трудно найти у нас дом, где на книжной полке не стояли бы книги Пушкина и Толстого, Лермонтова и Достоевского, Горького и Маяковского, Шолохова, Твардовского и многих других современных русских писателей.

Русская живопись, театр и кино — неиссякаемый арсенал высокой гуманности и школа мастерства. Они учат человека понимать яркую красоту мира.

Общность исторической судьбы, современный труд во имя коммунизма сблизили наш быт, нашу культуру. Лучшие казахские романы, поэмы и пьесы переводятся на русский язык и становятся достоянием читателей всей Советской страны, через посредство русского языка выходят далеко за пределы нашей Родины.

Наши кинофильмы смотрят миллионы зарубежных друзей во многих странах мира. Наши певцы выступают на лучших сценах Советского Союза и за рубежом.

В Казахстане живет и работает большой отряд русских писателей, композиторов, художников, масте-

ров сцены и экрана. Их творчество неразрывно связано с жизнью нашей республики. Ими создано немало романов и повестей, оперной и симфонической музыки, немало хороших кинофильмов, посвященных жизни казахского народа. Они, продолжатели великих интернациональных традиций русской литературы и искусства, делают много ценного для духовного сближения наших народов.

Дорогие друзья!

Многие из вас издавна связаны с Казахстаном своим творчеством, многие впервые гостят в нашей республике. Но все вы даже за эти короткие дни сможете увидеть, как возмужал, как расцвел за последние годы Казахстан, какие удивительные перемены произошли в нашем крае.

Мы надеемся, что вы полюбите нашу столицу Алма-Ату, центр казахской государственности и культуры, полюбите Казахстан.

Вы пройдете по прохладным высоким залам Академии наук, поднимитесь к белым куполам обсерватории, выступите в университетских аудиториях и на строительных площадках, в колхозных виноградниках и яблоневых садах, вы увидите труд наших животноводов. И пусть вкус алма-атинского апорта и пьянящий аромат казахского кумыса всегда будут хмелить ваши души.

Вы познакомитесь с нашими индустриальными центрами — Карагандой, Усть-Каменогорском, Чимкентом. Вы убедитесь, какого подъема достигла социалистическая индустрия нашей республики — ее черная и цветная металлургия, ее угольная и горнорудная промышленность. И разве может забыть казахский народ, какой вклад внесли в развитие индустрии Казахстана рабочий класс и интеллигенция России! Со всех концов нашей великой Родины на промышленные новостройки двинулась молодежь всех национальностей, чтобы рука об руку со своими казахскими братьями создавать первую промышленность Казахстана.

Вы побываете в нашем славном Целинограде, в совхозах и колхозах целинного края, завершившего десятую, юбилейную жатву. Поднятая целина — это наша общая гордость, это великая победа политики нашей Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета. Поднятая целина — это исторический поворот в жизни казахского народа.

Вы увидите потомков древних кочевников на стальных конях — тракторах, за штурвалами комбайнов. Вы вглядитесь в их лица, озаренные счастьем героического труда, и вы поймете, какая это гордость — быть хлеборобом.

Ушел в прошлое старый кочевой аул. Революция, как гигантский добрый плуг, взрыхлила казахские степи и пробудила их к новой жизни. Вчерашние кочевники стали индустриальными рабочими, новаторами промышленности, транспорта, мастерами сельскохозяйственного производства, общественными и государственными деятелями, учеными и врачами, инженерами и техниками, писателями и мастерами искусства.

Приезжайте в казахский аул — сколько знакомых русских слов вы услышите в гортанной казахской речи; побывайте в селах Приуралья, Прииртышья и Семиречья — немало казахских слов вы услышите в русском говоре. Так глубоко и взаимно наше братство.

1964 г.

МЫ РАДЫ ВАМ, РУССКИЕ ДРУЗЬЯ

Сегодня у нас радостный, именитый день — открытие Декады русской литературы и искусства в Казахстане. Много волнующего и высокого несет в себе эта серьезная встреча братства двух культур. Трудно найти подходящий пример в истории мировой цивилизации, когда глубоко плодотворное и последовательное влияние культуры одной какой-либо нации на культурный прогресс других наций проходило бы в прошлом и настоящем по законам братской помощи, заботы и дружеского внимания. Это, на мой взгляд, делала и делает лишь великая русская прогрессивная культура.

Без глубокого влияния русской реалистической литературы вряд ли было бы возможно появление Тараса Шевченко или Ахундова, Чавчавадзе или Абая, Токая или Айни и многих других писателей-демократов и просветителей, ставших совестью и надеждой народов бывшей Российской империи.

Русской культуре мы обязаны и многим другим: первой школой и первой печатной книгой, первой бороздой и первой заводской трубой на казахской земле.

Нам, казахам, в свое время было просто привыкнуть к священному слову «товарищ». Оно звучало как слово революции, слово эпохи. И это, вероятно, потому, что судьбы наших народов были настолько сплетены и взаимозависимы, что мы еще до революции пели песню Татьяны, знали стихи Пушкина. Это и потому, что самый большой русский писатель Л. Н. Толстой и от нашего имени писал «Не могу молчать», а другой великий русский поэт М. Ю. Лермонтов в «Споре» прозорливо отметил прогрессивную роль России в экономической и культурной жизни народов Востока. Но в его голосе мы слышим боль и сочувствие нашим народам, угнетаемым царизмом. Это были слова русского человека, слова против царизма, слова за нас, за народы российской окраины.

Было время, когда Казахстан терпел нужду во всех областях материальной и духовной жизни. Как необъятна земля казахская, так беспредельна была потребность ее в технике, специалистах, научных работниках, рабочих. И казалось, возможно ли вообще удовлетворить эту бескрайнюю степь с ее несметными ресурсами всем необходимым, чтобы отсталая окраина поднялась, как сказочный богатырь, над пространством и временем. Не прошло и пятидесяти лет — Казахстан стал республикой с мощной индустрией, с высокопроизводительным сельским хозяйством, оснащенным передовой техникой, с высокоразвитой наукой и культурой. Вся страна помогала Казахстану встать на ноги.

Ныне Казахстан не только обеспечивает себя всем необходимым, но и вносит неоценимый вклад в великое дело процветания нашей огромной державы — это целинный хлеб, миллионы тонн угля, чугуна и стали, это — свинец и медь, золото и серебро. Это — станки и оборудование не самого большого нашего завода «XX лет Октября», отправляемые 25 иностранным государствам и 15 союзным республикам, это — продукция Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения, которую получают 15 стран разных континентов и все наши республики. Наконец это наши врачи и учителя, ученые и инженеры, рабочие заводов и совхозов, труженики колхозов, писатели, композиторы и актеры.

Только вера и воля, высокая организованность и труд, ленинское понимание полной гармонии развития общества и бескорыстная братская солидарность могли вырастить те плоды, какие мы пожинаем сейчас.

Казахская литература в прошлом дала своему народу прекрасных писателей и талантливых поэтов. Махамбета Утемисова, Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, а после революции — Султанмахмуда Торайгырова, Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина, Ильяса Джансугурова, Мухтара Ауэзова, Сабита Муканова. Эти люди открыли казахскому народу великую русскую литературу. Понимая значение и величие русской литературы, они стали первыми переводчиками. Абай перевел стихи Пушкина, Лермонтова, Бунина, басни Крылова; Алтынсарин, будучи педагогом — детские рассказы Л. Н. Толстого, К. Ушинского; Сейфуллин — Д. Бедного, Джансугуров — Пушкина, Ауэзов — пьесы Гоголя, Тренева, Афиногенова, романы Тургенева; Муканов — стихи Д. Бедного, Маяковского; уникальное творение русской литературы «Слово о полку Игореве»... Так, казахский читатель, благодаря этим писателям и поэтам, имел счастливую возможность познакомиться с русской классической литературой.

Зрелость и силу казахской литературы нельзя объяснить только рождением целой плеяды талантливых писателей и поэтов. Причина взлета нашей прозы, поэзии и драматургии заключена еще в тесном взаимодействии с мировой литературой и в первую очередь с русской классикой. Классики и зачинатели казахской советской литературы свою творческую судьбу связали с русской литературой, с ее виднейшими представителями Пушкиным и Лермонтовым, Толстым и Чеховым, Горьким и Маяковским.

Современные казахские читатели — это люди большой культуры, с высоким художественным вкусом. Это — люди, почти в совершенстве владеющие русским языком, поэтому они имеют возможность читать русскую литературу в оригинале, могут легко увидеть большие и малые погрешности в переводах.

Можно смело сказать — почти все наши писатели и поэты в то же время являются и переводчиками. Труднее найти писателя или поэта, который бы не занимался переводом. Абдильда Тажибаев перевел «Руслана и Людмилу», «Капитанскую дочку», «Каменного гостя», «Скупого рыцаря» Пушкина, Касым Аманжолов — «Полтаву» Пушкина, «Маскарад» Лермонтова, стихи и поэмы Некрасова, Маяковского «Во весь

голос», «Василия Теркина» Твардовского, стихи Симонова, Гали Орманов — стихи Пушкина, Лермонтова, «Анну Каренину» Толстого. Высокую оценку и признание получили переводы стихов Абилева, Саина, Бекхожина, Ахтанова, Сагындыкова, Шангитбаева, Жармагамбетова, Канрбекова, а наши читатели на родном языке читают Л. Толстого и Горького, Шолохова, Симонова, Леонова, Твардовского, Соболева, Шухова, Есенина, Тихонова, Суркова, Паустовского, Маршака, Чуковского, стихи Р. Рождественского, Ваншенкина, Вознесенского, Евтушенко.

Русская литература у нас в Казахстане получила самое большое распространение. Не это ли является одной из главных причин подъема культуры, расцвета искусства слова в нашей стране.

Русские советские писатели еще в начале тридцатых годов помогли нам закладывать основы наших нынешних литературных успехов. Н. Тихонов, А. Фадеев, П. Лукницкий, П. Скосырев, Л. Соболев, Б. Горбатов не только внимательно следили за первыми шагами нашей прозы, драматургии, литературной критики. Они непосредственно участвовали в создании нашей писательской организации, учили нас сплоченности в борьбе за идейное единство, за социалистический реализм. Их доклады, статьи, выступления по важнейшим проблемам нашей литературы помогали нам яснее видеть слабые места, искать пути, ведущие к правде, совершенствовать мастерство.

Декады казахского искусства и литературы в Москве были для нас не только праздником, но в первую очередь школой реализма, школой упорной борьбы за постижение и изображение сложнейшей правды нашей жизни. Если мы этому научились, то мы навеки благодарны за это вам, наши русские друзья и братья. Крупнейшие писатели России Шолохов, Фадеев, Леонов и другие не раз высказывали свои объективные суждения и высоко оценивали достижения казахской литературы. Мы весьма признательны и русскому читателю, по достоинству оценившему нашу литературу. В этом немалая заслуга наших русских братьев по перу. Все, что создано хорошего и большого в нашей литературе, находит самое широкое распространение не только у нас в стране, но и далеко за рубежом благодаря русскому языку, который стал пропагандистом многонациональной советской литера-

туры. Примером тому может служить деятельность Леонида Соболева.

Леонид Соболев силой и величием русского слова смог донести до сердца русского читателя все своеобразие романа Мухтара Ауэзова «Абай», своим переводом он еще больше возвеличил нашего великого Абая.

Через русский перевод Соболева читатели многих и многих стран узнали наш народ, его обычаи, нравы и историю, которые так талантливо и неповторимо были воссозданы одним из важнейших романистов нашего времени Мухтаром Ауэзовым. Следует сказать, что вершина драматургии Ауэзова — трагедия «Абай» — была также создана совместно с Леонидом Соболевым.

На протяжении многих лет вместе с казахскими писателями живет и трудится большой писатель — наш земляк Иван Шухов. Он не только русский писатель, с таким же правом мы можем считать его и казахским. У нас он родился, у нас стал писателем, его творчество неразрывно связано с жизнью Казахстана.

Мы гордимся тем, что в нашей республике работает большой отряд русских писателей разных поколений, чьи произведения получают всесоюзное признание. Это — Николай Анов, Анатолий Ананьев, Юрий Герт, Сергей Мартьянов, Николай Кузьмин, Леонид Кривощеков, Максим Зверев, Иван Щеголихин и другие. Нашу литературу переводили и переводят такие мастера русского языка, как Злобин, Садовский, Горбунов, Либединский, Луговской, Сельвинский, Луконин, Смеляков, Слуцкий и многие другие. Постоянными переводчиками являются и наши русские друзья — писатели-казахстанцы.

Декада русской литературы и искусства Казахстана — несомненно, большое событие в жизни нашего народа. Дорогих гостей ждут горняки Караганды, металлурги Чимкента и Усть-Каменогорска, хлеборобы Целинного края, чабаны и рыбаки. Ждут мастеров художественного слова, театра, кино, живописи, музыки, несущих высокую правду о нашем героическом времени, о нашей дружбе, о братстве, помогающих осуществлению самого высокого идеала человечества — коммунизма.

1964 г.

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Не ошибусь, если скажу, что слова о том, какое сейчас удивительное и динамичное время, стали несколько традиционными. Но, пожалуй, не в этой привычности суть. Она — в делах современников наших, чье величие во сто крат прекраснее самых героических слов. И не трудно представить, перед какой довольно-таки сложной проблемой становится писатель, когда берется говорить он о делах и свершениях наших дней. Ведь писательское слово обязано всегда быть достойным того дела, о котором оно рассказывает.

С мыслью именно об этой особенности нелегкого труда литератора я обращаюсь к большому событию в жизни моих собратьев по писательскому цеху — и коммунистов, и беспартийных.

Я имею в виду областную партийную конференцию, мандат участника которой доверили и мне. Писатели и критики, поэты и драматурги всегда считали первейшей своей обязанностью не только наблюдать жизнь и ее людей, но и трудом своим помогать строить им будущее. И поэтому место литератора, конечно, не в «башне из слоновой кости», а в гуще жизни народной. Разумеется, не я открываю эти истины. Но я не боюсь повторить их, ставших единой основой творчества самой передовой литературы — нашей, советской.

Важная тема, если относиться к ней с открытым сердцем, страстностью партийной и с полной мерой ответственности, всегда располагает к откровенному разговору. Думаю, что на форуме коммунистов столичной области разговор получится именно таким. Быть иначе не должно. И не скрою, очень радостно видеть и чувствовать, как упрочается в нашей жизни, в больших и малых ее проявлениях, настоящая, ленинская принципиальность.

Таково веление времени. Таково веление нашей жизни. Напрочь отметает она всякие потуги на невежественное оракульство. Идти вперед можно только в борениях с тем, что мешает,— в жизни никогда не бывало так, чтобы ее пути уподоблялись хорошо накатанным автострадам.

И писатель — не прорицатель судеб, а человек, владеющий не только тайнами художественного мастерства, но и диалектическим методом познания. Он

боец партии, сын своего времени, и он обязан чутко ощущать его дыхание и пульс, потому что без этого совершенно нечего будет сказать ему. Он не найдет верного слова, которого ждут от него наши современники, строители самого чудесного мира.

У нас, писателей, немало своих профессиональных проблем. Есть среди них такие, какие решить мы должны в ближайшее время. Есть и другие, рассчитанные не на неделю или год. Истинное творчество никогда еще не поддавалось каким-либо графикам, планам. И потому доведись мне выступить на партийной конференции перед ее участниками, я не стал бы говорить о так называемых личных творческих планах — ни о планах коллег по перу, ни о своих. Разумеется, я имею в виду не планы нашего творчества вообще, а тот утилитаризм, с которым иной раз до сих пор относятся к писательскому труду, уподобляя его занятию, где можно подсчитывать проценты и нормы выработки. А ведь все дело не в этих «нормах», а в слове, горячем и страстном, в слове, которое способно вдохнуть в современника энергию, жажду преобразующей деятельности, в слове-вожателе, «полководце человечьей силы», наконец, в самом главном — в обостренном по-горьковски восприятии мира и талантливом его отображении.

Жизнь, помыслы, дела нашего современника — вот основная тема писателя, вот его основной творческий план, если этот писатель считает себя и свое творчество прицельным, помогающим нашей эпохе. Неостывающий жар своих сердец отдадут мастера художественного слова нашим людям и станут от этого богаче. Всегда они будут вместе с ними на гребне волны времени. С гребня бурной и сильной волны берега виднее.

1964 г.

В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШОГО РАЗГОВОРА

Я не был в Токио четыре года и ждал встречи с ним, как со старым знакомым. Однако мой старый знакомый за это время очень изменился — он помолодел и расцвел. Сейчас, когда я еще и еще раз вспоминаю Токио, я снова окунаюсь в эту удивительную атмосферу чистоты и порядка, которая так меня поразила. О Токио не хочется говорить языком экономики и статистики. Дело не в том даже, что японцы удивительно

трудолюбивы, вежливы и чистоплотны — все это давно известно. Меня поразил как бы дух жизни японцев — сдержанность, изысканность, особая элегантность, которая не так бросается в глаза, как европейская, но становится понятной при длительном общении. Токио, может быть, единственный в своем роде город белых рубашек, что придает ему особое настроение.

Запомнилась мне одна сцена, которую хочется привести, как весьма характеризующую японцев. Мы приехали в дни школьных каникул. Казалось, Япония — страна детей — так много их было везде. Однажды мы стали свидетелями красивого зрелища — берег красивого горного озера вдруг оказался, как цветами, усеянным детьми. Их было куда больше тысячи, и они собирались завтракать. После этого грандиозного завтрака они не оставили ни одного следа своего пребывания — ни клочка бумаги, ни крошки.

Японцы дорожат своей работой, своим отдыхом, своей страной. Они берут в мире все лучшее и умеют это использовать. Они по достоинству оценят и качество современной машины, и красоту голоса певца. Культурные связи Японии очень широки, и среди них не последнее место занимают общение с нашей страной. В частности, велик интерес к культуре Советского Союза.

В прошлом году в Токийском государственном музее экспонировалась выставка древнерусского искусства. На ней были показаны образцы живописи, ювелирного искусства, шитья, резьбы по дереву и кости из собраний Третьяковской галереи, Оружейной палаты, Эрмитажа, Исторического музея. Из глубины веков на японцев смотрел неведомый им «Спас нерукотворный». За месяц выставку посетило свыше двухсот семидесяти тысяч человек. Популярность ее была так велика, что пришлось продлить показ. В это же время в японских газетах можно было прочесть восторженные отзывы о концертах Московского симфонического оркестра, гастролирующего в Японии.

По приглашению японских организаций туда едут и едут наши лучшие исполнители. По признанию самих японцев, они были околдованы игрой пианистов Эмиля Гилельса и Льва Оборина, скрипачей Давида Ойстраха и Леонида Когана. Японцы слушали и хор профессора А. В. Свешникова, аплодировали артистам Большого театра СССР и Ленинградского театра оперы и бале-

та, МХАТу и ансамблю народного танца Игоря Моисеева. Японию посетили и композиторы — А. Хачатурян, Д. Кабалевский, и писатели — Л. Леонов, И. Эренбург, К. Симонов, О. Гончар.

Культурный обмен был плодотворен для обеих сторон. В нашей стране гастролировал знаменитый драматический театр «Кабуки». Мы видели кукол театра «Авадзи», слушали артистов молодежного квартета «Блекс Дакс», и, наконец, принимали замечательный ансамбль «Поющие голоса Японии» под руководством Акино Сэки. Москвичам памятна волнующая выставка рисунка японских детей в музее Восточных культур.

Наша делегация Союза писателей не первая в Японии. Мы находились на японской земле двадцать дней. Должен сказать, что хотя я лично уже второй раз приезжаю в эту страну, по богатству впечатлений, многообразию пережитого, по количеству встреч и интересных людей, с которыми мы там познакомились, эти двадцать дней стоили для меня года. И я увез из Японии ощущение теплоты и неподдельного волнения. Мы не раз бывали приглашены в гости и проводили вечер в домашней уютной обстановке, в непринужденной, лишенной какой-либо натянутости, недомолвок, недопонимания беседе.

Постоянно мы имели дело с писателями из «Новой японской литературы» и с переводчиками из «Общества содействия переводам и изданиям советской литературы в Японии». Кстати сказать, в Японии хорошо осведомлены о советской литературе — переводятся многие книги, ставятся пьесы советских драматургов. В частности, один из нас, Михаил Стельмах, кроме того, посетил издательство «Бунгей-сюнсю», выпустившее на японском языке его книгу «Кровь людская — не водица». Стельмах, кроме того, провел два дня в деревне, где наблюдал жизнь японских крестьян. Драматург Алексей Арбузов, третий член нашей делегации, встречался с постановщиком и артистами, занятыми в спектакле по его пьесе «Иркутская история».

Общество «Новая японская литература» объединило в своих рядах многих талантливых писателей, пользующихся общенациональным признанием, таких, как Томодзи Абэ, Сигэхару Накано, Инэко Сата, Хироси Нома. Оно возникло в декабре 1945 года вскоре после окончания второй мировой войны, в обстановке разрухи, безработицы. В полусожженном Токио собрался передовой

отряд японской интеллигенции, чтобы вновь бороться за демократизацию литературы. В декларации общества говорилось, что основной задачей его является создание и распространение народной литературы, тесно связанной с трудовыми массами на заводах, фабриках и в деревне и отражающей их борьбу.

Уже первые официальные встречи с писателями выявили основные волнующие их проблемы. Эти встречи носили дружественный и деловой характер. Редактор журнала «Новая японская литература» И. Харну, критик Х. Сасаки, молодой прозаик Иноуэ высказали сожаление по поводу того, что в СССР, как им кажется, недостаточно знают современную японскую литературу.

Оживленный, даже острый разговор возник и в связи с проблемой отбора переводимой литературы. Японские коллеги упрекали нас в том, что мы, мол, переводим далеко не самых лучших писателей, потому что якобы руководствуемся при переводах ложным тематическим принципом, а не художественными достоинствами произведений.

Общество «Новая японская литература» обсудило и утвердило состав участников симпозиума с японской стороны, высказало свои пожелания относительно состава участников с советской стороны и сообщило темы подготавливаемых им трех докладов: о современной мировой, советской и японской литературах.

Особенно настоятельно ставился японскими коллегами вопрос о необходимости свободного обмена мнениями, свободной критики литературных произведений, а также о том, чтобы симпозиум получил международный отклик.

Наши японские коллеги могут не сомневаться, что их будет ждать теплый прием и что они получат возможность говорить на симпозиуме совершенно свободно, а мы, со своей стороны, будем также непредвзяты и откровенны.

Я убедился, что наибольший эффект в смысле улучшения взаимопонимания дают не официальные встречи и не общие дискуссии, а разговоры в домашней обстановке, без обязательных церемоний. Пусть наши японские коллеги будут такими же гостями в наших домах, какими мы были у них.

Часто на приемах и банкетах японцы пели наши русские песни. И что удивительно: в их, казалось бы,

столь далеком от русского характера исполнении мне чудилось что-то глубоко общее, даже родное. Недаром известный японский писатель Акутагава в одном из стихотворений, навеянном образом русского человека, который «упрямо подымался по горной дороге», сближал Россию и Восток.

Нам предстоит большой разговор. Мне кажется, что мы поймем друг друга.

1965 г.

ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА ЗВУЧАТЬ!

Алмаатинцы знают и любят талантливого чтеца Илью Дальского. Его концерты всегда являются заметным событием в культурной жизни столицы республики. На днях мы были свидетелями того, как с концертной эстрады прозвучали в исполнении Ильи Дальского на русском языке великолепные творения нескольких поколений казахских поэтов, начиная от Махамбета и Абая и кончая нашими современниками — Абдильдой Тажибаевым и Олжасом Сулейменовым.

Программа эта не является полной антологией — литературный концерт ограничен во времени. Понадобилась кропотливая работа, чтобы отобрать из всего многообразия литературного материала наиболее характерное в творчестве каждого поэта. Артист исходил не только из литературных достоинств произведений, но и из качества переводов, их соответствия подлиннику.

Стихи классиков казахской литературы, преломляясь в мироощущении артиста, приобретают современное, злободневное звучание, не только доставляют слушателям эстетическое наслаждение, но и вызывают глубокие раздумья.

Создавая в воображении слушателей образы героев исполняемых произведений, умело сохраняя очарование национального колорита казахской поэзии, артист находит такие краски, которые подчеркивают общечеловеческое значение философских мыслей, в ней заложенных.

Глубоко и проникновенно читает Дальский программные произведения Абая: «Поэзия — властитель языка», «Бестолково учась, я жизнь прозевал», «Вот и осень пришла для меня». Горечью и иронией, философичностью и нежностью, внутренней болью,

глубокой верой в будущее народа насыщено чтение мудрых стихов Абая.

Остро и современно звучат отрывки из «Назиданий». Создается ощущение, что произведения Абая написаны сегодня: они волнуют сердца людей и делают их лучше, чище. Страстно и гневно читает Дальский стихи Махамбета, поэта-воина, поэта-батыра. Первые строфы он читает на казахском языке и затем продолжает на русском. А с какой подлинной взволнованностью исполняется стихотворение Сакена Сейфуллина «В ком энергия бьется».

Стихотворение Джамбула «Ленинградцы — дети мои» в дни блокады Ленинграда было принято на вооружение защитниками города-героя. Когда после чтения артист напоминает слушателям, что благодарные ленинградцы назвали именем Джамбула одну из центральных улиц города, раздается взрыв горячих аплодисментов. Невольно вновь приходят на память строки Джамбула:

Мы родня ваша с давней поры.
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду — Алма-Ата!

Сильное впечатление производит литературно-музыкальная композиция по поэме «Кулагер» замечательного казахского советского поэта Ильяса Джансугурова. Трагическая судьба народного поэта и композитора Ахана-серэ передается чтецом с исключительным накалом. В воображении слушателей возникают зрительные образы живописной картины байги: мчатся кони с ветром, рвущимся в копытах. А когда артист читает строфы о гибели Кулагера, у слушателей невольно навертываются слезы на глаза. С интересом слушается «Хан-Тенгри» Касыма Аманжолова. Остро сатирично трактует Дальский «Шайтана» Абдильды Тажибаева. Неподдельным юмором насыщено исполнение сказки Беимбета Майлина «Награда за вранье».

Исполнение стихов Олжаса Сулейменова помогает слушателям проникнуть в образный строй этого сложного поэта. Любовь артиста к творчеству поэта ощущается в каждой интонации. Очень хорошо прозвучали «Дикое поле», «Язык отцов», «Волна у камня Саади».

Большую режиссерскую работу провели народная артистка СССР Хадиша Букеева и заслуженный деятель искусств Казахской ССР Аскар Токпанов. Они

помогли исполнителю проникнуться духом поэзии казахского народа, понять особенности национального своеобразия казахской литературы. В редактировании программы принимали участие казахские писатели, поэты, композиторы, критики.

Программа «Поэты Қазахстана» с честью представляет поэзию казахского народа.

Энтузиаст пропаганды поэтического творчества Илья Яковлевич Дальский сделал благородный почин: казахские стихи во весь голос зазвучали на русском языке. Надо надеяться, что он не остановится в своих исканиях и будет постепенно включать в свою программу новые произведения, уделяя особое внимание творчеству молодых.

Вряд ли нужно доказывать необходимость создания подобной программы на казахском языке. Поэзия должна звучать. Мне думается, что подготовка такого концерта — неотложная задача концертных организаций республики.

1965 г.

НАШ БИ-АГА

С поста ответственного секретаря газеты «Енбекши казах» ушел Сабит Муканов, и на его место назначили Беимбета Майлина. Я учился тогда на рабфаке и одновременно был в газете литработником.

Зайдя после лекции в редакцию, я узнал, что Беимбет собрал всех заведующих отделами и литработников у себя в кабинете. Когда я пробирался к свободному стулу, он недовольно взглянул на меня, но ничего не сказал. Обсуждался вопрос об улучшении языка нашей газеты. Новый ответсекретарь разложил перед собой все номера за текущий год и громко читал отрывки из отдельных статей, написанных невыразительным, суконным языком, стертыми, избитыми словами.

Особенно много недостатков и ошибок он нашел в материалах отдела критики и библиографии. Все статьи и рецензии начинались здесь, может быть, и с верного, но весьма однообразного утверждения, что о росте литературы нечего и думать, пока мы не покончим с отставанием критики. Дальше шло своеобразное соревнование — кто похлеще обругает писателя. Если,

скажем, было видно, что автор — человек начитанный, образованный, его обвиняли в байском происхождении. А если было видно, что автор учился немного, его без лишних слов называли невеждой.

К полночи Би-ага (так почтительно называли тогда Беимбета молодые журналисты и писатели), наконец, добрался до переводов в нашей газете всевозможных постановлений и декретов. Некоторые из них делал и я, получая за каждый перевод по три рубля. Но переводил, оказывается, сам не поняв текста: работа была не по моим силам и возможностям. Зачитав мои труды, Би-ага спросил:

— Ну, кто из вас понял, что тут сказано? И как это смогут понять в ауле?

Действительно, для того чтобы понять этот перевод, требовался мудрец с головой Сократа. Я притаился, надеясь, что гроза пройдет все-таки мимо. Но Беимбет веско сказал:

— Впредь таким полуграмотным людям переводы не давать.

Около трех ночи Беимбет закончил беседу и вручил каждому литработнику по толстой папке рукописей:

— Обработайте и принесите в готовом виде.

В назначенный вечер я положил обработанный материал на стол Би-ага. Ответсекретарь внимательно прочел его. Читая, Беимбет все время закручивал пальцем правой руки прядь волос, падавшую на лоб. Иногда тихо посвистывал. У него большие серые глаза, оспинки на темном лице... Вдруг я слышу неожиданный вопрос:

— А сам ничего не пробовал писать?

— Нет.

— Материал сам правил?

— Сам.

— Кажется, у тебя есть литературные способности...

...В моем сочинении на свободную тему, написанном на русском языке в Пресногорьковской высше-начальной школе, на каждой странице было по 15 ошибок на 10 страниц! Молодая учительница Сильвия Матвеевна поставила мне тогда за сочинение пятерку с плюсом. Она выдержала получасовой натиск остальных учителей, твердо стоя на своем:

— Он будет писателем!

Через несколько дней я вручил Би-ага нечто, составлявшее ровно двадцать одну строку. Он дал

этому название «Шашауша» и напечатал в газете. Потом сказал:

— Я исправил лишь четыре слова. Пиши и дальше.

За четыре ночи, не смыкая глаз, я написал большой рассказ «В бушующих волнах». Трижды приносил я его Би-ага и каждый раз уносил, не показав. В конце концов отдал его в стенгазету рабфака, редактором которой был Умут Балкашев. Ему рассказ понравился.

Однажды в перерыве между лекциями я задержался в аудитории. Вдруг ворвался один из студентов и закричал:

— Ой-бай! Иди быстрее! Там, внизу, Беимбет Майлин читает твой рассказ!

Перепрыгивая через две ступеньки, я спустился на первый этаж.

Да, Беимбет читал стенгазету! Руки заложены за спину, на нем белая шелковая косоворотка, кисти черного плетеного из шелка пояска свешиваются на колено. Он был стройным, красивым, ему шел любой костюм.

Поужинав, мы, четверо джигитов, живших в одной комнате общежития, готовились вечером к семинару. Вдруг раздался стук в двери, и вошел Беимбет. Мы вскочили, предложили ему стул.

— Ну и накурили! Готовитесь к занятиям?— спросил он. Угостил нас своими папиросами, поспрашивал о том о сем, и вдруг повернулся ко мне:

— Ну, джигит, как дела? Больше ничего не написал? Прочел твой рассказ в стенгазете. Неплохо... Что же мне не показал?

В то время наша молодая литература только-только вставала на ноги. Многие старшие писатели ленились помогать молодым талантам. А вот большой писатель Беимбет специально приходил читать стенгазеты Совпартшколы, Казахского института, рабфака, отыскивал способных начинающих.

В тот вечер Беимбет рассказал нам, что отыскал молодого поэта, пламенного юношу Таира. Помню, как он встретился со студентами, писавшими в нашу стенгазету,— Амралы Ержановым, Биржаном Манкиным и другими — только на рабфаке нашел семь новых сотрудников для газеты «Енбекши казах»... В два часа ночи мы гурьбой проводили Би-ага до его дома. Он пригласил зайти на чай. Но, стесняясь позднего времени, мы отказались и вернулись в общежитие.

Вскоре после этого редакция газеты переехала в новую столицу республики — Кзыл-Орду, и я не встречал Бейнбета целых три года. Но вот Сабит, который был главным редактором Казиздата, уехал на учебу, и крайком назначил меня на эту должность.

Уже была напечатана моя первая повесть «В бушующих волнах». Бейнбет тепло отозвался о ней в письме: «Немало еще в повести сырых мест, но я от души рад твоему первому шагу». Он и встретил меня на вокзале. Конечно, я был страшно рад, но и смущен.

Назавтра в Казиздате я обнаружил, что Бейнбет работает рядовым редактором. Я немедленно побежал в крайком и заявил заведующему отделом агитации и пропаганды Садыкбеку Сапарбекову:

— Я не могу быть главным там, где работает Майлин.

Садыкбек всегда рубил напрямик:

— Если ты такой ауле [1], то заставь Бейнбета стать главным! Мы пробовали все, разве что арканом не тащили. Не смогли уговорить.

— Дайте мне срок в два дня, я сам уломаю его...

— Пожалуйста!

Минула неделя, но Бейнбет не соглашался ни в какую. Я упрашивал его:

— Давайте, я буду вашим помощником.

— Нет, я буду делать всю трудную работу, а уж главным редактором будь ты.

Потом я узнал, что Бейнбет намеренно опаздывает на все собрания — боится, как бы не выбрали в президиум. Он органически сторонился «руководящих кресел».

В то время Бейнбет познакомил меня с чеканными рифмами, поражавшими необыкновенной силой образами великолепной поэзии Ильяса:

— Это изумительный поэт! Умеет писать гневно и скорбно, нежно и светло. Поэт высоких мыслей!

Тогда же начала восходить звезда поэзии Танра Жарокова, много писал Аскар Токмагамбетов. Все четче слышались сильные голоса Абдильды Тажибаева и Гали Орманова.

Литературная борьба в те годы порой превращалась в беспринципную грызню, всякие окололитератур-

---

[1] Ауле — святой.

ные людишки травили талантливых литераторов. Человек необыкновенной доброты, Беимбет физически страдал, наблюдая наскоки оголтелых «критиков», царапавших друг другу лица в своих писаниях.

Би-ага, не устававший ночи напролет беседовать с друзьями, не ленившийся писать до самого утра, быстро уставал на собраниях, где закипали групповые споры. Как только начиналось такое, я обычно получал от него записку с единственным словом: «Уходим?» А сам Би-ага, незаметно выйдя из зала, уже ждал меня, прохаживаясь за дверями...

С этой осени 1928 года до осени 1937 года мы шли с Беимбетом по жизни рядом, стремя в стремя. В конце 1933 года мы одновременно ушли из Казиздата; он — на творческую работу, я — в сектор искусств Наркомпроса, а позднее — в газету «Енбекши казах». В связи с этим на плечи Беимбета легла дополнительная ноша. Дело в том, что иногда приходилось задерживать гранки запланированных в номер материалов. На полосе оставалось пустое место. Тогда я, несмотря на ночь, звонил Би-ага:

— У вас не найдется строк двести?

— Нет. А тебе очень нужно?

— Еще как!

— Ладно, что-нибудь сделаем... Посмотрю...

После приезда в Казахстан в 1933 году Л. И. Мирзояна создались исключительно благоприятные условия для бурного расцвета нашего искусства и литературы. Мирзоян сразу же взял в свои руки дело создания казахского музыкального театра. Сектор искусства подчинялся наркому просвещения Темирбеку Джургенову, человеку красноречивому и решительному, напористому и энергичному. Так как начальником сектора был я, то меня Джургенов и обязал за год открыть театр.

В тот же день он попросил собрать писателей, оказавшихся в городе, и провел совещание. Беимбет пообещал написать либретто по «Жалбыру» и «Памятнику Шуги», Мухтар — по «Айман — Шолпан», я — по «Кыз-Жибек» (характерно, что и здесь Беимбет не захотел слишком углубляться в историю — как художника его всегда привлекала современность).

Менее чем через год постановкой «Айман — Шолпан» открылся Казахский музыкально-драматический театр. После премьеры Беимбет заметил:

— Самый серьезный наш драматург — это Мухтар. Я написал больше десятка пьес, но ни одной из них не был доволен. Сколько неувязок в нашем «Амангельды»! Наверное, нам надо будет возвратиться к нему.

Во время первой Декады казахского искусства и литературы в Москве в 1936 году возник вопрос о переработке этой нашей пьесы в киносценарий. Часа в два ночи в дверь моего номера в московской гостинице постучал Беимбет. Он был взволнован, сразу заговорил о деле:

— Я прямо от Мирзояна... Речь идет о сценарии. Нужно привлечь к работе кого-нибудь из русских писателей...

Мы вспомнили о нашем земляке Всеволоде Иванове. Я был знаком с ним. Вдвоем с Беимбетом мы утром поехали на его дачу. Всеволод встретил нас приветливо и сразу близко сошелся с Беимбетом.

Гуляя по дачному поселку, мы встретились с А. А. Фадеевым. Едва Вс. Иванов познакомил нас с ним, Фадеев заговорил глуховатым голосом:

— Всеволод, ты знаешь, казахская песня покорила Москву. Если хочешь узнать, какой талантливый народ казахи, посмотри «Қыз-Жибек», Куляш Байсеитова — настоящий соловей. А ей всего двадцать четыре года.

— Вот эти два казаха предлагают мне писать с ними сценарий об Амангельды Иманове,— сказал Всеволод.

— Тут и думать нечего, соглашайся немедленно.

Вскоре мы с Беимбетом выехали в родные края нашего героя. Мы беседовали более чем с восьмьюдесятью участниками и очевидцами восстания. Записями Беимбет заполнил пять тетрадей. Вернувшись из поездки, сразу приступили к сценарию. Осенью приехал Всеволод. Более месяца проработав с ним, мы завершили наш труд. «Ленфильм» принял его, а журнал «Новый мир» напечатал в своей двенадцатой книжке. В конце 1938 года на экраны страны вышел первый казахский художественный фильм. Но Беимбет не смог его увидеть...

В 1937 году Беимбет завершил роман «Қзыл-жалау». Он прочел нам его в кабинете Ильяса. Кроме Ильяса, был здесь Сакен, который слушал с большим интересом и высказался первым:

— Хорошо вышло, Би-ага! Замечательно, Бисакал!

«Қзыл-жалау» не дошел до своих читателей. Но я все еще надеюсь: вдруг чьи-нибудь зоркие глаза обнаружат где-нибудь и вернут народу это сокровище — листы романа Беимбета...

Произведения Бейимбета были летописью нашей жизни, жизни казахской советской степи.

1965 г.

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Слушая выступления делегатов на недавно прошедшем съезде коммунистов Казахстана, я, как и во время чтения проекта Директив, не раз думал о наших литературных делах, и потому хочу сегодня коротко поделиться одной беспокоящей меня мыслью.

Мы, писатели Советского Союза, стоим на пороге больших исторических событий: XXIII съезд партии, всесоюзный форум литераторов, а дальше 50-летие Советской власти и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Мы встречаем эти знаменательные даты не с пустыми руками. Нам есть чем гордиться. Увеличилось число хороших произведений, созданных, в частности, признанными мастерами слова. Литература обновилась за счет талантливых молодых сил. Все это закономерно, естественно. Однако разговор не об этом. А о том, о чем подчас мы молчим на своих заседаниях или говорим вскользь,— о том, насколько снизился или, наоборот, насколько повысился удельный вес серых произведений в нашей литературе.

Никто не станет отрицать, что разговор о литературе того или другого народа ведется у нас вокруг пяти — десяти названий книг, вокруг творчества нескольких авторов, но читатель ежегодно получает не пять — десять, а сотни книг. Вот и получается, что те огромные цифры, которыми мы с трибун своих собраний доказываем наш рост, включая в себя и серые, маловыразительные произведения.

Оправданно звучат слова колхозника, когда он говорит о тоннах зерна, собранного с гектара, как о плодах своего труда. Но количество изданных книг еще не говорит о высоком качестве труда писателя. Грустно, что книги с громкими названиями, но с мизерным содержанием подчас занимают большое место в планах издательств. По-моему, пора лечить эту застарелую болезнь, практически бороться с серостью во имя доброкачественной пищи. Не успокаиваться на призывах к писательским орга-

низациям, редакторам и редакционным коллегиям насчет требовательности, а требовать и издавать книги отличного идейно-художественного качества. Нужно исключить из нашей практики равнодушное «можно печатать», заменить его на радостное, искреннее «обязательно нужно печатать!»

Для нас, писателей, должны стать лозунгом ленинские слова: «Лучше меньше, да лучше!»

1966 г.

СВЕРШЕНИЯ И ПЛАНЫ

Я пишу это в своем рабочем кабинете. Тишина стоит такая, как в далеком детстве в степи, где я родился. Но вместе с тем, мне кажется, будто в комнате — полно народу. Люди разговаривают между собой, они — или соглашаются друг с другом или спорят до хрипоты... И я, прислушиваясь к ним, думаю о нашем времени, которое дает столько впечатлений, вызывает столько мыслей, чувств и воспоминаний, где прошлое соединяется с настоящим, в этом сплаве ясно различимы ростки будущего.

Очень часто и по самым разным поводам я вспоминаю сейчас слова Ленина, сказанные им при встрече с казахстанскими делегатами на VII Всероссийском съезде Советов: «Да, богатый у вас край, большие возможности. Надо поднимать этот край. И, безусловно, будем поднимать и поднимем».

Это было сказано сорок с лишним лет назад, в то время, когда казахская степь переживала неимоверные трудности, когда неурожай, особенно в северных областях, свалился на нас тяжелой бедой. Это было сказано не в утешение, не для того, чтобы просто подбодрить. Владимир Ильич ясно представлял себе будущее казахской степи, он знал, какие силы таятся в народе, сбросившем цепи рабства и вышедшем на дорогу свободы.

Это звучало как доброе и мудрое напутствие на долгие годы вперед... И вот я мысленно представляю себе мой родной Казахстан. Как он изменился у нас на глазах, в пределах одной человеческой жизни. В традиционный степной пейзаж естественной составной частью вписались контуры промышленных объектов, новых городов, поселков, и сегодня, скажем, невозмож-

но представить берега озера Балхаш — без огромного комбината, выплавляющего медь, а дальше — пирамиды-терриконы карагандинских шахт, на востоке республики — комплекс предприятий, который зовется Рудным Алтаем. Или — когда летишь в самолете и видишь в иллюминатор прямоугольники распаханных полей. А Байконур — первый на всей нашей планете космодром?..

И это не просто «поспешная смена декораций, чтоб хорошо сучилась нить», как было написано в одном из стихотворений И. Г. Эренбурга.

Я говорю всем известные вещи, но ведь в самом деле: можно наугад выбрать любую географическую точку на карте Казахстана, и всюду найдешь удивительные перемены в жизни народа, в его духовном развитии, в его устремлениях. Пример?.. Можно их приводить, а можно и не приводить, потому что все это хорошо известно каждому — из личного жизненного опыта, из скупого, но такого красноречивого цифрового материала сообщений статистического управления, из докладов и выступлений на сессиях Верховного Совета республики и партийных пленумов, из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР, который убедительно раскрывает наше будущее на пять лет вперед.

«...И, безусловно, будем поднимать»,— говорил Владимир Ильич. Зерно и нефть, большая химия, цветная и черная металлургия, минеральные удобрения, самые различные продукты сельского хозяйства... Скорее можно перечислить не то, что производит сегодняшний Казахстан, а то, чего он не производит.

Но я, кажется, противоречу сам себе. Я решил не приводить примеров, потому что они — на глазах у всех у нас, а поразмышлять о нашей жизни, о тех событиях, в которых мы принимаем самое живейшее участие.

Казалось бы, можно считать, что сегодня полностью сбылись ленинские слова, которые я приводил вначале. Но жизнь не стоит на месте, и то, что вчера казалось достижением, сегодня переходит в разряд обычного, а впереди возникают новые вершины, которые предстоит взять.

Именно с таким чувством я встретил в 1964 году решения октябрьского Пленума ЦК КПСС. Я испытал то же самое в марте и сентябре прошлого года, когда на Пленумах ЦК обсуждались и решались насущные

проблемы развития нашей экономики. И, наверное, мы сейчас еще не можем полностью представить себе, оценить, какую роль в жизни нашего народа, нашего общества, каждого из нас, сыграли и еще сыграют эти решения. Они взаимосвязаны между собой своей идейной целеустремленностью, направлены на улучшение и совершенствование руководства гигантским фронтом строительства коммунизма.

Непреложная историческая закономерность гласит, что начало любого нового периода знаменует собой резкий поворот в общественно-политической и экономической жизни страны, резкий подъем производства материальных и духовных благ для народа. И мне кажется несомненным, что решения трех пленумов, о которых шла речь выше, определяют широкую перспективу на ближайшие годы, очищают атмосферу общественной жизни от всего наносного и вредного, знаменуют новый этап в жизни каждого.

Я не боюсь повториться и хочу еще раз вспомнить Октябрь 1964 года. Пленум ЦК восстанавливает организационные принципы построения партийных организаций, так невообразимо исковерканные в предыдущий период, который, к сожалению, был периодом субъективизма в подходе к важнейшим явлениям развития нашего общества, периодом непродуманных и поспешных решений, в основе которых печально известное «авось» подняло зрелый научный расчет.

Не просто признать это было бы явно недостаточно. И вот — март 1965 года, а потом — сентябрь. Два Пленума ЦК, состоявшиеся ранней весной и осенью минувшего года, были посвящены исправлению допущенных ошибок и промахов. В основе этих решений, памятных всем нам, был трезвый расчет и тот диалектический взгляд на события, каким в высшей мере обладал создатель партии и Советского государства В. И. Ленин. Решения пленумов были горячо поддержаны и рабочими, и тружениками сельского хозяйства, и представителями интеллигенции — то есть всем народом. Сам факт такой единодушной поддержки лучше всяких слов свидетельствует о колоссальной работе, проделанной партией всего лишь за один год, работе по восстановлению ленинских принципов в общественно-политической жизни страны, по восстановлению экономических законов социализма, которые в ряде своих важнейших положений оказались нарушенными. И я не ошибусь, если скажу, что

сейчас каждый из нас ощущает прилив сил, когда хочется работать, когда ты готов горы свернуть.

В этих решениях нет ни одного пункта, который непосредственно касался бы проблем литературы и искусства. И в то же время в них есть все, что касается жизни, взаимоотношений людей, их настоящего и будущего. Вот почему эти решения имеют самое прямое отношение к писателям и художникам, артистам, композиторам, работникам кино, которые в своих произведениях призваны отразить жизнь народа и тончайшие перемены, происходящие в этой жизни, отразить настроения людей, их самоотверженный труд, их уверенность в завтрашнем дне.

Мы говорим о реалистической оценке возможностей наших колхозных и совхозных полей, о реализме в вопросах планирования работы промышленных предприятий. Точно так же возвращено то конкретное содержание, которое вложено в само понятие социалистического реализма.

А ведь были дилетантские вторжения в сферу художественного творчества, диктующий тон в оценках, безапелляционные суждения, ориентирующие писателей на давно пройденные этапы советской литературы, проявления субъективизма и волюнтаризма. Все это вносило ненужную нервозность в работу писателя (я говорю — писателя, но это имеет самое прямое отношение к представителям и других областей художественного творчества), мешало ему работать с полной отдачей сил и способностей.

Я вспоминаю об этом потому, что теперь люди творческих профессий имеют возможность работать не опасаясь, что их могут обвинить в противоречии с произвольно толкуемыми принципами социалистического реализма. Изменился и тон критики — за исключением отдельных рецидивов, этот тон может быть полемичным, резким, спорным, наконец, но из него исчезли приказные дидактические ноты, когда с писателем разговаривали как с провинившимся школьником.

Жизнь любого общества, любого народа — это живая история, которую художник призван запечатлеть в правдивых реалистических образах и взаимоотношениях. Сталкиваясь с жизнью, которая нас окружает, мы не можем не сказать, что в нашей стране полностью исчезли все пережитки, что уже наступил «мир на земле и в человецех — благоволение».

Правда нашей действительности заключается в том, что социалистическое общество уверенно движется вперед, сметая на своем пути все наносное, все несвойственное высшим принципам, заложенным в учении Маркса и Ленина. Именно потому, что эта борьба является для нас мерилом всей нашей жизни, мы и не можем закрывать глаза на присутствие ряда антиобщественных явлений, материальной и моральной спекуляции. Поэтому и классический закон светотени вполне применим и является один из основных в литературе и искусстве социалистического реализма. Не надо забывать, что даже пушистые белые облака, поэтически плывущие по небесной лазури, тоже отбрасывают тени.

Из тесной связи литературы и искусства с жизнью народа, который строит коммунизм, из тезиса об участии литературы и искусства в решении важнейших задач воспитания человека — строителя нового общества и проистекает принципиальная неприемлемость лакировки нашей действительности. Это даже оскорбительно для нашей действительности, исполненной высокого смысла, сложной, величественной и героической! Это же все равно, что замазывать кремом шрамы солдата, побывавшего во многих походах и сражениях и вышедшего победителем!

Спекуляция современной темой при беспомощности изобразительных средств, ложный пафос, изображение ходячих добродетелей вместо живых людей — все это, как любая спекуляция, неприемлемо для нашей реалистической литературы, накопившей богатый опыт в отражении революционной действительности. Больше того, лакировка, пусть самая что ни есть искусная, никогда не служила и не могла служить делу воспитания трудящихся в духе коммунизма. Лакировка всегда и всюду вступала в непримиримое противоречие с тем реализмом, который был завещан советским писателям Лениным и Горьким. Горький, например, говорил о возвеличении, но не о преувеличении. А Ленин, считавший литературу частью общего пролетарского дела, видел ее будущее в верном служении революционному долгу, в полном и ярком отображении действительности, со всеми ее противоречиями, в четкой и ясной позиции художника, убежденного в окончательной победе великого дела коммунизма.

Может быть, я слишком долго останавливаюсь на этих проблемах, связанных с идейной позицией советско-

го писателя, с мерой его ответственности перед партией, народом и временем? Но это иначе и не может быть — в преддверии XXIII съезда КПСС все мы — и писатель, и рабочий, и инженер, и агроном, и ученый, и колхозник — невольно задумываемся о своем месте в строю, о том, какой мы вклад вносим в общее дело, и что хотелось бы устранить, чтобы этот вклад был еще весомей и ощутительней.

Мы, поставившие свои перья на службу великому делу и великой правде нашего века, должны помнить, оставаясь наедине с чистым листом бумаги, победа в идеологической борьбе двух диаметрально противоположных мировоззрений и систем будет обеспечена идейно-художественным качеством наших книг, не отходом от принципов социалистического реализма, а верностью им.

Здесь, пожалуй, нет необходимости останавливаться на том, какой подкоп под реализм вообще ведут буржуазные теоретики, как они объявляют его «устаревшим» для нашего бурного века и, в погоне за модой, объявляют вершинами достижений художественного творчества бредовые откровения параноиков, упорно твердят о том, что наступила «эпоха деидеологизации искусства». Они благосклонно поддерживают попытки сюрреалистов, новоавангардистов, представителей «школы взгляда» создавать произведения без человека, без социальной среды, окружающей его. Разрушение содержания при этом идет рука об руку с разрушением его формы.

Ловкий ход, и все же — недостаточно ловкий, чтобы нельзя было разгадать его. Эти лжетеоретические построения — не просто игра пресыщенных умов. Они знаменуют собой активную деятельность, направленную на лишение литературы ее силы, воздействующей на развитие самосознания человеческого общества, его классового самосознания.

Этой литературе отвлечения во весь рост противостоит сегодня литература социалистического реализма, противостоят советские писатели, создающие свидетельства «о времени и о себе».

Я перечитал сейчас написанное и подумал: а не ушел ли я в сторону от задуманного разговора о свершениях и планах в нашей стране, от тех ленинских слов о подъеме Казахстана — некогда отсталой полуколонии царской России?

Мне кажется, что не ушел. Для писателя размыш-

ления, например, о техническом прогрессе, о новых путях развития сельского хозяйства, о методах управления промышленностью — неразрывно связаны с его литературной работой, с тем, как он расскажет об этих людях, призванных решить грандиозные проблемы, об их настроениях и надеждах, о печалях, и радостях, и победах, которые они одерживают на своем пути.

Если я встречаюсь, допустим, с кем-нибудь из мангышлакцев, слушаю рассказ о том, что в ближайшее пятилетие там станет добываться свыше пятнадцати миллионов тонн нефти,— это заставляет меня подумать о том, какую великолепную книгу, исполненную мужества, страстей, острых конфликтов и примечательных судеб можно было бы написать об этой забытой богом земле, которая впервые за всю историю своего существования по-настоящему стала нужной.

Или — встреча с теми, кто сегодня без трескучих фраз решает проблемы орошаемого земледелия. Сколько им сегодня приходится преодолевать различных трудностей, напастей, чтобы сделать щедрой эту древнюю и вечно молодую землю.

Я отнюдь не призываю к созданию очередной серии «промышленных» и «сельскохозяйственных» романов. Но писатель, который пристально изучает человека, не может пройти мимо дела, которым занят его герой.

Все мы знаем одного ученого, связанного долгие годы с сельским хозяйством, и глубоко уважаем его за ту гражданскую принципиальность, с какой он отстаивал свои научные взгляды, хоть это и грозило ему многими личными неприятностями, если бы октябрьский Пленум ЦК КПСС в 1964 году не развеял тучи, сгустившиеся над его головой.

Может ли писатель, в книгу которого придет из жизни такой или подобный ему человек, не рассказать о том, ради чего жертвовал он своим положением, своим благополучием?

А тот рядовой геолог, совсем молодой еще парень, которому пришлось преодолеть сопротивление некоторых высоких должностных лиц? Он упорно доказывал и доказал свою правоту в вопросе о необходимости освоения одного месторождения, казавшегося сомнительным на первый поверхностный взгляд.

Говоря о геологах, я не могу не вспомнить, в каких условиях приходилось работать в Джезказгане молодому Канышу Сатпаеву, какие ничтожно малые средства

были ему отпущены на разведку этого района и как он добивался своего, вопреки противодействию отечественных маловеров и авторитетных иностранных специалистов.

Показать нашу жизнь во всем ее многообразии, во всей полноте, не закрывая глаза на трудности, с которыми мы сталкиваемся и которые нам приходится преодолевать,— это и значит отразить свершения почти за полвека существования Советского государства, это значит — заглянуть в будущее.

А кончить я хочу тем, о чем уже говорил в этой статье,— что сейчас каждый из нас ощущает прилив сил, желание работать, и ты готов горы свернуть...

Так — и в эти дни, когда в Москве начинает свою работу XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. «И, безусловно, будем поднимать и поднимем». Сегодня эти ленинские слова звучат применительно к нашим делам и проблемам, и так же они будут звучать завтра...

Идущий осилит дорогу, говорят у нас на Востоке. А мы — идем...

1966 г.

СЛАВНЫЙ СЫН НАРОДА

Тридцать с небольшим лет тому назад на горизонте нарождающейся современной культуры Казахстана появился неизвестный доселе молодой человек, появился бесшумно и скромно, без саморекламы и позы.

Мало того, он появился в тени своего старшего брата — восходящей звезды науки первой величины, крупнейшего ученого-филолога Худайбергена Жубанова. Но молодого человека было хорошо видно и в тени. Очевидно, в нем было мало серого или совсем его не было.

Этим молодым человеком, о ком идет речь, был Ахмет Куанович Жубанов, или Ахан, чье 60-летие со дня рождения и 40-летие творческой, педагогической, научной и общественной деятельности мы с вами сегодня чествуем, кого вместе с нами чествует обширный музыкальный и научный мир всего Советского Союза.

И этот молодой тогда, не старый и сегодня человек, человек цельной и упорной натуры, человек многостороннего и фундаментального дарования, сразу же взялся, причем почти в единственном числе, за нетронутую целину духовной культуры — за возрождение за-

глохшей народной музыкальной культуры казахского народа, за исследование путей создания новой, современной.

Спасибо тому малограмотному мугалиму Ашгалиеву, который безошибочно почувствовал в своем ученике талант музыканта и всячески помогал развивать божий дар!

Слава Ленинградской консерватории, которая дала нам в лице Ахмета Жубанова не только большого композитора, но и большого ученого-музыковеда, хорошего исследования музыкального наследия прошлого и организатора музыкальной жизни республики.

Не прошло и двух лет после создания минимальных условий для исследовательской деятельности, как Феникс из пепла, возник Казахский национальный оркестр. Я считаю, что создание многоголосого национального оркестра является не только выдающейся заслугой Ахмета Куановича, но и заслугой исторической. Как это известно всем и каждому, два главных музыкальных инструмента — домбра и кобыз — изобретения седой старины, до Октябрьской революции никак не могли спеться в унисон, в смысле созвучия. Участникам первой Декады казахского искусства в Москве памятны искренние восторги, которые выражали москвичи в адрес нашего нацоркестра, в адрес его создателя и дирижера Ахмета Жубанова. А ныне наш нацоркестр превратился в неотъемлемую художественную единицу многонациональной советской музыкальной культуры. В этом неоспоримая никем заслуга нашего юбиляра. И я абсолютно уверен, что сегодня сотни национальных оркестров играют произведения своего создателя.

Не менее важную и решающую роль сыграли музыковедческие исследования Ахмета Куановича в период больших дискуссий по вопросу создания казахского музыкального театра, в перспективе — оперы. Не у всех людей с решающим голосом было достаточно понимания исторической важности создания оперного театра, не у всех людей с решающим голосом было достаточной уверенности и веры в способности людей, выдвигающих идею создания такого театра. И здесь скромный вклад нацоркестра и скромные исследования Ахмета Куановича послужили базой для положительного решения вопроса.

Таким образом, проблема, за которую молодой музыковед взялся с первых же шагов своей деятельности,

оказалась чрезвычайно обширной и решающей в деле внедрения в жизнь людей необходимого минимума музыкального воспитания.

В то же время она оказалась не только новой, но и сложной в конкретных условиях тех времен. Нужно было, во-первых, собрать в один арсенал все, что было создано в веках народными композиторами и певцами, собрать рассеяное, растерянное и развеянное по кочевьям наших просторов. Дело, начатое покойным Затаевичем, требовало своего завершения. И эту кропотливую работу, работу души и сердца, начал молодой Ахмет Жубанов в стенах далеко неполноценного музыкального техникума, тридцать лет тому назад, и завершает ее как достойный аксакал казахской музыкальной культуры в стенах Академии наук Казахстана и Института искусств имени Курмангазы.

Глубоко плодотворная деятельность Ахмета Куановича по собиранию и систематизации музыкального наследия прошлого, а в особенности полное восстановление поистине великих творений Курмангазы, его соратников и последователей, замечательных песен Биржана, Абая, Ахана, Жаяу-Мусы, Ибрая и многих других, питали и продолжают питать оперные и симфонические произведения как самого Ахмета Куановича, так и его соратников — Е. Брусиловского, М. Тулебаева, Л. Хамиди и их учеников. Без этого богатейшего музыкального наследия вряд ли было возможным зарождение у нас оперного искусства. Ибо у всякого здания прежде всего должен быть незыблемый фундамент.

Как это известно всем, оперное искусство у нас делало свои первые шаги, целиком опираясь на народную музыку, но не остановилось на этом. Молодая казахская опера шаг за шагом все шире приобщалась как к классической мировой музыкальной культуре, так и современной. В этом большая заслуга композиторов Казахстана, как старших, так и молодых.

Всякая вершина завоевывается эстафетно. На тернистых тропах, ведущих к вершинам музыкальной культуры, мы видим следы многих наших старших молодых композиторов, от старшего Жубанова до молодой Газизы Жубановой.

Однако самое возвышенное и благородное, глубокое и завершенное, глубину печали, силу ненависти и гнева я лично слышу в знаменитой арии Абая из одноименной оперы А. Жубанова и Л. Хамиди. На мой взгляд, в

этом драгоценном слитке благородных звуков больше указаний путей завоевания вершин музыкальной культуры, чем в десятках других оперных произведений.

Творческий путь Ахмета Куановича, как композитора и как ученого был нелегким. Немало он встречал на этом пути препон и преград. Но слава Ахану, его железная воля, упорный труд, ни на йоту не сбивали его с избранного им пути!

Через пару лет после окончания Ленинградской консерватории он создает казахский национальный оркестр и становится собирателем музыкального наследия.

Через 7 лет совместно с Хамиди создает оперу «Абай».

Через 13 лет Ахмет Жубанов — один из учредителей АН КазССР.

Он один из постоянных учредителей всех видов музыкально-концертных художественных учреждений Казахстана, включая сюда и филармонию, и консерваторию.

В одном справочнике написано, что Ахмет Куанович написал свыше 300 музыкальных произведений, включая сюда оперные и симфонические произведения. Это немалый труд!

Кроме того, Ахмет Куанович выпустил 11 названий научно-исследовательских трудов, и еще две солидные книги находятся в печати.

Ахмет Жубанов, академик Академии наук Казахстана, возглавляет сейчас всю искусствоведческую науку республики.

К пятидесятилетию Великой Октябрьской революции композитор А. Жубанов пишет оперу «Курмангазы». Причем либретто оперы создает сам. Это еще одна сторона его многогранного дарования. Я лично возлагаю большие надежды на эту оперу.

Как видите сами, рассказать о творческих путях большого композитора и ученого задача почти непосильная. Во-первых, потому что Ахмет Куанович многое рассказал сам. Рассказал своими творениями, рассказал миллионам людей через сцену, через экран и эстраду, через оркестр, театры, рассказал и в своих книгах.

Во-вторых, день юбилея творческого человека, особо трудный день для него. Нелегко выслушивать стандартные славословия, нелегко чувствовать на своих плечах всю их тяжесть.

Признания заслуг, поздравления общественности неразрывны с чувством ответственности перед народом,

перед своим временем и перед своим, быть может, не всегда благоразумно употребленным дарованием. Ибо любое дарование есть народное достояние, оно не тебе одному принадлежит.

В-третьих, я не музыковед, тем более не композитор. В моем лексиконе имеются всего-навсего 2—3 музыкальных термина, которыми, к тому же, я пользуюсь не всегда к месту, может быть, не всегда точно.

Поэтому, вполне естественно, я не сделал и не сделаю ни одного шага в сторону разбора достоинств и недостатков произведения нашего юбиляра. За этот несомненно большой пробел в своем «Слове» приношу свое глубокое извинение нашему дорогому юбиляру, так и всем вам, кто его сегодня благородно чествует. Я не стану перечислять и титулы нашего юбиляра — академика, доктора, профессора, деятеля искусств, члена множества научных и художественных советов, редколлегий и т. д., не упомянул даже, что он однажды был и депутатом горсовета.

И если я дал согласие сказать несколько слов о благородном труде большого композитора и ученого, то мной здесь руководили другие побуждения.

Относительно музыки у меня есть одна-единственная, может быть, наивная истина, перед которой я преклоняюсь как перед божеством. Это — человек с песней в устах не может ни оскорблять, ни ударить, ни тем более убивать другого человека. Да и не только человека. Нанося оскорбления человеку, нанося удар или убивая человека, человек пользуется словом, но никогда не музыкой. Считаю не оспоримым, что убийца не может наносить удар даже ребенку, не сопроводив свой удар оскорбительным словом, порой весьма образным и острым. Отсюда я делаю для себя вывод, что музыкальное воспитание человека одна из больших проблем, один из решающих факторов, смягчающий характер и нравы людей, побуждающий в душе человека созвучие благородных линий поведения. К сочинителям музыки у меня особое уважение, особая любовь к их труду. Может быть, только это хотелось мне выразить юбиляру, особо подчеркивая исторический смысл его заслуг перед народом и временем.

Итак, дорогой Аха, Вам 60 лет! Но этот перевал, как видите сами, вовсе не страшен. Он не встает как каменная стена между жизнью и человеком. Он вовсе не преграждает пути ко всему, что было самым дорогим и лю-

бимым сердцу — к роялю или письменному столу. Руки у Вас не дрожат, душа и сердце поют созвучно. Дом полон музыки — почти половина консерватории! Друзья и соратники полны уважения и любви. Партия и народ высоко оценивают ваши, достойные уважения заслуги.

Ряд Пленумов ЦК КПСС за последние годы и XXIII съезд, на мой взгляд, знаменуют новый, благодатный период в нашей жизни, период подъема творческой энергии, период для плодотворного творческого соревнования.

Я считаю, что, работая над новой оперой, Вы, Ахмет Куанович, уже вступили в это соревнование.

Разрешите, дорогой друг, пожелать Вам одержать большую победу в этом соревновании! Победу во что бы то ни стало! Победу на зависть друзьям!

Я не по ошибке говорю «на зависть друзьям»! Зависть — родная сестра соревнования, следственно, хорошего роду!— говорит Пушкин.

И мне хочется, чтобы те, кто завидуют кому-либо, и почем-либо, вступили бы с ним в соревнование, и только в соревнование, не позволяя себе другие, порой запрещенные приемы.

Сегодня, Аха, мы чествуем Вас седоголовым, разрешите пожелать Вам чествования общественности, когда Вы станете совсем-совсем белоголовым!

1966 г.

О ТАКЭСИ КАЙКО

Я долго не знал, с чего начать это небольшое предисловие, к повести молодого японского писателя... Вернуться к истокам, протянуть нить к творчеству Ихары Сайхаку, жившего в XVII веке! Или же, в меру своей осведомленности, постараться провести четкую грань между серьезной настоящей литературой, к которой, бесспорно, относится повесть «Голый король», и тем мутным потоком бульварщины, что создается с целью отвлечь читателя от жгучих проблем современности? Но это — дело специалистов-литературоведов. И если я все же взялся за перо, то единственно для того, чтобы представить читателям журнала «Простор» моего доброго знакомого, известного японского писателя Такэси Кайко.

Его повесть я читал в Алма-Ате, а передо мной возникал Токио... И люди, которых я встречал на улицах,

Вместе с главным героем — учителем рисования — стремился пробудить в детях любовь к искусству, стремление познать самих себя и окружающий мир. Больно было убедиться в том, что благородное дело, которое он начал, использовалось беззастенчивыми дельцами для рекламы. И все же нельзя сказать, что художник потерпел поражение в этой неравной борьбе: он сумел отстоять в ней душу мальчика, сына того самого фабриканта красок, который так ловко сумел обернуть себе на пользу всю историю с конкурсом детских рисунков.

Но, кажется, я начинаю делать то, что противопоказано предисловию пересказывать содержание повести, которую читателю предстоит прочесть и самому определить отношение к описываемым людям и событиям. Я могу только подтвердить, что повесть написана очень достоверно и точно.

За последние пять лет мне дважды пришлось побывать в японской столице, и я не могу не признаться в любви к Токио. И не к отдельным его улицам, зданиям, мостам, а ко всему облику этого очень современного и очень древнего города. В сотне метров от какой-нибудь улицы, уставленной многоэтажными домами, можно попасть неожиданно в средние века — в поселок ремесленников или же продавцов специй, в крошечную мастерскую, где время словно бы остановило свой бег.

Да, в этом городе есть подземные и надземные дороги, есть искусственные лыжные горы, такси с кондиционерами воздуха. И дома — очень своеобразной архитектуры, которую не спутаешь ни с какой другой. Но дома эти по традиции не имеют номеров, а улицы — названий. Чтобы отыскать издательство, журнал или квартиру, куда тебя пригласили, приходится десять раз вытаскивать из кармана маленький план, набросанный на пачке сигарет или визитной карточке. А скорей всего — хозяева заедут за вами, чтобы вам не пришлось плутать.

На наш взгляд это кажется странным, необычным, неудобным, наконец. Но никто тут не собирается нумеровать дома или провести, скажем, реформу алфавита: ведь самая что ни на есть портативная пишущая машинка имеет самое меньшее две тысячи иероглифов. Это — опять-таки традиции, и никто не собирается их нарушать.

Кое в чем, правда, изменения можно наблюдать. Мне, например, приходилось видеть модных японских

женщин, которые безбоязненно подвергли себя пластической операции, чтобы избавиться от восточного разреза глаз. Но это уже другое — в Европе, да и у нас, я встречал таких же модниц, которые накладывали грим, чтобы глаза удлинить.

Вспоминая обо всем этом, я нисколько не отвлекся от повести Такэси Кайко. Это он вызвал в моей памяти две поездки в Японию, заставил представить те жизненные обстоятельства, которые диктовали автору «Голого короля» целенаправленность его произведения.

Он заставил меня вспомнить и то, о чем не говорится в его книге...

Многолюдный митинг в Токио в 1961 году, митинг, на котором присутствовали десятки представителей различных стран мира. Один из крупнейших писателей Японии — Тацудзо Исикава — гордо и взволнованно говорил о том, что демократическая интеллигенция его страны во многом способствовала падению кабинета Киси, мужественно добиваясь отмены визита президента США Эйзенхауэра.

В коридорах здания, где помещается самая влиятельная газета Японии — «Асахи», я видел множество фотоснимков, которые с неколебимой убедительностью документа воспроизводили эпизоды массовых протестов против подписания военного договора между Японией и США.

Эти незнакомые мне люди, как видно, очень хорошо помнили, кто сбросил в Хиросиме и Нагасаки атомные бомбы. Эти мужественные люди трое суток блокировали здание парламента, протестуя против этого чудовищного решения!

А их товарищи в городе Осака, где, кстати, родился Такэси Кайко, встретили и проводили нас пением «Интернационала».

Этих черт сегодняшней японской действительности я не нашел в повести, которую только что кончил читать. Но явно сочувственное внимание Такэси Кайко к простому человеку, горькая неудовлетворенность той обстановкой, в которой этому человеку приходится существовать, презрение к большому бизнесу — все это красноречиво свидетельствует, на чьей стороне симпатии автора.

Я хорошо вижу, в чем с ним можно и поспорить. Но когда нас, советских писателей, гостеприимно принимали наши японские собратья по перу, то наши беседы

всегда проходили в обстановке уважения к чужому мнению, хоть и обрисовывались немалые разногласия по ряду литературных и политических проблем.

Соседство различных социальных условий, зрелых и незрелых, национальных и заимствованных с Запада, различный уровень социальных сил, сохранение в высокоразвитой стране патриархальных взаимоотношений — вот в чем, мне кажется, исключительное своеобразие Японии.

И это, конечно, находит, не может не найти своего отражения в творчестве лучших японских писателей. Повесть Такэси Кайко «Голый король» очень точна по психологическому рисунку, она тонко и ненавязчиво показывает, как предмет искусства становится предметом бизнеса. И, пожалуй, нет оснований упрекать автора в том, что его герой в своей борьбе не переходит определенных границ.

Во время встреч в редакции журнала «Новая японская литература» редактор И. Харцу, критик К. Сасаки и молодой прозаик Иноуэ высказывали сожаление, что у нас в стране мало, во всяком случае,— недостаточно следят за современной японской литературой.

Нам пришлось тогда признать этот упрек, сказав, правда, что то же самое можно отнести и к советской литературе, известной японскому читателю.

Предлагаемая читателю повесть Такэси Кайко определенно уменьшает этот пробел.

1966 г.

ЕДИНСТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Я недавно вернулся из Каира, но то, что я сейчас пишу,— это не путевые заметки в общепринятом смысле. Я не буду рассказывать о веерообразных пальмах и священных крокодилах, о пирамидах — как сейчас археологи ищут подземные ходы в те из них, куда до сих пор не был найден доступ. Я не стану описывать Нил на заходе солнца, когда вдруг в свежую прохладу вечера ветер приносит раскаленное дыхание Сахары.

Большая группа арабских, африканских, азиатских писателей была слишком озабочена, чтобы спокойно любоваться неповторимым своеобразием Каира и совершать экскурсии. Но, с другой стороны, близость к

древним памятникам не могла не настраивать на определенный лад сегодняшние размышления.

Грустно было думать о том, как, в общем-то, жестоко обошлась судьба с народами двух величайших континентов — Азии и Африки. Эти народы знали на протяжении всей истории пышный расцвет наук и искусств, ремесел, архитектуры, философии... Здесь вырабатывались основы человеческих взаимоотношений, и первой добродетелью была признана справедливость. В справедливости видели силу, в доброте видели силу, в любви видели силу!

Вместе с тем, трудно представить себе более мрачные, трагические и оскорбительные страницы истории, чем те, которые писались здесь в последние пятьсот лет. И только социальные и национально-освободительные революции XX века принесли на эту многострадальную землю избавление. Человек поднял голову, развернул плечи — белые плечи, черные плечи, коричневые плечи. Чарующая мелодия Индии звучит сегодня на всем земном шаре. Африканский там-там оказался не набором примитивных звуков, как полагали надменные колонизаторы, а выражением богато одаренной души.

За долгие века колониального рабства в Азии и Африке беспощадному разгрому подвергались не только материальные основы национальной жизни. Этот разгром, быть может, еще грубее и непоправимее задел сердца и души. Смирительная рубашка, без всякой надобности надетая на человека, вселяет в него отчаяние и безнадежность, убивает веру в свои силы, своей ужасающей несправедливостью лишает воли. И чтобы такой человек, освободившись, быстрее встал на ноги и вздохнул бы полной грудью и увидел бы солнце — крайне необходимо дружеское чувство локтя, созвучие доброжелательных голосов.

Эта простейшая, но очень важная мысль была выражена писателями Индии. Еще в 1956 году, по их инициативе, в Дели была создана первая писательская конференция. Она стала отправным пунктом для объединения коллективных усилий писателей Африки и Азии в борьбе с империализмом и колониализмом. Не раз звучали голоса писателей двух этих континентов — в защиту мира, в защиту идеи разоружения, в защиту борющихся за свою независимость афро-азиатских народов.

Памятная конференция в Дели не просто подчеркнула значение литературы в формировании духовной жиз-

ни народа. Искренний, доброжелательный, плодотворный обмен мнениями, споры, которые велись с уважением к собеседнику и в результате которых рождалась истина, все это сыграло неоценимую роль в установлении взаимопонимания, для взаимного обогащения опытом, для дальнейшего развития и молодых, начинающих, и древних, накопивших многовековые традиции, литератур.

Еще более значительным событием явилась конференция писателей стран Азии и Африки, состоявшаяся в 1958 году в Ташкенте. Еще никогда прежде история литературного движения не знала такого широкого представительства.

Программа дальнейших действий, получившая общее одобрение, для краткости была названа: «Дух Ташкента». И достаточно было произнести два эти слова, как любому человеку становилось понятно, о чем идет речь. И это касалось не только дел литературных. Именно там, в Ташкенте, можно было воочию увидеть, как близка литература к жизни народов, какую она представляет собой силу в решении политических, экономических, культурных вопросов. Над этим для виду можно посмеиваться. Но нельзя с этим не считаться.

Для руководства афро-азиатским литературным движением был создан руководящий центр — Постоянное Бюро. Это название так и писали — оба слова с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть его авторитетность в решении многочисленных и сложных проблем, которые выдвигает жизнь.

Писатели Цейлона настоятельно просили, чтобы постоянным местопребыванием этого центра была избрана их столица Коломбо. С их доводами согласились, и тем самым цейлонцам было предоставлено право выдвижения Генерального секретаря Постоянного Бюро. Им стал журналист Сенанаяке.

Восемь лет прошло с тех пор. Приумножились разноцветные флаги свободы и независимости на обоих этих континентах. Появились новые сложные проблемы, которые требуют вдумчивого подхода и глубокого решения.

Кто же должен быть в курсе этих проблем, кто должен разрабатывать и предлагать конструктивные меры по их решению?.. По-моему, этот вопрос не требует ответа. Конечно,— Постоянное Бюро и его Генеральный секретарь. Однако чем дальше, тем больше положение дел в руководящем центре вызывало сомнения и тревоги.

Первый существенный повод для этого появился

четыре года назад, когда господин Сенанаяке не счел нужным приехать в Каир и отчитаться перед нашим высшим органом — II конференцией писателей стран Азии и Африки. Тогда, в 1962 году, он даже не потрудился представить хотя бы письменный отчет о работе, проделанной между Ташкентской и Каирской конференциями. Его пришлось спешно составлять на месте, и, конечно, отчет не мог глубоко проанализировать положение, предложить обоснованные рекомендации. И такой документ, составленный без ведома Генерального секретаря, был прочитан на заседании японским писателем Иосио Хотта, который не мог нести какую-либо ответственность за содержание отчета.

В кулуарах конференции, по вечерам в гостинице за чашкой кофе и дружеским коктейлем многие писатели выражали свое недоумение: как может Генеральный секретарь, призванный организовывать, координировать, обобщать опыт литературного движения двух континентов, как он может манкировать своими обязанностями, будто школьник? Тот, кто знал его получше, пожимал плечами — как журналист господин Сенанаяке сравнительно неизвестен, он больше славится своей деловой хваткой.

Я тогда не высказывал своего мнения, считая, что не имею на это права: слишком мало я знаю Генерального секретаря... Но его блистательное отсутствие на конференции и меня привело в недоумение. Должен же он был, не говоря уже об отчете, принять участие в разработке рекомендаций, которые ему же и придется осуществлять.

Забегая вперед, надо сказать, что программа действий, принятая Каирской конференцией, оказалась почти целиком невыполненной.

И не случайно в Каире некоторые писательские делегации выразили сомнение: целесообразно ли дальнейшее пребывание Постоянного Бюро в Коломбо?

Я хорошо помню всю остроту тогдашних разговоров, но положение спас глава цейлонской делегации, ныне вице-президент Цейлонского объединения писателей, лауреат международной Ленинской премии Саранкаара Тхеро. И делегаты пошли ему навстречу, видя искреннее желание крупного писателя оживить работу Бюро на конкретной базе принятой программы.

Однако господин Сенанаяке по-своему расценил уважение, оказанное Каирской конференцией цейлонским

писателям... Перейдя опасную для него переправу на плечах своих собратьев, он тут же начал действовать, отложив в дальний ящик и выбросив из головы важнейшие положения Ташкентской и Каирской конференций.

Я так подробно пересказываю эту историю, потому что положение дел в Постоянном Бюро, поведение Генерального секретаря — все это служит нам хорошим уроком на будущее, если мы хотим сберечь такую могучую для судеб мира силу, как единство афро-азиатских писателей.

Уже через год, почувствовав себя окрыленным, Сенанаяке не допустил на индонезийскую сессию Постоянного Бюро и исполкома Абдоллу Хамит эль-Амина, председателя литературной организации Судана, Эль-Амин был заменен подставным лицом.

Это деление на угодных и неугодных продолжалось. Так, уже позднее, к работе секретариата, например, недопускались под всякими предлогами полномочные представители Советского Союза и Объединенной Арабской Республики. Постоянное Бюро стараниями Сенанаяке было превращено в клуб его личных друзей и стало рассадником интриг и сплетен.

В условиях усложнившегося международного положения, в условиях возросшей ответственности писателей за то, что происходит в мире, такое положение дел терпеть было нельзя, и пришлось назвать вещи своими именами.

Такой прямой неприятный разговор состоялся совсем недавно — на чрезвычайной сессии Постоянного Бюро писателей стран Азии и Африки, в Каире, 19 и 20 июня этого года. В резолюции сессии черным по белому сказано: «Он (Сенанаяке) фактически парализовал секретариат и нередко злоупотреблял своим положением, занимаясь деятельностью, на которую не имел ни полномочий, ни согласия Бюро».

Мы, члены Постоянного Бюро и исполкома, собравшись в Каире, обменялись мнениями и пришли к выводу, что в сложившейся обстановке было бы преступлением загонять болезнь вовнутрь. Местом пребывания Постоянного Бюро был избран Каир, а ответственность Генерального секретаря — передана писателям Египта. Только таким путем можно было решительно изменить ту линию, которая в конце концов привела в тупик движение афро-азиатских писателей.

Примеров тому много. Как известно, Каирская конференция 1962 года обязала Постоянное Бюро создавать комитеты по литературным связям афро-азиатских писателей в странах, где их еще нет, и всемерно укреплять существующие. Она обязала Бюро координировать деятельность этих комитетов, обобщать их опыт, наладить постоянный обмен литературными произведениями.

Каирская конференция тогда же, в 1962 году, рекомендовала «собрать Бюро по крайней мере два раза в год». Этот пункт подчеркивал необходимость коллегиального решения важнейших проблем и коллективной ответственности. Но именно этого-то боялся, именно этого и избегал Сенанаяке. За последние три года Бюро не собиралось ни разу, и мы были лишены возможности сообща обсудить назревшие вопросы движения.

Вот почему последней каплей, которая переполнила чашу долготерпения, было фальсифицированное решение Бюро — оно было вынесено с привлечением двух или трех его членов — о созыве в Пекине чрезвычайной конференции, посвященной солидарности с борющимся Вьетнамом!

Надо сказать сразу, что Пекин не самое идеальное место для свободного и дружеского обмена мнениями. И можно было бы заранее предположить, что некоторые страны вряд ли пошлют туда свои делегации.

Но, не говоря уже ни о чем другом, такое решение само по себе было неправомочно, потому что решение о созыве чрезвычайных конференций может принимать лишь исполком, а не Постоянное Бюро. Но Сенанаяке привык делать лишь то, что считает нужным он сам, и потому конференция в Пекине состоялась. Кстати, сам Генеральный секретарь на нее тоже не поехал.

Очевидно, ему было не до этого. Ему надо было улаживать свои дела в Коломбо: там выяснилось, что Сенанаяке растратил тридцать тысяч рупий из общественных средств на создание клуба для своих друзей, рассчитывая впоследствии стать его владельцем. Сказалась «хватка делового человека», о которой мне говорили еще в Каире 1962 года! Во всяком случае, цейлонские писатели уже избрали руководителем Мартина Микромосинга, отстранив Сенанаяке.

Когда к руководству большим и благородным делом пробирается нечистоплотный человек, то он неизбежно бросает тень и на само дело. Связи афро-азиатских писателей не расширялись, не углублялись. Многие из

них за эти годы оказались прерванными. В советской печати опубликовалась резолюция последней Каирской чрезвычайной сессии, и там, в частности, говорится: «Крайне плохая работа нынешнего Генерального секретаря, игнорирование цейлонским центром его неотложных задач, произвольные, незаконные действия вызвали чувство разочарования у многих писателей, подорвали их веру в организацию».

Так это и было, и теперь надо приложить немало усилий, чтобы восстановить эту веру. Очень утешительно прозвучали в Каире слова вице-президента организации в Коломбо — Сарананкаара Тхеро: «Наш новый объединенный союз писателей Цейлона поддерживает вас во всех отношениях». Было по-человечески приятно услышать это именно из уст Сарананкаара, который нашел в себе мужество признать давнюю ошибку и во всеуслышание сказать об этом.

Уже то, что в июне этого года афро-азиатские писатели съехались в Каир, говорит: чувство разочарования проявляется по-разному. У одних — вызывает желание на все махнуть рукой; других же побуждает к действию. Надо было не только обсудить положение, возникшее в Коломбо, но и найти пути, как оживить деятельность организации, призванной средствами художественного слова участвовать в борьбе против империализма и колониализма, за свободу и независимость народов, живущих на земле.

Так возникла просьба к Ассоциации писателей ОАР — принять на себя инициативу в созыве чрезвычайной сессии Постоянного Бюро. Обращение к писателям Египта было вполне логично и в известной мере символично, потому что мы в Каире же могли бы восстановить нарушенные принципы коллективной ответственности и коллегиальности в работе, провозглашенные там четыре года назад.

Из десяти членов Постоянного Бюро в Каире собралось шесть: Камерун, Судан, ОАР, Индия, Цейлон и Советский Союз. Каждая страна была представлена полноправной литературной организацией, писателями, именно писателями.

Я считаю необходимым подчеркнуть это особо, чтобы категорически отвергнуть лживое утверждение агентства Синьхуа, будто бы мы в Каире не побрезговали сегодняшним антидемократическим режимом Индонезии и заседали за одним столом с ее представителями. Со сто-

роны Синьхуа это привычное извращение фактов, а правда состоит в том, что поверенный в делах Индонезии в Каире действительно обращался ко всем членам Постоянного Бюро с настойчивыми просьбами разрешить ему принять участие в работе сессии, он доказывал, что на это его уполномочивает глава Лиги индонезийской литературы Ситор Ситоморанг. Но просьба поверенного всюду получила отказ.

Мы, члены Постоянного Бюро, твердо договорились в Каире: в литературное движение стран Азии и Африки мы привлекаем только литераторов.

Теперь, когда работа чрезвычайной сессии осталась позади, можно сказать, что ее созыв явился действительно необходимым и неотложным актом. Мы сообща посетовали на то, что не проявили достаточной твердости по вопросу о Генеральном секретаре еще тогда, в 1962 году. Можно лишний раз переписать главу в книге, если что-то в ней тебя не устраивает. К сожалению, нельзя пережить по-иному прошедшие четыре года.

Но что-то можно ведь и исправить: участники сессии единогласно решили избрать местом пребывания Постоянного Бюро не Коломбо, а Каир. Генеральным секретарем стал видный писатель и общественный деятель ОАФ Юсеф эль-Сибан. Можно быть уверенным — пройдет не так много времени, и писатели афро-азиатских стран почувствуют братскую заботу о судьбах своих литератур. Уже разосланы проспекты литературных изданий — поэтических сборников Алжира, Вьетнама, Суэца, намечается издание ежемесячного бюллетеня, создается ежеквартальный литературный журнал.

За последнее время назрело много вопросов, которые требуют коллегиального решения. Поэтому в Каире был создан организационный комитет по созыву очередной конференции писателей Азии и Африки. В комитет вошли представители ОАР, Цейлона, Индии, Судана.

...Я думаю, каждому, кто прочтет эти записки, станет понятно, почему я не рассказывал в них о пальмах, крокодилах, пирамидах...

Мы в Каире работали. Теперь нужно объединить усилия всех писателей, чтобы эта работа принесла свои плоды.

1966 г.

ДО НОВЫХ И РАДОСТНЫХ ВСТРЕЧ!

Известно, что к исторической миссии создания мировой культуры, материальных и духовных ценностей народы не пришли одновременно. Некоторые из них пробудились рано. Это определялось не только географическими условиями. Маленькая Армения относится к таким странам. В древнейшую эпоху, когда Индия, Иран, Месопотамия, Греция, Византия находились в расцвете, Армения постоянно общалась с ними.

В международных отношениях, способствующих сближению народов, Армения оставила глубокий след. На знаменитом «Шелковом пути» армянин не слезал с коня. Когда народы Запада еще не знали дорогу в «Золотой Индустан», люди маленькой страны колесили его вдоль и поперек.

Известно, что армянский народ не раз переживал трудные времена, когда испытывались его мужество и его стойкость. Но в этих смертельных схватках он выстоял. Как народ страны гор умел находить дорогу в глубоких ущельях и скалах, так он находил безошибочно дорогу на тернистом пути мировых столкновений. Враги, которые окружали его со всех сторон, подстерегали на каждом шагу, не могли уничтожить духовную целостность армянского народа. Он пережил горечь поражения. Он падал, но тут же вставал, быстро приходил в себя, без устали укреплял рубежи, бережно охранял свои духовные богатства. В наше время талантливая армянская музыка и песня, поэзия и живопись, знакомы во всем мире, на всех континентах.

В 1967 году армянскому театру исполнилось 2000 лет. История национального искусства началась еще в древности. Если учесть, что песни, мелодии и стихи обычно рождаются раньше, чем театр, то ясно, какими глубокими корнями уходит в века самобытная культура братского народа. О литературе, искусстве, науке Советской Армении читатели хорошо знают. Хочу только отметить хотя бы отличительные черты армянской поэзии и архитектуры. Это высокий творческий взлет и ярко выраженный национальный колорит.

Фонд мировой культуры складывается не из того, что ты берешь, а из того, что ты даешь человечеству. В каждом мастерстве должны быть собственные краски, свой голос, свое сердце. За то, что ты учился и что получил от мировой культуры, ты в неоплатном долгу перед

людьми. Армяне маленький и вместе с тем талантливый народ. В этом отношении они — достойный пример для подражания.

Армяне везде и всегда темпераментны и жизнедеятельны. В марте прошлого года вместе с первым секретарем Союза писателей братской республики Эдуардом Топчяном я побывал в Ливане. Оказывается, в Бейруте на армянском языке выходят десять ежедневных газет. Хотя небольшим тиражом, но десять газет!

В столице Ливана — 65 армянских средних школ, и в них обязательно обучаются родному, арабскому, французскому, английскому языкам. К тому же есть курсы, которые готовят для поступления в высшие учебные заведения, окончивших среднюю школу. И все же, когда мы разговаривали с представителями армянского народа, в их словах отчетливо звучали грусть и тоска по бесконечно дорогому сердцу Айастану.

Великий Октябрь сплотил казахский и армянский народы узами дружбы в одну семью. Наши прекрасные соловьи — Гоар и Куляш были очень близкими подругами. Армянин Амбарцумян проник в тайны Галактики, а казах Сатпаев — в тайны земных недр. Большая и давняя дружба существует между нашими писателями и поэтами. На предприятиях цветной металлургии и нефтеперерабатывающей промышленности Казахстана отлично трудятся сотни армянских специалистов.

С безграничной любовью хранит казахский народ в своем сердце образ славного сына армянского народа Левона Исаевича Мирзояна. В трудные годы он, как первый секретарь Центрального Комитета Компартии республики, показал себя талантливым организатором, пламенным большевиком. Пьеса Алжаппара Абишева, воссоздающая образ Л. И. Мирзояна, переведена на армянский язык.

В дни Декады лучшие представители искусства и литературы братского народа привезли к нам свои песни и танцы, живопись и книги — все свои духовные ценности, которыми так богата Армения. Между нами легли тысячи километров, но мы, братья по крови, люди одной великой Страны Советов, сердца которых бьются вместе. Посланцев Айастана с распростертыми объятиями встречали в эти дни наша столица, наши шахтеры и металлурги, наши хлеборобы и животноводы. И повсюду звучали сердечные слова привета: «Добро пожаловать, армянские братья!»

Вот почему сегодня, в последний день Декады, мы говорим: «До свиданья, наши родные! До новых и радостных встреч! Рахмет вам за ту великую радость, которую доставили вы нам своим солнечным, вечно юным искусством!»

1968 г.

МЫ ЛЮБИМ ЕГО

Национальная казахская письменная литература начинала свой поиск с азов. Надо было преодолеть канонические препоны, предстояло свершить подвиг открытия своих приемов письма в стиле и форме, не нарушая языковой стихии народа, а, наоборот, бережно храня все ее особенности, обогащая, расширяя и углубляя действенную силу Слова. Но это не исчерпывало проблемы. Перед пионерами казахской художественной прозы, поэзии стояла задача куда более сложная. Начало процесса роста творческого самосознания казахских художников совпало, а точнее, диктовалось революционными преобразованиями, потрясшими уклады, основы самой жизни, дотоле оторванной даже от самых скромных очагов мировой цивилизации.

Живительный ветер октябрьских перемен доносился в казахские степи с севера. Вот почему писатели-революционеры, такие, как Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, а за ними мастера пера того поколения, которое сейчас называют старшим, прежде всего обратились к опыту, накопленному великой русской литературой, никогда не отпускавшей своих прогрессивных знамен, никогда не отступавшей от высоких гуманистических идеалов. От Абая, подарившего песни Пушкина своему народу и завещавшего уважение к русской демократической мысли, от Чокана Валиханова, чья дружба с гением мировой литературы Федором Михайловичем Достоевским являла собой пример исключительной сердечности, пришло к нам и стало для нас необходимостью знакомство со всем передовым, демократическим, революционным, что рождалось в недрах духа народа русского, народа Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Народа от сердца, от плоти и крови которого шло творчество одного из самых, может быть, ярких дарований, которое знало человече-

ство, дарование Ивана Сергеевича Тургенева. Притягательная сила его могучего таланта не поддается никаким определениям.

Один из моих близких знакомых, человек в общем-то отнюдь не мягкого характера, в прошлом солдат, признавался, что, сколько бы он ни читал Тургенева, всегда ощущение волнующей новизны не покидало его.

— Я поражался и... плакал,— говорил он,— не стыдясь слез восторга перед лицом торжества вечно прекрасной любви.

Я понимаю своего друга, Тургенев был и остается певцом любви — чистой, жертвенной и потому, может быть, печальной, но всегда с неизменной страстностью зовущей к счастью добра, единственного счастья, коего достоин человек гордого и справедливого сердца.

Глубоко национальный писатель стоял и будет стоять всегда на вершине общечеловеческих представлений о добре и любви.

Нет нужды говорить о литературном наследии великого художника слова. Его знают, с ним растут и мужают. Он учит легко и непринужденно, как и должно блестящему мастеру, видеть красоту природы, души человеческой, всего сущего, чем живем мы, и более — что есть мы.

По духу своему гуманист, Иван Сергеевич Тургенев умел, однако, пером своим разить все то, что он понимал и воспринимал как жестокость, малодушие, позерство, все то, что для него являлось злом.

Вспомним «Муму» — эллегию гнева и отчаяния, благородства и доброты и (мне это не кажется парадоксальным) памфлета на тупое чванство сытого невежества.

И еще что поражает меня: Тургенев — либерал умеренных взглядов, так сказать, в частной жизни, как художник прямо и через свои произведения всегда был на стороне передовых революционных идей. Он знал, чувствовал тонко и глубоко речь народную. Словарь русского языка обогатился открытыми им словами. И здесь он являет собой пример удивительно емкой разнополярности. Холодное «нигилист» и нежнейшее «шуршит»— это «придумано», добыто им среди людей и для людей.

Стилист, создавший упругую, раскрепощенную фразу, и певец самой задушевной лиричности, любивший

землю людей, как любят ее только великие сыны мира. Вместе с тем Иван Сергеевич был прежде всего сыном своего Отечества.

Я не знаю, есть ли более близкий для меня человек, чем он, Человек, а потом уже писатель. Его книги переведены на казахский язык. И он любим казахским читателем. Работа над переводами была для нас школой мастерства. В свои 150 лет И. С. Тургенев по-прежнему помогает нам постигать, расшифровывать тайны прекрасного. И вот это мое слово о великом мастере великой русской литературы — дань уважения и любви к нему живому, действующему в наших рядах, как друг и брат человечества.

1968 г.

ГОДЫ И СТЕПЬ

Я читал эту книгу с особым пристрастием, потому что вот уже почти сорок лет знаком с ее автором, и оба мы принадлежим к поколению, которое приобщалось к литературе в конце двадцатых и самом начале тридцатых годов.

Я читал «Родину и чужбину» с особым пристрастием еще и потому, что по себе знаю: каждая новая книга для писателя, каждая новая встреча с читателями — это невосполнимая частица его жизни, его души, если позволительно употребить столь старомодное слово.

В новой книге у Ивана Шухова я прежде всего почувствовал ясно выраженное стремление к документальности. Это — не поветрие и не дань моде.

Полтора десятка лет назад И. Шухов одним из первых поехал на целину — еще только-только начиналось ее освоение. И для него это было «творческой командировкой» в банальном смысле слова, «поездкой за актуальным материалом». Сам уроженец Северного Казахстана, он пристально всматривался в то, что происходило на целине, сопоставлял увиденное с далеким и недалеким прошлым родного края. И не случайно весь раздел книги — «Родина» (за исключением двух вещей — воспоминаний, связанных с А. М. Горьким) можно считать образной эмоциональной летописью Северного Казахстана.

А раз летопись — значит, и охват времени большой. Мы застаем появление первых казачьих станиц по соседству с казахскими аулами, с первыми переселенцами переживаем их тяготы и бедствия и возмущаемся, когда приспешники Столыпина в официально-показном усердии доказывают, что якобы к началу первой мировой войны большинство крестьянских хозяйств в России экономически окрепло. Вместе с потомственной казачьей семьей Максима Жигалова («Зимняя повесть») переживаем всю сложность революционных событий, а потом уже становимся свидетелями и участниками коллективизации, когда «в станицах, в присмиревших после бурь переселенческих хуторах и в притихших казахских аулах, разогнавших на все четыре стороны прежних своих управителей и владык,— и тут и там одинаково нелегко, вперевалку, со скрипом на первых порах налаживались иные порядки при непривычных обычаях и началах».

Писатель ничего не упрощает. И пожар, спаливший деревню дотла, и расправу мужиков с поджигателями — все это застал в Анновке молодой разъездной корреспондент газет «Беднота» и «Батрак» Иван Шухов, которого осенью двадцать девятого года командировали в далекую кустанайскую деревню, чтобы он выяснил обстоятельства убийства активного селькора Алексея Струнникова и молодой учительницы комсомолки Лены Ганченко.

Я перечитываю эти страницы — и за ними для меня встает мое, пережитое в то же время и в тех же краях. Но это вовсе не значит, что только читатель моего поколения способен оценить шуховскую прозу. Более молодые и совсем молодые тоже воспримут ее как живое свидетельство об ушедших годах, столь важных для истории нашего государства, для людских судеб.

Со временем критики разберутся и вынесут свое суждение об одном явлении, примечательном для литературы второй половины нашего века. Я бы назвал его стиранием жанровых условностей. В самом деле, какое жанровое определение можно было бы поставить на титульном листе «Родины и чужбины», если встречаешь в книге и рассказы, и очерки, и воспоминания, и путевые заметки, и стихи...

Они как будто и не связаны между собой, но, собранные вместе, представляют законченное целое. И если я раньше говорил о документальности, то такую же не-

придуманность я чувствую и в рассказе «Ночная вьюга», где мы сталкиваемся с человеком в ту минуту, когда он принимает чреватое большими переменами в его жизни решение.

На мой взгляд, смело и по праву в этот раздел включена и «Моя поэма». Она закономерно стоит рядом с очерками, с рассказами, что-то объясняя в них, чем-то дополняя. Например, в «Золотом дне» по ходу повествования только названы кулаки-поджигатели, которым удалось скрыться после собрания, решившего их участь, и которые — в отместку — подожгли деревню. В «Моей поэме» писатель-реалист, обязанный знать все и про всех, мотивирует их поступки. Он не боится заглянуть за плотно притворенные ставни пятистенных домов:

...Не пора ль, рукава засучив,
За обрез тебе браться,
Палач?!
И на ту потайную работу
В теми скованных страхом
ночей
Не поднять ли разбойную
роту
Крутых на руку родичей?!

Пройдя сквозь годы, писатель от своего имени, от имени своего поколения вспоминает то время, когда «сорвался ураган разгрома на головы степных бояр».

И другая война — Великая Отечественная — тоже становится одной из глав степной повести: «Дым отечества»— эти письма сибирским казакам писались во время войны, и правильно поступил автор, что не стал переделывать их наново. При переделках можно было сбиться с тона, а ведь сейчас письма — живой отзвук тех лет.

Делясь впечатлениями от книги «Родина и чужбина», я большую часть места отвел именно «Родине». Тем более, как я говорил уже, места и люди, описываемые И. Шуховым, мне хорошо знакомы и вызывают целый поток воспоминаний, заражают авторским отношением к тому, что происходит у него в книге.

Второй раздел книги —«Чужбина». Очень далекий по материалу от первого. Действительно, попробуй перекинуть мост из североказахстанских степей через океан в Соединенные Штаты Америки, где И. Шухов побывал с группой советских писателей и журналистов.

Мне самому приходится довольно много ездить, и я знаю, как трудно бывает войти в чужую жизнь и присмотреться к ней, понять заботы, радости и печали, надежды людей, далеких от тебя по образу жизни, по своей психологии.

Шухову во многом это удалось. От его взгляда не укрывается то, что создает сегодня Соединенным Штатам недобрую славу во всем мире. Но он не закрывает глаза и на то, что привлекает нас в простых американцах: их трудолюбие, умение организовать дело, их доброжелательное — вопреки официальной американской пропаганде — отношение к советским людям.

В этом отклике на новую книгу Ивана Шухова «Родина и чужбина» я не собирался подробно пересказывать ее содержание, я хотел поразмыслить над ее общей направленностью и при этом старался судить автора по тем законам, которые он сам избрал для своего произведения.

Итак, книга вышла и попала к читателю, а для писателя она уже в прошлом... У него уже новые замыслы и мысли.

Вообще писатели не очень охотно говорят о своих планах на будущее: не всегда эти планы осуществляются, а если кому-то про них сказал, то вроде бы принял неснимаемое обязательство.

Но вот недавно при встрече Шухов сказал мне, что работает над автобиографической повестью. Та же степь и те же годы — детство и юность и более зрелый возраст, встречи с интересными людьми, а таких встреч было много...

Есть литераторы, чье имя на обложке вызывает желание прочесть, что он написал. Для меня Иван Шухов относится к таким писателям, и я теперь буду ждать его новой книги.

1969 г.

СЛОВО К ВЕНГЕРСКИМ ДРУЗЬЯМ

Привет вам от писателей, от деятелей науки и культуры, ваших соратников по строительству свободной социалистической жизни.

Привет вам от древней казахской земли, ныне превращенной в житницу золотого зерна, от земли, на

которой две с лишним тысячи лет тому назад, по благодатным берегам Иртыша, Есиля, Тургая и Тобола жили рядом наши с вами предки.

Самый горячий привет Вам от бывших казахстанских солдат, которые четверть века назад в рядах Советской Армии освобождали венгерскую землю от гитлеровских захватчиков и поднимали над Будапештом знамя вашей свободы и независимости.

Декаду венгерской культуры Казахстан ждал как свой большой и радостный праздник. И дело тут вовсе не в смутных исторических воспоминаниях, а в чувстве братства строителей новой жизни, строителей коммунизма.

Тот, кто хотя бы поверхностно знаком с вашей историей, с вашей многовековой борьбой за свободу, с реформациями и контрреформациями, с подлинными героями венгерского народа — Дьёрдем Дожем, Ференцем Ракоци, Лайошем Кошутом, с поэзией Балинта Балашши, Миклоша Зрини, с революционно-демократической поэзией великого Шандора Петефи и его соратника Яноша Араня, тот не останется равнодушным к духовному самовыражению вашего народа, создавшего шедевры в различных жанрах литературы и искусства.

Не раз и не два подвергался венгерский язык политике ассимиляции, за которой нависала реальная угроза ассимиляции самой нации. Но борцы за независимость и свободу венгерского народа, среди которых весьма почетное место принадлежит вашим поэтам, отстояли самостоятельность национальной культуры.

Вождь революции 1848 года Шандор Петефи, который, на мой взгляд, занимает не только особое, но и первое место среди революционно-демократических поэтов Европы XIX века, писал:

Любовь ценою смерти я
Добыть готов.
За вольность я пожертвую
Тобой, любовь!

Это широко известные в нашей стране стихи великого поэта как бы свившего пылающий бич из солнечных лучей, невозможно истолковать двояко.

Бела Иллеш, Антал Гидаш и Матэ Залка, певцы Венгерской социалистической революции 1919 года, так тесно слились с советской многонациональной литературой, что не каждый советский читатель, может быть, помнит об их национальной принадлежности.

Венгерская литература, в особенности поэзия, созвучна с нашей, национальной по форме, социалистической по содержанию литературой, она созвучна с передовой мировой поэзией вообще. Ей чужды национальная ограниченность, тематическая узость и приверженность устаревшим традициям. И это делает вашу литературу не только понятной, но и родной нашим читателям.

Ибо наш современный читатель понимает назначение поэзии так же, как понимал его Петефи:

Не для пустой забавы пой
В угоду суетному миру!
Готовься к подвигу, поэт,
Когда берешь святую лиру.

И если хочешь воспевать
Свои лишь радость и страданья,
Не оскверняй заветных струн,—
Нужны ль тогда твои созданья?

У наших народов чрезвычайно популярны венгерская поэзия и музыка, венгерские танцы. Вашу поэзию переводили лучшие советские поэты: Тихонов и Маршак, Мартынов и Исаковский, Чуковский и Инбер. Произведения венгерского вокального и инструментального искусства прочно вошли в репертуар лучших советских исполнителей.

Дорогие друзья, вы приехали в братскую республику, родную по духу, единую с вами по идейно-художественным взглядам на духовные ценности.

Разрешите выразить глубокую уверенность, что ваша Декада везде и всюду в Казахстане будет встречена достойно и везде на прощание скажут вам — не «прощайте», а «до свидания!».

1969 г.

ОН БЫЛ ПОЭТОМ

Нелегко во времени расставить точные акценты памяти, касающиеся воспоминаний об этом удивительном человеке — коммунисте, солдате революции, писателе и государственном деятеле. Он был красив всем — лицом, фигурой, одеждой, неизменно скромной и

элегантной. Его большие глаза выражали активную мысль, а голос, манера говорить — страстность публициста, оратора неукротимой партийной целенаправленности. Таким он живет в моей памяти.

Нам, троим студентам Оренбургского рабфака, посчастливилось попасть на торжественный вечер, посвященный трехлетию образования Казахской автономной республики. Мы были молоды и преисполнены жажды знаний. Нас влекли новые начала новой жизни, которую принес Октябрь в нашу родную степь. О ее счастливой доле мечтали лучшие сыны казахского, а вместе и равно с ними русского народов. Словом, нас, только-только входящих в жизнь, как бы нес высокий гребень самых светлых устремлений.

И вот в такой, как мне кажется, решающий период в моей судьбе и судьбе моих товарищей по рабфаку я услышал его. Мы опоздали несколько и вошли как раз в тот момент, когда он сказал, как-то весь подавшись вперед, ближе к собравшимся в зале:

—...В огне нашей революции «Марсельеза» переплавилась в великий гимн эпохи коммунизма —«Интернационал»!

Фраза прозвучала гордо, шла она от души, тепло. В ней он был весь с его неукротимым темпераментом, верой и любовью к людям, бойцом за правое дело.

Говорил председатель Совнаркома молодой, только что родившейся республики Сакен Сейфуллин.

Теперь проще, через даль лет, судить о том огромном вкладе, который внес он творческим делом в развитие национальной культуры Казахстана. И как много он сделал для того, чтобы дом наш под небом свободы обрел все необходимое для дальнейшего роста его материальных богатств.

Тогда поход в сегодня только начинался. Все казалось необычным и, как бы выразить, возвышенно торжественным.

Оратор был взволнован. Собрание проходило бурно. Что-то даже настороженное чувствовалось в атмосфере зала. Собрались. Отмечается дата. Праздник. Хорошо. А что дальше? А вот дальше то самое некоторым не виделось в определенном, естественно положительном для них свете. К ним еще обратит свои гневные слова Сакен. Он их ищет и найдет, и не дрогнет его голос, выносящий приговор всему, что призвана смести со своего широкого пути революция.

Сейфуллин говорил без заранее подготовленного текста. Импровизированная речь была общепринятым средством общения с аудиторией. Этого ленинского принципа — вести доверительную беседу — придерживался и Сейфуллин. Язык докладчика (он говорил по-русски) не блистал особо изысканным стилем. Слова ложились порой угловато, а фразы казались даже как бы ухабистыми. И все-таки слушать оратора без напряженного волнения, без захватывающего интереса было невозможно. Он убеждал конкретностью излагаемых мыслей, говорил о том главном и важном, что одинаково близко касалось всех: и друзей, и недругов, последние еще водились в те дни и, более затаясь, так или иначе, тем или иным способом пытались действовать. Именно им бросил он жестко и непримиримо:

— Для революции дорог не тот, кто шел с нею до полпути, а тот, кто присоединился к ней пусть не в самом начале, но с тем, чтобы идти под ее знаменем до конца, до полной победы. Тот же, кто в ней ищет себе места потеплее, собственной корысти ради, тот роет, пытается рыть могилу нашему общему делу!

В первых рядах раздались возгласы одобрения и аплодисменты. Вслед за ними рукоплескания прокатились по всему залу.

«Попутчики», как их тогда величали, попутчики от Февраля до Октября, которых не устраивала или прямо страшила принципиальная позиция предсовнаркома, саркастически ухмылялись. Но им явно было не по себе. Сейфуллин как-то неожиданно вдруг отступил от официального тона. Голос его зазвучал на высоких, напряженных нотах.

— Вы не болтайте мне о культуре,— он поискал взглядом и нашел кого-то нужного ему.— Не вам о ней болтать. Пятьсот голов рогатого скота, так необходимого голодающему Поволжью, вы, так называемая интеллигенция байства, пустила на калым, на куплю и продажу женщин.

Зал загудел возмущенно. А те, в отлично отутюженных касторовых костюмах, заюлили глазами, прячась от осуждающих взоров. А Сакен бил их, швыряя в лица им свой гнев и свое презрение:

— О всенародной культуре, культуре коммунистического общества, о духовном сотворении человека заново, о сотворении человека не из глины, а из света, разума и совести, справедливости, красоты и гармонии

добра у вас нет никакого представления. И не может быть по вашей классовой ограниченности.

Сейфуллин так же, как начал свой разгромный выпад, неожиданно остановился. Нахмурился, слегка опустив голову, кажется, даже поморщился, как бы досадуя сам на себя за горячность. И снова заговорил. Но теперь уже обстоятельно, с суровой сдержанностью выбирая выражения. Он излагал пункт за пунктом, что несет трудовому люду Советская власть. Говорил о ее заботах, о всеобщем образовании, о декрете, подписанном Лениным, положившим начало созданию коммунистического университета.

— Университет станет не обычной школой. Он представляется нам как высшая школа воспитания коммунистической морали, коммунистических идеалов.

Закончив мысль и мгновение помолчав, он продолжал теперь чуть ли со скорбной интонацией:

— Недавно полмесяца я ездил по Уральской губернии, побывал в Жымбитинском уезде. Что я нашел там? Представьте, в Уральске в школу второй ступени не отдали ни одного казахского ребенка. А сотни детей учатся у невежественных мулл в темных и грязных землянках. Мне с трудом, и то только при помощи авторитета председателя Совнаркома,— при этом он едва заметно улыбнулся,— еле-еле удалось добиться у жымбитинского уездного руководства, чтобы они направили в Уральскую совпартшколу трех девушек-казашек, еще в прошлом году изъявивших желание учиться. Родители не отпускали, а руководители уезда не смели «обидеть» родителей. А девушки, все трое, с колыбели проданы. А тот, кому надлежало бы бороться за их счастливую долю, пирует на калымом определенных свадьбах. Вот главные проблемы культуры, которые нам надлежит решить. И это очень сложные проблемы. Просвещение!— повысил он голос.— Вот что избавит нас от всех зол. Просвещение в самом широком и глубоком смысле. Сейчас,— уже собираясь сойти в зал, заключил он,— после небольшого перерыва мы посмотрим спектакль. Его поставили по пьесе русской писательницы Аннепковой. Это драма о героической борьбе казахского батыра с царизмом за свободу родного народа. Спектакль по имени героя называется «Бекет». Для тех, кто кичится тем, что они якобы являются хранителями национальной культуры, в завершение скажу: неверно отворачиваться нам от связей с

истинными друзьями, к какой бы нации они ни принадлежали. Среди нас присутствует неутомимый собиратель наших казахских мелодий Затаевич. Он собрал и записал тысячу песен нашего народа. Или богатейший казахский лирико-героический эпос. За редким исключением, разве не собран он и не издан русскими учеными Бартольдом, Березиным, Диваевым и другими?

Это была уже не речь, а просто беседа о чем-то важном и очень нужном. Сейфуллин улыбался. Радость светилась в его потеплевших глазах. И все-таки это было логическим завершением выступления. Он как бы искал знаменатель высказанных мыслей. Он подвел его так:

— Интернациональная дружба, братство народов под алым стягом Октября.

Сакен повторил фразу о «Марсельезе», революцией переплавленной в «Интернационал».

Объединенные единым порывом, люди встали и запели гимн свободы, света и разума. Сакен присоединился к поющим.

Все это помнится мне ясно, как будто происходило вчера. А минули годы и какие годы!

Спектакль произвел на нас неизгладимое впечатление. Актеры понравились чрезвычайно. Даже фамилии их не забылись до сих пор. В роли Бекета выступал Маслов. Его жену играла Биранская. Автор пьесы исполняла роль матери Бекета.

Опьяненные необычным воодушевлением, с каким-то чувством, не побоюсь сказать, причастности к героике происходящего, вернулись мы в общежитие. Нам не было жаль даже талонов на нитяные носки, которые мы отдали билетеру в оплату за вход в театр. Талончики оправдали себя.

Разговорам не было конца.

А через три дня мы снова встретились с Сакеном Сейфуллиным. Теперь на страницах газеты «Енбекши казах», где была опубликована его рецензия на спектакль. Он не умел проходить мимо того, что помогало строить новую жизнь, несло людям радость, открывало двери новой школы. Таков уж он был по своей натуре. Поэт и хозяйственник, обремененный самыми различными заботами и пщущий их. Он любил работать потому, что любил и верил в светлое будущее.

Время Сейфуллина — это трудное утро сегодняшнего дня Казахстана, вкладывающего миллионы рублей в

сутки в строительство коммунизма. Но Сакен — наш, и он живет, и будет жить с нами, как жил в трудную пору начала великих преобразований родного края.

Время Сейфуллина — разруха, голод. Это время, когда Ильич отсылает присланных ему пятьсот фазанов, подарок кзыл-ординских охотников, в детдом со строгим наказом: всех до одного — детям.

Время Сейфуллина было временем, когда почти в каждом казахском жилище селились невежество, бедность, духовная и материальная нищета.

Но это было время и великих дерзаний народа, созидающего свое грядущее счастье.

Сакен жил с народом и боролся со всем, что досталось власти Советов в наследие от прошлого. Он с трогательной заботливостью относился к начинающим молодым литераторам, живо интересовался искусством, развитием народного образования, науки. Он жил болями и радостями человека. Кристально честный, мягкий душой там, где видел доброе, и непримиримый, где встречался со злом, как бы оно ни выглядело.

Ему, наверно, виделось наше сегодня. Ведь он его начинал строить. Наверное, виделось потому, что он был романтиком и умел мечтать. Он был поэтом.

1969 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДОРОГЕ

Тишина в моем рабочем кабинете и нетронутый лист бумаги на письменном столе вовсе не означают одиночества. Нет, я мысленно обращаюсь к жизни моего края, снова встречаюсь с людьми, которых знал, и, как сказал когда-то пушкинский летописец, минувшее проходит предо мною...

Этот душевный настрой вызван раздумьями о большом событии в жизни моей республики — ее пятидесятилетии. Стремительно летит время. На глазах у моего поколения так много свершилось перемен, что я иной раз с недоверием посматриваю на календарь: неужели — полвека? Кажется, так недавно мы, ученики Пресногорьковской школы, горячо обсуждали ленинский декрет, датированный 26 августа, «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской Республики». Не так давно я снова видел эту газету — по-

желтевшая от времени бумага. А тогда, в 1920-м, она остро пахла свежей типографской краской.

Все эти события и перемены для людей моего поколения — не страница учебника, которые надо выучить и запомнить, а страницы жизни, страницы биографии.

Сегодня уже просто невозможно представить себе традиционный степной пейзаж без того, чтобы не заметить естественно вписавшиеся в него контуры новых городов и поселков, целых промышленных комплексов. Уже успели зазеленеть склоны искусственных холмов, появившихся неподалеку от близкой мне Пресногорьковки. Эти холмы росли по мере того, как велись разработки на Соколовско-Сарбайском железорудном комбинате. А пирамиды-терриконы карагандинских шахт? А множество огней, раздвигающих таежный сумрак на Рудном Алтае? А Байконур — первый на всей нашей планете космодром?..

Можно наугад выбрать любую точку на карте Казахстана, и всюду найдешь удивительные перемены в жизни народа, в его духовном развитии, в его устремлениях. И дело тут не в конкретных примерах. Каждый из нас может привести их из своего жизненного опыта, из той действительности, которая окружает нас. Зерно, нефть, большая химия, цветная и черная металлургия, минеральные удобрения, машины... Легче было бы, пожалуй, перечислить не то, что производит сегодняшний Казахстан, а то, чего он не производит.

Но жизнь не стоит на месте, и то, что вчера казалось достижением, сегодня переходит в разряд обычного, а впереди возникают новые вершины, которые предстоит взять.

Для писателя время и его свершения, его приметы и характерные особенности прежде всего прослеживаются в судьбах людей. Мне всегда представлялась нерасторжимой цепь событий в судьбах поколений. И на мой взгляд, обращение к прошлому, без которого и настоящее не могло бы наступить, вовсе не является уходом от действительности. Писатель не может уйти от своего времени.

Так, я считал для себя необходимым подробно рассказать о том, как еще при царе исконные кочевники находили в своей степи новые дороги и становились рабочими на меднорудных и угольных предприятиях в местности, обильно поросшей караганом, откуда и пошло ее название — Караганда. Их непростые судьбы, их

новое понимание своего места под солнцем — все это легло в основу романа «Пробужденный край».

Не так давно, когда я собирал материалы для рассказа об известной ленинской телеграмме аральским рыбакам, мне снова пришлось задуматься об исторических судьбах народа, разбросанного на огромной территории — от берегов Каспия до поднебесных гор на востоке страны. В телеграмме, как известно, содержалась просьба помочь голодающему населению Поволжья. И рыбаки повторяли ленинские слова, слова, простые и понятные, как будто один сосед обращается к другому в трудную минуту... Ведь только вчера — не то, что далекий царь, а простой аульный старшина не считал их за людей. А тут — такое письмо, такое обращение как к близким, как к товарищам по борьбе, которую весь народ вел в те годы.

Ленинская просьба заставила людей задуматься о самих себе, почувствовать свою силу, свою значимость. А позднее, когда стало известно ленинское предписание в двадцать четыре года решить вопрос о снабжении аральских рыбаков необходимым оборудованием, это тоже заставило по-новому задуматься о жизни...

На протяжении истории казахи привыкли жить не по дням и месяцам, они меряли время столетиями, и века проходили по их земле, не оставляя заметных следов. Вот почему такими, до предела уплотненными, наполненными знаменательными историческими событиями представляются нам, современникам, пятьдесят лет, прошедшие с того дня, как мой народ получил государственность.

«...И, безусловно, будем поднимать и поднимем». Владимир Ильич ясно представлял себе будущее казахской степи, он хорошо знал, какие силы таятся в народе, сбросившем оковы рабства и вышедшем на дорогу свободы.

Я окидываю мысленным взглядом просторы нынешнего Казахстана... Подсаживаюсь в кабину к трактористу, вспахивающему землю, которая совсем недавно была целиной. Вместе с молодым инженером на Мангышлаке радуюсь вступившей в строй новой скважине на недавно открытой нефтеносной площади. С чабаном-стариком вспоминаю те времена, когда и степь вроде была та же, и небо над нею — то же, и звезды... А люди неузнаваемо изменились, иным стало отношение к жизни, к своей роли в этой жизни. С металлургом из Темиртау выпус-

каю очередную плавку, а с машинистом тепловоза веду состав по новой дороге Бейнеу — Кунград...

Обо всем этом я говорю к тому, что писатель прослеживает все социальные, экономические, политические и культурные сдвиги в жизни народа, прежде всего на конкретных людях. Для него размышления, допустим, о техническом прогрессе, о новых путях развития сельского хозяйства, о методах управления промышленностью — неотделимы от людей, призванных решать грандиозные задачи, от их настроения, надежд, печалей и радостей, побед, которые они одерживают на своем пути.

Писатель, который пристально изучает человека и живет одной с ним жизнью, не может пройти мимо дела, которым занят его герой. Ведь если, предположим, речь идет о буровом мастере, может ли писатель не знать, о чем думал он накануне пуска скважины, опасаясь, что может произойти выброс инструмента, авария.

Но при всем при этом нельзя представить себе писателя в качестве этакого буквоеда с непременной записной книжкой, куда он поминутно заносит черты лица собеседника или набрасывает деталь окружающего пейзажа, или записывает техническую подробность. Ничего подобного! Надо просто жить среди людей и знать их, как знаешь своих добрых знакомых.

Я принадлежу к поколению людей, которые могут сравнивать не умозрительно, а на своем собственном опыте. И потому я не могу не вспомнить, не думать о времени. Дар памяти — это великий дар, которым природа наделила человека. Все виденное, слышанное, угаданное, осмысленное и почувствованное становится тем, что принято называть одним словом — жизнь.

Мне вспоминается тридцатый год... Странно подумать — ведь сорок лет прошло с тех пор, а я как сейчас вижу мою Алма-Ату, не похожую на нее, нынешнюю, и все же бесконечно дорогую мне, как дорога человеку его молодость. На тихой немощеной улице — здание, которое казалось нам дворцом среди старых приземистых домишек. Это — КазПИ, Казахский педагогический институт, маленький островок национальной культуры, где тогда зрела и крепла творческая мысль, у которого еще вчера мало-мальски грамотный человек вызывал удивление и уважение. Там собирались представители народа, мобилизованные и призванные революцией, там они намечали планы на будущее, еще только мечтали о том, что имеем сегодня.

Я вижу их живыми. Без всякого усилия слышу их голоса, ощущаю тепло их улыбок. Я и сам как бы продолжаю в них, может быть, правда, не сделав еще всего, что хотелось бы сделать. А собрались в этом старом зале Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Жумат Шанин, Ораз Джандосов, Калибек Куанышбаев, Куляш Байсеитова... Я знал их всех. И не только потому, что читал их книги, видел на сцене. Мне кажется, я угадываю, как они повели бы беседу со мной и сегодня, в знаменательный день пятидесятилетия республики, для которой каждый из них сделал немало доброго.

А тогда... Тогда только начинался великий поход в страну огромных социальных преобразований. Все еще было впереди — и неизмеримые достижения, и трудные испытания, и невероятная по своим масштабам и разрушительной силе война с фашистскими захватчиками. Да, все это было не в прошлом, как сейчас, а там, куда нам предстояло идти.

Сегодня я вполне могу себе представить искреннюю радость Сакена, Ильяса, Беимбета, чье слово будило родную степь для новой жизни, чья работа была направлена на знаменательные социалистические преобразования на древней и вечно молодой казахской земле.

Выйдя из дверей КазПИ, я повел бы их на проспект Ленина. И, конечно, их восхитил бы размах строительства. Они с гордостью читали бы друг другу названия исследовательских институтов возле внушительного комплекса Академии наук. Поклонились бы Абаю на проспекте, носящем его имя, имя поэта и просветителя, который в прошлом — теперь уже далеком — мечтал о светлом будущем для своего народа.

Размышления в дороге... А сама дорога — радость, потому что она заставляет заново пережить пройденное и ведет в будущее. Да, когда-то мы лишь мечтали о таком городе — городе, где много детей и много для них светлых просторных школ, где много заводов и фабрик, производящих нужные для людей вещи, благоустроенные жилые дома, фонтаны, играющие всеми цветами радуги, спортивные комплексы и магазины...

Мне слышится голос Сакена:

— Великолепно!..

Он был человек эмоциональный и не стал бы скрывать чувства, которые охватили бы его при виде нынешней Алма-Аты и всего нашего Казахстана.

В начале этой статьи я уже предоставил читателю возможность своим собственным опытом дополнить недостающие конкретные примеры нашего неудержимого роста. Но, говоря о широком размахе строительства, о новых плотинах, электростанциях, рудниках и шахтах, о прекрасных городах, выросших в пустыне, о благоустроенных дорогах и оросительных каналах, о преображенных целинных землях, надо помнить о главном — во имя чего, ради чего совершается все это.

Мне приходится бывать за рубежом. Несколько раз я ездил в Японию. Строят и там — много и хорошо. Беда только в том, что человек труда в странах капитала является неким отвлеченным понятием, он лишь занимает свое место у станка или на поле, за конторским столом. А его жизнь, его надежды и устремления, он сам никакого интереса для общества не представляют.

То же различие мне приходилось наблюдать и в слове «работа», которое имеет одинаковый смысл на всех языках, но совсем не одинаково отношение к нему у нас и у них. «Найти работу», «остаться без работы»... Миллионы людей, которые отнюдь не утопают в роскоши, в эти понятия вкладывают непреходящую тревогу за свою судьбу. Работа у нас открывает широкие и светлые дали для творческого труда, исполненного высокого смысла, ставящего перед собой высокие и благородные цели.

Было бы непростительным легкомыслием утверждать, что все у нас залито розовым светом, что наступило уже полное благополучие. Но мы вправе гордиться, что Октябрьская революция, Коммунистическая партия, многонациональный советский народ, живущий единой сплоченной семьей, совершили небывалый исторический подвиг, создали общество свободных и равных людей, утвердили принцип великого гуманистического звучания: «Человек человеку — друг и брат».

Мы переносим этот принцип на все народы, с которым живем на одной планете, мы всегда готовы поддержать их в борьбе за свободу и счастье.

В прошлом году моя книга «Солдат из Казахстана» была переведена на вьетнамский язык. И она начала для меня новую жизнь. Так у писателя случается, когда его героям предстоит совершить далекое путешествие и заговорить с жителями другой страны на их родном языке.

Каиргалий Сарталеев, солдат из Казахстана, отправился в гордый сражающийся Вьетнам, к нашим бра-

тьям, которые сегодня являют собой пример революционной стойкости, мужества и непреклонности в борьбе за правое дело с силами агрессии, превосходящими их во сто крат. Простой парень из казахского аула в Прикаспии — он стал солдатом. Он не мог поступить иначе в ту минуту, когда над его Родиной нависла смертельная опасность. И я хочу надеяться, что теперь — четверть века спустя — Каиргалий расскажет во Вьетнаме о том, какой дорогой ценой достиг советский народ трудной победы над оголтелым фашизмом.

Для меня повесть «Солдат из Казахстана» стала наиболее объемным воплощением большой и сложной темы современности. Уже после того, как книга была написана и увидела свет, мне приходилось не раз встречаться с человеком, который послужил прообразом главного героя, от чьего лица ведется повествование. В жизни его зовут так же, как и в книге, — Каиргалий, сокращенно Кайруш. А настоящая его фамилия — Смагулов. Невымышленный живой Кайруш прошел всю войну до последнего выстрела и вернулся домой. Он живет в Гурьеве, и профессия у него самая мирная — он ведает профессионально-техническим обучением подростков, готовит кадры рабочего класса.

Узнав о предстоящей встрече «Солдата из Казахстана» с героическим Вьетнамом, Кайруш был взволнован не меньше, чем я, и просил, чтобы в предисловии к книге, которое я должен был написать, передал его привет, его пожелания победы нашим вьетнамским друзьям.

Еще он сказал:

— Мы когда-то шли в бой с таким чувством: победить или умереть!.. А если кто-то думает, что силой оружия можно заставить народ жить на коленях,— тот ничего не понял в нашем мире. И как бы ни был тяжел бой, правда всегда победит!

Я могу только присоединиться к его словам. Но еще хотел бы добавить, что когда я думаю о времени, то невольно вспоминаю сверстников, тот зал Казахского педагогического института, в котором когда-то собирались мудрые и пылкие люди, зачинатели национальной культуры. Сегодня их можно встретить во всех самых отдаленных уголках республики. Они идут по стране. И мир слышит их голоса...

Когда-то в Каире, где собирались писатели стран Азии и Африки, мне пришлось подробно рассказывать об Ауэзове, чья эпопея «Абай» совершает дальний поход

по многим странам. Я не скрывал своей гордости тем, что нас знают, читают книги, которые могут послужить добрым примером.

Показать нашу жизнь во всем ее многообразии, во всей полноте, не закрывая глаза на трудности, с которыми мы сталкиваемся в качестве первопроходцев и которые нам приходится преодолевать,— это значит отразить великие свершения Советского государства и части его — Советского Казахстана, отмечающего свое пятидесятилетие.

«...И, безусловно, будем поднимать и поднимем». Сегодня ленинские слова звучат применительно к нашим делам и проблемам, и так же они будут звучать завтра и всегда.

Содружество народов, их взаимопомощь, их вера в светлое будущее — это реальная сила, позволяющая преодолеть любые препятствия на пути к вершине, которой мы хотим достичь.

Мы идем, мы — в дороге...

1970 г.

ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НАРОДА

Только две недели отделяют нас от того знаменательного дня, когда мы с вами торжественно отпразднуем день рождения родной республики, отпразднуем полувековой юбилей сосуществования Казахстана в великом строю социалистического содружества наций и национальностей, народов и народностей Советского Союза.

Незыблемый фундамент свободной республики Казахстан заложен как монолит из гранита историческим декретом от 26 августа 1920 г. подписанным великим преобразователем человеческого общества, следовательно, и мира В. И. Лениным.

Впервые в истории казахского народа сбылась поговорка — «Елу жылда ел жана!» — остававшаяся в течение веков мечтой его передовых умов. И ныне грандиозные преобразования и достижения Советского Казахстана за 50 напряженных и созидательных лет измеряются поистине семимильными шагами ленинской эпохи.

Движимый мирным и деятельным импульсом всевозрастающего наращивания своей материальной и духовной культуры, свободный Казахстан смело шагнул в

прогресс, шагнул в ногу с общечеловеческой новой и бурной историей века.

Мы же с вами живые свидетели того, как сказочно высоко поднялась духовная энергия нашего народа, общества и человека и как беспрестанно раздаются жалобы и вопли в капиталистическом мире о деградации нации, общества и личности, о поглощении человека техникой, о человеке — придатке механизма!

Прошлая наша история написана копытами коней на огромных просторах великой казахской земли, а содержание ее бережно сохранили для поколений сестры-близнецы — Поэзия и Музыка.

В этом, между прочим, историческая роль литературы и искусства, что самое важное и самое печальное в жизни общества и людей, подвергаются особо ревнивому и особо суровому взвешиванию и подытоживаются в духовных ценностях.

Почему я называю казахскую землю великой, это станет ясно каждому, чем ближе мы станем к концу XX и началу XXI вв., когда мать-земля должна будет кормить не три с половиной миллиарда человек, как сейчас, а 7—8 миллиардов!

Подлинно духовное возрождение казахского народа, конечно, началось в огне Октябрьской революции. Трудовой казахский народ оказался способным деятельно воспринять идеи пролетарской революции. На фронтах революционных боев, с самых западных границ бывшей Российской империи до самых отдаленных восточных, принимали активное участие сотни небезымянных, тысячи безымянных сынов казахского народа.

И вот на высокой революционной волне рождаются первые стихи и песни, рассказы и пьесы, определившие идейно-художественное направление новой казахской литературы и культуры.

Только после революции раскрывается глубокий смысл абаевского изречения — «Русские видят мир!» И только после революции происходит наше широкое общение с русской классической и революционной литературой и культурой, а через них — со всей прогрессивной мировой. И это чрезвычайно важное обстоятельство помогло нам, казахским деятелям литературы и культуры, значительно быстрее освоить многовековой опыт прогресса и кратчайшие пути к нему.

Первыми на арену общественного бытия вступают литература, журналистика и музыка, затем, через опре-

деленные дистанции — театральное искусство, кино, живопись, скульптура и архитектура, ныне составляющие огромный идеологический фронт, на котором действует большая армия деятелей культуры.

Ныне деятели каждого из этих видов искусства, тем более литературы, выдвинули из своих рядов выдающихся мастеров своего дела — народных артистов Советского Союза и Казахстана, лауреатов Ленинской и Государственной премий СССР, Республиканской премии, и лауреатов ряда зарубежных стран.

В этом ряду мне хочется еще раз подчеркнуть особо выдающуюся роль так рано покинувшего нас М. О. Ауэзова, который первым прокладывал путь в различные жанры и виды не только литературы, но и искусства. И никто другой, а он тянул нас за собой, строго требуя идейно-художественной полноценности произведения, т. е. мастерства.

Мне также особо хочется отметить еще одно отрадное явление в жизни литературы и искусства, это — наше старшее поколение стареет медленно и работает, что называется, высокопроизводительно, а молодое поколение созревает значительно быстрее, чем это имело место даже четверть века тому назад. На мой взгляд, то и другое одинаково отрадно и высокочтимо.

Так, послевоенный прилив молодых сил как в литературе, так и искусстве, на мой взгляд, сейчас составляет преобладающее, центральное ядро во всех наших творческих организациях. Произведения этих сил получают заслуженное признание не только в республике, но и во всем Советском Союзе и за его пределами.

А. П. Чехов, прочитав первые два не совсем зрелых рассказа Короленко, сказал, что он считает большим счастьем не только идти рядом с ним, но и за ним. Так, прочитав последние книги ряда самых молодых писателей-прозаиков и поэтов я готов некоторым из них сказать то же самое, что сказал Чехов о Короленко. Тонкие мастера, мастера психологических глубин, мастера анализа и синтеза выглядывают из их почти первых произведений.

В Казахстане, как в наиболее интернациональной по составу населения республике, рука об руку с нами работает большой отряд крупных представителей литературы и искусства русского, украинского, уйгурского, корейского и других народов Советского Союза. И все,

сказанное выше, в одинаковой степени относится и к ним.

Должен сказать, что это обстоятельство создает самые благоприятные условия для постоянного взаимообмена опытом, и самое главное, для творческого соревнования. Кто ставит перед собой высокую цель поднять уровень своего мастерства, не может и не должен равняться только по родному отцу и родному брату.

Все это является солидным основанием для утверждения, что речь идет о зрелой литературе и о зрелом искусстве Казахстана.

Отсюда вытекают и задачи, которые по плечу периоду зрелости.

Элементарно известно, что в литературе и искусстве нет предела совершенству. И мне кажется вполне закономерным, что давно устарели наши отметки на эталон, отметки на идейно-художественный уровень произведения. Необходимо выше поднять уровень требовательности к произведениям, к критике, к атмосфере коллегиальности и в особенности к творческой работе Союзов.

У нас неточно, вернее, искаженно, переведена на казахский язык знаменитая партийная формула «Критика и самокритика», в особенности ее вторая часть. Перевод слова «самокритика»—«оз ара сын» буквально означает «критика между собой»... Данный пример я привожу не случайно, а потому, что сами мы, творческие люди, не всегда придаем значение подлинному смыслу святая святых, порой работаем на уровне прошлых лет.

Разве похвально, что к юбилею республики ни один театр столицы, не говоря уж об областных, не смог подготовить новый спектакль о нашем сегодня, о наших людях и трудовых достижениях? Это же самое, но еще более подчеркнуто, следует сказать в адрес самого оперативного вида искусства — кино. Но в том и другом случае львиная доля вины падает на нас, драматургов, и на Союзы писателей и киноработников, не сумевших своевременно и по-деловому мобилизовать людей.

Надеюсь, руководители творческих союзов членораздельно расскажут на данном объединенном пленуме как о своих конкретных достижениях, так и о задачах и проблемах, над которыми они сейчас думают и работают.

Наш объединенный пленум творческих союзов Казахстана созван не только накануне юбилейных торжеств республики, но и накануне XXIV съезда КПСС.

Весь советский народ готовится встретить съезд высоким трудовым энтузиазмом. Еще выше поднято знамя социалистического соревнования. Несомненно, с высоким трудовым подъемом встретят съезд труженики сельского хозяйства и промышленности, науки и культуры Казахстана.

Мне, как и всем вам, небезызвестны творческие планы наших Союзов, и отдельных писателей и деятелей искусства, но неизвестны пока результаты их реализации. По-прежнему в центре внимания творческих людей высокохудожественные произведения о наших славных современниках, о людях, дающих стране уголь и нефть, металл и хлеб, т. е. активное вторжение в жизнь.

Однако в отображении героической трудовой жизни Казахстана в свете непосредственной подготовки к съезду есть и пробелы.

Они в известной мере восполнимы, восполнимы средствами художественных рассказов, очерков, фотоочерков и публицистики. На период, оставшийся до съезда, должны быть организованы специальные поездки на места писателей и деятелей культуры, использованы все виды их выездов, чтобы максимально полнее показать трудовой облик родной республики.

Надеюсь, руководители творческих союзов расскажут пленуму и о своих конкретных мероприятиях по подготовке к знаменательному XXIV съезду КПСС.

1970 г.

ЧТО Я УСПЕЛ?

Стремителен рассвет над степью. Только-только темнота укрывала холмы, плотным покрывалом кутала низины, стояла перед тобой непроницаемая, настороженная, и вдруг глянешь — горизонт уже светится. Сначала холодными зеленоватыми точками, затем тут же вспыхнет таким буйством красок, что дух восторга захватывает. И вот оно, утро ясное, первозданно молчаливое, молодое и широкое.

В эти прекрасные дни, когда наш народ, Коммунистическая партия Казахстана отмечают свой праздник, а с ними и вся наша огромная, процветающая страна, как-то особо, я бы сказал, беспристрастно смотришь в

себя и задаешь прямой вопрос: «А что я успел? Что успелось всеми нами?»

Не надо заглядывать в цифры отчетов, сегодня на глаз, если этот глаз открыт навстречу жизни, видно, какие гигантские преобразовательные работы проделаны советским человеком, нашим социалистическим обществом. Я имею в виду материальную, экономическую стороны. Но есть явления, которые не поддаются обычным измерениям. Конечно, Академия наук республики, университет, институты, техникумы, школы, равно, как и театры, прославленные академические и областные, большой отряд писателей республики говорят сами за себя. Но те воистину грандиозные пласты духовного становления, расцвета, бурного и величественного, национальной культуры, а теперь она, по сути, скорее интернациональная, разве это можно объять мыслью, проанализировать в одиночку в тиши рабочего кабинета? Нет. Только коллективной воле под силу такое.

Нам пришлось все начинать с азов. Театр и свою драматургию поднимать до сегодняшних вершин с подмостков, кое-как сколоченных в ветхом сарае. Мухтар Ауэзов ставил спектакли в спаренных юртах: в одной — сцена, в другой — зрители. Писатель, академик Сабит Муканов до семнадцати лет был безграмотным, а теперь его книги знает мир.

Великий Абай проникал своим могучим разумом в дали грядущего. Задумываясь о будущем родной степи, завещал казахам дружбу с русскими. «Они видят мир»,— говорил он. Он, конечно, не мог предположить в девяностых годах, что пройдет всего каких-то тринадцать лет после его кончины, и Россия, ее пролетариат, беднейшее крестьянство, а вместе с ними национальные окраины бывшей самодержавной империи зажгут такой пожар великой социальной революции, что его свет озарит сознание человечества.

А выдающийся просветитель степи Ибрай Алтынсарин, разве его деятельность не смыкается самым тесным образом с передовыми педагогическими идеями Ушинского. В своей «Киргизской хрестоматии» Алтынсарин вполне определенно выражает взгляды своего русского учителя. Более того, именно отсюда берет свое начало казахская художественная проза. Правда, становление письменной казахской реалистической литературы связано с именем Абая Кунанбаева, но это уже

вершина, Алтынсарин же торил тропу к ее подходам. Он переводил И. Крылова, Л. Толстого, В. Даля.

В одиночестве, в отрыве от дружной семьи советского народа, мы не свершили бы и тысячной доли того, что нам оказалось под силу сообща. Отсюда и наше кровное родство. В труде, в боях за Отчизну Советов и снова в отрадной созидательной работе родились наши сердца и души, а сознание укреплялось верой: курс, избранный партией Ленина,— единственно верный курс, отвечающий интересам советских людей, и какой бы национальности они ни принадлежали.

Я высказываюсь, прибегая к обобщенным определениям. Мне довелось побывать за рубежом, в том числе во многих капиталистических странах. Не буду сравнивать образ жизни той или иной из них с тем, чтобы затем примерять его по эталону наших представлений. Такое мне не мыслится совершенно, как если бы мир воссоединить с антимиром.

Но что испытываешь там, за кордоном, так это потерянность. Никому ты не нужен. Плывешь по волнам судьбы, а куда тебя выбросит? Кого это интересует...

Мы не привычны к такому. И не можем привыкнуть. Сам уклад советского общежития исключает мораль, если здесь уместно данное слово, мораль джунглей. Гуманистические идеалы, используемые нами, воинственно противоположны буржуазным представлениям о «свободе». Личность — не абстрактное, не внеклассовое понятие. Ворочающий миллиардами — по-своему тоже личность. И безработный — личность. Но, отождествляя их, равно представить их прикрытыми фиговыми листами равенства — такое нам кажется беспардонным кощунством. И мы хорошо, очень хорошо знаем, какова ей истинная цена.

Нет, мы не обходим стороной острые, волнующие нас проблемы. Просто стремимся утверждать все то лучшее, чем располагаем, а не копаться в «мелочовках быта».

За неполные пятьдесят лет казахская литература, национальная наша культура достигли такой сияющей вершины, о которой, наверное, не мог мечтать Абай, так чудесно воспетый другим выдающимся сыном своего народа Мухтаром Ауэзовым. Эпопея «Путь Абая» обошла мир, завоевав ее автору признание многомиллионной читательской аудитории. Книгу в масштабе глобальном узнали через русский язык. Анна Никольс-

ская, Леонид Соболев трудились над ее переводами. И тут я усматриваю продолжение светлой традиции дружбы, завещанной нам великими сыновьями народа Ибраем Алтынсариным, Чоканом Валихановым, Абаем Кунанбаевым.

Октябрь дал независимость казахам, как всем некогда угнетенным колониальным народам царской России. Юность 70-х годов является прямой его наследницей. Ей идти под его алыми стягами завтра, навстречу с будущим, которое мы строим сегодня.

Духовная устремленность подкрепляется могучей материальной базой. У нас есть издательства, художественные журналы. Тираж «Жулдыз», например, где-то около 160.000 экземпляров! Книги наших писателей читают миллионы людей и в Казахстане, и в стране, и за ее пределами. Драматурги приходят со своими пьесами в театры высокой сценической культуры.

Однако с вершины, на которой мы стоим сейчас, открываются необозримые дали. И творческая воля народа намечает новые планы воистину солнечных восхождений. Отобразить красоту духа народного, человека, хозяина своей судьбы... Какая это прекрасная задача для каждого советского художника!

Вот о чем мне думается в праздничные дни. Дни большого душевного подъема, в дни раздумий, «а все ли ты сделал, что мог?» И нельзя ли сделать больше.

1970 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРАДИЦИЯХ И НОВАТОРСТВЕ

Когда я обдумывал свое выступление — здесь, в Дели, перед собратьями по перу, мне показалось необходимым поделиться своими соображениями относительно проблемы, которая стояла и стоит перед писателями многих афро-азиатских стран, поделиться опытом, накопленным национальными литературами Советского Союза.

Победа социальной и национально-освободительной революции в афро-азиатских странах естественно и закономерно ведет к тому, что лучшие люди этих народов, передовые умы ищут кратчайшие и наиболее плодотворные пути развития и подъема своей литературы и культуры. И столь же естественно, что на определенном

этапе они сталкиваются с целым рядом противоречивых проблем, которые непременно нужно разрешить, чтобы обеспечить свободный выбор пути.

Время, в которое мы живем, острее, чем когда либо, как мне кажется, выдвигает вопрос о традициях и новаторстве, а традиции и новаторство неразрывно связаны с вопросом о национальном и интернациональном в литературе и культуре в целом.

Вот об этом я и хочу поговорить.

Победила революция, происходят социальные сдвиги и перемены, излом эпохи. И каждый народ неизбежно окидывает взглядом свое прошлое — это нужно, чтобы яснее представить пути в будущее, произвести переоценку нравственных норм и культурных ценностей.

По-разному на разных языках, но первое слово ребенка — мама... Мать кормила его, заботилась о нем, ласкала, воспитывала. Точно так же взрослый человек, разорвавший оковы угнетения, думает о матери Родине, о своем народе, о национальных особенностях — обо всем том, что вместе с ним подвергалось унижению и оскорблению. И писатель в своей работе — тоже испытывает это священное чувство!

Но неумолимо движется время, земля вертится — и прошлому нет возврата. Тому, кто не хочет замечать этого, грозит большая опасность... Ведь преувеличенное внимание ко всему национальному, и только национальному, легко переходит в национализм, который тотчас обнаруживает свою ограниченность во времени и пространстве, ведет к чванству, самоизоляции и, в конечном счете,— к неизбежному самоубийству. Между благородным стремлением вернуть своему народу насильственно отобранные колониализмом культурные ценности и тенденцией замкнуться в тесных рамках национальной обособленности — нет ничего общего. Даже наоборот — одно совершенно исключает другое.

Я национальный казахский писатель. И за свою жизнь сам испытал многое, на своем опыте и опыте своих товарищей познал многое из того, что тормозило развитие и что способствовало росту нашей литературы, а говоря о литературе, я опять-таки имею в виду культуру в целом. На основе этого, на основе прожитой жизни я считаю себя вправе сказать, что на разных стадиях развития народа далеко не все национальное в литературе и культуре, в образе жизни людей, в их деяниях, способно перешагнуть свою эпоху.

Пусть не покажутся странными те два примера, которые я собираюсь привести в подтверждение этого. Они, по-моему, очень убедительны, хотя и трактуют о самых обыденных житейских вещах. Мои отдаленные предки — кочевники великих степей Азии — некогда изобрели весьма полезные, как выяснилось, в обиходе предметы — круглую войлочную юрту и одежду, названную штанами. Кожаные штаны были незаменимы для верховой езды во время дальних перекочевок, набегов, отступлений... А юрта стала незаменимым жильем для кочевника-скотовода.

Так вот... В наше время я не стал бы предлагать основой для современного градостроительства в Казахстане — юрту. (И это — несмотря на то, что летом, выезжая в степь, я с удовольствием меняю свою городскую квартиру на юрту чабана или табунщика).

Другое дело штаны, которые я готов для благозвучия называть брюками. За редким исключением вроде шотландцев, брюки завоевали все мужское население земного шара. Больше того, если сегодня бросить взгляд от Дели до Парижа — через Алма-Ату и Москву,— то мы увидим, что эти самые брюки находят все больше поклонниц и среди женского населения планеты. Ушли всесильные владыки, пали царства, а брюки — остались.

Я не боюсь быть обвиненным в легкомыслии, когда собираюсь сопоставить эти явления и сказать, что именно так обстоят дела, если завести речь о чем-то конкретно национальном в культуре и литературе. Маркс говорил, что Ахиллес немыслим в эпоху пороха. И так же в нашу эпоху немыслимы ни империя Чака Зулу, ни империя Чингисхана — ни по форме своей, ни по своему содержанию.

Литература народов стран Азии и Африки на сегодняшнем этапе своего развития успела достигнуть разных уровней, она — и это совершенно закономерно — обладает неравным опытом, накопила неодинаковые традиции. Главная задача всех нас, ради чего, на мой взгляд, мы и собираемся время от времени вместе,— состоит в том, чтобы той или иной молодой литературе помочь быстрее пройти те неизбежные ступени, которые уже пройдены другими, более развитыми литературами. Отсюда сам собой возникает вопрос о необходимости многостороннего культурного обмена. Причем речь идет не об ученическом подражании, а об усвоении опыта передовых литератур.

Я уверен — только в этом случае национальные писатели обретут подлинно национальные традиции и смогут создать полнокровные книги, которые стоило бы читать, книги для народа, строящего новую жизнь,— свободную и равноправную. Ни один из великих писателей XIX века не стыдился признаваться в том, что он учился у своих великих современников. (Вспомните, Достоевский говорил о том, что все — вышли из гоголевской «Шинели»).

Думая о том пути, который прошла казахская литература, я не считаю зазорным признаться, что рождение в ней прозы и драматургии произошло при благотворном влиянии Толстого и Чехова, Бальзака и Флобера, Гоголя и Горького, Тагора, Лу Синя... Я мог бы в этом списке назвать еще много славных имен.

Но не надо забывать, что, когда рождается ребенок, он должен иметь, он имеет свои собственные неповторимые черты и приметы. Чисто механическое, нетворческое перенесение на чужую почву даже самых гениальных достижений — это бескрылое подражательство, оно может не только затормозить процесс нормального развития той или иной литературы, но и вовсе обезличить ее. При этом понесла бы известный урон и вся мировая культура, ибо в таком случае она неизбежно лишилась бы некоторых граней национального своеобразия. А такая опасность иногда возникает, и надо ее предвидеть, чтобы избежать нивелирующего влияния псевдоавангардной вульгарной модернизации.

Об этом приходится напоминать еще и потому, что в нашем сложном мире идет процесс интенсивной стандартизации, унификации и нивелировки мышления. Мы должны ясно отдавать себе отчет: то, что полезно в индустрии, в строительстве городов и дорог, может оказаться губительным в проявлениях духовной жизни современного человека. Нивелировка человеческой личности — это убийство воли, убийство свободного духа, воспитание покорности судьбе. Всего этого упорно добивается неоколониализм. Вынужденный покидать свои бывшие владения, неоколониализм старается оставить там своих богов, свои модели для подражания.

Задача писателя, как я себе ее представляю,— неутомимая борьба за неповторимость каждого человека, каждого народа, за неповторимость его образного мышления. Только в этом случае народы могут внести свой достойный вклад в мировую культуру. Для выражения

чувств и духа того или иного народа, для передачи всего строя его образного мышления язык эсперанто совершенно непригоден.

Разные люди живут по-разному, и сегодня все труднее становится добиться равнозначного понимания простейших слов — Родина, хлеб, дети, мать, человек, работа, любовь, справедливость, равноправие... И тем не менее — все это должно быть выражено на языках всех народов земли, и только в таком случае — будет правильно понято и воспринято всем человечеством.

1971 г.

ПРОБУЖДЕННЫЙ КРАЙ

Детство мое прошло в мире народного богатырского эпоса. Любил слушать и сам с упоением рассказывал наизусть целые стихотворные поэмы.

Любил смотреть на небо, «гадал» на облаках — они мне дарили удивительных белых скакунов, алых верблюжат, кудрявых ягнят.

А еще я видел, как в нашу степь приезжали переселенцы из Центральной России. Видел, как гибли они от голода, видел, как пастухи, часто сами полуголодные, помогали семьям украинцев и русских, видел, как скотоводы после страшного джута уходили в шахты Караганды. Общность судеб, общность интересов сблизили потомственного шахтера, старика Шило, и богатыря Буланбая — персонажей моего романа «Пробужденный край». Они становились «тамырами». Большая пролетарская дружба зарождалась в шахтах Караганды.

Работая над второй книгой «Пробужденного края», я не раз ездил в Караганду и в другие промышленные города севера Казахстана. Встречался и встречаюсь с прототипами моих героев. Многих уже нет в живых, многие на заслуженном отдыхе. В новой, индустриальной Караганде хазяйничают их дети и внуки. Они работают в городе, непрерывно развивающемся. Как далеко в будущее шагнула Караганда в восьмой пятилетке! Появились новые предприятия, идет в Караганду по строящемуся каналу вода Иртыша. А в проекте Директив по новой пятилетке Караганда вновь упоминается неоднократно: построить фабрику по обогащению коксующихся углей, завершить в основном строительство

металлургического комбината, ввести в действие новые мощности по производству цемента на Ново-Карагандинском цементном заводе, закончить строительство завода резинотехнических изделий...

В проекте Директив XXIV съезда КПСС говорится, что в моей республике за пятилетие объем производства промышленной продукции увеличится на 57—60 процентов, что будет обеспечено дальнейшее развитие электроэнергетики, цветной и черной металлургии, топливной, химической, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности... Только Советская власть могла так круто изменить вековой путь моего народа!

И я оглянулся назад, в прошлое, чтобы идти дальше вперед, к своим новым книгам о новых героях нового времени.

1971 г.

ЩЕДРОСТЬ ВЕЛИКОГО НАСЛЕДИЯ

Не перед каждым художником его время ставило и ставит историческую миссию, миссию, опровергающую целую систему взглядов и убеждений, канонов и норм, незыблемо выдержавших испытания в десятилетиях и даже столетиях.

И не каждому художнику дано безошибочное ощущение пульса жизни в утробе матери, чувство поворотного пункта от самоотживающего старого к неизведанному, не рожденному еще новому. Ибо отрицание существующего, тем более проложение новых путей к новым берегам и горизонтам требует от художника колоссальных духовных сил и динамической энергии, напряжения мысли и воли.

Естественно, призыв времени как вестник наступающих перемен, внешне как будто слышимый одинаково для всех, дробясь во множестве оттенков звука, слова и красок, воспринимается разными художниками поразному. И тут нужен тончайший слух и глубокое внутреннее зрение высокого дарования. И всеми этими качествами был богато и многосторонне наделен великий казахский поэт-мыслитель, чуткий барометр истории, подлинный выразитель чаяний своего народа Абай Кунанбаев, чье 125-летие со дня рождения праздновала вся наша многонациональная Советская страна.

Маркс отмечал обыкновенную необыкновенность поэтической души. Так нередко бывает в жизни, что поэт, живя рядом с тобой, на одной и той же улице, находит созвучие с настоящим в далеком прошлом. Об этом я говорю не в качестве упрека. В сотнях и тысячах произведений устного творчества народа, басен и сказок мировой классики откладывалась самая большая в мире библиотека человеческой памяти-мысли, мудрости и устремлений к лучшему. Не случайно великий драматург Шекспир не раз обращался к событиям, происшедшим за 17—20 веков до него, и эти его произведения по сей день продолжают полнокровную жизнь на мировой арене. Поэт попадает в беду лишь в том случае, когда он воспевает прошлое как образец для настоящего, тем более для будущего.

К счастью, гораздо чаще бывает наоборот. Поэт увидит в настоящем никем другим не замечаемые приметы будущего. Для него прошлое, настоящее и будущее составляют неразрывное целое, как звенья в общей цепи развития общества и формирования личности.

Он видит свою миссию в категорическом отрицании всего, что железным обручем сковывало деяние и отравляло сознание современного ему общества и людей. Он с корнем выкорчевывает и безжалостно хоронит все то, что одним своим существованием душит и заглушает любое новое веяние в духовной жизни. Он становится борцом в самом широком смысле слова. И таким суровым борцом в сложнейшей сфере сознания, в неравной борьбе за душу и сердце человека, т. е. за суть и сущность, был великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев.

Однако мы не должны забывать о знаменитом-предупреждении Маркса о том, что «история действует основательно!» Одинокому борцу не все бывает по плечу. И нелегко понять самого Абая без более или менее приближенной проекции на его время, на эпоху застывшего феодализма, на состояние накопленных духовных сил и ценностей казахского народа.

Как известно, казахский народ издревле владел огромной территорией — от Каспия до Алтая, от Уральских гор до Алатау. Имел большие озера, известные в истории как моря, имел поистине бескрайние кочевья, расположенные по зеленым долинам многочисленных полноводных рек. Не раз в году встречались на этих кочевьях роды и племена, устраивались многодневные

праздники встреч и прощания, на которых происходили состязания на конях, вольная борьба и стрельба из лука, состязания певцов, поэтов и поэтесс. Так возник и сложился жанр поэтического состязания («айтыс») и богатый казахский лироэпос.

Не раз в исторические века казахская степь подвергалась нашествиям азиатских завоевателей, несших с собой разорение и гибель. Не раз в эти же века казахский народ героически отражал нападения извне и отстаивал свою свободу и родину. Так он на основе реальных событий создал богатый героический эпос. И нужно без ложной скромности сказать, что казахский народ по богатству своего лирико-героического эпоса занимает одно из первых мест среди народов всего мира.

Таким мощным был национальный поэтический тыл казахских поэтов XIX века, в том числе и Абая Кунанбаева.

Во времена Абая Кунанбаева не так уж плохо распространялись произведения великих классиков — поэтов Средней Азии и Арабского Востока. Наряду с религиозной схоластикой и мистикой, Казань и Ташкент широко и последовательно издавали почти все основные их произведения на тюрко-чагатайском и тюрко-татарском языках на общепринятом арабском алфавите. К тому же орфография печатного слова тех времен была не столь заумно испещрена, как сейчас, и все тюркоязычные народы свободно читали и понимали друг друга в оригинале. Нередким и неслучайным явлением было, когда степняк, возвращаясь с базара или ярмарки, не забывал купить одну-другую книгу, непременно в стихах. И мы, люди, рожденные в начале века, живые свидетели того, что у любого грамотея-степняка всегда была библиотечка поэтических произведений — в основном казахский лирико-героический эпос и сочинения великих среднеазиатских поэтов. А у Абая и многих современных ему поэтов книгами были полны сундуки.

И молодой поэт Абай Кунанбаев, собираясь наносить на бумагу первый свой стих, обращается за благословением не к богу, как это делали многие поэты, его современники, а к великим учителям своим, поэтам родственных народов Востока:

Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдоуси,

Хожа-Хафиз — все вы,
Помогите мне в стихах
Излить душу свою.

К зрелому периоду жизни Абая Кунанбаева, т. е. к последней четверти XIX века, к городам и селам Казахстана широкой волной двинулось русское печатное слово. И мы видим Абая Кунанбаева среди самых частых посетителей библиотеки в г. Семипалатинске. Об этом феноменальном факте мы имеем совершенно редкостное свидетельство случайного посетителя библиотеки — путешественника — американского журналиста Дж. Кеннана, который со слов библиотекаря Леонтьева сообщал, что Абай Кунанбаев усердно изучал европейскую философию в русском переводе и что он, Леонтьев, целый вечер беседовал с ним о книге Дреппера «История умственного развития Европы».

К этому же периоду относится массовая ссылка «в столь отдаленные места», т. е. в Казахстан, представителей передовой русской демократической мысли — «шестидесятников», среди которых Абай Кунанбаев находил десятки друзей и единомышленников.

Это был самый важный период в жизни поэта, когда через русское печальное слово перед ним широко открылись двери к наукам, к реалистической поэзии и к новым веяниям мировой общественной мысли.

Не подлежит сомнению, что через эту скромную семипалатинскую библиотеку и общение с представителями передовой демократической мысли поэт прошел высокий курс университета, нашел себя, нашел главное направление не только для своей поэзии, но и назначение — поэта-гражданина в жизни людей и общества.

Познание мира через науку, приобщение своего народа к просвещению и культуре в самом широком смысле слова, борьба с феодальной косностью, невежеством и отсталостью — вот какую жизненную программу намечает себе поэт, прежде чем вторично брать в руки перо.

— Русские видят мир! — произносит он знаменитую свою фразу и призывает свой народ к дружбе с великим русским народом. И это в условиях то потухающей, то вновь разгорающейся национально-освободительной борьбы казахов и других народов с русским царизмом.

И в предвидении дальнейшей судьбы и перспектив самосохранения и нормального развития порабощенных народов царской России прозорливый мыслитель Абай

Кунанбаев был исключительным явлением не только для своего времени и века. Он дал решение для всех угнетенных и ответ на шекспировский вопрос «быть или не быть!» Этим решением и этим ответом был призыв к дружбе со второй Россией.

В эту же связь мне хочется поставить один немаловажный пример из личной жизни самого поэта. Это он отправил двух своих сыновей — Абдрахмана и Магавию — в Петербург в офицерские училища, а его брат Халил Кунанбаев окончил кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище.

Такова, примерно, предыстория поэтической жизни Абая Кунанбаева, таков его национальный поэтический тыл, таковы его школы и университеты, которые он, как и А. М. Горький, проходил самостоятельно и успешно.

Великий творец и преобразователь казахского литературного языка Абай Кунанбаев по-настоящему пришел в поэзию в зрелом возрасте —35—40 лет от роду. Он пришел преисполненный гражданского долга поэта, но не подозревая, какую историческую миссию возлагают на него время, история и судьба его народа. Пришел как голос и светлый разум нового времени, гневно отметая все устаревшее как по форме, так и по содержанию.

В будущем потоке абаевской поэзии, в зеленом шуме новой весны тонуло и в конце концов совсем утонуло все религиозно-схоластическое, все примитивное и дешевое, традиционно-трафаретное — плоды бездумия и тупоумия. И впервые устно-поэтические и книжно-схоластические накопления в степях проходят основательную чистку. Абай очистил небо, воздух и почву для нарождающейся новой поэзии, науки и искусства.

Он сурово осуждал и безжалостно бичевал поэтов предшественников и современников за пустоту содержания, за трафаретность и лоскутность формы. Абай требовал органического единства всех компонентов стиха. Ему были чужды безысходность и обреченность, плач по невозвратному прошлому, чем страдали многие поэты его времени, ведь бывают же современники, у которых часы показывают разное время. А мудрец Абай Кунанбаев твердо знал великую истину, что «все течет, все изменяется».

Однако справедливость требует сказать, что иногда проходит по лицу поэта и грустная тень воспоминаний о молодости — его как бы зовут раздолья степных просторов, многоголосые песни кочевья, охота, суровая кра-

сота зимы и прелести весны. Но очарования сменяются разочарованием. Он на себе испытал все прелести жизни степной аристократии, унизительную силу неограниченной ничем власти и высокого положения в безмолвной степи. Он познал силу раболепного почета и непременных измен.

С его могучим умом и личным обаянием Абай Кунанбаев мог стать первой величиной в пределах целой губернии, правда, под протекторатом губернатора. Но он отвернулся от всего этого и навсегда ушел в поэзию. Между тем уход Абая в поэзию не содержит ни намека на отреченность от жизни, наоборот, это был уход от пустой жизни высших слоев общества, в живой действенный мир поэзии, заменявший в те времена радио и телевидение, театр и кино, пропаганду и печать. И, как это ни парадоксально, весь груз общественной, просветительской, прогрессивной мысли и информации Абай возложил на поэзию. И не случайно каждая строка его поэзии полна мысли, многостороннего активного воздействия на ум и сердце человека. В этом было не только гражданское мужество поэта, но и мудрость в переоценке ценностей жизни.

Проходит полных двадцать лет между обращением юноши Абая за благословением к великим поэтам Востока и зрелым человеком, ставшим уже Абаем-ага, когда он с совершенно новым взглядом на призвание поэта берется за гусиное перо. И, мне кажется, есть что-то символическое и в том, что Абай-ага начал писать гусиным пером, а завершил свои бессмертные творения — стальным.

И все, что оставил нам великий поэт высокопоэтического, поучительного и гуманного, требовательного и сурового, начинается именно с этого пункта поворота к реализму.

Поэтическая жизнь Абая-ага была слишком коротка — около четверти века. И он за этот короткий промежуток времени проделал работу, в которой мы все еще не полностью разобрались в течение целого пятидесятилетия. Он перевернул устоявшееся понимание сущности и назначения поэтического слова в общественной жизни. Великий преобразователь и реформатор поэтического слова, Абай-ага всю свою оставшуюся жизнь посвящает кропотливой работе, чтобы художественное слово стало средством воспитания общественного человека, отводя, конечно, первое место поэзии.

Неустанно работает Абай-ага над усовершенствованием поэзии, вводит новые формы стиха, работает над стройностью и пластичностью, точностью и образностью литературного языка. И главное его требование к поэтическому слову сводится к усвоению и соблюдению правил гармонического единства формы и содержания. Его нововведения настолько точны и просты, что до сих пор никому из современных, даже высокоталантливых поэтов, не удается его превзойти. Поэзия новатора Абая-ага не опирается на какие-либо псевдоноваторские формалистические ухищрения, он не играет ни инверсиями, ни аллитерациями. Каждая его новая форма поражает своей простотой и естественностью. Как подлинно великий поэт от родной природы и почвы, Абай-ага был свободен как от эклектики, так и эпигонства. И когда Абай-ага крикнул в мир свое программное и знаменитое стихотворение «Поэзия — царица слов!», он несомненно провозглашал именно этот род поэзии.

Ученые-литературоведы и писатели Казахстана и Москвы немало сделали по собиранию и восстановлению абаевских текстов, по изданию полного собрания его сочинений с комментариями, словаря абаевского поэтического языка и т. д. Но, как мне кажется, до сих пор не вполне ясно понята идейная основа новаторства и реформ Абая. Здесь, видимо, главной помехой является призматическая взаимоотраженность слов «форма» и «реформа», и некоторые ученые продолжают односторонне изучать новые формы стиха Абая не во взаимосвязи с содержанием.

Между тем реформы Абая предусматривают не орнаментировку, а оркестровку стиха, включающую в себя, как это было сказано выше, органическое единство всех компонентов поэтического слова. Его реформы — это целый комплекс плавных переливов, нарастающей динамической ритмики и логических ударений и акцентов, т. е. сплав активности, пластичности и плавности стиха, где рифма никак не может поглотить смысл содержания и сама сливается с ним. В этом сила и сущность реформ Абая, создавшего коренной переворот в усовершенствовании поэтического языка.

Как это абсолютно ясно каждому, усовершенствование литературного языка любого народа требует систематического труда не одного поколения поэтов, писателей, ученых-лингвистов и ученых по разным другим наукам. А основоположнику казахского литературного

языка пришлось работать одному и, тем не менее, на собственном опыте безошибочно наметить направление дальнейших поисков.

Выше я говорил, что Абай-ага вернулся в поэзию в зрелом возрасте, в период его широкого знакомства через русский язык с мировой литературой и философией, следовательно, и эстетикой. Взгляды Сократа, Аристотеля, Платона, Абу-али-ибн-Сина на литературу и искусство, в частности теория триединства, были ему известны и до этого, известны по широко распространенным в те времена тюрко-язычным изданиям. Об этом свидетельствует сам Абай в его «Диалоге Сократа со своим учеником Аристодимом» и записях некоторых мыслей философа XIV века Дауани.

Для меня является несомненным, что первым и главным предметом изучения для поэта в этот период была изящная литература и различные течения в ней. Поэт более чем близко изучает поэзию Пушкина, Лермонтова, Крылова, большую прозу Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Тургенева и многих других. Он зло высмеивает невежество своих современников, не знающих Толстого и Салтыкова-Щедрина. Через русские переводы поэт широко знакомится с английской и немецкой поэзией, а также большой французской прозой, ставшей предметом постоянных пересказов в окружавшей Абая литературной среде.

Большим поэтам всех времен и эпох была присуща учеба в течение всей жизни и критический взгляд на изучаемый предмет. И умудренный Абай-ага садится за низенький круглый стол, берет гусиное перо и начинает писать в фарватере русской реалистической поэзии, поэзии Пушкина и Лермонтова. И начиная с этого периода, он ни разу не обращается к великим поэтам Востока, и трудно обнаружить следы их влияния на его дальнейшее творчество.

Он высоко ценил творения великих поэтов — Фирдоуси, Низами, Навои, Саади и др., продолжал преклоняться перед ними, но время требовало новых песен, песен реализма. Лишь неудачные переводы Абая на русский язык порой делают его как бы продолжателем традиции средневековой классики Востока. Принося большую и искреннюю благодарность всем переводчикам и популяризаторам Абая, тем не менее не могу не высказать свое несогласие с ними по этому пункту.

Абай был глубоко очарован великой поэзией Пушкина и Лермонтова. И чтобы как-нибудь передать силу этого очарования, мне хочется не в шутку задать читателям один вопрос. Как вы поступаете с любимой вами книгой любимого вами автора? Мне кажется, она у вас на столе, она у вас под подушкой, она перед вами, когда вы с кем-то рассеянно разговариваете по телефону, т. е. она с вами везде...

Так и Абай до конца жизни не расставался с произведениями Пушкина и Лермонтова, он глубоко и сердечно дружил с ними, и эту великую дружбу пронес через всю свою поэзию. Он был достойным членом Союза поэтов, провозглашенного Пушкиным.

И нельзя назвать случайным множество переводов произведений Пушкина и Лермонтова, сделанных Абаем так любовно и внимательно, что они вошли в казахскую поэзию и остались как собственно казахские, слитые воедино с поэзией самого Абая.

Абай первым среди поэтов всего обширного Востока перевел на казахский язык гениальное творение Пушкина «Евгений Онегин», притом превосходно и... без всякого гонорара.

Абай был не рабом, а соперником переводимых им поэтов, в том числе Пушкина и Лермонтова. Он глубоко проникал в дух произведения, в его поэтический строй, в строй мыслей автора, в душу каждого образа и в дружеском соперничестве приложил все силы, чтобы переводимые произведения не оставались чужеродным телом, а органически слились бы с национальной поэтикой и обогатили ее.

Так, не случайно задолго до революции песни Татьяны Пушкина, «Спор», «Дары Терека» Лермонтова, «Горные вершины» Гете пелись в наших степях наряду с песнями самого Абая. Не случайно также, что «Евгения Онегина» не раз переводили на казахский язык современные наши поэты, притом крупного калибра, но абаевский перевод во многом продолжает оставаться недосягаемым. Время, беспристрастный судья, первенство все еще оставляет за Абаем.

Переводя произведения Пушкина и Лермонтова, Абай одновременно изучал идейно-художественные основы передовой реалистической поэзии, теоретические положения Белинского и Чернышевского, непоколебимо утвердился в новой для тех времен философии революционных демо-

кратов. Об этом свидетельствует цельность его общественных взглядов и весь настрой его поэзии.

Это спасло его как от сворачивания на проторенные дороги классиков средневековья, так и от подражательства. Они органически чужды как натуре великого поэта, так и его образу мышления. Великим дарованиям совершенно чужда роль подражателя. Приведу гениальные слова Генриха Гейне:

«Великий гений образуется при пособии другого великого гения не столько посредством ассимиляции, сколько посредством трения. Алмаз полирует алмаз!»

Так алмаз передовой демократической русской мысли и поэзии полировал алмаз мысли и поэзии великого казахского поэта. Но он остался национальным поэтом с интернациональным сердцем, и ни в какой степени не подражателем. И когда мы говорим, что все мы, современные поэты и писатели, вышли из него, то имеем в виду неисчерпаемое богатство его национальной поэтической палитры, так щедро питающей все жанры и виды современной литературы и искусства.

XIX век для казахского народа был знаменательным периодом в его жизни, периодом наиболее полного самовыражения в разных областях духовной культуры. В первой половине века прогремела дикой силы буйная музыка — кюи Курмангазы и пламенная песня поэта-борца с ханством и царизмом Махамбета Утемисова. Середина века выдвинула выдающегося ученого и литератора Чокана Валиханова, прозванного его русскими друзьями степным Лермонтовым. Вторая половина века выдвигает педагога-просветителя Ибрая Алтынсарина, ученика и соратника Ушинского, поэтов-певцов Биржана, Ахана-серэ и десятки других высоких дарований в области поэзии и музыки. И каждый из них, соответственно силе своего дарования, выражает чаяния и стремления своего народа к свету, дополняя друг друга новым, еще невысказанным словом. Но в ту эпоху власти тьмы и невежества не было ни творческих союзов, ни научных центров, которые заботились бы о них, направляя в единое русло их деятельность. За спиной каждого из них стояло мучительное одиночество, а за дверью — непроглядная тьма.

И все-таки эти разбросанные по огромной территории одиночки имели одну цель — просвещение, подъем культуры своего народа, поиски кратчайших и рациональных путей к ним. Они же уберегали и уберегли

целостность самого казахского народа, его языка, его богатой музыки и поэзии, его особый духовный облик.

Наконец последняя четверть века выдвинула великого поэта-мыслителя Абая, из которого вышли все мы, его наследники, и великана народной поэзии Джамбула.

Об этом я распространяюсь потому, что деятели литературы и культуры всегда выражали и выражают подлинные устремления своего народа, и сумма позитивных устремлений казахского народа была выражена в исторических словах Абая:

«Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза!»

В основе призыва Абая к дружбе казахского народа с русским лежали жизненно важные, коренные проблемы социального развития. И он верным сердцем поэта почувствовал подготовленность родной почвы для взращивания зерна новых идей, идущих из второй России. И надо сказать, что народ, не так глубоко тронутый религиозным фанатизмом, еще задетый капитализмом, еще не пропитанный развращающим духом спекуляции, вполне оправдал доверие своего поэта. Он оправдал доверие Ленина в период Октябрьской революции и гражданской войны. Он оправдал доверие партии в период коллективизации и индустриализации, он оправдал доверие своей великой Родины в период Великой Отечественной войны, он оправдал доверие страны в создании экономически мощной, культурной республики.

Я не думаю, что даже богатое воображение великого поэта могло нарисовать ему, каким может стать его родной край через полвека после него, как сказочно быстро вырастут его экономическая мощь и культура, какую обретет он форму свободной и независимой государственности, как вырастут его люди — деятели науки, литературы, искусства и культуры. Привыкший видеть паразитическое чиновничество и волостных управителей своего времени, он не мог представить себе, какие вырастут из казахов ленинского поколения скромные и умные государственные деятели,— соправители великой в мире социалистической державы.

Такой гигантский культурно-экономический рост своей республики не представляли себе даже некоторые коммунисты Казахстана 20-х и 30-х годов.

В докладе на XIII съезде Компартии Казахстана, в своей речи на XXIV съезде КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана

тов. Кунаев приводил такие внушительные данные культурно-экономического роста Казахстана, о которых капиталистический мир не смеет мечтать даже во сне. Он приводил неоспоримые цифры и факты колоссального роста производства продуктов промышленности и сельского хозяйства, а также не менее убедительных успехов в культурном строительстве, что в совокупности выводит Казахстан на одно из первых мест среди союзных республик Советского Союза.

Не в наших современных масштабах представлял себе Абай рост науки и культуры своего народа. Никто ему не расскажет, что через пять лет после установления Советской власти был создан Казахский драматический театр, через 14 лет театр оперы и балета, через четверть века Академия наук и десятки высших учебных заведений и т. д. Никто ему не расскажет, что его собственные творения и песни Джамбула, так же, как произведения его современных наследников, переведены на десятки языков народов Советского Союза и народов мира. Никто ему не расскажет, что в Казахстане имеется 16 тысяч библиотек, 45 высших учебных заведений, 10 тысяч школ, что ежегодный тираж книг на казахском языке перевалил за 16 миллионов экземпляров.

Разумеется, поэзия Абая будоражила умы и сердца его молодых поклонников, но она не могла потрясти застывший мир патриархальщины даже в узких пределах. Мир потрясла Великая Октябрьская революция. И мы видим в первых рядах ее борцов поэта-революционера Сакена Сейфуллина с красным знаменем Свободы, Равенства и Братства в руках. Ему принадлежат и первые слова — «Да здравствует революция!», «Да здравствует Ленин!». С него, с Сакена Сейфуллина, начинается современная казахская литература, национальная по форме, социалистическая по содержанию, овеянная духом революционного преобразования мира.

В пылающем огне революции раздался первый крик ее детища — казахской новой литературы. На высокой революционной волне родились первые песни и стихи, рассказы и пьесы, определившие идейно-художественное направление казахской советской литературы.

За полвека советской жизни возникли большие и самостоятельные творческие Союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, журналистов, деятелей сцены и экрана.

В литературе выросла всемирно известная фигура второго Абая, Абая нашего времени — Мухтара Омархановича Ауэзова.

Он был дважды награжден за роман-эпопею «Абай»— сначала Государственной премией СССР и затем — Ленинской.

Это он создал монументальный образ великого поэта, это он воссоздал правдивую историю своего народа на протяжении целой эпохи. Это он открывал занавес первого казахского театра, это он открывал первую страницу ряда жанров в литературе и искусстве, это он проложил первую тропу в литературоведческую науку, в том числе и в абаеведение.

Современная большая казахская литература создавалась и создается трудами большого коллектива казахских писателей и поэтов, критиков и литературоведов, насчитывающих сейчас свыше трехсот имен. И мне хочется подчеркнуть, что многие из них известны не только за пределами своей республики, но и далеко за пределами страны.

Активно продолжают творить писатели и поэты старшего поколения, соратники Сакена Сейфуллина — Сабит Муканов, Габиден Мустафин, Николай Анов, Аскар Токмагамбетов, Иван Шухов, Абдильда Тажибаев, Гали Орманов, Хамза Есенжанов, Халижан Бекхожин, Альжаппар Абишев, Шахмет Хусаинов, Дихан Абилев и много других.

Но к данному периоду все увереннее начинают занимать центральное место в нашей литературе писатели и поэты послевоенного прилива. Они восполняют пробелы и недосмотры старших своих братьев по перу и, естественно, являются связующим звеном в эстафете между старшим и молодым поколениями.

Большим и завидным успехом в этом центральном звене пользуется проза И. Есенберлина, Т. Ахтанова, Т. Алимкулова, А. Нурпеисова, Д. Снегина, З. Кабдолова, С. Шаймерденова, поэзия Х. Ергалиева, С. Мауленова, Дж. Мулдагалиева, Г. Каирбекова и др.

Большинство из них удостоены Государственной премии республики, а произведения их смело перешагнули рубежи своей страны.

Еще компактнее, еще плодотворнее выступила на тернистом пути литературного творчества целая плеяда молодежи.

Она вносит в литературу смелый дух молодости, высокий поэтический полет, емкость мысли, свежесть сравнений и образов.

Таким мне представляется творчество Ануара Алимжанова, Олжаса Сулейменова, Кадыра Мурзалиева, Саина Муратбекова, Жайсанбека Молдагалиева, Аскара Сулейменова, Абиша Кекильбаева, Акима Тарази и доброго десятка других.

Имена первых двух из них, т. е. А. Алимжанова и О. Сулейменова, более чем широко известны за пределами страны, они удостоены ряда премий в республике, а А. Алимжанов — и премии имени Неру. Они же — в ведущем активе международного литературного движения.

Так в общих чертах обстоят дела с кадрами литературы и самой литературы.

Писатели Казахстана на недавно прошедшем своем VI съезде еще раз продемонстрировали свою верность идеалам Ленина, обещали свое активное участие в деле строительства коммунистического общества. Советская многонациональная литература была и остается не просто передовой литературой в мире, но она обладает силой всемирного тяготения для передовых умов человечества.

Поэт и мыслитель Абай, конечно, мечтал о многом, мечтал масштабно, но он не мог себе представить реально семимильные шаги истории в ленинскую эпоху. Трудился честно. Боролся с невежеством, боролся за широкое просвещение своего народа, что в те времена имело буквально историческое значение, но встречал тупое сопротивление и равнодушие прежде всего со стороны своего отсталого народа. И он неистово кричал в мир:

Я с вершины скал
В мир слова кричал.
Эхо отвечало мне вдали.
И тех, кто мне отвечал,
Я искал, волочась по лицу Земли.
Те же скалы передо мной,
То же эхо — отзвук пустой.

Мне кажется, трудно выразить боль сердца, горечь души лучше, чем это передано в этих стихах.

Власти усиливали его преследование. Народ, зажатый в тиски двойного угнетения, не смог ответить активностью на его призывы. Его семью преследовала смерть. Один за другим умерли его два любимых сына,

надежда и опора в его борьбе. Мир поэзии и надежд был разрушен и сменился плачем матерей и жен.

Все это быстро сломило самого поэта.

Я гордо презирал невежество и тьму,
Считал глупцов достойными презренья.
Мне переделать мир хотелось одному,
Но переоценил я разум свой и рвенье!

Так звучит его другое стихотворение, несомненно, созвучное с первым.

Но поэт не переоценил свои силы и рвение, он оставил глубокий след в душе своего народа. Его песни распевались по всем казахским степям, и вместе с песней в душе и сердце людей оседали и его идеи.

Великий поэт и мыслитель оставил нам богатое наследие — свою бессмертную поэзию. Вместе с тем он оставил нам в наследие и работу по завершению его начинаний, с чем, кажется, мы справляемся неплохо.

Физическая смерть гения — не есть уход из жизни. Абай родился 125 лет назад, жил и творил в XIX веке, но он живет вместе с нами в XX веке, и я убежден, что он будет жить и после нас, будет жить не только как великий казахский поэт, но и как поэт всемирного масштаба — поэт человечества.

1971 г.

СИЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГЕНИЯ

Сила человеческого гения, создавшего никогда не стареющие книги; убеждение в высоком назначении писателя и литературы — вот причины, побудившие всех нас собраться здесь этим осенним вечером и отметить 150-летие со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, почтить его память.

Это имя не нуждается в пышных эпитетах, оно — из тех имен, только назвав которое представляешь себе целую эпоху русской, да и не только русской, а мировой литературы. Ведь нам теперь трудно, а, пожалуй, и просто невозможно вообразить, что было время, когда еще не существовали «Бедные люди», «Идиот», «Братья Карамазовы».

Попробуем вернуться на сто с лишним лет назад, когда Белинский, словно бы специально для того, чтобы

мы в юбилейные дни могли повторить его слова, говорил о Достоевском: «Много в продолжение его поприща явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы».

Мы можем подтвердить: так и случилось. Достоевского сегодня читают во всем мире. Читают по-разному, конечно, иной раз стараясь приписать ему то, чего он вовсе не думал и не чувствовал.

Но для нас он всегда остается человеком, который написал короткую и многозначительную фразу: «Жизнь хороша, и надо сделать так, чтобы это мог подтвердить на земле всякий».

По времени эта запись относится к 1876 или 1877 году. Но убеждение это Достоевский пронес через всю свою жизнь.

Это убеждение двигало им, когда он в молодости пожертвовал обеспеченным положением военного инженера и вступил на зыбкую почву писательства, которое почитал благороднейшим и полезнейшим занятием. Это убеждение двигало им, когда, не довольствуясь рамками литературы, он стал деятельным участником революционного кружка Петрашевского.

И даже отойдя впоследствии от борьбы революционной, он по-прежнему стоял на стороне народной правды и признавал реальность и истинность требований социализма и коммунизма.

Достоевский — это явление, которое старались осознать до нас, при нас, будут стараться и после нас. И эти старания, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что один только научно-технический прогресс не может заполнить существование наших современников и наших потомков — он немыслим без жизни человеческого духа, как принято было выражаться в старину.

Мне уже приходилось говорить, но я должен повториться, что наша казахская земля не была чужой для Достоевского, который после каторги проходил военную службу в Семипалатинске. Он вспоминал впоследствии о том времени — как степное солнце сияло над ним, как он радовался весне и свободе.

Его всегда отличало пристальное внимание к человеку — и не случайно он заметил и отличил среди других нашего земляка,— Чокана Валиханова, в нем разгадав будущее обездоленного тогда степного народа.

...Мы встретились сегодня в этом зале ради Федора

Михайловича Достоевского, ради литературы, ради писателя, без которого трудно было бы представить всю мировую культуру.

1971 г.

НАЕДИНЕ С ДОСТОЕВСКИМ

Я теперь уж и не могу вспомнить, сколько ни стараюсь, когда в моей жизни произошла первая встреча с Федором Михайловичем Достоевским. Но если не припоминается точная дата, то навсегда сохранилось потрясающее, неизгладимое впечатление, которое произвели на меня его книги.

Иной раз, говоря о великих писателях прошлого, мы отмечаем, что они чего-то не поняли и чего-то не увидели в современном им мире. В противовес этому я всегда вспоминаю слова В. И. Ленина о Толстом как о зеркале русской революции, о том, что если художник действительно велик, «то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

И сегодня, когда прошло полтора века со дня рождения Достоевского, я хочу думать не о его заблуждениях, и не о наших с ним разногласиях (хотя бы по поводу очищения страданием). Я думаю о силе человеческого духа, над которым не властно само время. Он видел пророческое назначение в творчестве Пушкина, и мы сегодня можем повторить то же самое о нем самом.

Оставаясь наедине с Достоевским, я думаю о том, что он одним из первых показал всю гибельность для человека бессильного и злобного тезиса: «все позволено», хотя бы на судьбе Раскольникова и Ивана Карамазова.

И еще я думаю о том, что для него не была чужой казахская земля. Пусть бесправный солдат, нижний чин, но все же служба в Семипалатинске не шла в сравнение с каторжным острогом. Именно здесь он с жадностью начинает читать книги, которые появились в просвещенном мире за время его вынужденного отсутствия. Здесь к нему пришли простые человеческие радости, которых не чужд и гений.

Здесь он полюбил. Здесь встречался с людьми, которые проявили понимание, ценили его — писателя, в

котором видели надежду и славу России. Я рад, что среди этих людей в судьбе Достоевского был мой земляк — Чокан Валиханов.

Мы знаем имена писателей, без которых нельзя было бы представить себе духовный облик народа.

Среди таких имен для меня дорого и незабвенно имя Достоевского. Он не из тех писателей, которые нуждаются в юбилеях — при жизни ли, после смерти ли. Но сказать о нем мне хотелось теперь, когда весь мир отмечает стопятидесятилетие со дня его рождения.

1971 г.

КОЛОКОЛА ЖИЗНИ

«Пишете Вы — на мой взгляд — в достаточной мере технически умело, фраза у Вас простая, четкая, и все слова почти всегда стоят на своем месте, не мешая читателю понимать и даже видеть все то, что Вы изображаете». Эти теплые слова из письма великого пролетарского писателя М. Горького Ивану Петровичу Шухову воспринимаются мной как счастливое напутствие молодому литератору, нашему земляку, коренному казахстанцу и по рождению, и по своей творческой биографии.

От «Перекрестка дорог», «В деревне Ольховке» — своего литературного дебюта — Иван Шухов вышел на магистраль «Горькой линии», «Ненависти», романов, проникнутых духом гражданской целенаправленности, живо созвучных волнующим, остро злободневным проблемам героико-революционной современности.

Писатель плодотворно работал (что принесло ему несомненную пользу) и в боевом жанре публицистики. Книга «Золотое дно», представляющая собой сборник из шестнадцати очерков, посвященных в основном казахстанской тематике. В общем плане они как бы образуют единый цикл рассказов о жизни республики, о ее природных богатствах и красоте, о людях, трудом своим преобразующим жизнь родного края.

Перечень произведений писателя от «малых» по объему до развернутых полотен — повторять вряд ли нужно. Книги Ивана Шухова «не скучают» на библиотечных полках. Их читатели читают и будут читать с интересом, потому что они открывают нечто свое, неповто-

римое, потому что в них живет поэзия мысли, поэзия чувства.

И вот теперь зрелый, многоопытный мастер пера осуществил новую работу — повесть «Колокол», представленную Союзом писателей Казахстана к участию в конкурсе на соискание Государственной премии Казахской ССР имени Абая.

Мне думается, повесть «Колокол», если брать обобщенно, как бы предваряет итог под временным рядом творческих достижений писателя. Но она же, как представляется мне, одновременно является и логическим продолжением поиска все того же «Золотого дна». Поиска, составившего творческую судьбу художника жанриста-бытописателя, певца народной жизни. Это, на мой взгляд, одна из самых сильных черт таланта Ивана Шухова.

Герой «Колокола»— время. Или какой-то пласт времени. Автор повести исследует и живописует его через восприятие человека, только-только входящего в сложный мир жизни. События видятся не воочию. Они просматриваются взором памяти, через огляд в прошлое. Отсюда, возможно, и некоторая пусть «не крутая», но в отдельных местах заметная склонность к героизации. Особенно там, где речь идет о быте и народных, конкретней — казачьих, традициях.

Повесть названа громко «Колокол». В самом названии слышится нечто вечевое, призывное. Мне не кажется это странным и тем более чрезмерным. Герой повести, повторяю,— время, оно же не мыслится без диалектической взаимосвязи явлений, с их противоречиями, рывками, неожиданными взлетами, со стремлением к новым, лучшим формам человеческого бытия. А главное — ему не дано двигаться вспять.

«Большое видится на расстоянии». Это так. Но еще важно и с каких позиций видится.

Нам проще сейчас разобраться в противоречивых сложностях бурного восемнадцатого года. Участники событий той поры не располагали нашим опытом. Они действовали. Одни защищали революцию, с яростью и убежденностью своих классовых интересов. Эти «одни»— был народ. И не абстрактно, а строго определенно — народ трудовой. Другие жестоко боролись за право жить, как жили. Сыто, в сугреве всяческих сословных привилегий, дарованных самодержавием.

Казачеству даже не внушалось — вбивалось в созна-

ние, что оно — особая «кость», опора державы российской. Даже русских казачья элита именовала иногородними. Коренное население степи — казахи были и вовсе «инородцами». Такова была схема социального устройства, усиленно насаждаемого царизмом, особенно на окраинных землях империи. Над этой схемой занесла свою могучую руку революция. И тогда выяснилось, что схема-то писана вилами на воде. Жизнь все распределяла иначе: батрак, бедняк — русский или казак или инородец и нищий казах и есть одна «кость». Их кровные интересы по всем главным пунктам совпадали. И очень важно (в «Колоколе» это прослеживается) то, что трудовой человек понял, осознал, что «кость», к которой он принадлежит, стоит поперек горла тех, на которых он вчера гнул спину.

Таков внутренний смысл, подтекст повести. Повести, я бы сказал, об утре прозрения народного сознания, о первых ростках новой жизни. В этом я вижу главное целевое достоинство повести «Колокол».

И все же я хочу вернуться еще к одному месту из письма М. Горького:

«Вы написали очень хорошую книгу (в данном случае «Горькую линию»— *Г. М.*), получается впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно: будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтобы изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими...»

Наверное, и в «Колоколе», пусть по-своему в самой интонации повествования, «смелость и свобода», замеченные М. Горьким, не помешали бы, а, наоборот, усилили бы и социальное, и художественное звучание произведения.

Героизация не противопоказана литературе. Но тут никак не обойтись без расстановки очень точных, очень тонких акцентов. Ивану Шухову, влюбленному в свою родную станицу Пресновку, неразрывно связанному сыновними узами с отчим краем, трудно, конечно, и как человеку, и как художнику, быть холодно отстраненным от некоторой идеализации того, что дорого ему как память о детстве, юности, о пережитом. Не случайно так теплы, так поэтичны пейзажные отступления во всех его книгах.

Он создал свою шуховскую степь с ее холмами, с «глазами озер», перелесками березовой чистоты, с ее

людьми. С такими, как Фешка Сурова и Елизар Дыбин. Это живые образы, выписанные сильными красками. «Колокол»— повесть от лица времени. Она где-то оправданно элегична, ее лиризм, язык — непосредственный, по-шухов ски емкий, подкупают своей душевной искренностью. И все же в дальнейшей работе над ней,— а работа эта, чувствуется, находится только в начале больших творческих свершений, следовало бы чуть почаще обращаться к горьковской мысли о смелости и свободе, которые необходимы художнику для изображения жизни со всеми ее сложнейшими превращениями. Правдивость, пусть порой суровая и даже беспощадная,— но ясно определенная средствами художественного видения, мировоззрения писателя — только она приносит и принесет свои благодатные результаты.

«Колокол»— заметный шаг вперед на том пути художественных открытий, которым прошел писатель Иван Шухов. Выдвижение повести на соискание Государственной премии Казахской ССР, в области литературы имени Абая — лучшее тому подтверждение.

1972 г.

ВОЗМУЖАНИЕ

Тридцать четрые года... 1938—1972... В этот долгий путь сегодня укладывается биография Казахского художественного кинематографа.

И моя собственная кинобиография: в 1938 году вместе с писателями Всеволодом Ивановым и Беимбетом Майлиным я был автором сценария «Амангельды». Поставленная по нему на киностудии «Ленфильм» с участием казахских артистов картина стала первой ласточкой нашего игрового кино.

Наш кинематограф возникал не на голом месте. Всеми своими корнями Казахское кино с первых дней своего существования было связано с литературой, музыкой, изобразительным искусством в свою очередь выкристаллизовавшимися из сокровищ народного творчества. Немалую роль сыграли и великие традиции, творчество крупнейших казахских просветителей Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, боровшихся за раскрепощение личности, за прогресс, за социальную справедливость.

Уже в первые годы Советской власти один из старей-

щих казахских писателей Ильяс Джансугуров в своих статьях и выступлениях призывал активно готовить и ускорить появление национального кинематографа. Ильяс Джансугуров даже и сам снимался в эпизодах и массовых сценах первых фильмов, посвященных казахам.

Нельзя не вспомнить о Мухтаре Ауэзове, выдающемся писателе, авторе сценариев фильмов «Райхан» и «Песни Абая»...

Немалую роль в становлении нашего кинематографа сыграл и театр. Первый казахский национальный театр, сформированный в 1926 году, воспитал целую плеяду великолепных актеров, многие из которых и по сей день работают в кино. Это Калибек Куанышпаев, Серке Кожамкулов, Елюбай Умурзаков, Курманбек Джандарбеков и другие.

Я начал статью с воспоминаний о нашем самом первом художественном кинофильме, созданном на «Ленфильме», о нашей совместной работе с коллегами из России. А как много сделали для нашего кинематографа крупнейшие советские режиссеры С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, братья Васильевы, И. Пырьев... Все они работали в Алма-Ате в годы Великой Отечественной войны.

Уже в послевоенные годы Григорий Рошаль посвятил свой фильм классику казахской литературы Абаю Кунанбаеву, сняв по сценарию Мухтара Ауэзова картину «Песни Абая».

Ефим Дзиган в 1953 году поставил первый казахский цветной фильм «Джамбул», в котором талантливо заявил о себе, как актер, Шакен Айманов.

Казахский кинематограф очень многим обязан этому талантливому художнику. Шакен Айманов пришел в кино из театра, где сыграл больше ста ролей — героических, комедийных, трагических, гротескных. И так же неутомимо, по-молодому работал он в кинематографе, пробуя свои силы в комедии, психологической драме, в эпических полотнах и остросюжетных лентах. Пусть эти фильмы неравноценны по своим художественным достоинствам, но они, несомненно, оставили свой добрый след в Казахском кино. Он снял картины об освоении целины («Мы здесь живем»), о перестройке в сельском хозяйстве («В одном районе»), лирические комедии («Наш милый доктор» и «Песня зовет»), поставил интересную, исполненную философских раздумий картину «Земля отцов».

Большой удачей Айманова стал его последний фильм — «Конец атамана», где режиссер заявил о себе как зрелый, тонкий и умный мастер.

Картина создана на документальной основе, но авторы не ограничились констатацией фактов, а воссоздали широкую панораму событий тех лет.

Для нашего кинематографа характерно обращение к наиболее драматичным периодам в жизни страны, отмеченным высокой поэзией народного подвига.

В картине «Сказ о матери» (режиссер А. Карпов), с успехом прошедшей на союзном и зарубежном экранах, авторы рассказали о моральной стойкости, самоотверженности и духовной красоте советских людей. Замечательно сыграла мать в этом фильме народная артистка Амина Умурзакова. Действие фильма происходит в годы войны в Казахстане. И к тем же трудным годам обратился в двух своих последних фильмах режиссер Мажит Бегалин, рассказавший о тех, кто сражался на фронте, отстаивая каждую пядь земли. Это «За нами Москва», посвященная подвигу панфиловцев, и «Песнь о Маншук». Мне особенно дорога последняя картина Бегалина, которая и в самом деле стала песней о славной дочери казахского народа Герое Советского Союза Маншук Маметовой. Этот яркий, драматический фильм, проникнутый любовью к своей юной героине, прекрасно рассказал о поколении, ушедшем на фронт в незабываемом 1941 году. Картина сурово-трагична, но одновременно полна света, гордости за тех прекрасных людей.

В фильмах «За нами Москва», «Песнь о Маншук», как и во многих казахских современных и историко-революционных фильмах («Земля отцов» и другие), нашла глубокое воплощение традиционная для всей нашей кинематографии тема дружбы народов, интернационального братства советских людей. В боях на фронтах Великой Отечественной войны проливали кровь представители всех национальностей нашей страны, здесь решалась судьба нашей общей социалистической Родины.

Мажит Бегалин один из ведущих режиссеров, прошел великолепную школу во ВГИКе — он учился в мастерской С. А. Герасимова.

Пожалуй, почти каждый из тех, кто сегодня трудится на «Казахфильме» так или иначе соприкоснулся с мастерством русских кинематографистов и кинематографистов братских республик. Султан Ходжиков, известный

своими фильмами «Мы из Семиречья», «Если бы каждый из нас»,— ученик замечательного режиссера Александра Петровича Довженко. Многие наши молодые сценаристы, режиссеры, операторы, художники тоже пришли к нам из ВГИКа.

Не так давно мне вновь привелось выступить в качестве сценариста. На киностудии «Казахфильм» по моему сценарию режиссером С. Ходжиковым был снят фильм «Қыз-Жибек», созданный по мотивам одного из самых известных казахских сказаний.

Постановка картины была достаточно сложной, и встреча с коллективом, работавшим над ней, показала мне, как вырос за прошедшие годы «Казахфильм».

Казахское кино расширило круг тем и жанров, обогатилось новыми выразительными средствами. Многое радует в том, что сделано сегодня на «Казахфильме». Но так хотелось бы в сегодняшнем разговоре о наших достижениях назвать картины о современности и современниках. В этом смысле интересно работают казахские документалисты. Их зоркая, оперативная камера запечатлевает заводы, шахты, металлургические гиганты, степные совхозы, горные пастбища и целинные земли. И как ни вспомнить здесь о творчестве Ораза Абишева, о его фильмах, тематика которых объемна и обширна! Его картинам всегда присущи поэтическое обобщение, романтический взлет, гражданственность.

Я уверен, что и мастера, и молодежь студии, работающие в художественном кино, активнее обратятся к сегодняшнему дню. Это трудно. Трудно и ответственно. Но что может принести большую радость, чем создание произведения, вбирающего в себя существенные черты нашего времени, его прекрасный образ?. Наша студия готова и к этому ответственному шагу вперед.

Прожито тридцать четыре года. Наступила пора возмужания.

1972 г.

ДРАГОЦЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

...И вот снова наступает время встреч.

Но на этот раз мне не приходится собирать походный чемодан и лететь через высочайшие горные хребты и необъятные океаны. Мой город — Алма-Ата — осенью

нынешнего года вписывается в историю афро-азиатского писательского движения, как уже навсегда вписались в нее Дели, Ташкент, Каир, Бейрут.

Наступает время встреч, время горячих, вдохновенных, идущих от сердца слов. А слово для писателя — его самое прямое дело. Во все эпохи настоящая литература корнями уходит в живую действительность, и потому писатель, который по роду своей работы имеет дело с человеком, с его надеждами и разочарованиями, страстями и верованиями, не может — если только он настоящий писатель — безучастно взирать на то, что происходит в мире. И объединение писателей двух огромных континентов стало острой и насущной необходимостью.

Память услужливо возвращает меня на добрые полтора десятка лет назад. Не боясь повториться, я должен снова сказать, что конференция в Дели не просто подчеркнула значение литературы в формировании духовной жизни народов, мучительно преодолевающих последствия колониализма. Доброжелательный, плодотворный обмен мнениями, споры, которые велись с уважением к точке зрения собеседника,— все это сыграло неоценимую роль в установлении взаимопонимания, для взаимного обогащения опытом, для дальнейшего развития и молодых, начинающих, и древних, имеющих многовековые традиции, литератур.

Так я думал тогда, так я думаю и сейчас. Именно в Дели — и два года спустя в Ташкенте — были сформулированы не новые, очевидно, но вечные принципы единства и коллективной ответственности. Мы не имеем права уподобляться страусу, который прячет голову в полной уверенности, что это убережет его от опасностей. Было бы неоправданной наивностью и непростительным легкомыслием не замечать вопиющие несправедливости, которые совершаются на нашей планете. И писатели не мирились с этим. Они протестовали против войны во Вьетнаме и расширения агрессии на весь Индокитай, требовали мирного урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, горячо поддерживали идеи разоружения, решительно осуждали неумные попытки применять силу в решении спорных вопросов.

Я говорю обо всем этом — о пристальном внимании к подробностям быстротекущей жизни, о влиянии в области многих политических и культурных начинаний, но не забываю о главном, что составляет деятельность Ассоциации писателей стран Азии и Африки, о всех

конференциях которой мне посчастливилось принимать участие.

Максим Горький когда-то назвал книгу одним из величайших чудес, созданных человечеством. На мой взгляд, его слова сохраняют свою правоту и в наши дни, когда человек расщепил атом и начал познавать антивещество, когда он вышел в космос, когда телевидение делает для него доступным любой уголок земного шара, делает очевидцем событий, которые происходят не при нем.

Но в этих условиях книга остается книгой. Японский учитель рисования, пекущийся о нравственном совершенствовании своих питомцев, старающийся преодолеть равнодушие и несправедливость, из повести Такэси Кайко «Голый король» приходит на страницы алма-атинского журнала «Простор», и десятки тысяч читателей сочувственно следят за его усилиями, за его удачами и поражениями...

В бесконечное кочевье по многим странам отправился наш великий и незабвенный Абай, чью нелегкую судьбу блистательно описал Мухтар Ауэзов в свой эпопее. И в разных уголках света люди, никогда не бывавшие в нашей степи, могут с полным правом утверждать, что они жили в казахском ауле конца прошлого века, что это они были влюблены в красавицу Тогжан и испытали безнадежное чувство потери, что на их глазах рождались стихи поэта, обессмертившие его имя...

Точно так же я могу сказать, что жил в Египте до революции 23 июля 1952 года, что это я в необычной лавке, где торговали душевными качествами, «попросил порошок смелости сроком на десять дней...» И с этого момента потянулась цепь необычайных событий, направленных к тому, чтобы сбылись «чаяния людей добрых и благородных». Да, я действительно жил там, потому что прочел роман видного египетского писателя Юсефа ас-Сибаи «Земля лицемерия».

И не только я... «Однажды ко мне,— пишет Юсеф ас-Сибаи в небольшом предисловии к роману,— пришел посетитель из Пакистана и сообщил, что он перевел мою книгу на язык урду и издал ее в своей стране. Этот переводчик сказал мне, что, по его мнению, в романе рассказывается не о каком-то определенном обществе, а о целом этапе жизни многих народов, страдавших от колониального гнета. Когда перевод был издан, власти Пакистана сочли, что переводчик сам сочинил эту книгу,

в которой изобразил пакистанское общество. От тюрьмы переводчика спасло лишь то, что ему удалось показать арабский экземпляр книги властям и тем самым доказать, что эта книга переведена с арабского, что она издана в Египте».

Эти примеры глубокого и тонкого проникновения литературы в жизнь народа, в характерные приметы времени, в самую суть явлений каждый читатель волен продолжить по своему усмотрению.

Но здесь я собираюсь сделать одну оговорку, хоть и заранее понимаю, что могу показаться несколько старомодным. Это, пожалуй, простительно человеку, который переступил порог своего семидесятилетия.

В последнее время мне не дают покоя два рисунка, увиденные на обложке одного из номеров журнала «Курьер Юнеско». На первой странице польский художник Роман Чеслевич воспроизвел знаменитую Джоконду — с одним только добавлением, которого не предусмотрела кисть Леонардо да Винчи: из прекрасных глаз молодой итальянки безутешно лились слезы.

Я сперва не понял, чем вызвана такая вольность в обращении с картиной великого мастера. Но на последней странице обложки кубинским художником Альфредо Ростгаардом была изображена роза, которая тоже плакала каплей росы.

Оказалось, что горечь молодой женщины и горечь чудесного цветка вызвана теми издевательствами, которым сегодня подвергается реалистическое искусство — и живопись, и музыка, и театр, и литература.

Рискуя прослыть отсталым, я все-таки не могу взять в толк, чего добивается, например, автор книги, в которой на протяжении трехсот страниц нет ни одного знака препинания и ни одной заглавной буквы, а местами идет сплошной набор не согласованных между собой слов. Что это добавляет к его замыслу? Какие передает наблюдения над жизнью и движения души? Честно говорю — не знаю.

Писатель должен, понятно, думать о выборе изобразительных средств, должен стремиться к достижению впечатляющего воздействия. Тот же Максим Горький говорил, что работа над языком, над формой — цель жизни художника. Но все это ровно никакого отношения не имеет к беззастенчивому авторскому произволу.

Я вовсе не стремлюсь сейчас придать своим размышлениям законченность резолюции, а просто делюсь свои-

ми убеждениями, которые сложились у меня почти за полвека литературной работы. Меня всегда интересовал живой всамделишный человек в живых всамделишных обстоятельствах и оставляли равнодушными различного рода ухищрения.

Старый добрый реализм успешно отстоял самого себя от всех яростных нападок, которым он подвергался. И отстоял не громкогласными декларациями, а добротными, полнокровными произведениями, созданными на самых разных языках.

Конечно, он отнюдь не закостенел, а постоянно обогащается, сверкает новыми, как бриллиант чистой воды в руках искусного мастера.

Для советского писателя методом познания действительности в ее постоянном революционном развитии стал социалистический реализм. Он возник, окреп и развился как прямое следствие тех огромных преобразований, которые произошли не только в нашей стране, но и во всем мире.

Я не литературовед, не критик, и то, о чем я говорю,— живые наблюдения писателя, по роду своей профессии думающего о природе художественного творчества. На мой взгляд, в наше время честный прогрессивный писатель, любящий свой народ и знающий людей, пристально изучающий жизнь, неизбежно в той или иной степени приходит к социалистическому реализму, который позволяет ему проникнуть в глубинные пласты социального устройства жизни, который предоставляет свободу в выборе стилевых направлений.

Обо всем этом, я думаю,— о праве выбора и ответственности художника перед временем и людьми, которые ему доверяют,— мы поговорим с товарищами по перу в дни Алма-Атинской конференции. Не стоит закрывать глаза на те трудности, которые мы пережили за годы движения писателей стран Азии и Африки, и не замечать тех порогов, которые нам удалось преодолеть, стоило только проявить добрую волю — и одному выслушать без предубеждения, что говорит другой.

Такому многостороннему диалогу во многом способствовало создание журнала, названием которого стало название прекрасного цветка, растущего в Индии,— «Лотос». Этим мы добровольно отдали дань уважения индийским писателям, которые первыми проявили инициативу в создании того движения, которые мы имеем сегодня.

Появление «Лотоса» выходит далеко за рамки обычного рождения еще одного периодического издания. В журнале находят и будут находить себе место различные произведения различных писателей — различных не только по своему гражданскому подданству, но и по взглядам, вкусам, стилям, придерживающихся разных верований и точек зрения. (Думаю, что исключение составят лишь те, кто исповедует и проповедует человеконенавистнические идеи, одобряет братоубийственные войны, обрекает человека на позор и гибель. Такие тоже есть, но их я не могу назвать писателями).

Выход «Лотоса», объединяющегося на своих страницах писателей разных стран и народов, призван показать, что у людей, разбросанных природой и историей по всем континентам, гораздо больше общего, чем того, что разъединяет их... Чтобы жить в сегодняшнем мире, надо лучше знать друг друга. Истина эта — старая, но она не перестает быть верной оттого, что старая... И нельзя прекращать работу, способствующую такому взаимному узнаванию. Вот почему следует с большой похвалой отозваться о том оживлении издательской деятельности, которое предшествовало V Алма-Атинской конференции афро-азиатских писателей и в Советском Союзе, и во многих странах, входящих в нашу ассоциацию.

...Алма-Ата встречает писателей — участников конференции осенью, золотой осенью. А осень — это добрая и щедрая пора сбора урожая. Так постараемся в дни наших встреч не потерять ни одного колоса!

1973 г.

НАША СИЛА — В ЕДИНСТВЕ

С годами начинаешь замечать, что время движется очень быстро, и, кажется, совсем еще недавно мы говорили:

— До встречи афро-азиатских писателей у нас, в Алма-Ате, остается полтора года...

Потом счет пошел на месяцы, на недели. И вот — уже наступил день, волнующий момент, когда во Дворце имени В. И. Ленина, на площади Абая, состоится торжественное открытие V конференции писателей стран Азии

и Африки. Мы принимаем участников и гостей из социалистических стран. Мы принимаем представителей прогрессивной творческой интеллигенции Запада. Соберутся люди, объединенные любовью к слову, любовью к литературе — а настоящая литература во все времена неотделима от живой жизни, от судеб народов. На писателе лежит бремя ответственности не только за героев его книг, но и за многих людей, живущих рядом с ним в сегодняшнем мире.

Обо всем этом мы уже не раз на протяжении полутора десятка лет говорили с товарищами по перу на конференциях в Ташкенте, Каире, Бейруте, Дели. Но, во-первых, благородная истина не тускнеет от ее повторения, а, во-вторых, время постоянно выдвигает новые проблемы, требующие обстоятельного обсуждения, новые задачи, которые предстоит решать.

Одна из таких истин: чтобы вести плодотворный диалог, надо лучше знать друг друга. В преддверии встречи — в Москве, Ленинграде, в республиках Закавказья и Средней Азии, в Прибалтике, на Украине и, само собой разумеется, у нас, в Казахстане,— миллионными тиражами, общим объемом в тысячи печатных листов, вышло множество книг, рассказывающих о простой жизни простых людей, посвященных борьбе афро-азиатских народов за лучшую долю, преодолению тяжелых последствий колониализма и неоколониализма.

Память наугад выхватывает из этого потока... Рассказы филиппинских писателей, вышедшие в алма-атинском издательстве «Жазушы». Роман о молодежи сингапурского писателя Го Бо-сена, который начинает печатать журнал «Простор». Роман Юсефа эс-Сибаи — «Земля лицемерия» в одном из летних номеров «Иностранной литературы». Виктор Рид, пишущий об Африке, зазвучал сегодня на туркменском языке. Халдун Танер из Турции перешагнул в Грузию со своим сборником, в который вошли его наиболее значительные произведения. К молдавскому читателю пришел известный южноафриканский писатель Алекс Ла Гума.

Мы своими людьми появляемся в хижинах африканских деревень, в одной лодке ловим рыбу с филиппинскими рыбаками, в боевом расчете бережем добытый дорогой ценой покой Вьетнама, требуем справедливости и мирного урегулирования проблем Ближнего Востока. И можно только радоваться тому, что писательская наша конференция в Алма-Ате собирается в такой обста-

новке, когда в политическом климате планеты возникли ощутимые признаки долгожданного потепления.

Успехи, достигнутые миролюбивой дальновидной ленинской политикой Советского Союза, вселяют надежду и уверенность в будущем в сердца миллионов людей.

Все это так. Однако было бы непростительным легкомыслием не замечать или делать вид, что не замечаешь: определенные круги — и на Западе, и на Востоке — все еще лелеют мечту, держа бомбу за пазухой, решать международные вопросы с позиции силы, стремятся навязать свою волю другим народам, которые ведь могут иметь и свое собственное мнение о путях развития своих стран.

Писатели — участники своей V конференции — не смогут, на мой взгляд, миновать эти проблемы в дни встреч. «Чистое» искусство, литература для литературы никогда, по-моему, не существовали в природе, потому что никакой писатель не может создать ни строчки, если он отгорожен от живой, бурной действительности. А все попытки отгородиться от нее — вроде толстых романов, написанных без единого знака препинания и без единой заглавной буквы,— никогда не приводили писателя к успеху. Толстой, Рабиндранат Тагор, Горький, Лу Синь как-то умели сказать по-своему и о своем, не нарушая школьных правил синтаксиса и пунктуации.

Я был воспитан на старых добрых традициях реализма, и почти за полвека литературной работы у меня не возникло внутренней потребности пересматривать свое отношение и к методу познания действительности, и к способам ее отражения. Хемингуэй, который знал толк в писательском деле, недаром говорил, что нет на свете труднее занятия, чем писать простую прозу о человеке.

Но я опять невольно вернулся к произведениям, созданным в старой, проверенной реалистической манере... А ведь сколько раз на моей памяти иные горячие головы безапелляционно предрекали, например, гибель роману... Или утверждали, что мучительный поиск нужного слова, строгий и точный отбор подробностей — все это изжило себя в писательской работе.

Мне уже приходилось говорить, какое впечатление произвели на меня два рисунка в одном из номеров журнала «Курьер ЮНЕСКО». Плачущая Монна Лиза и расцветшая роза, с которой, как слеза, падала капля росы. Не сговариваясь, польский художник и кубинский выразили свое отношение к тому, как несправедливы

яростные нападки, которым сегодня подвергается реалистическая живопись, реалистическая литература.

Я хочу повторить накануне встреч с товарищами по перу из самых разных стран мира, что для советского писателя самым совершенным методом стал реализм социалистический — как метод познания многообразной действительности в ее поступательном революционном развитии. И это не просто декларация... Тому доказательство — долголетний опыт многонациональной советской литературы, длинный список ее лучших произведений, известных во всем мире.

Я хочу повторить сегодня, в канун алма-атинских писательских встреч, о той ответственности, которая лежит на каждом писателе за судьбы людей, за спокойную старость прожившего жизнь труженика, за всех Ромео и за всех Джульетт, чтобы каждый человек мог добывать свой хлеб и растить своих детей, не поглядывая с тревогой на небо, с которого слишком часто за последние годы сваливалась смерть.

О мире, о добром взаимопонимании между народами независимо от цвета кожи, религии, социального устройства их общества — и об этом обо всем, я надеюсь, возникнет доверительный разговор в Алма-Ате в дни конференции.

Многие участники афро-азиатского содружества писателей хорошо помнят прекрасные дома — в лунном свете они казались высеченными из мрамора — на улицах Дели и шумный гостеприимный Ташкент, где принципы единства и коллективной ответственности получили свое дальнейшее развитие, и величественный Каир — там, рядом с вечным Нилом и такими же вечными пирамидами, мы невольно настраивались на торжественный лад и уверенно смотрели в будущее, и застывшие в знойном воздухе ливанские кедры в Бейруте...

Теперь мой город вписывается в историю афро-азиатского писательского движения... И, забегая немного в будущее, мне хочется выразить заветную надежду: пусть после нашей конференции выражение *дух* Алма-Аты станет означать добро, справедливость, взаимопонимание, и еще раз взаимопонимание, дружбу — все то, без чего нельзя жить в сегодняшнем мире.

1973 г.

ЛИТОЙ КОЛОС ЦЕЛИНЫ

Дыхание большой жатвы уже коснулось и казахской земли. С каждым днем напряженнее бьется пульс летней страды.

Недавно я побывал у моих земляков в Северном Казахстане, в совхозе имени писателя Сабита Муканова, у тех, кто выращивает хлеб, кто своими делами вписывает славные страницы в сказание о великом подвиге целинников.

В этих поездках еще раз передо мною раскрылась глубина характера труженика полей. Он верен своему долгу, умеет слушать голос земли, хорошо знает агротехнику, способен подчинять себе капризы погоды. Порой я поражался: неужто можно предугадать, что первые теплые дожди прольются именно к началу восходов? И как вообще в этот испепеляющий зной уберечь нежные ростки, а затем вырастить из них тяжелый колос? Но если разобраться, то ничего удивительного в этом нет. Не на «везение» и «чутье» полагается сегодня хлебороб. Это союзники крайне ненадежные. Знания, обогащенные опытом,— вот чем объясняются отменные урожаи.

Постижение мастерства оказалось очень непростым занятием. Жизнь дарила земледельцам не только удачи. Ранние посевы, обычно для других мест, здесь, например, погибали. Попадая под июльские суховеи, они сгорали. Значит, нужно было искать более подходящие сроки. Речь шла не о простом изменении графика, а о большем — о перестройке психологии людей.

...Пять дней бушевал над полями совхоза «Сорочинский» Кустанайской области знойный ветер, раскалившийся в песках пустыни. Люди с тревогой думали о хлебе. Неужели повторятся нередкие в прошлом пыльные бури и унесут вместе с всходами самый плодородный слой почвы? Но нынче у «батыра полей» надежный щит — новая целинная почвозащитная система земледелия.

Свой урожай отбили у суховеев не только кустанайцы, но и хлеборобы Тургая, Приишимья. Если целинные нивы страдали от засухи, то на западе — в Уральской и Актюбинской областях шли нескончаемые дожди. Условия уборки, что и говорить, далеки от идеальных. Они диктуют земледельцу свою стратегию и тактику. Очень, очень важно отвоевать хлеб у ненастья. Чтобы убрать

урожай до последнего зернышка, надо знать все особенности земли, распоряжаться и маневрировать техникой в этих сложнейших условиях — мастерство высшего класса. Каждый комбайнер здесь мастер...

Мы, казахстанцы, от всего сердца радуемся рекордам ростовских мастеров жатвы, чей подвиг отмечен высокими наградами Родины. Недавний успех наших товарищей из Волгоградской области вдохновил на трудовые подвиги всех земледельцев страны, в том числе и моих земляков. Пройдет немного времени, и мы узнаем имена героев очередной целинной жатвы — комбайнеров, трактористов, шоферов, и скажем им всенародное спасибо — за старание и нелегкий, но почетный труд.

1974 г.

ЗА НАМИ — БУДУЩЕЕ

Человечество не умело летать тысячелетия, но взоры его неизменно были обращены к звездам. В полумраке пещер зарождались первые тяжелые, как каменные орудия труда, представления о высоте. И это было мечтой. Мы ее унаследовали от наших далеких предков. Но вооружили ее знаниями законов, по которым строится новый мир. О нем поется в коммунистическом «Интернационале».

Владимир Ильич Ленин любил мечтать и улыбался, когда его называли фантастом. Он знал, что вот-вот зарокочут турбины Волховстроя — первенца электрификации страны.

Мне — казахскому писателю, свидетелю и, в какой-то мере, участнику событий, положивших начало Советской власти в Казахстане,— представляется, что одна лампочка от берегов Волхова,— лампочка Ильича, осветила мой рабочий стол, за которым я начал постигать тайны рождения художественного слова.

Мы жили по законам революции. Нам предстояло вернуть своему народу песни Абая. Они не были забыты, но их следовало собрать, сделать достоянием казахской литературы. От школы, основанной великим просветителем и демократом Ибраем Алтынсариным,— маленькой мазанки в два оконца — нам предстоял путь к высоким ступеням Казахской Академии наук.

У моего поколения была двойная задача: учиться и учить свой почти сплошь безграмотный народ.

Казахская степь увидела свет Октября. Древняя земля как бы обрела свою вторую молодость. А наше сознание усвоило, впитало в себя идеи, разработанные марксистской наукой. Слово Ленина было услышано и принято нами как руководство к действию.

Легко ли единым шагом переступить из эпохи в эпоху? Но мы уже знали, где обрести уверенность в собственных силах. Нам был открыт великий смысл такого понятия, как интернациональное братство.

От национальных, духовных черт своего народа никто нас не призывал отрекаться. Партия будила самосознание народов, до Октября принадлежащих к так называемым нацменьшинствам. Меры отношения друг к другу революция сделала классовыми. Русскому землепашцу, рабочему на риддерских рудниках и казахскому рудокопу или байскому батраку делить было нечего. А вот строить им предстояло одно общество — равных и свободных, а для этого предстояло трудом преображать свою родную землю, орошенную кровью борцов за Советскую власть. В единении народов крылась, как и теперь кроется, та титаническая энергия, которая привела нас к звездной высоте Байконура, к миллиарду целинного хлеба, к расцвету материальной и духовной культуры, подлинно социалистической по своему содержанию.

Десятки, сотни высших и средних учебных заведений, школы, похожие на дворцы, здравницы, дома отдыха для трудящихся, спортивные комплексы, небывалый расцвет самодеятельного, народного по духу искусства, театры, национальные киностудии — всего просто невозможно перечислить — все это отдано народу, принадлежит ему, является его достоянием.

Советский человек — говорим мы. Что стоит за его гордым именем? Творчеством своим я решаю, пытаюсь решить этот вопрос всю жизнь. Он труден, как трудна философия жизни. И одновременно прост. И тут нет никакого парадокса. Павел Корчагин — литературный герой. В нем обобщенный образ и комсомолии начала двадцатых годов, и тех, кто сегодня прокладывает стальную магистраль БАМа всесоюзной молодежной стройки. Я подчеркиваю — молодежной, вовсе не имея в виду возраст. Молодость мира ведет созидательную работу, вот о чем мне хочется сказать. Мира во имя мира, про-

гресса и гуманизма. Так еще добавлю. И это верно и точно по самому высшему смыслу. Жить во имя этого — что может быть прекрасней. И я говорю — Родина, спасибо тебе за все. Спасибо за дарованное тобой право называться советским человеком.

Вот о чем мне думалось в эти праздничные дни. Я вспоминал, с каких чуть ли не нулевых отметок мы начинали свой поход. И с волнением представлял, а что же будет завтра. Ведь теперь мы располагаем по существу неограниченными возможностями. И какие скорости набраны нами! Время, произношу я мысленно, наше время, пребудь эстафетой все возрастающих скоростей. За нами — будущее.

1974 г.

СЛОВО О БЕИМБЕТЕ МАЙЛИНЕ

При жизни Беимбет Майлин по своей феноменальной скромности не допускал и мысли, что он ежедневно, ежечасно, буквально каждым клочком своей рукописи вписывает яркую страницу в историю новой литературы своего народа. А ныне для нас имя Беимбета Майлина стоит в ряду тех высокоталантливых и высокоодаренных людей, которые с полным сознанием своего долга и призвания с самого начала своей деятельности ищут и находят свое место на поприще строительства его новой культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме выражения.

Да, это было удивительное поколение писателей, составивших поистине «могучую кучку», которая, будучи порождением нового времени, осветила дорогу другим, оказала плодотворное воздействие на дальнейшее развитие этой новой жизни.

Слово «созвездие» по отношению к людям художественного творчества применимо не в смысле того, что они механически объединяют, сливают свой свет, чтобы дать более сильное излучение.

Нет, слово «созвездие» применительно к деятелям литературы и искусства следует понимать как счастливое сочетание во времени, то есть как одновременную вспышку многих или, во всяком случае, нескольких звезд, по-своему ярко, по-своему талантливо освещающих жизнь народа с различных сторон и высот, неизмен-

но сохраняя при этом силу собственного поэтического вдохновения.

Перечисляя имена Сакена Сейфуллина, Беимбета Майлина, Ильяса Джансугурова, Мухтара Ауэзова и Сабита Муканова в сложившейся последовательности, мы ни в коей мере не должны нивелировать творческое лицо каждого из них.

Механическое соединение имен в отношении к деятелям литературы и искусства противопоказано. Противопоказано по той простой причине, что такой подход может завуалировать и перед историей, и перед читателем степень яркости каждого из них, степень воздействия на духовное развитие народа. Ибо литература, единая по своей плоти, коллективная по своим результатам, создается каждым творцом индивидуально.

Об этой в общем-то известной истине я позволил себе напомнить именно в связи с особенностями творчества и личного характера Беимбета Майлина.

Исключительно простой по своей натуре, человек редчайшей скромности и трудолюбия, он занимает особое, неповторимое место в истории нашей литературы. Он пришел в литературу, основательно поразмыслив о роли и ответственности писателя перед народом, пришел как мастер реализма и остался им до конца своей жизни.

Реализм и профессионализм в нашей прозе в подлинном смысле этих слов более, чем с кем-либо другим, связан с именем Майлина. Это он был наш первый прозаик-художник — и как непревзойденный рассказчик, и как создатель крупных форм прозы. Все мы вышли и выросли из «Памятника Шуги», созданного 60 лет тому назад.

Но Майлин был писателем-реалистом не только в прозе. Он заложил реалистические традиции и в жанре драматургии. Начав свой творческий путь традиционно, то есть как поэт, он затем создает свои лучшие произведения именно здесь — в художественной прозе и драматургии.

Современников поражало редкостное трудолюбие и работоспособность Майлина. После него осталось огромное по объему, бесценное по значимости художественное наследие. 20 лет упорного, исключительно плодотворного труда и около 15 томов бессмертных произведений — таковы в самом сжатом выражении творческая жизнь и творческое наследие этого необычайного таланта. Среди всех казахских писателей старшего

поколения Майлин был чуть ли не единственным, кто не обращался к исторической тематике, а всю силу своего таланта, все свое внимание сосредоточил на современности. В этом смысле его творчество с полным правом можно назвать летописью первых двадцати лет советской действительности на казахской земле. Без преувеличения можно сказать, что в его произведениях читатель найдет справку по любому вопросу из жизни тех лет.

Не могу не отметить с восхищением еще одну особенность в писательской деятельности Майлина — его роль и значение как учителя и наставника. Будучи универсальным мастером слова, замечательным стилистом, он с присущей ему заботливостью педагога обучал литературную молодежь художественному мастерству. Он умел искать и находить молодые таланты. Пожалуй, никто из нас, его современников, не обошелся без «рукоприкладства» Бенмбета Майлина, т. е. без вмешательства его чудодейственного редакторского пера.

Майлин был первым журналистом среди казахских писателей, первопроходцем в этом особо ответственном и активном жанре. И эти два направления в его творчестве — художественная проза и журналистика — не переходят друг в друга, а развиваются самостоятельно, находя свой естественный путь к совершенству.

Бенмбет Майлин, как выдающийся писатель социалистического реализма, оставил большое творческое наследие, с которым, я надеюсь, современный читатель хорошо знаком.

Но мне хотелось бы особо подчеркнуть то бесценно дорогое, что оставил он для пишущих братьев — скромность, чистоту рук и сердца, трудолюбие, помноженное на талант.

В заключение своего небольшого вступительного слова я еще раз хочу вернуться к мысли о месте и значении каждого писателя в литературе. Я как-то говорил, что казахская пословица «Ат туягын тай басар» (смысловой перевод —«павшего коня сможет заменить стригун») к литературному творчеству неприменима. На том стою и поныне. В литературу не приходят по пригласительным билетам и не занимают в ней места по заранее намеченному распорядку. Точно так же, как после ухода писателя из жизни на его месте не образуется вакуум. Убежден, что эта мысль не противоречит закону о

преемственности и нашим понятиям о традициях и новаторстве.

Тысячу раз был прав Гоголь, когда говорил, «что в литературным мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые».

Так же был прав Белинский, когда писал, что «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества».

Эти вещие слова с полным основанием мы можем отнести и к имени замечательного нашего писателя Беимбета Майлина, незабвенного друга, брата и учителя Би-ага, талант которого, однажды зародившись на благодатной земле целинного Кустаная, дал затем обильный урожай на плодотворной ниве всей советской литературы.

1974 г.

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

В эти майские дни, вслед за отгремевшим на весь мир празднованием славного 30-летия великой исторической победы, победы над зловещим призраком всемирного бедствия — фашизмом, на фоне грандиозного разворота панорамы завершающего года пятилетки наша страна чествует писателя. Писателя чистой совести, высокой партийной принципиальности, писателя, олицетворяющего революционный дух и гуманистическую природу всей нашей многонациональной литературы — Михаила Александровича Шолохова.

Мы сегодня собрались здесь для того, чтобы торжественно отметить семидесятилетие со дня рождения великого нашего современника, литературного светила первой величины, чародея художественного слова, живого классика, писателя номер один в современной советской, а значит — во всей прогрессивной литературе мира. Именно поэтому его чествует весь социалистический лагерь, весь прогрессивный мир.

Неоспоримо то, что в истории советской литературы самой высокой, отбрасывающей луч своего света далеко за многие десятилетия вперед, сияющей вершиной, вслед

за Максимом Горьким, выдвинул себя еще в начале своего творческого пути Михаил Шолохов. Трудно переоценить значение творчества писателя, которое рождается на наших глазах из-под волшебного пера и тут же вливается в сокровищницу мировой литературы, что несомненно будет восхищать и радовать не одно поколение земляк.

В каждом из нас сегодня живет гордое сознание того, что именно от нас, от нашей земли, прорыв себе русло мировой славы, начало свое шествие по странам и континентам половодье «Тихого Дона»— этого неповторимого явления советской литературы, одного из недосягаемых высот всей реалистической литературы XX века.

Общепризнано, что «Тихий Дон» принадлежит к числу таких произведений мировой литературы, которые, подобно могущественным горным вершинам, вырастают высоко над породившим их временем.

«Тихий Дон» законно снискал себе великую славу и право достойно представлять наш бурный век на главной магистрали художественного развития человечества.

А за «Тихим Доном» у Шолохова простираются еще необозримые дали «Поднятой целины» с неповторимым богатством характеров ее покорителей, развертываются картины боевых будней тех, кто сражался за Родину, воссоздается необычайно редкостная судьба человека.

Конечно, свидетелем и участником таких исторических событий и социальных потрясений, как Октябрьская революция, коллективизация, Великая Отечественная, Шолохов был не один. И на таланты наша многонациональная литература не так уж бедна. Но что же тогда Шолохова сделало тем, кто он на самом деле есть?

Размышление над этим отнюдь не праздным вопросом снова и снова наводит нас, деятелей литературы, на мысль о глубоком значении твердимой нашей партией формулы о связи писателя с жизнью народа, о неразрывном единстве писательских интересов с современностью.

Непоколебимая партийность, глубоко идущая своими корнями в гущу масс, в народность, ярко выраженная пролетарская классовость, помноженная на могучий шолоховский талант — вот эталон, как мне думается, для любого советского писателя.

О выдающемся значении Шолохова как художника нового типа говорили многие выдающиеся его современники. Его талант в самом истоке был признан великим

Горьким. С восхищением и признательностью говорили о нем такие выдающиеся русские советские мастера и взыскательные ценители художественного слова, как Александр Серафимович, Анатолий Луначарский, Алексей Толстой, Александр Фадеев, Леонид Леонов, Константин Федин. С благоговением перед его талантом поклонялись Ромен Роллан и Мартин Андерсен-Нексе, Лион Фейхтвангер и Герберт Уэллс, Вилли Бредель и Пабло Неруда; и сейчас не перестают поклоняться перед ним такие видные прогрессивные зарубежные деятели литературы, как Анна Зегерс и Джеймс Олдридж, Мулк Радж Ананд и Мартти Ларни, Джек Линдсей и Чарльз Сноу, Тодор Павлов и Жоржи Амаду и многие, многие другие.

Присоединяя свой голос к этому дружному хору, мы с чувством гордости отмечаем сегодня славный юбилей нашего казахского, казахстанского Шолохова!

Последняя фраза у меня вырвалась неслучайно. Шолохов хорошо знаком с произведениями Абая, Джамбула, М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мустафина и многих других писателей и поэтов Казахстана. Он по-братски следит за нормальным ростом нашей литературы.

Однажды в ресторане «Москва», увидев нас, группу казахских писателей, Шолохов буквально кинулся на нас со словами:

— Казахи мои, казахи!— Об этом я в свое время написал рассказ.

Шолохов давно облюбовал уголок в Западном Казахстане и более тридцати лет не только отдыхает там, но и, по словам очевидцев, создавал лучшие куски своих бессмертных произведений на казахской земле.

Шолохов хорошо знает историю давнишней добрососедской жизни казахов с русскими, с украинцами.

К сожалению, об этой почвенной дружбе наших народов в далеком прошлом не написано почти ничего. Был царизм, была жестокая колонизация, но была и всепобеждающая жизнь людей. Отцы наших писателей Ивана Шухова (Северный Казахстан), Дмитрия Снегина (Алма-Ата) говорили на казахском языке не хуже, чем сами казахи. В 1916 году в связи с мобилизацией казахских джигитов на тыловые работы фронта уральский казак выразил свое сочувствие своему другу Джоламану в следующем четверостишии на казахском языке:

Сен жылама, Джоламайка,
Жылады ма мен соган?

Патша оны шакырады —
Кызмет кылуга оган!

Случайно ли все это? Нет, не случайно. И не случайно на нашем съезде писателей, в 1954 г. Шолохов назвал казахский народ — великим народом.

И это вполне закономерно. На огромной территории, равной всей Европе без Англии, суметь сохранить свой язык, свою поэзию и музыку, свой миролюбивый добропорядочный облик, конечно, было делом нелегким для немногомиллионного народа.

Таким образом, мне кажется, мы вправе назвать Шолохова и казахстанским писателем!

Самое дорогое и самое бесценное для нас в юбиляре состоит в том, что он всем своим творчеством, всем своим существом, тем, что он живет и творит, каждодневно, ежечасно являет нам пример того, как жить жизнью народа и как, художественно постигая эту жизнь, создавать подлинно непреходящие эстетические ценности.

И потому мы сегодня, в день славного юбилея великого советского писателя Михаила Шолохова, от души, искренне и многократно желаем ему доброго здоровья, долгих лет жизни и новых творческих свершений.

1975 г.

РАЗДУМЬЯ

Я в тот раз намеренно выбрал поезд... А то ведь — перелетая из аэропорта в аэропорт, перекрывая намного высоту птичьего полета, можно и потерять представление о сегодняшнем облике нашего преображенного края. К тому же — любая односторонность не на пользу писателю.

Я размышлял о том, что по облику земли во многом можно определить и облик народа, владеющего ею; о том, что в такой тождественности заключено неповторимое своеобразие, и одно без другого — не познать. Наверное, прожитые годы — помимо всех своих неудобств — имеют и свое неоспоримое достоинство, и достоинство — это возможность сопоставлять не умозрительно, а на прочной основе того, что ты видел, что наблюдал, о чем думал и что чувствовал в разные годы своей жизни.

И поэтому мне — человеку, который еще застал шестипудовые с гектара урожаи на севере Казахстана — хочется сказать свое искреннее, радостное слово об урожае первого года десятой пятилетки, об урожае, какого никогда еще не пересчитывали на желтых пшеничных полях осенний ветер и беспристрастный бухгалтер.

Обо всем этом думаешь сейчас, а тогда, во время моей поездки в карагандинской степи и севернее, в Кокчетавской, Северо-Казахстанской, Кустанайской областях, хлеба и травы как бы соревновались между собой, или в рост, стояли густо и сильно. Казалось, не было здесь ни одного нераспустившегося бутона, ни одного не налившегося колоса. И чем дальше к северу, тем обильнее становились поля и сенокосные угодья, являя собой жизнерадостную картину неуемной щедрости природы, силы и величия советского человека. Зеленое море подступило к окну, волнами ходило возле полотна...

У окна я встречал рассвет, когда капли росы вспыхивали драгоценными искрами в первых лучах солнца, и легкий утренний ветер бережно, словно боясь рассыпать их, заставлял росинки светиться всеми цветами радуги. И я подумал, что таким вот радужным свечением отмечен каждый колос будущего казахстанского миллиарда!

К закату поля выглядели иначе — набравший силу ветер гонял по ним, вал за валом, тучные волны и миллиард представал не в виде блистающих колосков, отдельных, а как бы целиком, в виде бескрайнего океана, который к вечеру приобрел темно-зеленый оттенок. Да, мы обещали миллиард и с надеждой думали: мы свое обещание сдержим, осенью до краев наполнятся элеваторы...

Я смотрел на смену картин придирчиво и пристрастно, и не мог иначе, потому что это были мои родные края, и я отмечал про себя: вот здесь леса, помнится, поредели в скудные годы, когда животным не хватало кормов, лошади и коровы объедали деревья... А сейчас рощи снова оделись в пышный наряд. Сомкнулись и защитные лесопосадки по обеим сторонам железнодорожного полотна, и во многих местах нет даже характерной приметы здешнего пейзажа — щитов для снегозадержания.

В своих летних размышлениях — радостных, придирчивых, пристрастных о будущем миллиарде, я не мог не обратить внимания на обилие шлагбаумов по обе сто-

роны полотна. Поднятые к небу, они были похожи на колодезные журавли времен моей молодости. Сейчас в них упирались радиаторами десятки автомашин, они покорно ожидали, пока пройдет состав. Думаю, что самая современная электронная машина не возьмется подсчитать, сколько здесь теряется времени. Ведь с той поры, как была проложена железная дорога между Петропавловском (Кзылжаром) и Карагандой, неизмеримо увеличилось количество совхозов, районов, возрос поток автомашин, и еще неизвестно, что дороже, а что дешевле — строить на переездах путепроводы или тоннели (не знаю, я — не инженер) или же сохранять полосатые барьеры, которые искусственно сдерживают грузовой поток. А потом — жаль было и шоферов, которые, должно быть, не тихими и добрыми словами провожали наш состав, преградивший им путь.

И еще одно, правда, не о хлебе. Глядя на бесконечные перелески, которые, чем ближе к Петропавловску, тем становились чаще и гуще, и которые в наших краях зовут — колки, мне казалось, что в наш век огромных технических мощностей, нельзя забывать и о малой, так сказать, механизации. Чтобы не выражаться слишком уж научно, скажу, что подумал я просто о сенокосных машинах. Они сегодня отличаются широким захватом — в сто рук. Потому и не пройти им к большим и малым полянам, которые, как островки, таятся в лесах. Такие поляны и лощины, поросшие ракитником, остаются нетронутыми, травы жухнут и вянут на корню. Может быть, подумал я, рядом с каким-нибудь К-700 не лишним будет и небольшой трактор или при нем — сенокосилка с узкозахватными косами... Для Казахстана, который создает сельскохозяйственные машины, это не явилось бы непосильной задачей, а польза, по-моему, явная.

...А поезд шел дальше. Поезд приближался к Петропавловску.

Впоследствии, когда был подсчитан собранный урожай, выяснилось, что больше всего зерновых с гектара вырастила Северо-Казахстанская область, и это наполнило меня гордостью — меня, уроженца этих мест.

Но, пожалуй, это сообщение не могло меня удивить, потому что летом я проехал через шесть районов, видел поля многих совхозов. Хлеба стояли так густо, что, казалось, и мышь не проберется между стеблями... Глазом человека, который когда-то учился в Сибирской сельскохозяйственной академии, я отмечал чистоту по-

севов — сорняки, которые всегда норовят появиться после дождя, были уничтожены рачительными хозяевами.

Наш путь вел в совхоз «Жана-жол», который вырос на том месте, где когда-то стоял мой родной аул. Совхоз как самостоятельное хозяйство образовался лишь в прошлом году.

Здесь издавна живут люди из родов сибан и самай, канеыт и балыкбай. Почти бросовая земля на самом стыке Северо-Казахстанской и Кустанайской областей, ей как-то не придавали особого хозяйственного значения, так что за последние сорок лет эти аулы переходили из одной области в другую то ли семь, то ли восемь раз. Здесь, конечно, как и всюду, держали крупный рогатый скот, сеяли хлеб, но не было сделано выбора какой-то одной отрасли, не было специализации. Поселок не рос, и когда два с лишним года назад мы втроем — Алексей Белянинов, Гафу Каирбеков и я — приехали сюда, то в отделении «Жана-жол», состоящем из ста дворов, не нашлось, где поместиться, и мы жили в полевом вагончике.

Многие здесь, как и всюду, получили в свое время высшее образование, но в родной аул не вернулась и десятая их часть, а было таких — сто пятьдесят человек. Не было средней школы, и после восьмилетки многие родители отправляли детей в другие совхозы, в другие районы, чтобы они могли там продолжить образование.

Обо всем этом я рассказал в Политбюро ЦК КПСС. Вопрос был решен безотлагательно. В дело вступил первый секретарь Северо-Казахстанского обкома партии Василий Петрович Демиденко, и было принято решение создать совхоз, самостоятельный совхоз «Жана-жол», выделить ему землю, обеспечить техникой...

В партийных решениях последних лет часто подчеркивается,— слово и дело не должны расходиться, а слово бывает произнесенное, бывает — написанное, значит, бумага тоже должна стать делом...

В истории «Жана-жола» так и произошло. Сюда были направлены деловые, образованные, принципиальные люди — директор Жолмагамбет Айкенов, секретарь парткома Шугаип Кучербаев, главный агроном Искандер Елеусизов, у которых не было времени «на раскачку». Люди это молодые, и, что мне нравится в их поколении, они не подвержены пресловутому «казахшику»— пережиткам патриархального прошлого. Они, как мне по-

казалось в первую очередь требовательны к самим себе, а значит, могут с полным моральным основанием требовать и с других. Мне было приятно не видеть в семь, скажем, часов утра ни одного праздношатающегося на улицах, а таких, чего уж скрывать, я видел в прошлые приезды... Я почувствовал деловой настрой и в разговорах своих односельчан — механизаторов, животноводов, учителей. А в школе и малыши знали, что у них теперь — свой совхоз.

Чтобы проверить себя и свои впечатления, я разговаривал с первым секретарем райкома партии Маркеном Ахметбековым — совхоз входит в состав Джамбулского района Северо-Казахстанской области,— и он подтвердил: верно, люди стали работать лучше, почувствовали уверенность в своих силах. Такой простой пример: как известно, для новых совхозов существуют пятилетние льготы по сдаче продукции, по различным платежам... Руководство «Жана-жола» ни разу не прибегало к этим льготам. Не было надобности. А лучше сразу привыкать работать хорошо, без всяких поблажек. Минувшей весной совхоз «Жана-жол» приходил на помощь хозяйствам старшим, устоявшимся.

Как-то так сложилось, что в наших аулах девушки раньше близко не подходили к технике. К весне десять девушек в совхозе выучились и сели на тракторы. Шестеро девушек убрали и заскирдовали все сено. Они же работали и на уборке урожая. И бригадиром у них — девушка, такая миловидная, шустрая, которая по делу добьется своего хоть у главного инженера, хоть у директора. На литературном вечере в «Жана-жоле» я говорил об этих девушках — как интересно мне было с ними разговаривать, узнавать, что они думают о своей жизни, о своей работе. Я тогда пожелал им счастья, хочу сделать это и сейчас!

Я много ходил по поселку — всего лишь за год совхоз построил пятьсот домов, по одной и по две квартиры. Поспел я и к новосельям, выполнил важное поручение: вручил пять ключей пяти семьям механизаторов.

Конечно, говорили мы и о том, что дело только начинает делаться — тяжело с культурно-просветительной работой, клуб ютится в старом обветшалом здании, нет пока и средней школы. Правда, не так давно товарищ Кунаев помог жанажольцам и в этом: стены нового школьного здания уже возводятся.

Что меня удивило в этой поездке — ведь раньше, когда у нас сеяли не так уж много хлеба и невелико было поголовье скота, в «Жана-жоле» постоянно жаловались на нехватку пашен и сенокосов. А теперь, когда прироста площадей в общем-то не произошло, земли хватает. И дело здесь не только в милостях природы, дело в том, что в партийных документах называется «аграрной политикой партии на современном этапе», в повышении культуры земледелия и ведения животноводства.

...Мы ездили по полям.

От меня не могли укрыться участки, которые отнюдь не радовали глаз: вот хотя бы этот квадрат, поросший молочаем, хлеб тут явно неуютно себя чувствует.

— А здесь тоже надеетесь получить по шестнадцать центнеров?— нанес я укол самолюбию Жолмагамбета Айкенова, директора.

И мне понравилось, что этот молодой человек, очевидно, без лишних восторгов относится к совхозным достижениям, но и без чрезмерного ужаса — к недостаткам, зная, что их можно искоренить.

— Да, такие поля есть, к сожалению...— спокойно согласился он.— Здесь недоберем, недобор покроют участки высокоурожайные. А вот приезжайте на будущий год — мы таких полей больше не потерпим.

Самонадеянность молодости? Или уверенность в своих знаниях, силах и возможностях? Думаю, что — второе.

Казахстанский миллиард представляется мне горной цепью, которая появилась в степи вопреки привычным представлениям о географии. И каждая вершина в этой цепи — будь то гора, пригорок или холм — носит свое название. Хорошо, что есть и такое — «Жана-жол»... Еще первого октября молодой совхоз рапортовал о выполнении принятых обязательств.

Казахстан в нынешнем году благодарен родной земле. Земля щедростью и добром ответила на заботу, которая помогла ей накопить силы, преодолеть засуху и сделать миллиард пудов зерна исходным рубежом в достижении высоких урожаев.

«А вот приезжайте на будущий год»,— так говорил мне молодой директор совхоза.

Придется поехать.

1976 г.

БАЛЛАДА О ЖИЗНИ

В эти дни память возвращает меня на долгие годы назад — тогда, в самом начале тридцатых, еще до первого съезда писателей, я познакомился с Николаем Семеновичем Тихоновым...

И уже тогда он был известен своими упругими стихами, в которых — слово за словом, строка за строкой — возникал неповторимый ритм времени, и его имя уверенно занимало свое место в ряду тех, кто первым открывал поэзию революции, кто постиг ее душу и стал ее голосом.

А еще в двадцатые годы начальные тихоновские поэтические опыты были поддержаны Алексеем Максимовичем Горьким, который всем своим влиянием поощрял литературную молодежь, стремившуюся открыто, прямо и образно рассказать о своем времени, о себе.

Молодая советская литература на весь мир заявляла о своем существовании, показывая великие преобразования, творимые ради высоких и благородных целей — свободы, равенства, братства всех людей труда на земле. В эту литературу Николай Тихонов вошел не зеленым юнцом, а зрелым человеком, за плечами у которого были войны — мировая и гражданская, сотни верст он проделал по их дорогам в кавалерийском седле. Несмотря на молодость, у него было о чем вспомнить, над чем задуматься, выхаживая строки своих баллад в нетопленной комнатке в Петрограде... И талант, конечно, и жесткая — опять же не по возрасту зрелая требовательность к себе, все это сразу выделило его стихи из общего потока. (А стихов тогда, как, впрочем, и теперь, и всегда, писалось много).

Я могу вспомнить Тихонова в разные годы — судьба многократно сводила нас на литературных и жизненных дорогах. Но из этого множества встреч я вынес одно, пожалуй, главное и определяющее впечатление: это — какая-то его неуемная жажда познания людей и событий, жажда, которую никогда не утолишь, разносторонний творческий интерес к окружающей его действительности, стремление познать самые сокровенные и глубинные ее процессы.

Все это потом находило совершенный с точки зрения художественной формы отклик в его книгах, в стихах и в прозе — в книгах, без которых не мыслится предста-

вить себе советскую литературу на всех этапах ее развития.

Помню, как горячо и заинтересованно расспрашивал Николай Семенович о Джамбуле, чье имя только что — со страниц «Правды» — стало навсегда достоянием советского многонационального читателя.

Помню его доброжелательный интерес — как движется работа, когда Бейимбет Майлин и я писали сценарий первого казахского игрового фильма «Амангельды» в сотрудничестве с товарищем Тихонова по литературной молодости — Всеволодом Ивановым.

Сам Тихонов начинал с баллад — увиденное и пережитое просилось в строки сюжетных стихов... Но и баллада его жизни была бы неполной, если не сказать о той огромной общественной деятельности, которой всегда занимался и занимается по сей день Николай Семенович. Впрочем, тут трудно, да и вообще нельзя отрывать одно от другого — его литературу от его гражданских обязанностей.

Он унаследовал горьковскую традицию — заботиться о литературной смене, способствовать развитию литературного процесса, и на протяжении десятилетий бессменно состоит в руководстве Союзом писателей. Многие писатели — среднеазиатские, казахстанские, кавказские и закавказские — знают, как много сделал он для развития их литератур, и в этом проявился подлинный его интернационализм.

Одним из первых Николай Тихонов обратил внимание на то народное движение в мире, которое мы сегодня называем борьбой с колониализмом и неоколониализмом, и боль далекого китайского кули стала болью русского советского поэта, своим делом, кровным делом, он считал и трудную судьбу афганцев и индусов, и она — эта судьба — выстраданными словами ложилась на страницы его книг.

Эта причастность ко всему, что происходит на нашей земле, привела Николая Тихонова в ряды защитников мира, и его голос слышался всегда, когда надо было разоблачить происки врагов. И не случайно его подпись стояла первой еще под первым Стокгольмским воззванием, обращенным ко всем людям доброй воли; к их разуму и силе.

О Николае Тихонове можно сказать еще очень много — и все равно этого будет мало, будет недостаточно...

Сегодня ему восемьдесят лет. Но ведь жизнь, как настоящая баллада, никогда не кончается.

Сегодня мы отмечаем 80-летие одного из основоположников советской литературы, выдающегося советского поэта, общественного деятеля, председателя Советского комитета защиты мира Николая Семеновича Тихонова.

Сложным, драматическим и прекрасным был путь петербургского юноши, сына простых мастеровых людей, к вершинам современного искусства. Ему предстояло прорваться сквозь скучную однообразную среду ремесленников, где жили маленькими заботами, чтили семейные и церковные традиции. Видимо, реакцией на эти серые будни было страстное увлечение ярким и шумным Востоком, Индией. «Никогда я не думал, что когда-нибудь увижу своими глазами то, о чем прочитал так много. И когда я ходил по шумным улицам индийских городов в наши времена, стоял на берегу Бенгальского залива, видел знаменитые джунгли, исторические памятники прошлого величия, я не мог не вспомнить своего далекого детства»,— пишет Тихонов в автобиографии.

Ему многое довелось увидеть, потому что он был свидетелем и участником прекрасной и яростной эпохи. Он был солдатом первой мировой войны и ходил в кавалерийские атаки, прошел сквозь битвы гражданской войны. Он девятьсот дней сражался в осажденном Ленинграде.

С великолепной точностью определил истоки и своеобразие тихоновской поэзии другой замечательный советский поэт Владимир Луговской: «Через белые ночи сказочного и трагического города над Невой, через свист клинков кавалерийских атак под Ригой, через гражданскую войну и разгром Юденича, через пустыни Средней Азии, высоту Кавказских гор и красоту Кахетинских долин, через грозную и смутную предвоенную Европу, ночи Выборга и Ленинграда, через великолепие красок далеких южных и восточных стран, через великую Азию прошла мужественная и в то же время сдержанно-нежная муза Тихонова... Это была поэзия властная, новая поэзия, рожденная из войны и революции».

Николай Тихонов сразу заявил: мир праздничен, прекрасен, жесток, трагичен, он никогда не будет скучным, серым, пресным, на каждом шагу с тобой рядом волшебная страна, но не страна фей и изысканных аллегорий, а сказочная страна мужественных, смелых и суро-

вых людей. Его поэзию выковал молот мировой войны, молот Октябрьской революции.

«Мою душу кузнец закалил не вчера, студил ее долго на льду»,— говорил поэт. Отсюда и постоянная верность строгой, сдержанной интонации. Тихоновские баллады — это целая отдельная область советской поэзии, стихи о людях стремительных, исполненных решимости, не сгибающихся ни перед чем.

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтоб стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.

В этих суровых и безотказных ритмах звучал голос нового века, они и сейчас свежи, как в первый день появления на свет. Эта сила и мужественная величавость нового мира прошли через все творчество поэта несгибаемо и победно.

В творчестве Тихонова как-то удивительно переплетаются пророческая фантазия с осуществленной реальностью. В стихах «Афганская баллада», «Индия в Москве», «Индийский сон» он говорит о странах, в которых тогда еще не был, а кажется, что он личный участник всех событий, что видит и слышит самое потаенное. Когда потом, в 50-х годах, Тихонов путешествует по Афганистану, Индии, Пакистану, он пишет о них как о давно знакомых ему странах. Это удивительное свойство Тихонова.

Выдающегося поэта всегда волновал Восток. В фантастическом зеркале тихоновских стихов, его повестей и рассказов, отражалась извечная борьба Ормузда и Ахримана — доброго и злого начала древнего Востока. Он писал о Вамбери, герое и разведчике, об Энвер-паше, об убийцах двадцати шести комиссаров, Сунь Ятсене. Всю свою жизнь он чувствует могучее и трепетное сердце Востока. Это сердце во многом подсказало ему одну из благороднейших тем — тему дружбы народов. Она нашла свое отражение в цикле стихов «Два потока», в «Пакистанских рассказах», в «Рассказах горной страны», в повести «Белое чудо» и др.

А на нашем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе он находит неистребимое буйство красок, силу жизни, которые диктуют ему стихи о людях, о пахарях и пограничниках, работниках пустыни, искателях воды и строителях.

Глубокая и захватывающая нота человечности звучит в самых пышноцветных и, казалось бы, почти декоративных стихах. О людях, о людях, о людях нужно говорить — вот девиз Тихонова. Говорить, не думая о себе.

Позабыть о себе и за них побороться,
Дней кочевья принять без числа —
И в бессонную ночь на иссохшем колодце
Заметить вдруг, что молодость прошла.

Но мы знаем не только выдающегося русского советского поэта Николая Тихонова. Мы знаем Тихонова — переводчика, организатора взаимодействия советских литератур.

Подлинное открытие сокровищ многонациональной словесной культуры наших народов началось с тридцатых годов, и одним из ее первооткрывателей по праву считается Тихонов. С той поры не прекращается организованный и планомерный процесс перевода на русский язык лучших образцов классической и современной литератур народов СССР. Начало этому было положено видными русскими поэтами и прозаиками, которые группами разъехались накануне Первого Всесоюзного съезда писателей в братские республики по инициативе Максима Горького. Опыт переводческой работы Тихонова имеет всеобщее принципиальное значение для всех, кто хочет заставить поэтическое слово другого народа зазвучать на своем языке. Он сильно морщится, когда чувствует перелицовку оригинала, или когда задним ходом подгоняют оригинал к переводу. «Это подло»,— говорит он. Тихонов нашел путь к сердцам других народов, он весь в самой благородной традиции русской поэзии, в своей многогранности, в глубоком уважении к другим народам, в презрении к шовинизму, в удивительной способности поэта откликаться на песни любого народа, любой страны, любого времени.

Вспомним, как высоко и взволнованно откликнулся Николай Тихонов на послание Джамбула «Ленинградцы, дети мои!» Вспомним, с какой завидной глубиной, осведомленностью, братской приязнью писал о нас, о нашем любимом Мухтаре Ауэзове в день открытия Декады казахской литературы и искусства в декабре 1958 года. Вот некоторые выдержки из статьи того времени «Привет, дорогие друзья!»: «Подойдите к карте Казахстана. Она огромна, как целый материк, и, как у целого материка, у нее есть все свое: и высокие хребты, и бесконечные

степи, и леса, и водные пространства, подобные морям. Богатства его неисчислимы. И люди, населяющие эту советскую передовую республику, неустанно трудятся над разработкой ее естественных богатств. Ее целинные земли дали золотые россыпи хлеба, у нее свой каменный уголь, цветные металлы, нефть — все больше и больше их. Но рост людей этой сказочной страны еще удивительней. И вы хотите знать все про них, как, откуда пришли эти разбудившие степь люди? Что была у них за история? Кто был маяком для них в степной темной ночи? Возьмите книги казахских писателей. И первой — эпопею, большую, красочную, замечательную эпопею Мухтара Ауэзова о просветителе казахского народа Абае. Перед вами проходит жизнь казахского народа, вы странствуете с ним по степи, вы живете в аулах, знакомитесь с героями, которые переживают так много грустного, трудного, тяжелого. Талант Ауэзова — широкий и живописный — дал нам возможность видеть столько картин никем еще так не описанной жизни аула и степей, так любовно ввел в жизнь Абая, его переживания, надежды и думы, что Абай занял большое место в нашей памяти, и это место никто у него не отнимет».

В этой небольшой статье Николай Тихонов сумел дать точные и сжатые характеристики целого ряда произведений нашей прозы и поэзии, предсказать незаурядную судьбу тех, тогда еще молодых, писателей, которые ныне являются главной рабочей силой нашей литературы.

И эта статья Николая Тихонова имела для нас большое принципиальное значение — она укрепляла нас в наших силах, в верности наших поисков. Для нас всегда будут памятны искренние, полные внимания слова: «Мы любим ваши таланты, ваши искания, ваши достижения, просторы вашей Родины и просторы ваших вдохновений!»

В лице Николая Тихонова мы чествуем не только выдающегося поэта, деятеля культуры, но и крупнейшего общественного деятеля современности. Он — председатель Советского комитета защиты мира, член Всемирного Совета Мира. Он удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». «Борясь за мир, я могу говорить об ужасе войн людям, не испытавшим на себе их бедствия,— там, за рубежом, где иногда понятия не имеют о том, что пережили советские люди и какое мужество для спасения всего человечества от фашистского ига они проявили».

Большую и систематическую работу ведет Тихонов и на культурном фронте, будучи председателем Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры.

Не все писатели приходят к своей старости твердым шагом. Но и не у всех дрожат руки, когда хватаются за перо. Пример этому Н. Тихонов. Его мужественная поэзия проходит через сердца уже нескольких поколений послеоктябрьского периода. Но он подходит к своему 80-летию.

Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

1976 г.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Трудно и горько примириться с мыслью, что мы больше не увидим Ивана Петровича Шухова, видного советского писателя, человека большой души и щедрого таланта.

Он был певцом сибирского казачества в переломный момент его истории, ярко и правдиво рассказавшим о прошлом и сегодняшнем дне казахской степи, без которой он не мыслил себя и своей жизни. «В суровых лесах и скалах далекой Карелии, под огненным небом непокорного Сталинграда, среди первобытного величия древних Кавказских гор,— писал он,— везде и всюду вижу я вас, овеянных пороховым дымом сражений славных моих земляков...»

Уже первые романы Шухова «Горькая линия» и «Ненависть», в которых он отобразил рост революционного самосознания казахского народа, показал классовое расслоение русского казачества и жителей казахского аула, выдвинули его в ряд крупнейших русских писателей и были высоко оценены М. Горьким. «...У вас хорошее, здоровое революционное дарование, его необходимо расширить, углубить»,— писал А. М. Горький в одном из писем Шухову.

Все его творчество — это как бы единое повествование о сибирском казачестве, о его пути в революцию, о коллективизации в казачьих станицах, о борьбе с кулаками, о приобщении честных тружеников к строительству нового мира.

О колоссальных изменениях, происшедших в родном краю, рассказывают целинные очерки И. П. Шухова. В них рассыпаны точные, верные приметы времени покорения целины. С любовью, высоким художественным мастерством Шухов показывает жизнь людей, украшающих своим трудом степь.

Все, что выходило из-под пера этого мастера, было отмечено печатью высокой требовательности и взыскательности к своему творчеству. Этого же он требовал и и от своих коллег. Через все творчество, через всю жизнь Шухов пронес огромную любовь к родному Отечеству, его людям... «Нельзя служить народу, не зная его повседневных нужд и забот, его трудовых свершений и мыслей о жизни,— говорил Шухов на VI съезде писателей Казахстана.— А они, эти мысли и свершения, огромны и прекрасны, как все, что ожидается и творится в недрах народной жизни. Но нас не страшит такая почетная обязанность потому, что нет более высокого счастья, чем быть нужным своей стране хотя бы одной строкой, хотя бы одним умным, правдивым словом».

Умное, правдивое слово Ивана Петровича Шухова останется в золотом фонде нашей литературы.

1977 г.

ДА СБУДЕТСЯ ВСЕ

Как документ огромного исторического значения, обобщающий опыт строительства социализма в нашей стране, опыт великих революционных преобразований во всех сферах нашей общественной жизни, читается мною текст проекта новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Я вижу, что документ этот конкретен в анализе того, что уже достигнуто советским многонациональным народом и философски объемен в своем диалектическом динамизме. Он обращен к нам и касается каждого из нас как программа к действию. Он является вдохновляющим примером для всех революционных сил мировой системы социализма, международного рабочего движения, борцов за национальное и социальное освобождение народов.

Мне не надо напрягать воображение, чтобы представить все это. Я побывал чуть ли не на всех континентах, во многих странах мира. Встречался с разными людьми.

И с друзьями, и с недругами, и с теми, кто хотел знать о нас, чтобы понять то, чем живет советский человек, из желания постичь его стремления и идеалы.

Так вот, Основной Закон страны развитого социализма представляется мне исчерпывающим ответом на все вопросы, как, чем и во имя чего мы живем, к чему стремимся. И наши цели и средства их достижения, и наша вера, и откуда она берет свое начало — все это, как и многое другое, объяснено в лаконичных статьях проекта Конституции нашей страны.

Я — писатель. И особое внимание мною было уделено тому месту в докладе о проекте Конституции СССР, где говорится: «В Конституции заложен огромный творческий потенциал. И его надо творчески использовать».

Творчество советского писателя немыслимо без глубокого проникновения в недра жизни своего народа, без понимания и сопереживания вместе с ним всего того, что составляет главное в его судьбе, в прошлом и настоящем. Без этого невозможно увидеть образ нашего современника во всем его величии, простоте, вскрыть и отобразить все многообразие его духовной, нравственной и гражданской сути, постичь его характер. В этом плане новая Конституция представляется мне своеобразным путеводителем. Писатель — не регистратор того или иного жизненного явления. Он — разведчик, а стало быть, в его творческом снаряжении необходим компас. Разведав, ему еще предстоит исследовать то, что он обнаружил на заданном участке своего «рабочего фронта». И, наконец, как художнику создать живую картину жизни, какая она есть. Критерий этому — правда. Оценка — то мировоззрение, которое взято им на вооружение.

Мною рисуется только условная схема творческого процесса. Схема может быть и иной, но сам процесс обусловлен сложнейшими метаморфозами жизни. Все художественные достижения советской литературы, литературы социалистического реализма, так или иначе связаны с этим всеохватывающим процессом. А он как раз и сфокусирован и зримо представлен с четких партийных ленинских позиций в новой Конституции. Через него «люди еще яснее увидят, как широки и многогранны права и свободы граждан социалистического общества», те самые люди, к которым обращено (иначе оно не станет действенным) слово советского писателя. Вот что я имею в виду, говоря все это.

Когда мною писался «Солдат из Казахстана», я не пытался обходить горькие факты. Но и не мог не видеть героизма народа, величия его духа, зовущего на подвиг во имя любви к своей Родине. С той поры прошло тридцать пять лет. И каких лет! Они отражены, эти годы, в своем поступательном движении в Конституции и заставляют по-особому задуматься о времени воистину глобальных перемен, о времени, отобразить которое хоть в малой какой-то его части — долг и честь для советского писателя.

Буквально на днях на совещании, созванном правлением Союза писателей СССР, шла речь о казахской литературе, интерес к которой заметно возрастает с каждым днем не только у нас в стране, но и далеко за ее пределами. Отмечалась активизация творческой отдачи наших молодых литераторов. Читая проект Конституции, я, проживший долгую жизнь и повидавший на своем веку немало и плохого, и хорошего, с добрым чувством, без зависти к идущим мне на смену, думаю о том, как счастливо они входят в мир, который в труде и борьбе строился нами, и какое у них прекрасное будущее. О том, что я вижу сегодня, мечтали лучшие сыны моего народа. А новая Конституция страны развитого социализма указывает путь в завтра моей Родины. И я говорю: «Да, сбудется все, во имя чего были подняты знамена революции, знамена, с которыми советский народ вместе со странами социалистического содружества, со всем прогрессивным человечеством мира идет навстречу исторической дате — 60-летию Великого Октября».

1977 г.

ВЕЛИЧИЕ ПИСАТЕЛЯ, ВЕЛИЧИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В эти дни, когда мы отмечаем 80-летие со дня рождения Мухтара Омархановича Ауэзова, память возвращает меня в прошлое, и я снова и снова задумываюсь о чуде, каким всегда является рождение писателя...

...Его молодость совпала с величайшими социальными преобразованиями в казахской степи. Новое время настоятельно требовало новых форм выражения, и Мухтар Ауэзов по праву занял центральное место в «могучей кучке» основоположников казахской советской ли-

тературы, которые своим творчеством определяли ее идейное и художественное направление на долгие годы вперед. Можно без преувеличения сказать, что сегодня все представители старшего поколения наших литераторов развивались под непосредственным влиянием своих собратьев по перу, чьи имена, чьи произведения стали достоянием многонациональной советской культуры.

Я говорю об этом не только для того, чтобы отдать дань их памяти. Они, поднявшие знамя революции, знамя интернационализма, навсегда остались нашими современниками. А как молоды они были тогда, когда начинали!.. Сакен Сейфуллин, Бенмбет Майлин, Ильяс Джансугуров — ровесники, им было по двадцать три года. Мухтару — двадцать. Сабиту Муканову — семнадцать. Они — начинали, а литература, искусство создаются не за один год...

Чтобы представить себе путь, пройденный писателем Мухтаром Ауэзовым, надо, пожалуй, заглянуть в аул, где прошло его детство,— в аул Абая, где маленького Мухтара с первых шагов его жизни окружала, как мы сказали бы теперь, творческая среда. Акыны слагали здесь свои стихи, представляя их на суд аксакала поэзии. Показывали свое мастерство лучшие домбристы. Состязались в красноречии признанные острословы...

В этом ауле читали книги: Навои, Низами, Омар Хайям, Фирдоуси, становились достойными собеседниками сородичей Абая. По соседству с ним — и летом, и зимой — жил дед Мухтара — Ауэз. Для своего времени он был человеком образованным, у него дома тоже можно было найти рукописные книги аль-Фараби, Ясави, ибн-Сины, Абулгазы Бахадурхана. Любознательный мальчик рано потянулся к этим книгам, и дед научил его грамоте.

Мы знаем, что впервые стихи Абая были изданы уже после его смерти, в 1905 году в Казани. Но еще до этого Мухтар знал их наизусть, он знал и переводы из Пушкина, Лермонтова, Крылова. На всю жизнь запомнил он и самого Абая — пожилого человека с печальными глазами, который славился своей мудростью, справедливостью, доброжелательностью к людям.

Впоследствии Ауэзов учился — и в Ленинграде, и в Ташкенте, но можно смело сказать, что начинались его университеты там, на востоке нынешнего Казахстана, в ауле Абая. Там он стал писателем, еще не написав ни одной строки.

Это пришло позднее, когда ему исполнилось двадцать лет... Трагедия «Енлик — Кебек» — первое произведение молодого автора, увидевшее свет. Она была разыграна в ауле — в тот год, когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и вот уже шестьдесят лет не сходит со сцены. «Енлик — Кебек» положила основу создания в 20-е годы профессионального театра казахской драмы. Точно так же, как впоследствии ауэзовская «Айман — Шолпан» послужила началом театра музыкального.

Говоря об Ауэзове-драматурге, нельзя ограничиться только перечислением написанных им самим пьес — а пьес было немало. Его взаимоотношения со сценой, с казахской драмой напоминают мне взаимоотношения с Малым театром. В самом деле — с 1932 года и на протяжении десяти лет подряд Мухтар Омарханович вплотную занимался вопросами репертуара, и этот период в истории нашего театра я назвал бы самым значительным. В театр пришли Шекспир, Шиллер, Мольер, Лопе де Вега, Гольдони, Гоголь, Островский, Горький... Шекспира и Гоголя он переводил сам — «Отелло», «Укрощение строптивой» и «Ревизор». Здесь на помощь Ауэзову-писателю приходил Ауэзов — тонкий знаток отечественной и мировой литературы. И не случайно, конечно, по заслугам его Казахский академический театр драмы носит имя М. О. Ауэзова.

Говоря о нем в эти дни, я начал с драматургии, но ведь деятельность Ауэзова, его творчество — поистине неисчерпаемы, нам еще — не одному поколению — предстоит постигать новые и новые глубины, достигать высоты, к которым он вел нас своими книгами. Величием писателя, величием литературы стала эпопея «Путь Абая»— дело жизни художника, его вклад в мировое искусство слова.

На страницах книги ожила казахская степь со всем многоцветьем своих красок, во всем жизненном многообразии сложных человеческих отношений, и такой эта степь останется уже навсегда в сознании миллионов читателей! И не только у нас в стране... В моих зарубежных поездках мне не раз приходилось убеждаться, какое дальнее странствие по материкам и странам помог совершить Абаю Мухтар Ауэзов.

Когда-то А. М. Горький сказал, что считает книгу одним из удивительнейших чудес, созданных человечеством. «Путь Абая»— из таких книг... Писатель шел к

ее созданию всю свою жизнь, он оттачивал мастерство, постигал революционные закономерности общественного развития, и каждый его рассказ, каждая повесть вели его к главной своей книге.

А написал он немало — сейчас готовится двадцатитомное собрание сочинений М. О. Ауэзова: романы, повести, рассказы, пьесы, киносценарии, научные исследования,— все то, что мы сегодня называем его творческим наследием. Как-то он все успевал... О его вкладе в драматургию и прозу я уже говорил. Но он многое сделал и для становления казахского кинематографа. Человек широко образованный, Мухтар Омарханович блестяще вел преподавание в Казахском университете, а также читал циклы лекций в Московском университете.

Мы отмечаем его юбилей в год шестидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, от которой ведем свой отсчет времени. О тех великих преобразованиях, которые произошли на советской земле, рассказывала и рассказывает литература социалистического реализма. М. О. Ауэзов был одним из наиболее ярких ее представителей. Был?.. Нет, нельзя употреблять прошедшее время, говоря о писателе такого масштаба. А мы называем Ауэзова великим писателем, потому что ему удалось создать образ своего народа, впечатляюще рассказать о нем, поведать о сокровенных мыслях, надеждах, печалях, радостях.

Писатель ушел от нас в расцвете мудрости, в расцвете творческих сил. Мы можем сожалеть, что никогда не прочитаем, например, его романов о современности — а такие замыслы он вынашивал и уже приступил к их осуществлению... Но мы радуемся тому, что знаем его книги, которым суждена бесконечная жизнь.

1977 г.

ВЕСНА СОЗИДАНИЯ

Приход весны человек неизменно связывает с думами о хлебе. Немало имен дано крестьянину: сеятель, кормилец, пахарь, земледелец, и все они верны в своем высоком значении, ибо его труд — это человеческая судьба.

На юге страны пахари уже приступили к севу, а на

целине, на нивах Нечерноземья, Алтая идут последние приготовления к посевной.

В эти весенние дни трудящиеся моего родного Казахстана, как и других республик нашей страны, обсуждают проекты новых Конституций своих республик. Радость и гордость за великую Отчизну, за небывалые успехи, которых достигли мои земляки, наполняет сердце, когда я думаю о манифесте счастья, который примет казахский народ. И вспоминаю предсказания некоторых непрошеных «пророков», еще шестьдесят лет назад предрекавших казахской нации полное исчезновение с лица земли. Ах, горе-прорицатели!

Посмотрели бы они сегодня, как живет, как трудится казахский народ. В каждом доме — полный достаток, мои земляки, как, кстати, украинцы и армяне, латыши и киргизы, молдаване и эстонцы, имеют гарантированное Конституцией право на труд, отдых, образование, жилище!.. Они имеют главное право — подлинное право на счастье!

...Сейчас на необозримые поля Казахстана выходят мощные машины. Для меня нет ничего дороже запахов, красок земли Северного Казахстана, где без малого двадцать пять лет назад началось преображение целинных, некогда бесплодных земель.

Казахстанские миллиарды давно стали символом покоренной целины. Два года подряд — в 1972-м и 1973-м — республика засыпала в государственные закрома по миллиарду пудов хлеба, а в 1976 году Казахстан собрал рекордный урожай — миллиард 150 миллионов пудов. Но путь к хлебу никогда не бывает легким. То засуха, то проливные дожди, то черные бури — мы помним это: помним исхлестанную ветрами, сожженную немилосердно палящим солнцем степь...

На целине родились не только новая технология, новая техника, но появился новый тип пахаря, овладевший современной техникой, до тонкости понимающий землю, умеющий слышать ее. Я знаком с бригадиром из Шортандов Станиславом Ивановичем Гаврилюком. В специальной книге, ведущейся уже несколько лет, он записывает историю каждого из 16 полей бригады, заносит метеорологические данные, таблицы урожайности, севооборотов...

Крутые рубежи предстоит взять моим землякам в этом году. На только что прошедшем совещании работников сельского хозяйства Казахстана говорилось о том,

что партия и страна ждут в этом году от казахстанцев большого хлеба.

Да, мы пережили ряд трудных по погодным условиям лет. Потому у нас делается все для того, чтобы развивать земледелие высокими темпами. Нынче по стране предстоит собрать не менее 220 миллионов тонн зерна, улучшить его качество. Большую помощь страны земледельцы ощущают постоянно — недавно, например, принято постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по подготовке и проведению весенних полевых работ в 1978 году». Этот документ определяет целую систему мер по материально-техническому обеспечению наших колхозов и совхозов, усилению материального стимулирования хлеборобов.

В конце января в Тюмени прошла Всесоюзная писательская творческая конференция, посвященная большой и важной теме «Герои великих строек нашего времени и советская литература». Быть может, стоит в одном из крупнейших хозяйств страны устроить всесоюзную писательскую конференцию, чтобы поразмышлять об образе современного земледельца в советской литературе, обсудить важнейшие проблемы деревенской прозы, связей литературы и села.

...Сеятель выходит в поле. Пусть же зерна, брошенные им в землю, заколосятся тучными нивами!

1978 г.

ДОРОГОЙ МОЙ ЗЕМЛЯК И ДРУГ

Короткий звонок в прихожей. Кто бы это спозаранку? Открываю — ну, конечно, Шухов.

— Габит, курить шибко охота, а спички как на грех вышли. Дай, ради бога.

Просьба пустяковая, но выполнить ее я вовсе не спешу. С озабоченным видом ухожу в комнату, топчусь там некоторое время, потом возвращаюсь с пустыми руками:

— Нету, Иван, спичек.

— Ни одной?! Брось, есть же — по глазам вижу!

— Да у тебя-то ведь тоже нету.

— Ну! Сейчас только за простоквашей ходил. Теперь вот, язви его, опять в магазин тащиться... Ладно, запомню.

Кряхтит с досады в коридоре, сильно хлопает дверью.

Через минуту со спичками (они у меня, конечно, были) звоню к нему — в квартиру напротив.

Радуется.

— Ну и хитер ты! Разыгрываешь бесперечь. Да ладно, бог с тобой, заходи чай пить.

И сидим довольные, отводя душу, пьем дымящийся, крепкий ароматный чай — заваривать его Шухов был великий мастер,— толкуем совсем не о высоких материях: разве соседям не о чем больше поговорить?

Так частенько, под разными предлогами (а то и без них) навещали мы друг друга, лет пятнадцать живя рядышком, дверь в дверь. Если же говорить фигурально, «дверь в дверь» жили мы гораздо дольше — на протяжении десятилетий, начиная со времен нашей давней, зоревой (слово Ивана Петровича) юности. И родились, можно сказать, по соседству: он — в Пресновке, я — в ауле неподалеку от другой казачьей станицы — Пресногорьковской. И в ранние годы свои видели одни и те же широкие просторы, чистые озера да березовые перелески, дышали воздухом Северного Казахстана, настоянным на вольном степном разнотравье. Великолепно, поэтично сказано об этом у Ивана Петровича в повести о детстве с чудесным, по-шуховски простым и лиричным названием «Трава в чистом поле».

Но как бы ни были милы нам уголки земли, где мы появились на свет и сделали первые шаги, дороги жизни позвали нас вдаль, в большие шумные города, к книгам и просвещению, чтобы свести вместе — возмужавших, успевших немало узнать, повидать и кое-что сделать в литературе. Во всяком случае, Шухов был уже автором романов «Горькая линия» и «Ненависть», отмеченных А. М. Горьким и выдержавших только за два года с десяток изданий общим тиражом почти в миллион экземпляров.

К этому времени и относится первое наше личное знакомство. Правда, началось оно при не совсем благоприятных, что ли, обстоятельствах, имевших свою краткую предысторию. Не то в тридцать четвертом, не то в тридцать пятом году Шухов и Беимбет Майлин подписали с «Ленфильмом» договор на сценарий картины «Амангельды». А тут вскоре подоспела памятная дата — 15-летний юбилей Советского Казахстана. Событие это отмечалось широко, празднично, на торжества приезжал в Казахстан Михаил Иванович Калинин. В Москве

тогда же побывала казахстанская делегация, в состав ее входили видные партийные и государственные деятели республики — Л. И. Мирзоян, У. Д. Исаев, А. Т. Джангильдин и другие. На правительственном приеме, устроенном в Кремле в честь гостей, И. В. Сталин вдруг спросил, видели ли они фильм «Чапаев»,— он только что вышел на экран и сразу же завоевал огромный успех. Получив утвердительный ответ, Иосиф Виссарионович задумался, потом неожиданно сказал: «У вас, товарищи, есть свой Чапаев... это — Амангельды...»

Годом позже во время первой Декады казахской литературы и искусства в Москве, И. В. Сталин в беседе с посланцем республики, вспомнив о прошлом разговоре, поинтересовался, как обстоят дела с фильмом о «казахском Чапаеве». Они, если сказать откровенно, обстояли не ахти: работа над сценарием даже не начиналась. Правда, Майлин давно готов был приступить к делу и ждал своего напарника, но Шухов, видимо, увлеченный собственными творческими замыслами, все откладывал свой приезд. Не оказалось его и в Москве во время декады. Поэтому Майлину и мне поручили найти, взамен Ивана Петровича, другого русского соавтора.

Мы решили обратиться к Всеволоду Иванову и вдвоем отправились к нему на подмосковную дачу. Наша просьба поначалу повергла Всеволода Вячеславовича в некоторое смятение. Он говорил, что, дескать, оторвался от Казахстана, не знает, как быть... Так мы беседовали, гуляя по лесу возле писательских дач, встретили Фадеева. Рослый, подтянутый, улыбчивый, он широким приветственным жестом раскинул свои могучие руки: «О, казахи! Нынешние герои Москвы! Поздравляю! Куляш Байсеитова... 24 года... Неслыханный успех! Скоро станет народной артисткой СССР!»

Да что и говорить, настроение у всех нас было приподнятое. Однако при всем том и заботы тоже не оставляли. В конце концов Всеволод Иванов согласился сотрудничать, но при условии, что материал для сценария мы соберем сами, а уж потом приступим к совместной работе.

Сразу же после декады пришлось заново оформлять договор, и товарищеская этика обязывала нас сделать какой-то жест, ну хотя бы показаться Ивану Петровичу на глаза, чтобы совесть была спокойной. Хотелось встретиться лично и все по-дружески уладить.

Сначала путь наш пролег к месту действия будущей кинокартины — в Тургайские степи, на родину Амангельды. Нужный материал мы там собрали и, послав в Пресновку Шухову телеграмму откуда-то, кажется, из Батпаккары: «Едем к тебе, встречай», взяли курс дальше на север. Впрочем, современное «взяли курс» звучит тут скорее иронически: курс-то этот пришлось держать главным образом на перекладных.

И вот добрались мы наконец этаким манером до станицы, а Шухова на месте не застали. Дома на берегу озера, где он жил впоследствии многие годы, еще не было, и Иван Петрович той летней порой обитал, как бы сказали сейчас, в дачной местности — красивом березовом лесу, километров в восьми от Пресновки. Эти леса, или, как их там называют, колки, ковыльные степи да чистые, отражающие небо озера придают неповторимый колорит и очарование нашему общему с Иваном Петровичем родимому краю.

Каково же было наше изумление, когда, подъехав вместе с сопровождающим из Пресновки к чудесному, светлому от берез леску, увидели мы с Майлиным на опушке обыкновенную казахскую юрту, а возле нее... незадачливого нашего «компаньона». Он обрадовался, да и мы не меньше,— кончились, слава богу, многодневные мытарства,— предложил умыться с дороги и уж затем пригласил в свое летнее жилище.

День был жаркий, и, отдохнув, всей компанией мы поехали на ближайшее озерцо. Накупались вволю в чистой его, соленой, дарящей бодрость воде и двинулись обратно. Возвращаемся, видим: рядом с шуховской юртой стоят еще две такие же. Оказалось, в Пресновке наш визит не остался незамеченным, и местные власти позаботились о нас и тем самым, конечно, об Иване Петровиче.

Так быстро промелькнуло несколько легких, беззаботных дней и ночей. Пишу «ночей», потому что каждую из них засиживались мы у большого самовара за рассказами, песнями и чтением стихов чуть ли не до рассвета. Все мы были молоды, жизнерадостны, до самозабвения влюблены в литературу, поэзию, казачий и казахский фольклор и восторженно и нескончаемо делились восхищавшими нас духовными сокровищами. Но — самое примечательное: никто из нас даже и не заикнулся о договоре, о сценарии: в те дни мы как-то сразу крепко сдружились, а друзья понимают друг друга без слов...

Но вот подошел срок расставания. Простились так же сердечно, с легкой душой и добрыми шутливыми напутствиями.

Следующая встреча с Иваном Петровичем была в Алма-Ате, после его поездки в Москву. Шухов с восторгом рассказывал об Александре Александровиче Фадееве как о настоящем человеке и писателе, говорил о его обаянии и отзывчивости. Кстати, годом позже они вновь встретились, долго беседовали, и Фадеев предлагал Ивану Петровичу перебраться в Москву насовсем. То же самое советовал ему и секретарь Союза писателей РСФСР Леонид Соболев. Но Шухов, хотя его литературная слава началась именно там, в Москве, в конце концов решил все же навсегда связать свою судьбу с Казахстаном. Впрочем, и Москва, и Ленинград, и Омск, и Прибалтика, и древние среднерусские города, и, конечно, родная Пресновка занимали в уголках его щедрого открытого сердца свое, сокровенное место...

Словом, почти вся наша жизнь прошла на виду друг у друга. Вспоминать можно многое. Наша творческая, литературная дружба всегда была задушевной, бесхитростной и еще, как бы это сказать, непоказной, интимной. Даже разговаривали мы между собой на каком-то особом, понятном только нам жаргоне, так что человек посторонний подчас не мог догадаться, то ли мы бранимся, то ли любуемся друг другом. Мы постоянно поддразнивали, «заводили» один другого, но в делах серьезных ни разу в жизни не возникло между нами ни малейших разногласий.

Как-то довелось мне беседовать с первым секретарем ЦК Компартии Казахстана товарищем Д. А. Кунаевым. Динмухамед Ахмедович поинтересовался тогда, между прочим, кого можно было бы особо выделить из числа писателей республики. Я без колебаний назвал И. П. Шухова. И, чтобы не быть голословным, сказал: «Вы, Димаш Ахмедович, читающий человек. Посмотрите, «Новый мир» при Твардовском, «Простор» при Шухове. Или сопоставьте журнал «Дружба народов» до Баруздина и при нем. Вот три настоящих редактора». Под этим определяющим словом — редактор — я имел в виду многое и прежде всего высокий личный писательский авторитет, кристально чистое отношение к литературе, к гражданскому и художническому долгу.

Действительно, если говорить об Иване Петровиче, для него при оценке литературных явлений не сущест-

вовало каких бы то ни было побочных, узких, конъюнктурных соображений. Святому делу литературы служил он преданно, смело и самозабвенно. Думаю, многие молодые русские писатели Казахстана обязаны Шухову, давшему им путевку в творческую жизнь.

Что же касается меня, признаюсь: мало сказать, что более чем за сорок лет пребывания в рядах Союза писателей я был с Иваном Петровичем близок душевно и творчески. Скажу так: своей искренностью, добротой и оригинальностью он вносил, как говорили в старину, божественный дух дружества — дружбы чистой, благородной, той, что не знает ни зависти, ни корыстного расчета. Поэтому рядом и вместе с ним всегда столь хорошо дышалось и работалось. Знаю по собственному опыту, в частности, по опыту совместной нашей с Шуховым работы над полнометражными документальными фильмами о Советском Казахстане, которые в основном в сороковые и пятидесятые годы по нашим сценариям снимали в содружестве с казахстанскими кинематографистами известные московские кинорежиссеры Роман Кармен, Лидия Степанова, Леонид Кристи.

Лучше всего, пожалуй, характеризуют Шухова как писателя и человека его книги — «Горькая линия», «Пресновские страницы». В них с наибольшей полнотой отразились неповторимые черты его дарования, его духовного мира. И, отмечая, что он довольно много и плодотворно переводил на русский язык вещи казахских писателей, в том числе и мои, хочу вовсе не в упрек, а напротив — в похвалу Ивану Петровичу сказать, что, на мой взгляд, все-таки не переводная работа, а собственное, оригинальное творчество было его родной, неотъемлемой писательской стихией. Он был, что называется, писатель до мозга костей, талант милостью божьей и потому обладал счастливой способностью мыслить по-своему и только по-своему, по-шуховски, выражать эти мысли.

Более полувека вращался он в большом литературном мире, в котором был своим человеком; как член правления Союза писателей СССР и просто жадный до жизни, любознательный художник, нуждающийся в постоянном накоплении новых впечатлений, регулярно ездил в Москву, встречался со своими старыми знакомыми — Фадеевым, Соболевым, Эренбургом, Тихоновым, Шолоховым и другими виднейшими мастерами

пера. Словом, связи у него были большие, но он никогда ими не кичился.

Случалось не раз: во время значительных, союзного масштаба, литературных событий мы оказывались в столице вместе. И бывали счастливы, если гостиничные наши номера находились, как и квартиры, по соседству. Так, помню, вышло и в дни очередного писательского пленума зимой 59-го, когда снова повезло нам поселиться рядом, на одном этаже нашей любимой уютной гостиницы «Москва». Здесь же остановился тогда и Сабит Муканов.

Как-то поздним вечером втроем спустились мы в ресторан с весьма скромным намерением — утолить жажду боржоми. Дело шло к закрытию, зал опустел. И вдруг — глядим: откуда ни возьмись появляется Шолохов, а с ним — сотрудник «Правды» Кирилл Потапов. Михаил Александрович был в приподнятом настроении и, увидев нас, почти так же, как некогда Фадеев, с душой воскликнул: «Казахи мои, казахи!» Мы тоже просияли, и я про себя отметил, сколь обрадовался неожиданной этой встрече Шухов, который, я знал, очень любил «казака», свято относился ко всему, что бы ни выходило из-под его пера, и, приезжая в Москву, всякий раз перво-наперво принимался его разыскивать.

Впрочем, этот сюрприз оказался в тот вечер не единственным. Только сели все вместе за стол, заказав кое-что нашему знакомому, всепонимающему официанту, как из дальнего конца закрытого уже ресторанного зала к нам с радостными восклицаниями подошла целая группа слегка возбужденных, приветливо улыбающихся людей. Конечно же, это тоже были братья-писатели, и какие! Мирзо Турсун-заде, Гафур Гулям, Самед Вургун... Пришлось нашей солидной компании рассесться за длинным банкетным столом. И как же чудесно, весело, дружно попировали мы тогда до самой глубокой ночи! Острили, что собрался у нас «маленький президиум». В самом деле, тут был почти полный состав президиума писательского пленума!

Я сидел как раз между двумя «казаками» (так они сами называли друг друга) — Шолоховым и Шуховым — и слышал, что кто-то справился у Михаила Александровича о его творческих делах, а он вместо ответа показал на Ивана Петровича: «Вот лучше у него спросите — он сейчас в зените, пишет...» И в самом деле,

Шухов был тогда на подъеме, его прекрасные художественные очерки о целине печатались в «Правде», «Сельской жизни», других центральных газетах и журналах.

Расставаться никак не хотелось, и мы с Шолоховым и Потаповым поднялись в номер к Ивану Петровичу и только уж оттуда все вместе отправились провожать Михаила Александровича по давно знакомым, светлым от снега и огней, непривычно безлюдным московским улицам...

Об Иване Петровиче мог бы и вспоминать бесконечно. О наших встречах, поездках, о совместной литературной работе. О серьезных и шутливых беседах, взаимных дружеских розыгрышах. Только нелегкое это дело — говорить в прошедшем времени о том, кто для тебя по-настоящему близок и невосполним. Он остается в моей памяти живым — дорогой мой земляк и друг, мой милый, беспокойный сосед...

1979 г.

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

Время идет неравномерно. Оно может катиться спокойно и неприметно, словно тихая полноводная река, и стремительно мчаться, как бурлящий горный поток. Все зависит от происходящих событий, от темпов общественного развития.

Мне хочется сопоставить две знаменательные даты. В будущем году исполняется 250 лет с момента добровольного присоединения Казахстана к России, сегодня мы отмечаем 60-летие Казахской Советской Социалистической Республики. Два разных отрезка на бескрайней шкале истории. Но в моем представлении почти два дореволюционных века жизни казахской земли неизмеримо короче шести послеоктябрьских десятилетий. Вспомним: до революции всего лишь двое из каждых ста казахов умели читать и писать. Чиновники российского департамента просвещения в 1913 году пришли к выводу, что для ликвидации отсталости казахского населения потребуется несколько столетий. Они не могли даже вообразить, что пройдет всего несколько лет, и над Казахстаном, навсегда разгоняя вековую тьму, поднимется незакатное солнце социализма, а за-

битый, угнетенный народ совершит громадный шаг к вершинам прогресса.

Хочется подчеркнуть, что путь, пройденный казахским народом за шесть советских десятилетий, и сегодня с трудом укладывается в сознании многих наших современников из других стран, с которыми мне приходилось встречаться. Как случилось, спрашивают они, что кочевники, которые не имели даже своей письменности, всего при жизни одного поколения вошли в число наиболее цивилизованных наций, преодолели тяжкий груз многовековых традиций и обычаев, освободились от родовых, патриархальных, религиозных пут?

Мы, советские люди, прекрасно знаем источник этого чуда: его совершил талантливый и трудолюбивый народ, перед которым Великий Октябрь открыл самые безграничные возможности. Народ, накрепко породнившийся с братскими народами могучей социалистической державы, народ, возглавляемый партией Ленина, вдохновленный бессмертными идеями коммунизма.

Почти ровеснику двадцатого века, мне радостно сознавать, что невиданные в истории человечества перемены произошли у меня на глазах, и мне посчастливилось выступать в почетной роли участника и летописца величайших социальных, культурных и экономических преобразований. Оглядываясь назад с высот сегодняшних дней, более всего восхищаюсь я темпами. От создания казахского алфавита до образования Академии наук республики прошло немногим более трех десятилетий. Промышленности Казахстана требуется всего полдня, чтобы произвести продукцию, выпущенную здесь за весь 1920 год, а за год ее сейчас создается впятеро больше, чем за все довоенные пятилетки, вместе взятые. В 1913 году в Казахстане было издано 13 книг общим тиражом 4000 экземпляров, а ныне в республике на казахском, русском, уйгурском и других языках издается ежегодно более двух тысяч названий книг тиражом в несколько миллионов экземпляров. Разве не поражают воображение эти факты?

Один из своих романов я назвал «Пробужденный край». Действительно, дореволюционный Казахстан можно сравнить со спящим батыром, не сознающим собственных сил. Советская власть помогла моему народу как бы заново открыть землю предков, увидеть и оценить ее поистине сказочные сокровища. В многотомной географии России, изданной уже после моего

рождения, наш край охарактеризован как «Более всего богатый солью». Смешно читать про такую оценку! Недра республики богаты цветными металлами и углем, железной рудой и фосфоритами. Образно говоря, эти дары природы стали тем фундаментом, на котором воздвигнуто и продолжает быстро расти величественное здание казахстанской индустрии. А в здании этом по-хозяйски чувствуют себя дети и внуки неграмотных кочевников-скотоводов, чей кругозор был ограничен куполом юрты...

Есть у нас в народе мудрая поговорка: «Вещи рассказывают больше и лучше, чем люди, создавшие их». Для того, чтобы глубже понять величие одержанных побед, надо ближе познакомиться с «вещами», созданными казахстанцами. Я имею в виду домны Темиртау, тракторы Павлодара, величественные дворцы Алма-Аты, титановые слитки Усть-Каменогорска, фосфор Джамбула, атомный реактор Мангышлака, космодром Байконура и тысячи других наглядных свидетельств технического и научного прогресса, без которых невозможно представить сегодняшний облик республики. Речь идет и о бескрайних целинных нивах, о степных великанах-элеваторах, полных отборного зерна, о тучных отарах и садах, склоненных под тяжестью румяных яблок. К числу вещей-символов следует отнести также оперы, созданные казахскими композиторами, фильмы, поставленные нашими кинематографистами, живописные полотна и книжные тома. И хочется обратиться к близким и далеким друзьям: разглядите поближе все эти замечательные плоды человеческого труда, сравните их с тем, что было на казахстанской земле шесть десятилетий назад, и вы почувствуете высокую гордость за людей, столь старательно и пышно украшающих свой родной край, порадуетесь вместе с ними.

Все советские космические корабли стартуют с казахстанской земли, и потому, наверное, высоты, которых достигла за последнее время республика, часто сравнивают с космическими. Продолжая поэтический образ, могу добавить, что главной движущей силой, придавшей могучее ускорение этому взлету, была и остается дружба народов. Она зародилась в те давние времена, когда казахские бедняки учились у русских переселенцев хлебопашеству и одновременно брали у них первые уроки классовой солидарности. Эта дружба закалилась в огне гражданской войны, выросла и окрепла в годы первых

пятилеток. Вся страна строила легендарный Турксиб. Азербайджанские нефтяники щедро передавали свой богатый опыт эмбинским товарищам, украинские металлурги и шахтеры помогали карагандинцам. Тысячи представителей разных национальностей плечом к плечу трудились на возведении Балхашского медеплавильного, Чимкентского свинцового заводов, Зыряновского свинцового, Ащисайского и Лениногорского полиметаллических комбинатов. И многие из тех, кто приезжал протянуть казахскому народу руку братской помощи, принимали решение навсегда связать свои судьбы с нашей республикой. Казахстан становился родным домом не только для них, но и для их детей и внуков.

Неизмеримо расширились территориальные границы и для моих земляков. «Теперь казах, глядя на дворцы Ленинграда, на полноводную Неву, на дремучие северные леса, на блеск Черного моря, на сопки Дальнего Востока, с полным правом может сказать: «Это моя земля, это моя Родина. И все мое — ваше, и все ваше — мое». Эти волнующие слова взяты из письма казахстанцев воинам-фронтовикам, которое было опубликовано в «Правде» 6 февраля 1943 года. Более миллиона своих сыновей и дочерей направила наша республика для защиты социалистического Отечества в дни смертельной схватки с фашизмом, и многие из них покрыли свои имена неувядаемой славой — достаточно вспомнить подвиг 28-ми гвардейцев-панфиловцев. Самоотверженно трудились казахстанцы и в тылу, снабжая оборонную промышленность страны добротным металлом, обеспечивая фронт мясом, шерстью и другими продуктами. Свой вклад в дело борьбы с врагом вносили и литераторы, вдохновляя земляков на героические дела. На весь мир прозвучал голос старейшего акына Джамбула — о его стихотворении «Ленинградцы — дети мои!» писатель Всеволод Вишневский сказал, что оно так же ценно, как подход сильного резерва.

Еще одна ярчайшая страница проявления дружбы народов — героическая целинная эпопея.

Говорят, по карте освоенных целинных земель можно изучать географию всей страны. Здесь встречаются совхозы «Московский» и «Ленинградский», «Киевский» и «Днепропетровский», «Минский» и «Одесский»... В целинных поселках звучит казахская, русская, украинская, белорусская, молдавская речь, а малыши, питомцы детских садов, свободно разговаривают сразу

на нескольких языках. Целина стала великой школой интернационализма, а нынешние ежегодные казахстанские караваи по миллиарду пудов — лучшее свидетельство плодотворности нашей дружбы, которую никогда и никому не нарушить.

Я родился и вырос на территории нынешней Северо-Казахстанской области, а именно в этих местах развернулись первые горячие сражения за большой казахстанский хлеб.

Мне немало довелось поездить по свету. Но нигде и никогда я не испытываю такого щемящего, бередящего душу чувства, как на тех степных тропках, по которым делал когда-то первые шаги. Память ярко высвечивает картины далекого прошлого: где-то здесь неподалеку стояла убогая землянка, отапливаемая «по-черному» — в ней ютилась наша семья из семнадцати человек. На берегах этой вот речушки пас я босоногим подростком байский скот... Но далекие видения быстро бледнеют, улетают прочь — их отгоняют гул могучих «Кировцев», шелест моря из золотых колосьев, звонкие песни молодежи. В краю, где всего шесть десятков лет назад царила безысходная нужда, выросли сказочные агрогорода, животноводческие комплексы, и в каждый крестьянский дом прочно вошел достаток. Северо-Казахстанская область ежегодно сдает ныне государству примерно столько же хлеба, сколько давал весь Казахстан в доцелинный период.

Изменилась родная земля — но еще больше изменились люди. Мне часто приходится встречаться с рядовыми тружениками — механизаторами, животноводами, рабочими. И каждый раз поражаюсь эрудиции, широте взглядов своих собеседников: о политике, литературе или искусстве они судят не менее квалифицированно, чем специалисты с высшим образованием. Ничего удивительного тут нет. Даже на отдаленных горных пастбищах, к примеру, у чабанов есть транзисторные приемники, портативные телевизоры, и наш бурный, насыщенный разнообразной информацией мир каждодневно заявляет о себе и в самых глухих уголках республики. Восхищает меня и другое: неиссякаемый оптимизм, с которым мои земляки смотрят в будущее. Любой из них твердо верит, что миролюбивая внешняя политика партии надолго обеспечивает спокойное небо над нашей Родиной. Недавно мне довелось стать свидетелем стихийно возникшего айтыса — состязания певцов-

импровизаторов. Молодые люди, аккомпанируя себе на домбрах, пели о счастье жить и работать на благо Родины, рисовали искрометные картины грядущих дней. И я знал, что они не просто мечтают, а делятся вполне реальными планами и замыслами.

Сегодня на древней земле Казахстана большой и радостный праздник: отмечается 60-летие Казахской ССР и Компартии республики. К своему юбилею казахстанцы пришли в расцвете творческих сил, исполненные желания добиться новых высот в соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС, в борьбе за дальнейший расцвет нашей многонациональной любимой Родины.

1980 г.

ДВА МУХТАРА

Молодые... Я думаю о молодых писателях... до какого времени им числиться в молодых? Сколько изданных книг помогут им выйти из этого писательского возраста? А если для вступления в Союз писателей молодые принесут по четыре-пять книг? Не станем ли мы свидетелями того, что писатель, именуемый молодым, вдруг окажется седовласым старцем. А ведь не секрет, что есть и такие, кому уже за сорок, но они готовят к пятидесятилетнему юбилею избранные произведения в двух-трех томах. Существует же такой ритуал. Затем только и видишь их среди писателей старшего поколения. Подобные факты имеют место в нашей жизни.

Думается, нам следует разрушить такой стереотип мышления. Бывают шестидесятилетние писатели, в произведениях которых нет ни единого зернышка свежей мысли, и бывают двадцатипятилетние мастера пера, каждая строка которых глубоко западает в душу. Разве мы забудем, что у нас жили и творили Саттар, Касым, Баубек, Мукагали, Тулеген? Очень возможно, что многие писатели старшего поколения до сих пор сожалеют о том, что не смогли своевременно поддержать этих талантливых молодых писателей. Да, было у нас такое. К великому стыду, мы до сих пор не избавились от этого опасного недуга. И если кто-нибудь из старших скажет, что-де он не испытывает угрызения совести, горечи сожаления по поводу рано ушедших из жизни писателей,

то значит, он не имеет права называться старшим. Грош цена таким «старшим».

Что уж говорить: все пятеро обладали недюжинным природным талантом. Кто-то недопонимал их, кое-кто побаивался, но было и безудержно-упоительное их восхваление. Вся эта «мышиная возня» никак не влияла на них, не касалась их поэтической сущности.

Всех нас живущих, видимо, терзает один вопрос: с каким чувством они ушли из жизни и как нам восполнить великие потери? А каково казахской литературе пить горькую чашу? Литературе?!

Эти угнетающие размышления приводят к мысли, что нам следует лучше знать молодых талантливых людей, и знать не вообще, не поименно, а конкретно, чтобы знать и беречь.

Есть ли у нас молодые, говоря словами Чехова, с которыми радостно не только идти рядом, но и шагать за ними? Есть! И среди юношей, и среди девушек. Лишь нотки позднего сожаления вновь преследуют нас. Конечно, тут не зрение виновато, и никакие очки не помогут. Здесь следует обвинять наше равнодушие и беспечность. Я считаю своим долгом, хоть и несколько поздновато, сказать несколько слов о двух довольно зрелых, достигших определенных высот в творчестве, писателях, которых по воле судьбы все еще относят к разряду молодых.

У них одинаковое имя — Мухтар. Один из них — Мухтар Магауин, другой — Мухтар Шаханов.

Как прекрасно, что они тезки с великим Мухтаром Ауэзовым. Возможно, ниже сказанное явится ответом на вопрос,— а что бы выделил Мухтар Ауэзов в своих младших тезках. Или я вспомнил слова великого собрата по перу о моем «Козы-Корпеше», о ранних прозаических вещах? Вероятно, и то, и другое.

Итак, вначале о прозаике Мухтаре Магауине. Следует сразу подчеркнуть — время его пребывания в молодых писателях минуло несколько лет назад. Видимо, наши критики заметили это в срок, а я констатирую с опозданием. Оказалось, в рассказах и повестях, написанных им еще в шестидесятые — семидесятые годы, Магауин проявил себя как писатель со своей темой, у которого каждое слово отличается внутренне-внешним орнаментом, многозначительностью. Я полагаю, что критики, читатели, друзья, прочитав его рассказы «Любовь женщины», «Нежданная встреча», повесть «Смуглянка», от души радовались успехам М. Магауина.

В глубине души я сожалею, что не смог разделить его первые радости.

С первых шагов в литературе Мухтар Магауин доказал нам, что способен пользоваться огромными богатствами родного языка, его гибкими, редкостными, емкими, и в то же время лучезарными и нежными красками, оттенками. Также весом его вклад в развитие и обогащение казахского языка. Какие удивительные, целостные и жизнеутверждающие у него образы женщин и мужчин. С каким неподдельным и непостижимым чувством мы наблюдаем за судьбами молодых, которые с гордо поднятой головой, несгибаемо и мужественно переносят встречающиеся на пути трудности. Наряду с настоящими джигитами-рыцарями, как Салкен и Кошим в «Нежданной встрече», преданными в любви, стойкими в жизни, мягкосердечными женщинами, как Айгуль в «Смуглянке», у Магауина мы встречаем и людей другого типа — обывателей-мещан вроде Шарипа, Тулымхана, Гулжихана. Даже такие часто встречающиеся в науке и литературе люди, как доцент Бексеит, который мечтает о легкой славе и богатой наживе, а вовсе не о настоящих научных открытиях, как псевдопоэт Уакас, называющий себя непревзойденным мастером поэзии, изображены Магауином правдиво и глубоко.

Магауин большой мастер сюжетного построения произведения. У него отсутствует «прием» насильственного введения в текст лишних сюжетных коллизий. Развитие и ход событий — причины и последствия их собраны воедино. Если рассмотреть в отдельности каждый человеческий характер, то все они в какой-то мере нам знакомы и малознакомы.

К ряду особых заслуг и отличий М. Магауина надо отнести и тот факт, что многие его работы посвящены нашей послевоенной советской действительности. Произведения Магауина «густонаселены» современниками самого автора.

Думается, вышеизложенное дает основание считать, что Мухтар Магауин по праву уже десять-пятнадцать лет входит в славную плеяду видных казахских писателей. Его исторический роман-дилогия «Вешние снега» лишний раз подтверждает мою правоту. Сегодня М. Магауин занимает прочное место среди крупных казахских художников слова. Большое произведение требует соответственно большого и глубокого анализа. Не вмеши-

ваясь в права литературных исследователей и критиков, хочу кратко подытожить собственные мысли: роман «Вешние снега» стал еще одной большой гордостью казахской советской прозы. Он не вмещается в обычные рамки «хорошего произведения». Это сокровище рождено золотым пером глубокомыслящего, взыскательного, ищущего писателя, который овладел всеми богатствами родного языка.

Мухтар Магауин в любом своем произведении чувствует себя, как рыба в воде. Тематикой он никогда не мельчит; она полностью отвечает требованиям и запросам времени. Своими полновесными книгами М. Магауин дает ответы проблемам современности. Чувствуется, что он глубоко и до конца исследует избранную тему. Диву даешься, узнав в скольких архивах «копался», в каких городах побывал автор «Вешних снегов», чтобы создать роман-дилогию. Да, Мухтар Магауин, бесспорно, крупный талант.

Второй Мухтар — поэт Шаханов, получивший широкое признание в нашей многонациональной стране. Думаю, неслучайно к молодому Мухтару питают симпатии известные литературные имена нашего века (не побоюсь так их назвать), как Расул Гамзатов, Евгений Евтушенко и Чингиз Айтматов. Талант признан. Честная сила признана. Честь признана. Признаны жар души и поэтическая мощь поэта. Каждое произведение этого поэта волнует нас до глубины сердца. Каждая его строка дает пищу мыслям и чувствам. Вот вы, увлекшись, с интересом читаете стихи Мухтара... и вдруг с огорчением хмурите брови, столкнувшись с шероховатостями шахановской ритмики. Завершится ли только этим твое знакомство с поэтическим миром Мухтара? Нет, конечно. Мухтара Шаханова так не откроешь! Даже при поверхностном чтении его стихов в вашей душе ненавязчиво оседает какая-то тревога, беспокойство. Чтобы избавиться от этого неотвязного смятения, переживания, вам следует вновь вернуться к поэзии Шаханова. И тогда вы легко убедитесь: у Мухтара день вчерашний органически сплетается с днем сегодняшним. Особенно примечательны в этом плане «Элегия Отрара», «Сейхундария», «Слово отца». Может быть, другие произведения поэта окажутся менее доступны читателю. И все же советую: не читайте его стихи за вечерним чаем, или в автобусе, или на сон грядущий. Потому как М. Шаханов требует серьезного осмысленного прочтения.

Поэт Мухтар Шаханов в своем стихотворении «Теорема взаимопонимания» писал:

Три меры жизни есть — высь,
глубина,
пространство.
Непонимание их — суть, тьма и глухота!
(Перевод *Евг. Рейна*)

Поэт эти три измерения, три правила принял за путеводную нить своей поэзии. Видимо, отсюда проистекают мужественность и глубокая вера его творчества. И кто поверит, что поэт с такой программой до сих пор был причислен к молодым?

Вот за шесть дней рухнули неприступные стены Отрара, полгода мужественно и стойко отражавшие наступления врага. Мудрый и благородный правитель Отрара Каирхан с обрезанными ушами и носом стоит перед Чингисханом в ожидании смерти. Неподалеку от них юноша-предатель, открывший врагам ворота Отрара. Чингисхан подает саблю Каирхану:

— На, сам казни своего предателя. Предавший родных — предаст и нас. Нам не нужен такой змей! Руби же!— Какой позор, какое надругательство!

Но тут появляется отец предателя:

— Как мне теперь смотреть в лицо народа! Не хочу жить отцом изменника. Отруби и мою голову!— произносит честный отец. Так все трое уходят из жизни...

А вот еще один изменник хвастается перед отцом нажитым добром — шубой, золотом обшитой, которую получил от султана Баймагамбета за смерть Махамбета. Благородный отец, выслушав подлого сына, скажет:

Ты опозорил землю беззаконьем,
Отца ты ранил так,
Что уж не встать!—

и сам убивает сына.

Эти два стихотворения — не дань Истории, памяти: в них заключено многое: и священный долг перед Родиной, и чистота совести, и несгибаемая воля народа. Шаханов, воспевая «дни давно минувших» лет, сводит воедино понятия «вчера — сегодня — завтра».

И еще об одном очень важном твердит неустанная лира Мухтара — о дружбе. Надо заметить, что тема истинной дружбы насквозь пронизывает почти все произведения поэта.

О, блаженное детство, к тебе не пристанет упрек...
И звончайшему эху откликалось эхо в горах,
И Аксу разбивала волну на продрогших камнях.
Мы к волне припадали, она наполняла нам рты,
И уже подступали неведомые мечты.
Мы дружили втроем — и куда ни пойдем — с Танакоз!
С Танакоз наше детство, как ветер веселый, неслось...

(Перевод *Евг. Рейна*)

В этих замечательных строках автор выразил свое отношение к дружбе. Какая безукоризненная верность, кристальная чистота, какая высокая мечта и какой суровый приговор к тем, «кто нарушает закон степей». «Возвеличивать дружбу — считаю, долг радостный мой...»,— заметил Мухтар в этой же поэме. «О чем пишет поэт?»— может спросить иной скептик. Что ему ответить? Если настоящая поэзия движет общество к прогрессу, то это дыхание будущего. Понятие мечты зародилось вместе с Человеком! Если бы мечта, сопровождавшая Человека веками, была бескрылой, несбыточной, призрачной, то она зачахла бы в самом начале своего существования. Нет, в будущем бесклассового общества не может быть неисполнимой мечты. Однако для этого потребуются не считанные дни, а долгие века. Не следует избегать светлых мыслей, высоких целей, надо встать плечом к плечу в борьбе во имя разумного будущего. Какие упущения вы находите в воспитании нового человека? Мы ведь вплотную занялись этим вопросом. И давайте не сомневаться в том, что человек будущего не уронит святые чувства дружбы, любви, гуманизма, поэзии, артистизма. Не будем скрывать: мещанство и философия являются позором и наших дней. Эти низменные человеческие пороки тянут общество назад.

Одна из поэм М. Шаханова названа «Танакоз» и посвящена дружбе. С детских лет сверстники — Мурат и поэт дружили с одной девочкой (Танакоз). Пролетели птицей годы. И вот однажды поэт, не выдержав, поцеловал Танакоз. Мурат, оказавшись невольным свидетелем случившегося, ускакал на коне в аул. Танакоз выражает свою обиду поэту. Поэт-то не ведал, что Мурат и Танакоз любят друг друга. Дальше разыгрывается целая трагедия. Мурат уезжает из родного аула и женится на нелюбимой женщине, ибо он считает, что счастье поэта-друга выше его личного счастья. А поэт уезжает в город, и печальная Танакоз остается одна.

Вскоре с Муратом случилась роковая беда — он слу-

чайно попадает под трактор и лишается обеих ног. Теща, своенравная, жестокая женщина, увезла дочь, оставив инвалида Мурата одного. Узнав о несчастье друга, поэт, как на крыльях, примчался в аул. И что он видит: безногий Мурат читает книгу, а рядом... рядом счастливая Танакоз... Красавица Танакоз и безногий Мурат! Потрясенный увиденным, обрадованный счастьем друзей, поэт пишет:

О высокая дружба, не всем ты, однако, дана!
Будь опорой, такою, откуда вершина видна!
О великая дружба, я в вечном долгу пред тобой.
Возвеличивать дружбу — считаю, долг радостный мой...
(Перевод *Евг. Рейна*)

Мухтар Шаханов — поэт большого масштаба. В его поэзии живут все три измерения, о которых он сам писал: высь, глубина и пространство. Говоря о былых временах, о мужестве и предательстве, о духовной красоте и любви, о мудрости отцов, о дружбе и чести, он предполагает и будущее.

Наступая на пятки критикам, без обиняков, скажу об одной неточности поэта. В «Теореме взаимопонимания» есть строчки:

Непонимание — предатель и убийца,
Палач, терзающий средь тьмы и глухоты.
Костер Джордано за тобой клубится,
И суд над Галилеем — тоже ты.

Стоит ли доказывать ложность этой мысли в наше время? И все же подобные мимолетные ошибки не могут заслонить в целом поэзию Мухтара, поэзию человеколюбия.

1984 г.

КОММЕНТАРИИ

Литературно-критические статьи писателя, депутата Верховного Совета Казахской ССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии Казахской ССР Г. М. Мусрепова на русском языке в виде книги издаются впервые. Сюда в основном включены его статьи, очерки, напечатанные в газетах, журналах и сборниках, а также некоторые статьи, взятые из личного архива писателя.

О казахской художественной литературе

Это первая статья писателя о литературе, написанная на русском языке. Автор дискутирует с Габбасом Тогжановым. Г. Тогжанов (1900—1937) — казахский литературный критик, активно выступавший в 20—30-е годы.

Впервые напечатано в газете «Советская степь» (орган Казкрайкома ВКП(б), КазЦИКа и Казсовпрофа), 1929, 30 декабря.

Печатается по тексту первой публикации.

О наследии старой культуры

Статья написана в соавторстве с С. М. Каип-Назаровым, Б. Майлиным, Р. Байжарасовым, У. Турманжановым как ответ на письмо Председателя Совета Народных Комиссаров Казахской АССР О. Ж. Исаева.

Впервые напечатано в газете «Советская степь», 1932, 15 января.

Печатается по тексту первой публикации.

Ветерану казахской революционной поэзии

Написано по случаю 20-летия литературной деятельности одного из основоположников казахской советской литературы Сакена Сейфуллина (1894—1939).

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1936, 12 июля.

Печатается по тексту первой публикации.

Герой Советского Союза Абдиров Нуркен

Абдиров Нуркен (1919—1942) — Герой Советского Союза, военный летчик-штурмовик.

Впервые напечатано в газете «Қазахстанская правда», 1943, 18 июля.

Печатается по тексту первой публикации.

Айтыс возрожден

Айтыс — поэтическое соревнование акынов (импровизаторов), самый популярный в народе Казахстана и Средней Азии, самый действенный вид устного творчества, бытует с древних времен по настоящее время.

21 июня 1943 года в городе Караганда состоялся айтыс народных акынов Карагандинской области. Статья написана по случаю этого события в литературной жизни республики.

Впервые напечатано в газете «Қазахстанская правда», 1943, 15 сентября.

Печатается по тексту первой публикации.

Караганда угольная

Впервые напечатано в газете «Қазахстанская правда», 1943, ноябрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Песня — оружие

Выступление Г. М. Мусрепова на встрече писателей и акынов с горняками Караганды в 1943 году.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Величественный образ

Амангельды Иманов (1873—1919) — казахский народный герой, руководитель национально-освободительного восстания 1916 г. в Тургайской области, активный участник борьбы за победу и упрочение Советской власти в Казахстане в 1917—1919 гг.

Впервые напечатано в газете «Қазахстанская правда», 1944, 16 июня.

Печатается по тексту первой публикации.

Певец советской эпохи

Статья написана в связи со смертью народного акына, соратника великана народной поэзии Джамбула, заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Нурпеиса Байганина (1860—1945).

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда» 1945, 11 апреля.

Печатается по тексту первой публикации.

От имени всего человечества

Написано по случаю взятия Берлина Советской Армией в 1945 году.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1945, 6 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

«Песни Абая»

Написано по поводу выхода на экран художественного фильма Алма-Атинской киностудии «Песни Абая» по сценарию Мухтара Ауэзова и Григория Рошаля.

Впервые напечатано в газете «Ленинская смена», 1946, 23 февраля.

Печатается по тексту первой публикации.

Некоторые очередные задачи советской даматургии

Речь, произнесенная Г. М. Мусреповым на XII Пленуме правления Союза писателей СССР 15 декабря 1948 года в Москве.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Казахская литература на подъеме

Впервые напечатано в газете «Красная звезда», 1949, 18 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

Литературную критику — на уровень повышенных требований!

Доклад Г. М. Мусрепова на VII пленуме правления Союза писателей Казахстана, состоявшемся 5-6 апреля 1954 года в Алма-Ате.

Впервые напечатано в журнале «Советский Казахстан» (орган Союза писателей Казахстана), 1954, № 5, май.

Печатается по тексту первой публикации.

Глашатай дружбы

Написано по случаю 50-летия со дня смерти основоположника новой казахской литературы Абая Кунанбаева (1845—1904).

Впервые напечатано в газете «Труд», 1954, 24 сентября.
Печатается по тексту первой публикации.

Пора зрелости

Доклад Г. М. Мусрепова на III съезде писателей Казахстана, состоявшемся 3—8 сентября 1954 года в Алма-Ате.

Впервые напечатано в журнале «Советский Казахстан», 1954, № 11, ноябрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Я живу в Казахстане

Написано по случаю обсуждения Директив XX съезда КПСС.
Впервые напечатано в газете «Известия», 1956, 29 февраля.
Печатается по тексту первой публикации.

Благодатная осень

Впервые напечатано в газете «Правда», 1956, 21 октября.
Печатается по тексту первой публикации.

Человек степей

Впервые напечатано в газете «Известия», 1957, 22 августа.
Печатается по тексту первой публикации.

Крупнейший мастер многонациональной советской литературы

Вступительное слово, произнесенное Г. М. Мусреповым 28 сентября 1957 г. в Алма-Ате в Казахском государственном академическом театре оперы и балета им. Абая на юбилейном собрании, посвященном 60-летию со дня рождения, 40-летию писательской и 25-летию научно-педагогической деятельности крупнейшего писателя, академика АН КазССР М. О. Ауэзова (1897—1961).

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Навеки счастливо связала нас судьба

Впервые напечатано в газете «Известия», 1957, 27 октября.
Печатается по тексту первой публикации.

Моя гордость — моя республика

Написано по случаю сорокалетия Октябрьской социалистической революции.

Впервые напечатано в журнале «Огонек», 1957, № 44, 27 октября, с. 13.

Печатается по тексту первой публикации.

Наши сердца с народом

Написано по случаю созыва внеочередного XXI съезда КПСС.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1958, 13 сентября.

Печатается по тексту первой публикации.

Высокий успех декады

Заключительное слово, произнесенное Г. М. Мусреповым 21 декабря 1958 года в Москве на закрытии Декады казахской литературы и искусства.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Книги отправляются в путь

Написано во время Декады казахской литературы и искусства, которая проходила 12—21 декабря 1958 года в Москве.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Наши братья и друзья

Статья о творчестве русских писателей и поэтов, проживающих в Казахстане, написана во время Декады казахской литературы и искусства, которая проходила 12—21 декабря 1958 года в Москве.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1958, 20 декабря.

Печатается с сокращениями по тексту первой публикации.

Лучшей песни достойны они

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1959, 8 августа.

Печатается по тексту первой публикации.

Казахстан — богатая страна

Впервые напечатано в сборнике «Эпос Семилетки. Сборник публицистических статей казахстанских писателей». Алма-Ата, Казгослитиздат, 1959, стр. 20—24.

Печатается по тексту указанного сборника.

Взыскательность писателя

Написано накануне III съезда писателей СССР.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1959, 24 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

Необходимо творческое содружество

Впервые напечатано в журнале «Советский Казахстан», 1959, № 8, август.

Печатается с сокращениями по тексту первой публикации.

О состоянии и задачах казахской советской литературы

Доклад Г. М. Мусрепова на IV съезде писателей Казахстана 9 марта 1959 г. в Алма-Ате. Доклад был издан в виде отдельной брошюры в 1959 году в Алма-Ате.

Печатается с небольшими сокращениями по тексту указанной брошюры.

О тенденциях развития нашей литературы

Выступление Г. М. Мусрепова на третьем съезде писателей СССР. Опубликовано в книге «Третий съезд писателей СССР. 18—23 мая 1959 г. Стенографический отчет». Москва. «Сов. писатель», 1959, с. 158—161.

Печатается по тексту названной книги.

Большой писатель

Вступительное слово, произнесенное Г. М. Мусреповым 14 ноября 1960 г. в Алма-Ате на торжественном собрании, посвященном 60-летию со дня рождения выдающегося казахского писателя Сабита Муканова (1900—1973).

Впервые напечатано в сборнике: «Вопросы казахской филологии». Алма-Ата, Издательство АН Казахской ССР, 1964, с. 9—10.

Печатается по тексту названного сборника.

Повысить мастерство

Написано по случаю принятия новой Программы КПСС на XXII съезде КПСС.

Впервые напечатано в журнале «Простор» (орган Союза писателей Казахстана), 1961, № 9, сентябрь.

Печатается с небольшими сокращениями по тексту первой публикации.

Мечта становится явью

Отклик на решения XXII съезда КПСС.

Впервые напечатано в газете «Литература и жизнь» (Москва), 1961, 6 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Салем, Туркмения!

Написано по поводу Декады казахской литературы в Туркмении, которая проходила 18—27 декабря 1961 года.

Впервые напечатано в газете «Туркменская искра» (г. Ашхабад). 1961, 17 декабря.

Печатается по тексту первой публикации.

Прощай, Мухтар!

Речь, произнесенная во время похорон выдающегося казахского писателя М. О. Ауэзова, скончавшегося 27 июня 1961 г. в Москве.

Впервые напечатано в сборнике: «Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников». Алма-Ата, «Жазушы», 1972, с. 98—100.

Печатается по тексту указанного сборника.

О некоторых проблемах казахского киноискусства

Доклад Г. М. Мусрепова на объединенном пленуме Союза писателей и Союза работников кинематографии Казахстана 21—22 ноября 1962 г. в Алма-Ате.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1963, № 2, февраль.

Печатается с сокращениями по тексту первой публикации.

За великую литературу и искусство будущего

Доклад Г. М. Мусрепова на объединенном пленуме творческих союзов Казахстана 20—22 ноября 1961 года в Алма-Ате.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1962, № 2, февраль

Печатается с сокращениями по тексту первой публикации.

В эти исторические дни...

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1963, 25 июня.

Печатается по тексту первой публикации.

Под небом Африки

В апреле 1963 г. Г. М. Мусрепов посетил Судан и Нигерию — молодые независимые государства Африки. В этой статье он поделился с читателями журнала «Простор» впечатлениями о своей поездке в названные страны.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1963, № 6, июнь.

Печатается по тексту первой публикации.

О дальнейшем усилении взаимосвязей литератур народов СССР

Доклад Г. М. Мусрепова на расширенном заседании Секретариата Правления Союза писателей СССР 27 февраля 1964 г. в Москве.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

«Байтерек» Украины

Впервые напечатано в журнале «Коммунист Украины» (г. Киев), 1964, № 3, март.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Слово о Сакене

Написано по случаю семидесятилетия со дня рождения одного из основоположников казахской советской литературы Сакена Сейфуллина.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1964, 23 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

Здравствуй, Сакен!

Статья написана в соавторстве с писателем К. Шангитбаевым.

Рецензия на документальный фильм «Сакен Сейфуллин», созданный режиссером студии «Казахфильм» А. Нугмановым (сценарий А. Нугманова и М. Портного).

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1964, 25 сентября.

Печатается по тексту первой публикации.

В семье великой

Выступление, произнесенное Г. М. Мусреповым 9 марта 1964 года в Москве, в Большом театре на торжественном заседании,

посвященном 150-летию со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко (1814—1861).

Впервые напечатано в газете «Правда», 1964, 10 марта. А позже опубликовано в сборнике «Брат наш, друг наш». Алма-Ата, Издательство Академии наук Казахской ССР, 1964, с. 10—12.

Печатается по тексту названного сборника.

Слово от сердца

Написано по случаю Декады русской литературы и искусства в Казахстане, которая проходила 20—29 октября 1964 г.

Впервые напечатано в газете «Правда», 1964, 20 октября.

Печатается по тексту первой публикации.

Мы рады вам, русские друзья!

Написано по случаю открытия Декады русской литературы и искусства в Казахстане.

Впервые напечатано в газете «Огни Алатау», 1964, 20 октября.

Печатается с сокращениями по тексту первой публикации.

Веление времени

Написано по случаю открытия Алма-Атинской областной партийной конференции.

Впервые напечатано в газете «Огни Алатау», 1964, 19 декабря.

Печатается по тексту первой публикации.

В преддверии большого разговора

Написано по случаю поездки писателя в Японию в 1965 году.

Впервые напечатано в журнале «Дружба народов», 1965, № 9, сентябрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Поэзия должна звучать!

Написано по случаю литературного концерта заслуженного артиста Казахской ССР Ильи Яковлевича Дальского, выступившего в Алма-Ате с программой «Поэты Казахстана».

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1965, 13 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Наш Би-ага

Написано по случаю 70-летия со дня рождения одного из основоположников казахской советской литературы Бейимбета Майлина (1894—1939).

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1965, 18 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Лучше меньше, да лучше

Публицистическая статья о задачах писателей Казахстана, написанная накануне XXIII съезда КПСС.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1966, 24 марта.

Печатается по тексту первой публикации.

Свершения и планы

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1966, № 3, март.

Печатается по тексту первой публикации.

Славный сын народа

Доклад Г. М. Мусрепова на юбилейном собрании, посвященном 60-летию со дня рождения и 40-летию творческой деятельности композитора, академика АН КазССР Ахмета Куановича Жубанова (1906—1968), состоявшемся 30 мая 1966 года в Алма-Ате.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

О Такэси Кайко

Предисловие к повести японского писателя Такэси Кайко «Голый король», которая опубликована в журнале «Простор» (1966 год, № 7).

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1966, № 7, июль.

Печатается по тексту первой публикации.

Единство и ответственность

Написано по случаю чрезвычайной сессии Постоянного бюро писателей Азии и Африки, которая состоялась 19—20 июня 1966 г. в Каире.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1966, № 8, август.

Печатается по тексту первой публикации.

До новых и радостных встреч

Написано по случаю Декады армянского искусства и литературы, состоявшейся 21—28 июня 1968 г. в Казахстане.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1968, 28 июня.

Печатается по тексту первой публикации.

Мы любим его

Написано по случаю 150-летия со дня рождения великого русского писателя И. С. Тургенева (1818—1883).

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1968, 13 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Годы и степь

Отклик на новую книгу писателя Ивана Шухова (1906—1977) «Родина и чужбина» (повести, рассказы, очерки), Алма-Ата, «Жазушы», 1968.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1969, 16 марта.

Печатается по тексту первой публикации.

Слово к венгерским друзьям

Выступление Г. М. Мусрепова на открытии Декады венгерской литературы и искусства в Казахстане 17 сентября 1969, в Алма-Ате.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1969, № 11, ноябрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Он был поэтом

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1969, 8 декабря.

Печатается по тексту первой публикации.

Размышления в дороге

Впервые напечатано в журнале «Партийная жизнь Казахстана», 1970, № 7, июль.

Печатается по тексту первой публикации.

Духовное возрождение народа

Выступление Г. М. Мусрепова на объединенном пленуме творческих союзов Казахстана, посвященном 50-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана, состоявшемся 12 августа 1970 года в Алма-Ате.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Что я успел?

Написано по случаю 50-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана.

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1970, 28 августа.

Печатается по тексту первой публикации.

Несколько слов о традициях и новаторстве

Выступление Г. М. Мусрепова на IV конференции писателей стран Азии и Африки 17—20 ноября 1970 года в столице Индии — Дели.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1971, № 1, январь.

Печатается по тексту первой публикации.

Пробужденный край

Написано по случаю публикации Директив XXIII съезда КПСС.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1971, 17 февраля.

Печатается по тексту первой публикации.

Щедрость великого наследия

Написано по случаю 125-летия со дня рождения классика казахской литературы Абая Кунанбаева.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1971, № 9, сентябрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Сила человеческого гения

Выступление Г. М. Мусрепова на торжественном собрании, посвященном 150-летию со дня рождения великого русского писателя Ф. М. Достоевского (1821—1881), 11 ноября 1971 г. в Алма-Ате.

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Наедине с Достоевским

Написано по случаю стопятидесятилетия со дня рождения великого русского писателя Ф. М. Достоевского.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1971, 11 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Колокола жизни

Рецензия на повесть писателя И. П. Шухова «Колокол».

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1972, 19 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

Возмужание

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1972, 23 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Драгоценные колосья

Написано по случаю V конференции писателей стран Азии и Африки.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1973, № 8, август.

Печатается по тексту первой публикации.

Наша сила — в единстве

Написано по случаю открытия V конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате.

Впервые напечатано в газете «Казахстанская правда», 1973, 4 сентября.

Печатается по тексту первой публикации.

Литой колос целины

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1974, 14 августа.

Печатается по тексту первой публикации.

За нами будущее

Написано по случаю 57-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1974, 6 ноября.

Печатается по тексту первой публикации.

Слово о Беимбете Майлине

Вступительное слово, произнесенное Г. М. Мусреповым 3 декабря 1974 года в Алма-Ате в Академическом русском театре им. М. Ю. Лермонтова на торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения одного из основоположников казахской литературы Беимбета Майлина.

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1974, № 12, декабрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Слово о Шолохове

Выступление Г. М. Мусрепова 23 мая 1975 г. в Алма-Ате на торжественном собрании, посвященном 70-летию со дня рождения великого советского писателя М. А. Шолохова (1905—1984).

Печатается по тексту рукописи, хранящейся в архиве писателя.

Раздумья

Впервые напечатано в газете «Қазахстанская правда», 1976, 4 декабря.

Печатается по тексту первой публикации.

Баллада о жизни

Написано по случаю 80-летия со дня рождения выдающегося советского поэта Н. С. Тихонова (1896—1979).

Впервые напечатано в журнале «Простор», 1976, № 12, декабрь.

Печатается по тексту первой публикации.

Слово прощания

Отклик на смерть видного советского писателя Ивана Петровича Шухова, скончавшегося 30 апреля 1977 года в Алма-Ате.

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1977, 11 мая.

Печатается по тексту первой публикации.

Да сбудется все

Отклик на проект новой Конституции СССР.

Впервые напечатано в газете «Вечерняя Алма-Ата», 1977, 22 июня.

Печатается по тексту первой публикации.

Величие писателя, величие литературы

Написано по случаю 80-летия со дня рождения великого казахского писателя Мухтара Омархановича Ауэзова.

Впервые напечатано в газете «Огни Алатау», 1977, 23 сентября.

Печатается по тексту первой публикации.

Весна созидания

Впервые напечатано в «Литературной газете», 1978, 29 марта.

Печатается по тексту первой публикации.

Дорогой мой земляк и друг...

Воспоминания Г. М. Мусрепова о русском писателе Казахстана Иване Петровиче Шухове.

Впервые напечатано в сборнике: «Воспоминания об Иване Шухове», Алма-Ата, «Жазушы», 1979, с. 25—31.

Печатается по тексту названного сборника.

Время больших перемен

Написано по случаю 60-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана.

Впервые напечатано в газете «Правда», 1980, 29 августа.

Печатается по тексту первой публикации.

Два Мухтара

Статья написана на казахском языке. Впервые опубликована в газете «Казах адебиети», 1984, 27 июля.

Печатается по тексту, переведенному на русский язык Бигельдином Габдуллиным.

Абдулхамит НАРЫМБЕТОВ

СОДЕРЖАНИЕ

О казахской художественной литературе 5
О наследии старой культуры 9
Ветерану казахской революционной поэзии 11
Герой Советского Союза Абдиров Нуркен 12
Айтыс возрожден 17
Караганда угольная 20
Песня — оружие 23
Величественный образ 26
Певец советской эпохи 29
От имени всего человечества 31
«Песни Абая» 33
Некоторые очередные задачи советской драматургии . . 35
Казахская литература на подъеме 40
Литературную критику — на уровень повышенных требований! 45
Глашатай дружбы 62
Пора зрелости 66
Я живу в Казахстане 89
Благодатная осень 92
Человек степей 95
Крупнейший мастер многонациональной советской литературы 98
Навеки счастливо связала нас судьба 100
Моя гордость — моя республика 101
Наши сердца с народом 105
Высокий успех декады 107
Книги отправляются в путь 111
Наши братья и друзья 118
Лучшей песни достойны они 122
Казахстан — богатая страна 126
Взыскательность писателя 129
Необходимо творческое содружество 132
О состоянии и задачах казахской советской литературы . . 136
О тенденциях развития нашей литературы 163
Большой писатель 170
Повысить мастерство 171
Мечта становится явью 174
Салем, Туркмения! 176

Прощай, Мухтар! 180
За великую литературу и искусство будущего . . . 182
О некоторых проблемах казахского киноискусства . . 195
В эти исторические дни. 204
Под небом Африки. 207
О дальнейшем усилении взаимосвязей литератур народов СССР. 209
Байтерек» Украины. 227
Слово о Сакене. 233
Здравствуй, Сакен! 237
В семье великой 239
Слово от сердца. 241
Мы рады вам, русские друзья. 244
Веление времени. 249
В преддверии большого размера 250
Поэзия должна звучать! 254
Наш Би-ага 256
Лучше меньше, да лучше. 262
Свершения и планы. 263
Славный сын народа 270
О Такэси Кайко. 275
Единство и ответственность. 278
До новых и радостных встреч! 286
Мы любим его. 288
Годы и степь. 290
Слово к венгерским друзьям. 293
Он был поэтом. 295
Размышления в дороге. 300
Духовное возрождение народа 307
Что я успел? 311
Несколько слов о традициях и новаторстве 314
Пробужденный край. 318
Щедрость великого наследия. 319
Сила человеческого гения. 333
Наедине с Достоевским. 335
Колокола жизни. 336
Возмужание 339
Драгоценные колосья 342
Наша сила — в единстве. 347
Литой колос целины. 351
За нами — будущее 352
Слово о Беимбете Майлине. 354
Слово о Шолохове. 357
Раздумья 360
Баллада о жизни. 366

Слово прощания 372
Да сбудется все. 373
Величие писателя, величие литературы 375
Весна созидания 378
Дорогой мой земляк и друг. 380
Время больших перемен. 387
Два Мухтара 392
Комментарии 399

Габит Махмудович Мусрепов

ЧЕРТЫ ЭПОХИ

Составитель
Абдулхамит Кубанович Нарымбетов

Редактор *Е. Мосина.* Художник *К. Тлегенов.* Художественные редакторы *Б. Аканаев, Л. Тетенко.* Технический редактор *А. Мулкебаева.* Корректор *Д. Аханькова.*

ИБ № 3106

Сдано в набор 10.10.85. Подписано к печати 01.04.86. УГ 18114. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,8. Усл. кр.-отт. 21,8. Уч.-изд. л. 23,3. Тираж 8000 экз. Заказ № 3065. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.